ПЯТИКРАТНЫЙ ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ АГАТЫ КРИСТИ
ЗА ЛУЧШИЙ ДЕТЕКТИВ ГОДА

ЛУИЗА ПЕННИ

Долгий путь домой

Потрясающе. Пенни, как настоящий виртуоз, исполняет сложные вариации на тему ключа к разгадке, спрятанного на самом видном месте.

Publishers Weekly

Annotation

После тяжелого ранения старший инспектор Арман Гамаш выходит в отставку и переезжает жить в деревню Три Сосны. Тихая размеренная жизнь, в которой нет места преступлениям и убийствам, вполне его устраивает. Однако и здесь ему не дают покоя. Соседка обращается к нему с просьбой разыскать ее мужа, художника Питера Морроу. Он уехал, чтобы разобраться в себе и своем творчестве, но обещал вернуться ровно через год. Прошли все сроки, а от Питера нет никаких известий. Призвав на помощь своего верного помощника Бовуара, Гамаш начинает новое расследование. Ему удается выяснить, что Питер успел объездить всю Европу, побывать в самых невероятных местах, но цель этих перемещений остается непонятной. Известно лишь, что за это время им написано несколько очень странных картин. Затем беглец вернулся в Канаду, и его следы затерялись в квебекской глуши. Жив ли он? А если нет, то не стал ли жертвой преступления? *Впервые на русском языке!*

Луиза Пенни
Долгий путь домой

* * *

Посвящается Майклу, удивленному радостью

Глава первая

Приближаясь к нему, Клара Морроу спрашивала себя, повторит ли он тот маленький ритуал, который проделывал каждое утро.

Ритуал столь незначительный, столь ничтожный. Его так легко было не заметить. В первый раз.

Но почему Арман Гамаш повторял его?

Клара чувствовала себя идиоткой уже потому, что думала об этом. О чем тут вообще можно думать? Однако она знала Гамаша как человека, не склонного к таинственности, и его жест казался ей не просто малозаметным, а намеренно скрытым. Некое благое деяние, прячущееся в тень.

И при этом Арман Гамаш сидел в ярком свете нового дня на скамье, недавно сделанной Жилем Сандоном и установленной на хребте холма. Перед взором инспектора тянулись поросшие густым лесом горы, перекатывавшиеся из Квебека в Вермонт. Между горами петляла речушка Белла-Белла – серебряная ниточка в солнечных лучах.

А в долине раскинулась такая неприметная рядом с этим величием, скромная деревенька Три Сосны.

Арман не отворачивался от этого зрелища, но и не наслаждался им. Каждое утро этот крупный человек садился на деревянную скамью и склонялся над книгой. Читал.

Подойдя ближе, Клара Морроу увидела, как Гамаш сделал это снова. Он снял свои полукруглые очки, закрыл книгу и сунул в карман. Закладка, что торчала между страницами, всегда оставалась на одном месте, почти в конце книги. На месте, к которому он приближался, но так и не мог добраться.

Арман не захлопывал книгу. Он позволял ей закрыться под силой тяжести. И насколько могла судить Клара, никак не отмечал место, где остановился. Ни старым рецептом, ни железнодорожным или авиабилетом. Будто это не имело значения. Каждое утро он начинал сначала. Подбирался к закладке все ближе и ближе, но всегда останавливался прежде, чем доходил до этой страницы.

И каждое утро Арман Гамаш засовывал тоненькую книжицу в карман легкой летней куртки, прежде чем Клара успевала прочитать название.

У нее появился бзик на почве книжки Гамаша. И его поведения.

Она даже спросила у него про эту книжку – примерно неделю назад,

когда впервые подсела к нему на скамью, с которой открывался вид на старую деревню: «Хорошая книга?»

«Oui»[1], – сказал Арман Гамаш и улыбнулся, смягчая свой грубоватый ответ. Немного смягчая.

Это было все равно что получить легкий толчок от человека, который редко отваживал людей.

Нет, подумала Клара, глядя на его профиль. Он не оттолкнул ее. Напротив, позволил остаться, но сам отступил на шаг. От нее. От ее вопроса. Взял свою затрепанную книжицу и отступил.

Его послание было ясным. И Клара его поняла. Хотя это не означало, что она должна подчиниться.

Арман Гамаш окинул взглядом летний лес с его сочной зеленью и горы, катившиеся в бесконечность. Потом опустил глаза на деревню в долине, словно поставленную на ладонь древней руки. Стигмат на квебекских просторах. Но не рана, а чудо.

Каждое утро он отправлялся на прогулку со своей женой Рейн-Мари и немецкой овчаркой Анри. Гамаш швырял вперед теннисный мячик, но искать его в конечном счете приходилось либо самому Гамашу, либо Рейн-Мари, потому что Анри отвлекался то на падающий листик, то на мошку, то на голоса у него в голове. Пес кидался за мячиком, потом вдруг останавливался и смотрел куда-то в пространство, двигая гигантскими, похожими на спутниковые тарелки ушами. Будто настраивался на чье-то послание. Без напряжения, но с недоумением. Гамаш знал, что так же ведут себя люди, когда в порывах ветра улавливают любимую мелодию. Или знакомый голос, доносящийся издалека.

Наклонив голову, Анри прислушивался с глуповатым выражением на морде, пока Арман и Рейн-Мари выполняли команду «апорт».

Тихо сидя на августовском солнышке, Гамаш думал о том, что в этом мире все в порядке.

Наконец-то.

Вот только у Клары, каждое утро подсаживающейся к нему на скамью, что-то неладно.

Может быть, она замечает, как он в одиночестве поднимается сюда после ухода Рейн-Мари и Анри, и думает, что ему тоскливо одному? Хочет составить ему компанию?

Нет, вряд ли. Клара Морроу, ставшая им очень близким другом, знала Гамаша слишком хорошо, чтобы руководствоваться такими соображениями.

Нет. Она приходила сюда по каким-то своим причинам.

Любопытство Гамаша с каждым днем росло. И он почти убедил себя, что оно не имеет ничего общего со старушечьей манерой совать нос в чужие дела.

Всю свою профессиональную жизнь старший инспектор Гамаш задавал вопросы и искал ответы. И не просто ответы, а факты. Но гораздо более неуловимыми и опасными, чем факты, было то, что он искал на самом деле, – чувства. Потому что именно чувства направляли его к истине.

И если кого-то истина могла сделать свободным, то тех людей, которыми занимался Гамаш, она приводила в тюрьму. Иногда на всю жизнь.

Арман Гамаш считал себя скорее исследователем, чем охотником. Его задачей было проникнуть в суть дела. И то, что он обнаруживал, до сих пор приводило его в изумление.

Как часто он допрашивал убийц, рассчитывая встретить каменное сердце и прогнившую душу, а вместо этого находил заблудшую добродетель.

Он, конечно, все равно арестовывал их. Но готов был согласиться с сестрой Приджин[2] в том, что ни один человек не может быть так же плох, как самые худшие его деяния.

Арман Гамаш повидал в своей жизни немало плохого. Однако он видел и много хорошего. Причем зачастую в одном и том же человеке.

Он закрыл глаза и подставил лицо нежаркому утреннему солнцу. Те дни для него закончились. Теперь он сам себе хозяин. Можно отдохнуть и подумать о собственной душе.

Искать больше не нужно. Он нашел то, что искал, здесь, в Трех Соснах.

Ощутив присутствие Клары, Гамаш открыл глаза, но не повернулся к ней, а продолжил наблюдать за просыпающейся внизу маленькой деревней. Он увидел, как его друзья и новые соседи выходят из дома в свои ухоженные садики или идут через деревенский луг в бистро, чтобы позавтракать. Он увидел, как Сара открыла пекарню. Она начала работать еще до рассвета – пекла багеты, круассаны, chocolatine[3], а теперь пришло время продавать их. Сара остановилась, вытирая руки о передник, и поздоровалась с месье Беливо, который тоже открывал свой магазин. Уже несколько недель Арман Гамаш каждое утро сидел на этой скамье и наблюдал, как те же самые люди совершают те же самые действия. Деревня

жила в ритме музыкальной пьесы. Возможно, именно это и слышал Анри. Музыку Трех Сосен. Своеобразный напев, гимн, успокаивающий ритуал.

Жизнь старшего инспектора никогда не подчинялась какому-либо ритму. Каждый день был непредсказуемым, и Гамаша это вполне устраивало. Он считал, что такая жизнь отвечает его натуре. Он никогда не знал рутины. До последних месяцев.

У него были определенные опасения насчет того, что эта благодатная рутина может деградировать до банальности и превратиться в скуку. Но пока жизнь шла в другом направлении.

Повторы действовали на него благотворно. Чем крепче он становился, тем больше ценил заведенный распорядок дня, который не ограничивал его, не сажал в клетку, а, наоборот, освобождал.

Хаос выпустил на волю разные неприятные истины. Чтобы во всем разобраться, требовался покой. Сидя в этом тихом месте на ярком солнышке, Арман Гамаш наконец-то мог пристально изучить все, что упало на землю. Как недавно упал он сам.

Он ощутил у себя в кармане малый вес и объем книги.

Внизу, в деревне, Рут Зардо вышла, прихрамывая, из своего убогого дома в сопровождении утки Розы. Старуха осмотрелась и повернулась к грунтовой пыльной дороге, ведущей из деревни. Гамаш видел, как Рут переводит взгляд своих старых глаз стального оттенка все выше и выше. Наконец их глаза встретились.

Рут приветственно вскинула руку с выступающими венами. И, словно подняв флаг деревни, выставила недрогнувший средний палец.

Гамаш чуть поклонился, давая понять, что видит ее жест.

В этом мире все было в порядке.

Кроме…

Он посмотрел на растрепанную женщину, сидящую рядом с ним.

Почему Клара пришла сюда?

Клара отвернулась. Она не могла взглянуть ему в глаза, зная о том, что собирается сделать.

Она хотела сначала поговорить с Мирной. Спросить у нее совета. Но потом поняла, что это было бы попыткой переложить на другого ответственность за собственный поступок.

Впрочем, скорее уж она боялась, что Мирна ее остановит. Посоветует не делать того, что она задумала. Скажет, что это несправедливо и даже жестоко.

Клара и сама это знала. Потому-то и собиралась так долго.

Каждый день она приходила сюда с четким намерением сказать кое-что Арману. И каждый день дрейфила. Или, что более вероятно, лучшие ангелы ее души натягивали вожжи и удерживали ее. Пытались остановить.

И это срабатывало. Пока.

Каждый день она болтала с ним о пустяках, а потом уходила, исполненная решимости не являться сюда завтра. Она давала обещание себе, всем святым и ангелам, всем богам и богиням, что больше не вернется сюда.

Однако на следующее утро то ли волшебство, то ли чудо, то ли проклятие приводило ее на эту жесткую кленовую скамейку. И Клара снова смотрела на Армана Гамаша. Любопытствовала, что за тонкая книжица у него в кармане. Глядела в его задумчивые темно-карие глаза.

Он набрал вес, и слава богу. Значит, Три Сосны делали свое дело. Он здесь исцелялся. Гамаш был высок, и ему требовалась более крепкая оболочка. Не тучная, но прочная. Он теперь меньше хромал, и его походка приобрела живость. Лицо утратило серый оттенок, зато волнистые каштановые волосы почти совсем поседели. Клара подозревала, что к своим шестидесяти годам – а до этого оставалось всего ничего – он станет совсем седым.

Возраст оставил следы на его лице. Следы забот, тревог, волнений. И боли. Но самые глубокие морщины оставил смех. Вокруг глаз и рта. Радость проникла глубже всего.

Старший инспектор Гамаш. Бывший глава отдела по расследованию убийств Квебекской полиции.

И просто Арман. Ее друг. Тот, кто переехал сюда, чтобы уйти от прежней жизни, от всех этих смертей. Не прятаться от скорбей, но перестать копить их. И в этом тихом месте изучить то бремя, что давит плечи. А затем начать избавляться от него.

Как сделали все они.

Клара встала со скамьи.

Это было выше ее сил. Она не могла переложить свой груз на плечи этого человека. Ему хватало своей ноши. А она должна нести свою.

– Сегодня обедаем вместе? – спросила она. – Рейн-Мари нас приглашала. Может, даже в бридж сыграем.

Игра в бридж всегда планировалась, но дело до нее доходило редко. Они предпочитали молчать или тихо беседовать в саду за домом Гамаша, пока Мирна ходила между растениями, объясняла, какие из них сорняки, а какие – многолетники, возрождающиеся из года в год. Долгожители. И какие цветы – однолетники, которым предназначено умереть после

великолепия короткой жизни.

Гамаш поднялся на ноги, и Клара снова увидела вырезанные на спинке скамьи слова. Их не было, когда Жиль Сандон устанавливал ее. Жиль клялся и божился, что он их не вырезал. Надпись появилась сама собой, как граффити, и никто не признавался в авторстве.

Арман протянул руку. Поначалу Клара подумала, что он хочет попрощаться. На удивление официальный, завершающий жест. Потом она заметила, что Гамаш держит руку ладонью вверх.

Он ждал, что она положит свою руку в его.

Она так и сделала. Почувствовала, как мягко сомкнулись его пальцы. Посмотрела ему в глаза.

– Почему вы здесь, Клара?

Она неожиданно села и снова ощутила под собой твердое дерево скамьи, которое не столько поддерживало ее, сколько не давало упасть.

Глава вторая

– Как вы думаете, о чем они говорят?

Оливье поставил перед Рейн-Мари ее заказ: французские тосты со свежими ягодами и кленовым сиропом.

– Я бы предположила, что об астрофизике, – ответила она, глядя в его красивое лицо. – А может, о Ницше.

Оливье проследил за ее взглядом, направленным в сводчатое окно.

– Вы ведь поняли, что я спрашивал о Рут и ее утке? – сказал он.

– И я о них же, mon beau[4].

Оливье рассмеялся и пошел обслуживать других клиентов бистро.

Рейн-Мари Гамаш сидела на своем привычном месте. Она вовсе не собиралась делать это место привычным, но так уж получилось. В первые несколько недель после переезда в Три Сосны они с Арманом садились на разные места за разными столиками. И каждое место, каждый столик действительно были разными. Не просто по своему местоположению в старом бистро, но и по стилю мебели. Вся мебель была старинная, вся выставлена на продажу, о чем сообщали прикрепленные к ней ценники. Что-то было изготовлено из старой квебекской сосны, что-то принадлежало к Эдвардианской эпохе – набивные кресла с высокими «ушастыми» спинками. Тут даже можно было увидеть набор современных изделий середины двадцатого века. Изящная и удобная мебель из тикового дерева. Все это собрал Оливье и скрепя сердце терпел его партнер Габри. Терпел, пока Оливье держал свои находки в бистро и не вмешивался в управление и обстановку их маленькой гостиницы.

Оливье был стройным и аккуратным, сознательно одевался практично и удобно. Каждый предмет его гардероба должен был поддерживать его образ непринужденного, любезного и в меру благополучного хозяина. У Оливье все было в меру. Кроме Габри.

Рейн-Мари казалось странным, что, невзирая на приверженность к строгому, элегантному стилю, Оливье превратил свое бистро в пестрый образчик эклектики. Однако его заведение вовсе не производило впечатления загроможденного и не вызывало приступа клаустрофобии. Вы приходили туда как в дом поездившей по свету эксцентричной тетушки. Или дядюшки. Человека, который знал условности, но сознательно их нарушал.

В обоих концах длинного светлого зала располагались большие

каменные камины. Поленья, уложенные в них, в теплую летнюю погоду ждали осеннего похолодания, а зимой потрескивали, и язычки пламени весело плясали, прогоняя темноту и трескучий мороз. Даже сегодня Рейн-Мари ощущала в воздухе слабый привкус дымка, витавшего здесь подобно то ли призраку, то ли ангелу-хранителю.

Эркерные окна выходили на дома Трех Сосен, на сады с цветущими розами, лилейниками, клематисами и другими растениями, о которых Рейн-Мари только-только начинала узнавать. Дома стояли вокруг деревенского луга, в центре которого росли три сосны, возвышавшиеся над поселением. Три высоченных шпиля, давшие название деревне. Не какие-то обычные деревья – их посадили более двух столетий назад, чтобы люди, бежавшие от войны, сразу видели: здесь можно остановиться.

Здесь безопасно. Здесь вы найдете убежище.

Трудно было сказать, дома ли защищают деревья, или наоборот.

Прихлебывая кофе с молоком, Рейн-Мари Гамаш наблюдала за Рут и Розой, которые о чем-то болтали на скамейке в тени трех сосен. Они говорили на одном языке – безумная старая поэтесса и гуляющая вперевалочку утка. И обе, похоже, знали одну-единственную фразу: «Фак, фак, фак».

«Мы любим жизнь, – подумала Рейн-Мари, глядя на Рут и Розу, сидящих рядышком, – не потому, что мы привыкли жить, а потому, что привыкли любить».

Ницше. Как бы посмеялся над ней Арман, если бы узнал, что она цитирует Ницше, пусть даже про себя!

«Сколько раз ты поддразнивала меня, когда я цитировал кого-нибудь?» – рассмеялся бы он.

«Ни разу, дорогой. Что там говорила Эмили Дикинсон о поддразнивании?»

Он посмотрел бы на нее строго, а потом выдал бы какую-нибудь абракадабру, приписав ее Дикинсон, или Прусту, или Фреду Флинстону[5].

«Мы привыкли любить».

Наконец-то они были вместе и в безопасности. Под защитой сосен.

Взгляд Рейн-Мари неизбежно поднялся к вершине холма, к скамье, на которой тихо сидели Арман и Клара. Молча.

– Как по-вашему, о чем они молчат? – спросила Мирна.

Эта крупная чернокожая женщина удобно устроилась в старинном кресле напротив Рейн-Мари. Она пришла со своей кружкой чая из книжного магазина, расположенного за стеной, и заказала мюсли и свежевыжатый апельсиновый сок.

– Арман и Клара или Рут и Роза? – спросила Рейн-Мари.
– Ну, о чем говорят Рут и Роза, мы знаем, – заметила Мирна.
– Фак, фак, фак, – в один голос проговорили женщины и рассмеялись.
Рейн-Мари отрезала кусочек тоста и снова посмотрела на вершину холма:
– Она подсаживается к нему каждое утро. Арман тоже в недоумении.
– Вы не думаете, что она пытается его соблазнить? – спросила Мирна.
Рейн-Мари покачала головой:
– Если бы собиралась, то прихватила бы с собой багет.
– И сыр. Хороший кусочек созревшего Tentation de Laurier[6]. Такого жирного, со слезой…
– А вы не покупали у месье Беливо новый сыр Le Chevre des Neiges?[7] – спросила Рейн-Мари, сразу же забыв о муже.
– Боже, – простонала Мирна, – у него вкус цветов и свежей булочки. Прекратите. Вы что, пытаетесь меня соблазнить?
– Я? Вы первая начали.
Оливье поставил перед Мирной стакан сока и тосты.
– Мне опять придется поливать вас водой из шланга? – поинтересовался он.
– Désolé[8], Оливье, – сказала Рейн-Мари. – Это моя вина. Мы говорили о сырах.
– В приличном обществе? Отвратительно, – поморщился Оливье. – Наверняка о фотографии сыра бри на багете, из-за которой Роберт Мэпплторп[9] попал под запрет.
– На багете? – переспросила Мирна.
– Это объясняет пристрастие Габри к пище, богатой углеводами, – заметила Рейн-Мари.
– И мое пристрастие к такой пище, – добавила Мирна.
– Сейчас вернусь со шлангом, – предупредил Оливье, уходя. – И не рассчитывайте, что это эвфемизм.
Мирна намазала на толстый тост тающее масло и джем и вонзила в него зубы. Рейн-Мари тем временем отхлебнула кофе.
– Так о чем мы говорили? – спросила Мирна.
– О сырах.
– А до этого?
– О них. – Рейн-Мари кивнула в сторону мужа и Клары, молча сидевших на скамье над деревней.
Мирне было любопытно, о чем молчит эта парочка. Рейн-Мари тоже

каждый день спрашивала себя об этом.

Скамейку придумала она. Маленький дар Трем Соснам. Она попросила Жиля Сандона, столяра-краснодеревщика, сделать скамейку и установить ее на том месте. Несколько недель спустя на ней появилась надпись. Вырезанная глубоко, изящно, аккуратно.

«Это ты сделал, mon coeur?»[10] – спросила Рейн-Мари у Армана во время утренней прогулки, когда они остановились, увидев надпись.

«Non[11], – озадаченно ответил он. – Я думал, это ты попросила Жиля вырезать».

Они задавали этот вопрос многим: Кларе, Мирне, Оливье, Габри, Билли Уильямсу, Жилю. Даже Рут. Никто не знал, кто вырезал слова на скамье.

Каждый день во время прогулки они с Арманом проходили мимо этой маленькой загадки. Мимо здания старой школы, где Армана чуть не убили. Мимо леса, где убил Арман. Они оба остро ощущали это. Каждый день они разворачивались и шли назад в тихую деревню мимо этой скамьи. И мимо слов, вырезанных неизвестной рукой: «Удивленные радостью».

Клара Морроу поведала Арману Гамашу, почему она здесь. И чего хочет от него. А закончив, увидела в его задумчивых глазах то, чего боялась больше всего.

Страх.

Он появился из-за нее. Это она передала Арману собственные опасения.

Ей захотелось взять свои слова обратно. Стереть их.

– Я просто хотела, чтобы вы знали, – пробормотала она, чувствуя, что краснеет. – Мне нужно было сказать кому-нибудь. Все это… – Собственное многословие только усиливало ее отчаяние. – Я ни о чем вас не прошу. Не хочу втягивать. На самом деле это глупости. Я и сама справлюсь. Забудьте все, что я вам наговорила. – Но Кларе было ясно, что уже слишком поздно. Сказанного не вернешь. – Не берите в голову, – добавила Клара твердым голосом.

Арман улыбнулся. Улыбка коснулась самых глубоких морщинок у его глаз, и Клара с облегчением увидела, что страха в них больше нет.

– Я уже взял, Клара.

Она пошла назад вниз по склону, подставляя лицо солнцу и вдыхая теплый воздух с ароматом роз и лаванды. У луга она остановилась и повернулась. Арман снова опустился на скамью. Кларе стало любопытно,

вытащит ли он из кармана книгу, но он не стал этого делать. Он просто сидел, положив ногу на ногу, придерживая одной большой рукой другую, задумавшись и явно расслабившись. Его взгляд был устремлен куда-то за долину. На горы вдали. На внешний мир.

«Все будет хорошо», – подумала Клара и пошла домой.

Но в глубине души Клара Морроу знала, что привела в действие какие-то тайные пружины. И увидела что-то в глазах Гамаша. В самой их глубине. Она не то чтобы внедрила это туда, скорее разбудила.

Арман Гамаш приехал сюда отдохнуть. Восстановиться. Ему был обещан покой. И Клара понимала, что нарушила обещание.

Глава третья

– Звонила Анни, – сообщила Рейн-Мари, принимая из рук мужа джин с тоником. – Они немного опаздывают. Пятничные пробки на дороге из Монреаля.

– Они останутся на выходные? – спросил Арман.

Начав готовить барбекю, он вступил в сражение с месье Беливо за место у жаровни. Шансы Гамаша победить равнялись нулю, да он и не хотел побеждать, но чувствовал, что должен хотя бы изобразить видимость борьбы. Наконец он подписал капитуляцию, отдав владельцу магазина щипцы.

– Насколько мне известно, – ответила Рейн-Мари.

– Хорошо.

Что-то в его интонации зацепило ее слух, но сразу же исчезло, унесенное взрывом смеха.

– Богом клянусь, – проговорил Габри, клятвенно поднимая руку, – это дизайнерская одежда.

Он повернулся, чтобы они могли оценить его во всей красе. На нем были мешковатые слаксы и свободная рубашка цвета лайма, которая слегка колыхалась на ветру, пока он поворачивался.

– Я купил это в одном из аутлетов, когда мы в последний раз ездили в Мэн.

Габри, чей возраст приближался к сорока, а рост немного превышал шесть футов, отрастил изрядное брюшко давно: десятки тортов наполеон тому назад.

– Я не знала, что «Бенджамин Мур»[12] выпускает и одежду, – заметила Рут.

– Ой, как смешно, – фыркнул Габри. – Это, кстати, очень дорогие вещи. Разве они кажутся дешевыми? – воззвал он к Кларе.

– Они? – уточнила Рут.

– Ты комик, – сказал Габри.

– А ты гомик, – ответила Рут.

В одной руке она держала утку, а в другой – то, в чем Рейн-Мари узнала одну из своих вазочек, только наполненную виски.

Габри помог Рут снова усесться на стул.

– Тебе принести что-нибудь поесть? – спросил он. – Щенка или, может, зародыша?

– О, это было бы очень мило, дорогой, – откликнулась Рут.

Рейн-Мари прошлась между друзьями, рассыпавшимися по саду, ловя обрывки разговоров на французском и английском, а чаще на смеси двух языков.

Она поискала взглядом Армана – ее муж внимательно слушал Винсента Жильбера, который рассказывал что-то. История, по-видимому, была забавной, вероятно самоуничижительной, потому что Арман улыбался. Затем он заговорил, жестикулируя стаканом пива.

Когда он закончил, Жильберы рассмеялись, а вместе с ними и Арман. Он поймал взгляд Рейн-Мари, и его улыбка стала еще шире.

Вечер был довольно теплым, но к тому времени, когда в саду зажгутся фонари, гостям могли понадобиться легкие свитеры и куртки, которые пока висели на спинках стульев.

Люди входили и выходили из дома, словно из своего собственного, расставляя еду на длинном столе, что стоял на террасе. Вечерние барбекю по пятницам в доме Гамашей успели войти в традицию.

Впрочем, мало кто говорил «дом Гамашей». В деревне его называли (а возможно, и всегда будут называть) домом Эмили, по имени женщины, которая жила здесь когда-то и у чьих наследников Гамаши его приобрели. Хотя для Армана и Рейн-Мари этот дом был новым, на самом деле он считался одним из самых старых в деревне. Обшитый вагонкой, с широкой верандой по фасаду, выходящему на деревенский луг. А позади дома были терраса и большой заброшенный сад.

– Пакет с книгами для вас я оставила в гостиной, – сказала Мирна.

– Merci, – ответила Рейн-Мари.

Мирна налила себе белого вина и тут обратила внимание на букет в центре стола. Высокий, пышный букет из множества цветов и листьев.

Мирна решила, что, пожалуй, не стоит говорить Рейн-Мари об обилии сорняков в букете. Здесь были все обычные «подозреваемые». Пурпурный вербейник, сныть. Даже обычный полевой вьюнок, выдающий себя за ипомею.

Она много раз пропалывала клумбы с Арманом и Рейн-Мари, помогала навести порядок в мешанине растений. Ей казалось, что она четко объяснила разницу между сорняками и садовыми цветами.

Значит, потребуется еще один урок.

– Красиво, правда? – спросила Рейн-Мари, предлагая Мирне кусочек копченой форели на хлебе.

Мирна улыбнулась. Горожане, что с них взять.

Арман отошел от Жильберов и оглядел гостей, проверяя, все ли

получили то, что хотели. Его взгляд остановился на невероятной компании. Клара сидела вместе с Рут в дальнем углу сада, повернувшись спиной ко всем собравшимся.

Она не сказала ему ни слова с тех пор, как пришла сюда.

Его это не удивило. Удивило другое – решение Клары сесть рядом с Рут и ее уткой (хотя Гамашу частенько казалось, что правильнее было бы описывать эту пару как «Роза и ее человек»).

Общества Рут любой из присутствующих, включая Клару, стал бы искать по одной-единственной причине – если очень хотел, чтобы его оставили в покое. Рут была настоящей живой бомбой-вонючкой.

Правда, их уединение вскоре было нарушено. К ним подбежал Анри и уставился на утку.

То была щенячья любовь в крайнем своем проявлении. Любовь, которую Роза не разделяла. Гамаш услышал рычание. Его издала Роза. Анри крякнул.

Гамаш сделал шаг назад.

Когда Анри издавал такой звук, ничего хорошего ждать не приходилось.

Клара встала и пошла прочь. Она двигалась в сторону Гамаша, но потом изменила направление.

Вокруг Анри сгустился запах тухлых яиц, и Рут наморщила нос. Пес невинно огляделся, словно пытаясь найти источник отвратительного запаха.

Рут и Роза уставились на Анри с чувством, похожим на благоговение. Старая поэтесса сделала глубокий вдох, потом выдохнула, превращая токсичный газ в поэзию. И процитировала строки из своего знаменитого стихотворения:

Дар поднести тебе отравленный ты сам меня заставил,
Иначе не расстанешься с тобой.
А тут как подаянье нищему –
На. Только уходи скорее. С глаз долой[13].

Однако Анри, сей отважный и газообильный пес, никуда не ушел. Рут с отвращением посмотрела на него, но протянула Анри руку, чтобы лизнул.

И Анри сделал это.

Арман Гамаш отправился искать Клару. Она медленно брела к двум садовым креслам в адирондакском стиле, стоявшим рядышком на газоне.

На их широких деревянных подлокотниках за долгие годы появилось множество белесых кругов от мокрых стаканов с выпивкой. Эмили добавила к ним свои круги, а поверх них наложились круги Гамашей от утреннего кофе и дневного аперитива. Переплетение линий мирной жизни.

В саду у Клары стояли два почти таких же кресла. Они были чуть повернуты друг к другу и смотрели на бордюр из многолетников, на реку и дальний лес. И на их деревянных подлокотниках красовались такие же белесые круги.

Гамаш увидел, как Клара ухватилась за спинку кресла и оперлась на нее, прижимаясь к деревянным рейкам.

– Клара? – позвал он.

– Все хорошо.

Она лукавила. Он знал это. И она знала. Она надеялась, что, поговорив наконец с Гамашем, избавится от тревоги. Переложит часть груза на другого человека.

Но хотя она так и сделала, легче ей не стало. Напротив, ее груз удвоился. И еще раз удвоился, пока тянулся этот день. Рассказав все Гамашу, Клара сделала свой страх реальным. Придала ему форму. Выпустила его на свободу. И он стал расти.

Все подкармливало его. Запах барбекю, растрепанные цветы, поцарапанные и заляпанные старые кресла. И чертовы круги на подлокотниках. Такие же, как у нее дома.

Все, что прежде было тривиальным, знакомым, безопасным, все, что утешало, теперь казалось начиненным взрывчаткой.

– Ужин готов, Клара, – произнес Гамаш своим тихим низким голосом.

Она услышала, как шуршит трава под его ногами, и поняла, что осталась одна.

Все ее друзья собрались вокруг стола с угощением. А Клара стояла поодаль спиной к ним и смотрела на темнеющий лес.

Потом она почувствовала чье-то присутствие и увидела Гамаша, протягивающего ей тарелку.

– Присядем? – Он показал на кресла.

И Клара села. Они ели молча. Все, что требовалось сказать, уже было сказано.

Другие гости накладывали стейки и чатни себе на тарелки. Мирна продолжала улыбаться, глядя на сорняковую композицию посреди стола. Но улыбка ее угасла, когда она вдруг поняла, что композиция и в самом деле прекрасна.

Гости передавали друг другу вазы с салатом, и Сара подала месье Беливо самую большую из испеченных днем булочек, а он отплатил ей нежнейшим стейком. Они стояли, наклонившись друг к другу, почти соприкасаясь.

Оливье оставил одного из официантов старшим в бистро и присоединился к ним. Разговор, не прекращаясь, перескакивал с одной темы на другую. Солнце село, и гости начали надевать свитера и легкие летние пиджаки и куртки. На столе и повсюду в саду зажглись чайные свечи, похожие на больших светляков, утомившихся за день и присевших отдохнуть.

– После смерти Эмили, когда дом закрыли, я уже думал, что у нас здесь никогда не будет вечеринок, – сказал Габри. – Я рад, что наконец хоть в чем-то ошибся.

Анри повернул свои уши-антенны на звук знакомого имени.

Эмили.

Пожилая женщина, которая нашла его в приюте, когда он был щенком. Она принесла его домой. Она дала ему имя, любила его, вырастила, а однажды исчезла, и тогда пришли Гамаши и забрали его. Многие месяцы он ждал ее. Принюхивался, не обнаружится ли где ее запах. Поднимал уши на звук подъезжающей машины. На стук двери. Ждал, что Эмили снова его найдет. Снова спасет и отвезет домой. Но в один прекрасный день он перестал ловить звуки. Перестал ждать. Он больше не нуждался в спасении.

Анри перевел взгляд на Розу. Она тоже любила одну пожилую женщину и страшилась, что ее Рут может когда-нибудь исчезнуть, как исчезла Эмили. И тогда она останется одна. Анри смотрел на нее и смотрел, надеясь, что Роза взглянет на него и поймет, что, даже если ее опасения сбудутся, раненое сердце со временем залечится. Он хотел донести до нее, что лекарство не в злости, не в страхе, не в изоляции. Он сам их испробовал. И ничего не получалось.

Наконец Анри заполнил ту жуткую дыру единственным, что у него осталось. Тем, что ему дала Эмили. Отправляясь в долгие-долгие прогулки с Арманом и Рейн-Мари, он вспоминал свою любовь к снежкам, палочкам, катанию на спине в пахучих какашках. Свою любовь к разным временам года и их разным запахам. Свою любовь к грязи и чистой подстилке. К плаванию и остервенелому отряхиванию, когда лапы сами пускаются в пляс. К облизыванию себя, а потом – других.

И в один прекрасный день одиночество и печаль перестали занимать бóльшую часть его сердца.

Он продолжал любить Эмили, но теперь он любил также Армана и Рейн-Мари.

А они любили его.

Здесь был дом. Он снова его обрел.

– Ah, bon. Enfin[14], – проговорила Рейн-Мари, встречая на крыльце дочь Анни и зятя Жана Ги.

Возникла небольшая толкучка, когда гости стали прощаться.

Жан Ги Бовуар поздоровался и попрощался с жителями деревни и договорился с Оливье о совместной пробежке на следующее утро. Габри присоединяться к ним не пожелал, но предложил присмотреть за бистро, словно это было равноценной заменой бегу трусцой.

Бовуар подошел к Рут, и они посмотрели друг другу в глаза.

– Salut[15], старая пьяница.

– Bonjour[16], тупица.

Держа Розу, Рут подалась к Бовуару, и они расцеловались в обе щеки.

– В холодильнике розовый лимонад для тебя, – сказала она. – Это я его приготовила.

Он взглянул на ее корявые руки и понял, что открыть банку с концентратом ей было непросто.

– Когда жизнь дает тебе лимоны…[17] – начал он.

– Это тебе она дает лимоны. А мне, слава богу, виски.

Бовуар рассмеялся:

– Мне лимонад наверняка понравится.

– Что ж, Розе он тоже понравился, когда она засунула клюв в кувшин.

Рут спустилась по широким деревянным ступеням с веранды и, проигнорировав выложенную плитняком дорожку, двинулась через лужайку по короткой тропинке, протоптанной в траве между домами.

Жан Ги дождался, пока Рут захлопнет за собой дверь, и только после этого потащил в дом сумки.

Был одиннадцатый час, и все гости уже ушли. Гамаш соорудил из остатков ужин для дочери и зятя.

– Как работа? – спросил он у Жана Ги.

– Неплохо, patron.

Бовуар так и не смог заставить себя называть тестя Арманом. Или папой. Обращение «старший инспектор» было неуместно после отставки Гамаша, к тому же звучало слишком официально. А потому Жан Ги остановился на patron. Босс. Словечко было уважительным и в то же время

неформальным. Удивительно точным.

Да, Арман Гамаш – отец Анни, но для Бовуара он всегда будет patron.

Они поговорили о деле, над которым работал Бовуар. Жан Ги искал признаки того, что шеф интересуется не просто так. Что у него возникло желание вернуться в отдел Квебекской полиции, который он создал. Но Гамаш был всего лишь вежлив, и больше ничего.

Жан Ги налил себе и Анни розового лимонада, проверив, не плавают ли в нем утиные перья.

Они вчетвером уселись на задней террасе, под звездами, любуясь огоньками свечей в саду. Когда с обедом и мытьем посуды было покончено и они приступили к кофе, Гамаш обратился к Жану Ги:

– Можно тебя на несколько минут?

– Конечно.

Он прошел за тестем в дом.

Рейн-Мари увидела, как медленно закрылась дверь кабинета. Раздался щелчок замка.

– Мама, это что?

Анни проследила за взглядом Рейн-Мари, уткнувшимся в закрытую дверь, потом посмотрела на застывшее в улыбке лицо матери.

«Вот оно», – подумала Рейн-Мари. Та самая малозаметная интонация, которую она уловила в голосе мужа, когда он узнал, что Анни и Жан Ги приезжают сегодня. Это была не просто радость от предстоящей встречи с дочерью и зятем.

Она слишком часто видела закрытую дверь у себя в доме, чтобы не понимать, что это значит. Она – с одной стороны двери, Арман и Жан Ги – с другой.

Рейн-Мари всегда знала, что этот день наступит. С того времени, как они распаковали первую коробку и провели здесь первую ночь. С самого первого утра, когда она проснулась рядом с Арманом без страха перед тем, что готовит грядущее.

Она знала, что этот день наступит. Но думала, надеялась, молилась, чтобы не слишком быстро.

– Мама?

Глава четвертая

Мирна подергала ручку, но дверь оказалась запертой.

– Клара? – позвала она и постучалась.

Редко кто из них запирал двери, хотя опыт и говорил им, что в этом есть резон. Но жители деревни знали, что безопасность в их доме обеспечивает вовсе не замок. И если беда придет, то не из-за открытой двери.

Однако сегодня Клара заперлась на задвижку. «Чего она боится?» – с недоумением подумала Мирна.

– Клара?

Мирна постучалась еще раз.

Чего опасается Клара? Кого не хочет впускать?

Дверь распахнулась, и, увидев лицо подруги, Мирна получила ответ.

Ее. Клара не хотела впускать ее.

Ну что ж, из этого ничего не получилось. Мирна продефилировала в кухню, такую же знакомую, как и ее собственная.

Она поставила чайник и достала две кружки. Опустила в них пакетики травяного чая. Ромашку для Клары, мяту для себя. Потом взглянула в расстроенное лицо подруги:

– Что случилось? Что с тобой происходит, черт побери?

Жан Ги Бовуар уселся в удобное кресло и посмотрел на шефа. Гамаши переделали одну из спален первого этажа в гостиную, и Жиль Сандон соорудил книжные стеллажи по всем стенам и даже вокруг окон и дверного косяка, так что гостиная превратилась в этакий книжный домик.

За спиной шефа стояли биографии, книги по истории, научные издания. Художественная литература и публицистика. А толстенный том об экспедиции Франклина, казалось, выскочил прямо из головы Гамаша.

Они поболтали несколько минут, но не как тесть и зять, а как товарищи. Как выжившие в одной и той же катастрофе.

– Жан Ги с каждым разом выглядит все лучше, – сказала Рейн-Мари.

Она ощущала запах мятного отвара, который пила ее дочь, и слышала, как мотылек бьется о стекло лампы на крыльце, трепеща крылышками.

Две женщины переместились на веранду, Анни села на качели, а Рейн-Мари – в кресло. Перед ними лежала деревня Три Сосны, кое-где в окнах

еще горел янтарный свет, но большинство домов уже погрузилось в темноту.

Они разговаривали не как мать и дочь, а как две потерпевшие кораблекрушение, которые вместе плыли на спасательном плоту и вот наконец оказались на твердой земле.

– Он ходит к психотерапевту, – откликнулась Анни. – И в Общество анонимных алкоголиков. Ни одного собрания не пропустил. Я думаю, он с нетерпением ждет каждого, хотя ни за что в этом не признается. А как папа?

– Он делает зарядку. Мы много гуляем. С каждым днем он может ходить все дальше. И даже поговаривает о занятиях йогой.

Анни рассмеялась. Ее лицо и фигура были созданы не для парижских подиумов, а для хороших ужинов, книг у камина и веселья. Она была создана из счастья и для счастья. Но Анни Гамаш потребовалось немало времени, чтобы найти свое счастье. И поверить в него.

И даже сейчас, в тихий летний вечер, в глубине души она опасалась, не отберут ли у нее обретенный рай. Снова. Пулей, иглой. Крохотной болеутоляющей таблеткой, которая, напротив, приносит столько боли.

Анни поерзала на сиденье, прогоняя тревожные мысли. Бóльшую часть жизни она провела, оглядывая горизонт в поисках опасностей, настоящих или вымышленных, но теперь знала, что реальные угрозы ее счастью приходят не из какой-то отдаленной точки, они появляются, когда ты их ждешь. Когда ты предполагаешь, что они появятся. Когда думаешь о них. А иногда и сама их создаешь.

Ее отец шутливо обвинял ее в том, что она живет на руинах собственного будущего. Но как-то раз она заглянула ему в глаза и поняла, что он не шутит.

Он ее предупреждает.

Однако расстаться с привычкой было нелегко, в особенности еще и потому, что потери могли оказаться колоссальными. И она чуть не утратила все, что имела. Из-за пули. Из-за иглы. Из-за крохотной таблетки.

Ее мать тоже чуть не потеряла все.

Им обеим позвонили посреди ночи: «Приезжайте немедленно. Сейчас же. Пока не поздно».

Они не опоздали.

Ее отец и Жан Ги смогли выздороветь, однако Анни сомневалась, что ей и ее матери удастся исцелиться. От ожидания звонка посреди ночи.

Но сейчас они были в безопасности. Здесь, на веранде. Анни видела прямоугольник света в окне гостиной. Там сидели ее отец и Жан Ги. Тоже в

безопасности.

Пока.

Нет, одернула она себя. Нет никакой угрозы.

Когда же она по-настоящему поверит в это? А когда поверит ее мать?

– Ты можешь себе представить, как папа каждое утро приветствует на деревенском лугу восход солнца?[18]

Рейн-Мари рассмеялась. Забавно, но она могла это представить. Возможно, картина была бы не самая приглядная, но она почти видела Армана за подобным занятием.

– Он правда поправился? – спросила Анни.

Рейн-Мари повернулась в кресле и взглянула на лампу над дверью. То, что началось легким постукиванием о стекло, превратилось в остервенелое биение насекомого, рвущегося к теплу и свету, спасающегося от холодной тьмы. Это действовало ей на нервы.

Она снова посмотрела на Анни, прекрасно понимая, о чем спрашивает дочь. Анни видела, что отец набирает физическую форму, но ее заботило то, что было незаметно для глаз.

– Раз в неделю он встречается с Мирной, – сказала Рейн-Мари. – Это идет ему на пользу.

– С Мирной? – переспросила Анни. – С Мирной? – Она показала на «финансовый блок» Трех Сосен, состоящий из универсама, пекарни, бистро и магазина «Книги Мирны, новые и старые».

Рейн-Мари поняла, что ее дочь знает Мирну только как владелицу магазина. Собственно говоря, она всех деревенских знала только по их нынешней жизни, а не по прежней. Анни понятия не имела, что эта крупная черная женщина, продающая старые книги и помогающая ее родителям в саду, – доктор Ландерс, бывший психотерапевт.

Рейн-Мари стало любопытно, как новые обитатели Трех Сосен будут воспринимать ее и Армана – супружескую пару средних лет из дома, обитого светлой вагонкой.

Не покажутся ли они слегка рехнувшимися сельчанами, которые делают букеты из сорняков и сидят у себя на крылечке со вчерашним выпуском «Пресс»? А может, их будут знать только как хозяев Анри?

Узнают ли когда-нибудь новые обитатели деревни, что прежде Рейн-Мари была старшим библиотекарем Национальной библиотеки и архива Квебека?

Будет ли это иметь для них значение?

А Арман?

Что будет думать новоиспеченный житель Трех Сосен о его прежней

жизни? Возможно, вообразит, что Гамаш сделал карьеру журналиста, подвизаясь в интеллектуальной и совершенно заумной ежедневной «Девуар». Что он проводил дни, сидя в потертом кардигане и сочиняя длинные колонки, посвященные вопросам политики.

Более проницательные, вероятно, выскажут предположение, что Арман преподавал в Монреальском университете. Принадлежал к этакому типу добродушных профессоров, помешанных на истории, географии и на том, что происходит на стыке данных дисциплин.

Придет ли в голову новичкам в Трех Соснах, что человек, кидающий мячик немецкой овчарке или потягивающий виски в бистро, когда-то был самым знаменитым копом Квебека? И даже Канады? Смогут ли они догадаться, что этот крупный человек, каждое утро делающий «приветствие солнцу», когда-то выслеживал убийц, чем и зарабатывал на жизнь?

Рейн-Мари надеялась, что нет.

Она осмеливалась верить, что та жизнь позади. Та жизнь осталась в воспоминаниях. Она скиталась по горам вокруг деревни, но здесь ей не находилось места. Теперь уже нет. Старший инспектор Гамаш, глава отдела по расследованию убийств, сделал свою работу. Настал черед других.

Но сердце Рейн-Мари сжималось, когда она вспоминала, как закрылась дверь в гостиную. Как раздался щелчок.

Мотылек все еще колотился о лампу. И Рейн-Мари спросила себя: чего он ищет – тепла или света?

Больно ли ему? Ударяясь о раскаленное стекло, он обжигает крылышки и тонкие, как нить, ножки и отлетает прочь. Свет не дает мотыльку того, к чему он так отчаянно стремится.

Рейн-Мари встала и выключила лампу, и через несколько мгновений мотылек перестал биться о стекло, а Рейн-Мари вернулась на свое место.

Теперь здесь воцарились тишина и темнота. Только из окна гостиной проникал желтоватый свет. Тишина сгущалась, и Рейн-Мари спрашивала себя, доброе ли дело сделала она для насекомого. Спасла жизнь, но уничтожила смысл его существования?

А потом порхание крохотных крылышек возобновилось. Отчаянное. Осторожное, но настойчивое. Мотылек перелетел к окну и стал биться в стекло, за которым сидели Арман и Жан Ги.

Мотылек нашел свой свет. Он никогда не сдается. Не может.

Под взглядом дочери Рейн-Мари поднялась и снова включила свет на крыльце. Такова уж природа мотыльков – делать то, что они должны. И Рейн-Мари не могла остановить это, как бы ей ни хотелось.

– Как Анни? – спросил Гамаш. – Она выглядит счастливой.

Он улыбнулся, подумав о дочери, и вспомнил, как танцевал с ней на деревенском лугу на ее свадьбе с Жаном Ги.

– Вы спрашиваете, не беременна ли она?

– Нет, конечно, – фыркнул Гамаш. – Как ты мог такое подумать? – Он взял с кофейного столика пресс-папье, поставил его обратно, потом схватил книгу и покрутил в руках, словно никогда не видел книг. – Это не мое дело. – Он сел поудобнее. – По-твоему, я считаю, будто только беременность сделает ее счастливой? За кого ты меня принимаешь? За какого отца?

Он сердито взглянул на Бовуара.

Жана Ги удивила эта неожиданная вспышка.

– Для отца вполне естественно задавать подобные вопросы.

– Так она беременна? – спросил Гамаш, подаваясь вперед.

– Нет. Она выпила за обедом бокал вина. Вы не заметили? Тоже мне детектив.

– Я больше не детектив. – Он поймал взгляд Жана Ги, и они оба улыбнулись. – На самом деле я вовсе не об этом спрашивал, – искренне сказал Гамаш. – Просто я хочу, чтобы она была счастлива. И ты тоже.

– Я счастлив, patron.

Они посмотрели друг на друга. Разглядеть былые раны могли лишь они сами. Так же как и увидеть признаки подлинного исцеления.

– А вы, сэр? Вы счастливы?

– Да.

Бовуару не требовалось задавать дополнительные вопросы. Всю свою профессиональную жизнь он выслушивал ложь и мог отличить ее от правды.

– А как дела у Изабель? – спросил Гамаш.

– У исполняющей обязанности старшего инспектора Лакост? – улыбнулся Бовуар.

Его протеже назначили главой отдела по расследованию убийств, хотя все считали, что после ухода шефа в отставку его место займет Бовуар. Впрочем, Жан Ги знал: причины, по которым инспектор оставил работу, сложнее, чем могло бы показаться со стороны. Отставка – нечто предсказуемое. Никто не мог предугадать событий, которые заставили Гамаша уйти из полиции и купить дом в деревне, такой маленькой и незаметной, что ее даже на географических картах не было.

– У Изабель дела идут отлично.

– Отлично в том смысле, в каком это слово использует Рут Зардо? – поинтересовался Гамаш.

– Именно. Работы-то у нее всего ничего. Она взяла вас за образец для подражания, сэр.

Рут назвала свой последний тоненький поэтический сборник «У меня все ОТЛИЧНО». И только те, кто давал себе труд прочитать книгу, понимали, что слово ОТЛИЧНО представляет собой аббревиатуру, которая расшифровывается как «Отвратительно. Тошнотворно. Лейкозно. Истерично. Чахоточно. Нудно. Омерзительно».

Изабель Лакост как минимум раз в неделю звонила Гамашу, а дважды в месяц они встречались за ланчем в Монреале. Неизменно вдали от управления Квебекской полиции. Гамаш настаивал на этом, чтобы не подрывать авторитета нового старшего инспектора.

У Лакост возникали вопросы, ответы на которые знал только ее бывший босс. Иногда они были чисто процедурного свойства, но чаще – более сложные, связанные с человеческой природой. Вопросы, придиктованные сомнениями, неуверенностью. И страхом.

Гамаш выслушивал ее и иногда делился собственным опытом. Заверял Изабель в том, что ее чувства вполне естественные, нормальные и здоровые. Он сам испытывал все это чуть ли не каждый рабочий день. Не потому, что был не на своем месте, а потому, что боялся. Когда звонил телефон или раздавался стук в дверь, он волновался, что новое дело о жизни и смерти окажется ему не по зубам.

«У меня новый стажер, patron», – сказала ему Изабель за ланчем в «Ла Пари» на прошлой неделе.

«Ah, oui?»

«Молодой агент, только что выпустился из академии. Адам Коэн. Кажется, вы его знаете».

Гамаш улыбнулся: «Merci, Изабель».

Юного месье Коэна исключили из полицейской академии за неуспеваемость, и он устроился надзирателем в тюрьму. Гамаш познакомился с ним несколько месяцев назад, когда почти все ополчились против него. Профессионально. Лично. И в конечном счете физически. Но Адам Коэн встал рядом с ним. Не убежал, хотя имел для этого все основания, включая и спасение собственной шкуры.

Старший инспектор не забыл о нем. Когда кризис миновал, Гамаш обратился к директору академии и попросил его предоставить Коэну второй шанс, что делалось лишь в исключительных случаях. А потом Гамаш опекал молодого человека, руководил им. Подбадривал его. А на

выпускной церемонии стоял в конце зала и аплодировал ему.

Гамаш попросил Изабель принять Коэна. По существу, взять его под свое крыло. Лучшего наставника для молодого человека он и представить не мог.

«Сегодня утром агент Коэн приступил к исполнению обязанностей, – сообщила Лакост, подцепив вилкой салат из киноа, сыра фета и гранатовых зерен. – Я вызвала его в кабинет и сказала, что есть четыре фразы, которые ведут к мудрости. Предупредила, что озвучу их только раз, а уж он может поступать так, как решит сам».

Арман Гамаш, слушая, положил вилку на тарелку.

«Я не знаю. Я ошибался. Я прошу прощения», – медленно говорила Лакост, разгибая пальцы, чтобы не сбиться со счета.

«Мне нужна помощь», – завершил Гамаш. Именно такой урок много лет назад он преподал молодому агенту Лакост. Как и другим своим молодым агентам.

И теперь, сидя в своем доме в Трех Соснах, он сказал:

– Мне нужна твоя помощь, Жан Ги.

Бовуар замер, сосредоточился и коротко кивнул.

– Сегодня утром ко мне пришла Клара. У нее… – Гамаш замешкался, подыскивая слово. – Затруднение.

Бовуар подался вперед.

Клара и Мирна сидели бок о бок на больших деревянных садовых креслах в саду за домом Клары. Квакали лягушки, стрекотали кузнечики, а время от времени из темного леса доносились какие-то шорохи.

Фоном всем этим звукам было журчание речушки Белла-Белла, несущей свои воды с гор мимо деревни и дальше. Речушка текла домой, но не очень спешила.

– Я была терпелива, – заговорила Мирна. – Но теперь ты должна мне сказать, что происходит.

Даже в темноте Мирна угадала выражение лица подруги, когда та повернулась к ней.

– Терпелива? – переспросила Клара. – Вечеринка закончилась всего час назад!

– Ладно, может быть, «терпелива» не лучшее слово. Я беспокоилась. И не только со времени сегодняшней вечеринки. Почему ты каждое утро подсаживалась к Арману? И что случилось между вами сегодня? Ты практически убежала от него.

– Ты видела?

– Да бога ради, Клара. Скамья стоит на вершине холма. С таким же успехом ты могла бы усесться на неоновой рекламе.

– Я не пыталась прятаться.

– И тебе это удалось. – Мирна понизила голос. – Ты можешь мне сказать?

– А ты не догадываешься?

Мирна повернулась так, чтобы сидеть лицом к подруге.

В растрепанных волосах Клары все еще оставалась краска – не те мелкие брызги, какие могут попасть, когда красишь потолок или стену. У нее в волосах были полоски охры и желтого кадмия. А на шее – похожий на синяк отпечаток пальца, побывавшего перед этим в жженой сиене.

Клара Морроу писала портреты. И в процессе нередко раскрашивала себя.

По пути в сад Мирна заглянула в мастерскую Клары, посмотрела на ее последнюю картину на мольберте. Призрачное лицо только-только проступало – или исчезало – на полотне.

Портреты, созданные подругой, поражали Мирну. На первый взгляд это было просто изображение человека. Милое. Узнаваемое. Привычное. Но… но стоило Мирне постоять перед холстом подольше, стоило ей отринуть собственные представления о модели, снять, как говорится, защиту, отказаться от всех суждений, как перед ней появлялся другой портрет.

На самом деле Клара Морроу писала не лица, а эмоции, чувства, скрытые, замаскированные, запертые и хранимые за приятным фасадом.

От ее работ у Мирны перехватывало дыхание. Но этот портрет напугал ее по-настоящему.

– Это касается Питера, – сказала Мирна, когда они сидели в прохладной ночи.

Она знала, что предмет их разговора и лицо, изображенное на жутковатом портрете, носят одно имя. Питер Морроу. Муж Клары.

Клара кивнула:

– Он не вернулся.

– И что? – спросил Жан Ги. – В чем проблема? Клара и Питер расстались, верно?

– Да, год назад, – подтвердил Гамаш. – Клара попросила его уйти.

– Я помню. Тогда почему она его ждет?

– Они дали друг другу обещание. Не видеться в течение года, но ровно год спустя Питер должен был вернуться, чтобы они решили, как им жить

дальше.

Бовуар сел поудобнее и закинул ногу на ногу, бессознательно подражая своему старшему другу.

Он обдумал слова Гамаша.

– Но Питер не вернулся.

– Я ждала.

Клара держала кружку, уже не горячую, приятно согревающую руки. Вечер стоял прохладный и тихий, от чая шел запах ромашки. И хотя Клара не видела Мирну, сидящую рядом, но ощущала ее. И аромат теплой мяты.

А Мирне хватало такта хранить молчание.

– Год закончился несколько недель назад, – сказала Клара. – Я купила бутылку вина и два стейка у месье Беливо, приготовила салат из апельсинов, рукколы и козьего сыра – Питер его любит. Разожгла угли в жаровне. И села ждать.

Она умолчала о том, что купила еще и круассаны в пекарне Сары, чтобы были на следующее утро. Если все сложится.

И теперь она чувствовала себя полной идиоткой. Она воображала, как он вернется, увидит ее, обнимет. В самых смелых своих мелодраматических мечтах она даже представляла, как он рыдает и просит у нее прощения за то, что был таким говнюком.

Она, разумеется, будет холодна и сдержанна. Радушна, но не более.

По правде говоря, в привычных объятиях Питера Клара всегда чувствовала себя как создание Беатрис Поттер. Миссис Туфф в ее забавном маленьком домике[19]. В объятиях Питера она находила убежище. Там был ее дом.

Но та жизнь оказалась сказкой, иллюзией. И все же в момент слабости, заблуждения или надежды она купила эти круассаны. На тот случай, если за обедом последует завтрак. На тот случай, если ничто не изменилось. Или изменилось все. Или изменился Питер и перестал быть таким merde[20].

Она представляла себе, как они будут сидеть на этих самых креслах и ставить кружки с кофе на старые следы. Есть круассаны. Тихо разговаривать. Как будто ничего не случилось.

Но за прошедший год случилось многое. С Кларой. С ее друзьями. С деревней.

Правда, сейчас Клару занимал другой вопрос: что произошло с Питером. Этот вопрос захватил ее мысли, потом завладел сердцем, а теперь полностью взял в заложники.

– Почему же ты раньше ничего не говорила? – спросила Мирна.

Клара знала, что это обычный вопрос, а не укор. В нем не было ни упрека, ни осуждения. Просто Мирна хотела понять.

– Поначалу я думала, что перепутала дату. Потом пришла в бешенство и решила: ну и черт с ним! Так продолжалось недели две. А потом…

Она подняла руки, словно сдаваясь.

Мирна ждала, прихлебывая чай. Она знала подругу. Клара могла медлить, колебаться, ошибаться. Но она никогда не сдавалась.

– Потом я испугалась.

– Испугалась чего? – спокойно спросила Мирна.

– Не знаю.

– Знаешь.

После долгой паузы Клара ответила:

– Я боялась, что он умер.

Мирна молчала. И ждала. Поставила кружку на подлокотник.

– И еще я боялась, что он не умер, – продолжила Клара, – а не вернулся домой потому, что не захотел.

– Salut, – сказала Анни, когда ее муж вышел на веранду, и похлопала по сиденью рядом с собой.

– Прямо сейчас не могу, – ответил Жан Ги. – Но ты придержи для меня место. Вернусь через несколько минут.

– К тому времени я уже буду в постели.

Бовуар хотел было сказать что-то, но вовремя вспомнил, где они и кто с ними.

– Ты уходишь? – поднимаясь на ноги, спросила Рейн-Мари у Армана, и он обнял ее за талию:

– Ненадолго.

– Я оставлю свечку в окне, – пообещала она и увидела улыбку на его лице.

Рейн-Мари проводила взглядом мужа и зятя, шагающих по деревенскому лугу. Поначалу она думала, что они идут в бистро выпить перед сном, но они повернули направо. На свет в доме Клары.

Потом Рейн-Мари услышала, как они постучались в дверь. Тихий-тихий настойчивый стук.

– Вы ему сказали?

Клара перевела взгляд с Гамаша на Жана Ги.

Она была багровой. Лицо у нее заливалось краской, словно она упала

на одну из своих палитр. Пурпур с пятнами фиолетового диоксазинового расползался вверх от шеи.

– Это личное. То, что я вам рассказала.

– Вы просили моей помощи, Клара.

– Нет, не просила. Напротив, я просила, чтобы вы мне не помогали. Я сама разберусь. Это моя жизнь. Моя проблема, а не ваша. Вы думаете, что любая незамужняя женщина испытывает стресс? Я что, стала проблемой, которую нужно разрешить? Слабая женщина, нуждающаяся в помощи? Да? Великий человек вмешивается, чтобы обо всем позаботиться. Вы пришли сказать, чтобы я не забивала свою хорошенькую маленькую головку глупыми мыслями?

Даже у Мирны расширились глаза при таком описании головы Клары.

– Постойте… – начал Бовуар, тоже побагровев, но Гамаш положил ладонь на его руку.

– Нет, это вы постойте, – рявкнула Клара, поворачиваясь к Бовуару, и Мирна взяла ее за руку мягко, но уверенно.

– Прошу прощения, если я вас неправильно понял, – сказал Гамаш с озадаченным видом. – Мне показалось, что сегодня утром вы просили меня о помощи. Зачем иначе вы бы стали ко мне обращаться?

Вот оно. Простая истина.

Арман Гамаш был ее другом. Но с Рейн-Мари она сдружилась ближе. Другие жители деревни были друзьями с большим стажем. А Мирна вообще была ее лучшей подругой.

Почему же каждое утро она поднималась на холм и садилась на скамью рядом с Гамашем? И в конечном счете сняла с себя груз? Переложила на его плечи?

– Вы ошиблись, – ответила Клара, пока пурпурный цвет распространялся по коже головы, заползая в волосы. – Если вам скучно в деревне, старший инспектор, то найдите чью-нибудь еще частную жизнь и начинайте ее препарировать.

Даже Бовуар, услышав это, раскрыл рот, настолько потрясенный, что растерял все слова. Наконец он нашел их:

– Скучно? Скучно? Да вы хоть понимаете, что он вам предлагает? От чего он отказывается? Что за эгоистич…

– Жан Ги! Хватит.

Все четверо замолчали, возмущенно глядя друг на друга.

– Извините, – сказал Гамаш и отвесил Кларе легкий поклон. – Я ошибся. Жан Ги…

Бовуар поспешил за Гамашем, который широкими шагами устремился

от дома Клары к бистро. Очутившись там, Гамаш заказал себе коньяк, а Бовуар – колу.

Жан Ги присмотрелся к тестю. И постепенно до него дошло, что Гамаш вовсе не злится. Он совершенно не обижен тем, что Клара отвергла его предложение помочь и даже оскорбила его.

Наблюдая, как шеф попивает коньяк, уставившись в пространство, Бовуар понял, что единственное чувство, которое испытывает сейчас Арман Гамаш, – это облегчение.

Глава пятая

Следующее утро было ярким и теплым.

Рейн-Мари вышла из передней двери на крыльцо и чуть не наступила на мотылька. Он лежал на спинке прямо под лампой, с распростертыми, словно в экстазе, крыльями.

Арман, Рейн-Мари и Анри зашагали вверх по холму, мимо маленькой церкви, мимо спа-гостиницы и старого дома Хадли. Они прошли через туннель из деревьев. Они видели свои следы, оставленные на земле вчера. И позавчера.

Наконец следы оборвались. Но эти трое пошли дальше. Дальше на сто ярдов. Всегда немного дальше. Пока не почувствуют, что пора поворачивать.

На обратном пути они присели на скамью отдохнуть.

– Похоже на компас, правда? – сказала Рейн-Мари.

Арман швырнул мячик страждущему и неутомимому Анри, потом обдумал ее слова.

– Ты права, – улыбнулся он. – Я и не замечал этого.

Деревня Три Сосны была построена вокруг деревенского луга. Дома образовывали круг, из которого выходили четыре дороги, словно указатели четырех стран света. Гамашу стало любопытно, действительно ли они идут на север, юг, восток или запад.

А что, если Три Сосны и в самом деле компас? Указатель для тех, кто сбился с курса?

– Расскажешь мне о Кларе? – спросила Рейн-Мари.

– Боюсь, что нет, mon coeur.

Гамаш посмотрел на нее с несчастным видом. Он ничего не утаивал от жены. Приходил со службы домой и рассказывал о вещдоках, о подозреваемых, о собственных подозрениях. Он делал это, потому что доверял Рейн-Мари и хотел, чтобы она участвовала в его жизни. Они обсуждали убийства, которые он расследовал, а также книги и старые документы, над которыми работала Рейн-Мари в Национальном архиве.

Но кое-что, кое-что Гамаш хранил в тайне. Были вещи, о которых он никому не говорил. И он знал, что у Рейн-Мари тоже есть секреты. Доверенные ей другими людьми.

– Однако Жану Ги ты сказал.

Она не обвиняла – просто спрашивала.

– Я совершил ошибку. Когда мы пришли к Кларе побеседовать о ее проблеме, она дала понять, что я не должен был так поступать.

Он чуть поморщился, и Рейн-Мари заподозрила, что Клара выразилась слишком резко.

– Но она ведь хотела, чтобы ты помог ей в чем-то.

Голос Рейн-Мари звучал спокойно, хотя сердце колотилось. Она знала: если Клара просит Армана о помощи, то речь идет не об установке мышеловки, или обрезке живой изгороди, или починке крыши. Все это Клара умела и сама.

Если уж она обратилась к Арману, то за помощью, которую мог оказать только он.

– Я ее неправильно понял. – Он усмехнулся и покачал головой. – Как же быстро можно потерять чутье. Утратить способность принимать сигналы.

– Ты не потерял чутье, а расслабился, – возразила Рейн-Мари.

Она знала: что бы сейчас ни говорил ее муж, от его внимания мало что ускользало. И если он решил, что Клара просит о помощи, то, скорее всего, так оно и было. Какая же помощь требовалась Кларе и почему она передумала?

– А ты собирался ей помочь? – спросила она.

Гамаш открыл рот и тут же закрыл его. Он знал правильный ответ. Равно как и правдивый. И сомневался, что они совпадают.

– Что же, нужно было ей отказать? – Почувствовав, как нелюбезно это прозвучало, он продолжил: – Ну, теперь это чисто академический вопрос. Она ничего от меня не хочет.

– Может, она просто ждала, что ты ее выслушаешь. – Рейн-Мари положила руку ему на колено и встала. – Ей не нужно было твое тело или душа, mon vieux[21]. А только ухо.

Она наклонилась и поцеловала его.

– Увидимся позже.

Арман проследил за тем, как его жена и Анри спускаются по тропинке в деревню. Потом он вытащил из кармана книгу, надел полукруглые очки и открыл книгу на закладке. Немного помедлил, вернулся к самому началу и стал читать с первой страницы.

– Недалеко же вы продвинулись.

Гамаш закрыл книгу и посмотрел поверх очков. Клара стояла перед ним, держа две кружки кофе с молоком. И пакетик круассанов.

– Мирное подношение, – пояснила она.

– Как на Парижской конференции, – сказал Гамаш, принимая ее дар. – Если речь идет о территориальном разделе, то я беру книжный магазин Мирны и бистро.

– А мне оставляете пекарню и магазин месье Беливо? – Клара немного подумала. – Я предвижу войну.

Гамаш улыбнулся.

– Простите меня за вчерашний вечер. – Она села. – Не стоило мне все это говорить. Спасибо за предложение помощи.

– Нет, с моей стороны это было самонадеянно. Никто лучше меня не знает, что вы сами можете о себе позаботиться. Вы были правы. Вероятно, я настолько привык иметь дело с проблемами, требующими разрешения, что вижу их даже там, где их нет.

– Наверное, это трудно – быть оракулом.

– Вы и представить себе не можете.

Гамаш рассмеялся и почувствовал, что ему стало легче. Может быть, она и в самом деле хотела, чтобы он только выслушал ее. Может быть, ничего большего она от него и не ждет.

Они ели круассаны, роняя крошки на землю.

– Что вы читаете? – спросила Клара.

Она впервые открыто заговорила об этом.

Гамаш положил свою большую ладонь на обложку и захлопнул книгу, словно для того, чтобы история не выскочила наружу.

Потом убрал руку и показал Кларе название, но, когда она хотела посмотреть ближе, он отодвинул книгу от нее. Чуть-чуть, едва заметно. Но все же достаточно.

– «Бальзам в Галааде»[22], – прочла название Клара и попыталась вспомнить. – Есть книга, которая называется «Галаад». Я ее читала несколько лет назад. Автор – Мэрилин Робинсон. Она получила Пулицеровскую премию.

– Это другая, – заверил ее Гамаш.

Клара и сама это видела. Та книга, что он держал в руке и теперь засовывал в карман, была тоненькая и старая. Потрепанная. Читаная-перечитаная.

– У Мирны купили? – спросила Клара.

– Non. – Он внимательно посмотрел на нее. – Вы хотите поговорить о Питере?

– Нет.

«Парижская мирная конференция» зашла в тупик. Гамаш отхлебнул кофе. Утренний туман почти рассеялся, и зеленый лес тянулся вдаль,

насколько хватало глаз. Там росли старые деревья, еще не обнаруженные и не спиленные лесопромышленниками.

– Вы никогда не дочитаете ее до конца, – сказала Клара. – Такое трудное чтение?

– Для меня – да.

Она немного помолчала.

– Когда Питер уходил, я была уверена, что он вернется. Ведь это я заставила его уйти. Он не хотел. – Она опустила голову и посмотрела на руки. Сколько она ни старалась, вычистить краску из-под ногтей не удавалось. Краска словно стала ее частью. Впиталась в нее. – А теперь он не желает возвращаться домой.

– А вы хотите, чтобы он вернулся.

– Не знаю. И наверное, не узнаю, пока его не увижу. – Она посмотрела на книгу, торчащую из кармана Гамаша. – Почему вам так трудно ее читать? Она на английском, но мне известно, что английский вы знаете не хуже французского.

– C’est vrai[23]. Слова я понимаю, но эмоции, выраженные в книге, даются мне с трудом. В тех краях, куда она меня ведет, я должен ступать осторожно.

Клара широко открыла глаза:

– У вас все в порядке?

Он улыбнулся:

– А у вас?

Клара провела своими большими руками по волосам, оставив в них крошки от круассанов.

– Можно мне ее посмотреть?

Гамаш помедлил, но все же вытащил книгу из кармана и протянул Кларе, внимательно глядя на нее. Он внезапно напрягся всем телом, словно передал ей заряженный пистолет.

Тоненькая книжка в твердом переплете. Клара перевернула ее.

– «Есть бальзам, есть в Галааде, – прочла она на задней стороне обложки. – Исцеленье он несет…»

– «Царь Небесный Всемогущий душу грешную спасет», – закончил Арман Гамаш. – Это из старого спиричуэла.

Клара уставилась на обложку:

– Вы верите в это, Арман?

– Да.

Он отобрал у нее книжку и сжал так крепко, что Кларе показалось: сейчас оттуда посыплются слова.

– Тогда что вызывает у вас затруднения?

Он промолчал, но она сама нашла ответ.

Проблема была не в словах, а в ранах. В старых ранах. И возможно, в грешной душе.

– Где Питер? – спросила она. – Что с ним случилось?

– Не знаю.

– Но вы знаете его. Разве он из тех, кто может вот так взять и исчезнуть?

Гамаш знал ответ на ее вопрос, знал со вчерашнего дня, когда Клара пришла к нему со своей проблемой.

– Нет, он не из таких.

– Что же с ним случилось? – умоляющим голосом спросила она, вглядываясь в его лицо. – Есть ли у вас предположения?

Что он мог сказать? Что он должен был говорить? Что Питер Морроу вернулся бы домой, если бы у него была возможность? Что, несмотря на все свои недостатки, Питер – человек слова, и если он по какой-то причине не смог бы явиться лично, то позвонил бы, отправил бы сообщение на электронную почту или написал бы письмо?

Но никаких известий от него не поступало. Ни одного слова.

– Я должна знать, Арман.

Гамаш отвел взгляд и посмотрел вдаль, на бесконечное пространство леса. Он приехал сюда, чтобы исцелиться и, быть может, спрятаться. И уж точно чтобы отдохнуть.

Поработать в саду, погулять, почитать. Провести время с Рейн-Мари и друзьями. Порадоваться приездам Анни и Жана Ги на выходные. Единственная проблема, которую он хотел решать, – это как подсоединить садовый шланг. А единственная задача – заказать ли на обед в бистро лосося, копченного на кедровой доске, или сыр бри и макароны с базиликом.

– Вам нужна моя помощь? – спросил он наконец, не отваживаясь поднять на нее глаза из опасения, что выдаст себя.

Он взглянул на тень Клары на земле. И тень кивнула.

Гамаш поднял глаза на Клару и тоже кивнул:

– Мы его найдем.

Его голос звучал обнадеживающе, уверенно.

Клара знала: этот же голос слышали многие другие люди, когда инспектор, крупный спокойный человек, стоял перед ними. Сообщал о том, чего они боялись больше всего. И заверял, что найдет монстра, который совершил преступление.

– Вы не можете этого знать. Извините меня, Арман, не хочу показаться неблагодарной, но вы не знаете наверняка.

– C’est vrai, – согласился Гамаш. – Но я постараюсь узнать. Хорошо?

Он не спросил, готова ли она услышать ответ на свой вопрос. Он знал: Клара хочет возвращения Питера, но ей дорог ее покой. Она была готова к переменам настолько, насколько это было в ее силах.

– Вы не против? – спросила Клара.

– Вовсе нет.

Она пригляделась к нему:

– По-моему, вы лжете. – И прикоснулась к его большой руке. – Спасибо вам за все. – Она встала, и Гамаш тоже поднялся. – Храбрый человек в храброй стране.

Он не знал, что на это сказать.

– Это молитва из другого «Галаада», – объяснила Клара. – Умирающий отец молится за своего юного сына. – Она задумалась на секунду, вспоминая. Потом процитировала: – «Я буду молиться о том, чтобы ты вырос храбрым человеком в храброй стране. Я буду молиться о том, чтобы ты нашел способ быть полезным»[24].

Клара улыбнулась.

– Я надеюсь, что буду полезен, – сказал Гамаш.

– Вы уже принесли немало пользы.

– Кого вы хотите оповестить об этом?

– Ну, теперь можно хоть всем рассказать, – пробормотала она. – С чего мы начнем?

– С чего начнем? Дайте-ка подумать. Возможно, нам удастся много чего выяснить, не выходя из дому. – Гамаш надеялся, что его упования на такой исход не слишком очевидны. Он внимательно посмотрел на Клару. – Вы можете в любой момент остановить поиски.

– Merci, Арман. Но если я хочу разобраться в происходящем, мне нужно знать, почему Питер не вернулся домой. Я не жду, что ответ мне понравится, – сказала она напоследок и стала спускаться по склону холма.

Гамаш сел и задумался о молитве умирающего отца за юного сына. А его собственный отец, думал ли он о нем в момент катастрофы? В тот миг, когда понял, что умирает? Думал ли он о своем юном сыне, который ждал дома, когда же блеснет свет фар? Но свет так и не появился.

Неужели он все еще ждет?

Арман Гамаш не хотел быть храбрым. Хватит. Теперь он желал одного – покоя.

Но, как и Клара, он знал, что одно без другого невозможно.

Глава шестая

– Прежде всего, мы должны знать, почему Питер ушел.

Гамаш и Бовуар сидели по одну сторону соснового стола в кухне у Клары, а Клара и Мирна – по другую. Гамаш сложил большие руки на столе. Жан Ги приготовил блокнот и ручку. Они подсознательно вернулись к своим старым ролям и привычкам, выработанным за более чем десятилетний опыт совместной работы.

Бовуар принес свой ноутбук и подсоединился к Интернету через телефонную линию, на случай если им понадобится найти что-нибудь. Пронзительные музыкальные тона, звучавшие при наборе цифр, заполнили кухню. Затем раздался визг, словно Интернет был живым существом и подключение причиняло ему боль.

Бовуар стрельнул в Гамаша остерегающим взглядом: «Не надо, бога ради, не надо опять».

Гамаш ухмыльнулся. Каждый раз, когда они устанавливали телефонную связь с Интернетом (единственный способ подключения, поскольку никакой другой сигнал не проходил в деревню, укрытую в долине), шеф напоминал Жану Ги, что некогда и такой способ казался чудом. А не геморроем.

– Помнится… – начал шеф, и у Бовуара расширились глаза.

Гамаш поймал взгляд зятя и улыбнулся.

Но когда он повернулся к Кларе, его лицо было серьезно.

Он сделал глубокий вдох и окунулся с головой в работу.

Поиски Питера начались.

– Вы знаете, почему он ушел, – сказала Клара. – Я его выгнала.

– Oui, – согласился Гамаш. – Но почему вы это сделали?

– Отношения между нами уже некоторое время были не самыми лучшими. Как вы знаете, карьера Питера зашла в тупик, а моя…

– …пошла на взлет, – закончила за подругу Мирна.

Клара кивнула:

– Я знала, что Питер борется с этим. Надеялась, что он преодолеет зависть и будет радоваться за меня, как я радовалась его успехам. И он пытался. Делал вид. Но я понимала, что он вовсе не рад. Ситуация не улучшалась, а ухудшалась.

Гамаш слушал. Питер Морроу многие годы был самым известным художником в этом семействе. Да что говорить, он был одним из самых

известных художников Квебека. И даже Канады. Доходы он имел скромные, но на жизнь хватало. Он был опорой семьи.

Работал он очень медленно, мучительно выписывая каждую деталь, тогда как Клара могла за день состряпать картину. Было ли ее создание произведением искусства – этот вопрос оставался открытым.

Если картины Питера были великолепно проработаны по композиции, то в продуктах, которые выходили из мастерской его жены, никакой проработки не наблюдалось.

Творения Клары поражали буйством фантазии. Динамичные, живые, нередко забавные, зачастую загадочные. «Воинственные матки», серия резиновых сапог, непристойные телевизоры…

Даже Гамаш, любивший искусство, не понимал бóльшей части ее работ. Но ему была очевидна радость, которой искрились произведения Клары. Чистая радость творчества. Стремления вперед. Поиска. Исследовательского пыла. Движения.

А потом случился прорыв. «Три грации».

В один прекрасный день Клара решила в очередной раз написать что-нибудь новенькое. На сей раз – картину, на которой будут изображены три пожилые соседки. Подруги.

Беатрис, Кей и Эмили. Эмили, которая спасла Анри. Эмили, которая прежде владела нынешним домом Гамашей.

Три грации. Клара пригласила их к себе в мастерскую, и они позировали ей.

– Позвольте? – спросил Гамаш и показал в сторону мастерской.

Клара встала:

– Конечно.

Все четверо прошли по кухне в мастерскую. Там пахло перезрелыми бананами, краской и до странности резко и привлекательно – скипидаром.

Клара включила свет, и комната ожила. С мольбертов и стен смотрели лица. Один из холстов, завешенный простыней, напоминал детские представления о призраках. Клара укрыла свою последнюю работу от посторонних глаз.

Гамаш направился мимо закрытого холста вглубь мастерской, стараясь не отвлекаться на изображения, которые, казалось, наблюдали за ним.

Он остановился у большого полотна, висящего на дальней стене.

– Все изменилось после этого, да? – спросил он.

Клара кивнула, тоже глядя на картину:

– К лучшему и к худшему. Знаете, это ведь была идея Питера. Я не имею в виду тему. Просто Питер постоянно говорил, чтобы я перестала

делать инсталляции и попробовала свои силы в картинах. Как он. И я попыталась.

Они вчетвером смотрели на трех пожилых женщин на холсте.

– Я решила их расписать, – сказала Клара.

– Oui, – пробормотал Гамаш.

Это было и так ясно.

– Нет, – с улыбкой возразила Клара. – Поначалу я действительно хотела их покрасить. Нанести краску прямо на кожу. На голое тело. Беатрис стала бы зеленой. Сердечная чакра. Кей была бы голубой. Горловая чакра. Она много говорила.

– Тараторила без умолку, – подтвердила Мирна.

– А Эмили я покрасила бы в фиолетовый, – произнесла Клара. – Коронная чакра. Тождественность с божеством.

У Бовуара вырвался тихий писк, словно он только что подключился к Интернету. Гамаш проигнорировал это, хотя и заметил, как Жан Ги закатил глаза.

Клара посмотрела на Бовуара:

– Я знаю. Это дурость. Однако они готовы были попробовать.

– И вы их разукрасили? – спросил Бовуар.

– Я бы разукрасила, но обнаружилось, что у меня маловато фиолетовой краски, а я не могла оставить Эмили недокрашенной. Я уже собиралась отослать их домой, но тут Эмили предложила написать групповой портрет. У меня ее идея не вызвала большого энтузиазма. Никогда не делала портреты.

– Почему? – спросил Гамаш.

Клара задумалась.

– Наверное, потому, что это казалось старомодным. Неавангардным. Некреативным.

– Значит, вы хотели расписать самих людей, а не холст? – уточнил Бовуар.

– Именно. Креативно, правда?

– Иначе и не скажешь, – согласился он, а потом пробормотал что-то похожее на «merde».

Гамаш снова повернулся к картине. Он знал всех трех женщин, но то, как Клара их изобразила, всегда поражало его. Они были старыми. Усталыми. Изборожденными морщинами. В удобных, практичных одеждах. Если брать отдельные детали, то ничего примечательного в портрете не было.

Но в целом? Что удалось передать Кларе? Это было

умопомрачительно.

Эмили, Беатрис и Кей держались друг за друга. Не хватались. Эти женщины не тонули. Они не цеплялись одна за другую.

Все трое смеялись, искренне радуясь обществу друг друга.

В своем первом портрете Клара сумела запечатлеть человеческую близость.

– Значит, это была ошибка? – спросил Бовуар, показывая на полотно.

– Ну, можно и так сказать, – ответила Клара.

– А что сказал Питер, когда увидел вашу картину? – поинтересовался Гамаш.

– Что она очень хороша, но мне нужно поработать над перспективой.

Гамаш почувствовал вспышку ярости. Он столкнулся с разновидностью убийства. Питер Морроу пытался убить не свою жену, а ее творение. Он явно распознал работу гения и пытался ее уничтожить.

– Думаете, он знал, к чему это приведет? – спросил Бовуар.

– Сомневаюсь, что кто-либо способен предвидеть будущее, – сказала Клара. – Уж я-то точно нет.

– А по-моему, он подозревал, – возразила Мирна. – Я думаю, он посмотрел на «Три грации» и увидел вестготов на седьмом холме[25]. Он понял, что его мир теперь неизбежно изменится.

– Но почему он не порадовался за Клару? – поинтересовался Гамаш у Мирны.

– Вы когда-нибудь испытывали зависть?

Гамаш задумался. Иногда его обходили по службе. В молодости он влюблялся и бывал отвергнут, а потом обнаруживал, что с предметом его воздыхания встречается приятель, и это больно ранило юное сердце Гамаша. Но чаще всего он чувствовал всепоглощающую губительную зависть, когда видел других мальчишек с родителями.

Он ненавидел их за это. И да простит его Господь, он ненавидел своих родителей. За то, что их нет с ним. За то, что они оставили его.

– Это все равно что выпить кислоту, – сказала Мирна, – и надеяться, что другой человек умрет.

Гамаш кивнул.

Не это ли чувствовал Питер, глядя на полотно Клары? Не тогда ли его впервые захлестнула зависть? Не завернулись ли его внутренности узлом, когда он увидел «Три грации»?

Гамаш неплохо знал Питера Морроу и даже сейчас не сомневался, что тот всей душой любил Клару. И от этого, вероятно, все было только хуже. Любить женщину, но ненавидеть ее творения и бояться их. Питер не желал

смерти Клары, но он почти наверняка жаждал погубить ее картины. И делал все возможное, чтобы их уничтожить. Тихим словом, намеком, предположением.

– Вы позволите? – Гамаш показал на закрытую дверь по другую сторону коридора.

– Да, – сказала Клара и повела его за собой.

В мастерской Питера все было на своем месте, аккуратно, чинно. В сравнении с хаосом в мастерской Клары здесь ощущалась безмятежность. Пахло краской и немножко лимоном. Освежитель воздуха, подумал Гамаш. Или лимонный пирог с меренгами.

На стенах висели этюды к тщательно проработанным, блестяще выписанным творениям Питера. В начале своей карьеры Питер обнаружил, что если взять простой предмет и увеличить его, то он приобретает абстрактный вид.

Именно такие вещи он и писал. Ему нравился сам факт того, что нечто привычное, даже натуральное, вроде веточки или листика, может при пристальном рассмотрении выглядеть абстрактным и неестественным.

Поначалу все шло прекрасно. Его работы, свежие и новые, ворвались в мир искусства, словно смерч. Но минуло десять, двадцать лет, а творения Морроу, по существу, повторялись снова и снова…

Гамаш осмотрел полотна Питера. Они производили сильное впечатление. При первом взгляде. А потом оно блекло. И наконец становилось понятно, что это образцы выдающегося ремесленничества. Питера Морроу нельзя было перепутать с другим художником, вы распознавали его стиль за милю. Восхищались минуту, а потом шли дальше. Его картины обладали притягательностью, может, даже несли послание, но не имели души.

Хотя на стенах мастерской Питера висели работы, помещение казалось холодным и пустым.

Разглядывая эти холсты, Гамаш понял, что перед его глазами все еще стоит картина Клары. Сам образ картины немного потускнел, но впечатление оставалось сильным.

И ведь «Три грации» даже не были лучшим творением Клары. Ее последующие работы лишь обретали бóльшую силу и глубину. Во всем, что они пробуждали.

А работы Питера? Они не вызывали у Гамаша никаких чувств.

Карьера художника Морроу так или иначе сходила на нет, независимо от того, что случилось с Кларой. Но на фоне ее неожиданного и стремительного восхождения его закат стал тем очевиднее.

Зато с каждым днем росла и расцветала его зависть.

Выйдя следом за Кларой из мастерской, Гамаш обнаружил, что его злость по отношению к Питеру сменилась чувством, похожим на жалость. У бедняги не было ни единого шанса.

– Когда вы поняли, что все кончено? – спросил он.

– Вы говорите о нашем браке? – Клара задумалась. – Вероятно, мне стало все ясно за некоторое время до того, как я приняла решение. Такие вещи вызревают где-то внутри. Но у меня не было уверенности. Казалось невероятным, чтобы Питер чувствовал подавленность из-за моего успеха. Да и время настало какое-то суматошное, столько всего происходило. А Питер всегда протягивал руку помощи.

– Когда тебя преследовали неудачи, – тихо добавила Мирна.

Они вернулись в кухню. Здесь на стенах не висели картины, зато окна выполняли роль произведения искусства: пейзаж Трех Сосен с одной стороны и сад – с другой.

Судя по виду Клары, она собиралась возразить Мирне, но потом передумала:

– Забавно, я так привыкла защищать Питера, что даже сейчас готова это делать. Но ты права. Он никогда не понимал моего искусства. Он мирился с ним. А вот с моим успехом не сумел смириться.

– Наверное, это было больно, – заметил Бовуар.

– Это меня убивало.

– Нет, я имею в виду – для Питера, – уточнил Бовуар.

Клара внимательно взглянула на него:

– Пожалуй.

Она знала, что ему знакомо такое чувство. Пойти против людей, которых ты любишь. Видеть в союзниках угрозу, а в друзьях – врагов. Чувствовать, как ненависть съедает тебя. Пожирает изнутри.

– Вы говорили с ним об этом? – спросил Гамаш.

– Я пыталась, но он всегда все отрицал. Утверждал, что я закомплексована, слишком чувствительна. И я ему верила. – Она покачала головой. – Но потом его чувства стали настолько очевидны, что даже я не смогла больше закрывать глаза на такое отношение.

– И когда это случилось? – поинтересовался Гамаш.

– Я думаю, вы знаете. Вы при этом присутствовали. В прошлом году, когда у меня была персональная выставка в Музее современного искусства в Монреале.

Вершина ее карьеры. То, о чем мечтает любой художник. И внешне Питер радовался за жену, сопровождал ее на вернисаже. С улыбкой на

красивом лице. И камнем в сердце.

Гамаш знал: именно это зачастую и становится концом. Не улыбка и даже не камень, а трещина между людьми.

– Давайте-ка подышим свежим воздухом, – сказала Мирна, открывая дверь в сад.

Несколько минут спустя она присоединилась к остальным, прихватив из кухни блюдо с сэндвичами и кувшин холодного чая.

Они уселись в тени кленов на четыре адирондакских кресла, которые неожиданно напомнили Гамашу метки на компасе, указывающие на части света.

Гамаш выбрал сэндвич и откинулся на спинку кресла.

– Вы попросили Питера уйти вскоре после вашей персональной выставки, – вернулся он к разговору.

– После ссоры, которая длилась весь день и всю ночь, – вздохнула Клара. – Я была совершенно вымотана и наконец уснула. Часа в три ночи. Когда я проснулась, Питера рядом не было.

Бовуар мгновенно проглотил сэндвич с паштетом и чатни и подал голос:

– Он ушел?

Стенки стакана с охлажденным чаем, поставленного на широкий подлокотник, запотели.

– Нет. Он сидел на полу в спальне, прислонившись к стене и подтянув колени к подбородку. И смотрел перед собой. Я подумала, что у него нервный срыв.

– Так оно и было? – спросила Мирна.

– Пожалуй. Возможно, даже что-то большее, чем срыв. Посреди ночи он вдруг пришел к выводу, что никогда не завидовал моему искусству.

Мирна фыркнула в стакан, отчего чай брызнул ей на нос.

– Да, – сказала Клара. – Я ему тоже не поверила. После этого мы опять поругались.

Казалось, ей невыносимо даже говорить о случившемся.

Гамаш внимательно слушал ее.

– Если он не завидовал вашему искусству, то как он объяснял проблему?

– Я сама – вот в чем была проблема, – ответила Клара. – Он завидовал мне. Не тому, что на своих картинах я изображала дружбу, любовь и надежду, а тому, что я все это чувствовала.

– А он – нет, – заметила Мирна.

Клара кивнула:

– Он понял в ту ночь, что всю жизнь притворялся, а внутри у него ничего нет. Пустота. Вот почему его живопись лишена содержания.

– Потому что он сам таков, – завершил Гамаш.

В маленьком кружке воцарилось молчание. Вокруг роз и высоких наперстянок жужжали пчелы. Мухи пытались утащить хлебные крошки с пустых тарелок. Неподалеку журчала речушка Белла-Белла.

А они думали о человеке, у которого вместо сердца была пустота.

– И поэтому он ушел? – проронила Мирна.

– Он ушел, потому что я велела. Но…

Они ждали продолжения.

Клара смотрела в сад, и они видели только ее профиль.

– Я ждала его возвращения. – Она неожиданно улыбнулась и повернулась к друзьям. – Я думала, ему будет не хватать меня. Надеялась, что в разлуке он почувствует себя одиноким и потерянным. Поймет, чего лишился. И вернется.

– А что конкретно вы ему сказали? – спросил Бовуар. – В то утро, когда он ушел?

Вместо пустой тарелки на подлокотнике кресла появился блокнот.

– Я сказала, чтобы он уходил. Но чтобы вернулся через год, и тогда мы посмотрим, получится ли у нас дальше.

– Вы договорились о сроке ровно в год?

Клара кивнула.

– Простите, что задаю такие вопросы, – продолжил Бовуар, – но это крайне важно. Вы назвали дату? Точно обозначили год?

– Абсолютно точно.

– И когда ожидалось его возвращение?

Она назвала день, и Бовуар быстро произвел в уме расчет.

– По-вашему, Питер принял эти условия? – спросил Гамаш. – Его привычный мир рушился. Может быть, он кивал и вроде бы понимал, а на самом деле не отдавал себе отчета в происходящем?

Клара задумалась.

– Полагаю, это возможно, но мы говорили о совместном обеде. Даже запланировали его. И это не могло пройти мимо его сознания.

Она замолчала, вспоминая, как сидела на том самом кресле, на котором сидит сейчас. Стейки поджарены. Салат готов. Вино охлаждено.

Круассаны в бумажном пакете – на кухонном столе.

Всё в ожидании.

– Куда он направился в тот день? – спросил Гамаш. – В Монреаль? К семье?

– Мне это кажется маловероятным, а вам? – ответила вопросом Клара, и Гамаш, который в свое время встречался с родными Питера, не мог не согласиться с ней.

Если у Питера Морроу вместо сердца была пустота, то опустошила его собственная семья.

– Вы уже связывались с семейством Морроу? – поинтересовался Гамаш.

– Нет пока, – сказала Клара. – Я приберегала это на крайний случай.

– Вы знаете, чем занимался Питер все это время? – спросил Бовуар.

– Видимо, писал. Что же еще?

Гамаш кивнул. Что же еще? Без Клары Питеру Морроу оставалось только одно – искусство.

– Куда он мог отправиться? – повторил он прежний вопрос.

– Хотела бы я знать.

– Было какое-то место, которое Питер давно мечтал посетить?

– Для его живописи место не имело значения, – ответила Клара. – Он мог писать где угодно. – Она немного подумала. – «Я буду молиться о том, чтобы ты вырос храбрым человеком в храброй стране». – Она посмотрела на Гамаша. – Когда я произносила сегодня утром эти слова, я думала не о вас. Я знаю, что вам не занимать храбрости. Я думала о Питере. Каждый день молилась о том, чтобы он вырос. И стал храбрым человеком.

Арман Гамаш откинулся на спинку кресла, чувствуя через рубашку тепло деревянных планок, и задумался о словах Клары. О том, куда мог уехать Питер. И что он там нашел.

И требовалась ли ему храбрость.

Глава седьмая

Самый уродливый из людей, живущих на земле, открыл дверь и встретил Гамаша карикатурной улыбкой:

– Арман.

Он протянул руку, и они обменялись рукопожатием.

– Месье Финни, – склонил голову Гамаш.

Тело старика было искалечено артритом – кривобоко и горбато.

Не без усилий Гамаш выдержал взгляд Финни, по крайней мере одного из его глаз. И даже это далось ему нелегко. Выпученные глаза Финни вращались во всех направлениях, словно в постоянном неодобрении. Соединиться им мешала только луковица фиолетового носа, этакая венозная линия Мажино с громадными траншеями по обеим сторонам, откуда велась и проигрывалась война за жизнь.

– Comment allez-vous?[26] – спросил Гамаш, отводя взгляд от этих необузданных глаз.

– Я в порядке, merci. А как поживаете вы? – спросил месье Финни. Его глаза быстро вертелись, оглядывая крупного человека, возвышавшегося над ним. Сканируя его. – Выглядите неплохо.

Прежде чем Гамаш успел ответить, из коридора донесся певучий голос:

– Берт, кто там?

– Друг Питера. Арман Гамаш.

Месье Финни отступил, пропуская Гамаша в монреальский дом, принадлежащий матери и отчиму Питера Морроу.

– Как это мило с его стороны.

Берт Финни повернулся к гостю:

– Айрин будет рада вас видеть.

Он улыбнулся – так могло бы улыбаться спрятавшееся под кроватью чудовище, которого боятся дети, ложась спать.

Но настоящий кошмар был еще впереди.

Когда Гамаш получил серьезное ранение, среди тысяч присланных ему открыток была одна очень красивая, подписанная Айрин и Бертом Финни. Старший инспектор хотя и чувствовал благодарность за пожелания, но понимал, что вежливость не стоит путать с искренней добротой. Первая – следствие воспитания, социальных навыков. Вторая дается от природы.

Один из подписавших открытку сделал это из вежливости, другой – из

доброты. И Гамаш прекрасно знал, кто чем руководствовался.

Он последовал за Финни по коридору в светлую гостиную. Мебель здесь представляла собой смесь британской старины и превосходных изделий из квебекской сосны. Старший инспектор, будучи большим почитателем как ранних квебекцев, так и изготовленной ими мебели, старался не слишком откровенно глазеть по сторонам.

На удобном диване лежало покрывало жизнерадостных, но неярких тонов, на стенах висели картины известных канадских художников: Жан-Поля Лемье, Александера Джексона, Кларенса Ганьона.

Но ни одной работы Питера Морроу. Или Клары.

– Bonjour.

Гамаш прошел к креслу у окна. Там сидела пожилая женщина. Айрин Финни. Мать Питера.

Ее мягкие седые волосы были убраны в свободный узел. Глаза светились чистейшей голубизной. Кожа розоватая, тонкая, изборожденная морщинами. Свободное платье на пухлом теле; любезное выражение на лице.

– Месье Гамаш, – проговорила Айрин Финни приветливо.

Она протянула Гамашу руку, и он пожал ее с легким поклоном.

– Я вижу, вы полностью выздоровели, – заметила она. – Пополнели.

– Хорошая еда и физические нагрузки, – объяснил Гамаш.

– Ну конечно, хорошая еда, – с сомнением произнесла она.

Гамаш улыбнулся:

– Мы живем в Трех Соснах.

– А, тогда все понятно.

Гамаш не стал спрашивать, что понятно мадам Финни, хотя у него возникло такое желание. То был первый шаг в пещеру. А он не испытывал ни малейшего желания проникать в берлогу этой женщины глубже, чем он уже шагнул.

– Что вам принести? – спросил месье Финни. – Кофе? Может, лимонад?

– Нет, спасибо, ничего не надо. К сожалению, это не визит вежливости. Я приехал…

Гамаш сделал паузу. Он не мог сказать «по делу», поскольку больше не занимался делами и не имел личного касательства к вопросу. Пожилая пара смотрела на него. Вернее, смотрела мадам Финни, тогда как ее муж повернул нос в сторону гостя.

Увидев озабоченность, проступающую на лице месье Финни, Гамаш отбросил последние сомнения:

– Я пришел задать вам несколько вопросов.

Облегчение на уродливом лице Финни было очевидным, а черты мадам хранили спокойное учтивое выражение.

– Значит, никаких дурных новостей? – спросил Финни.

Проработав несколько десятилетий в Квебекской полиции, Гамаш привык к подобной реакции. Его воспринимали так же, как незваного ночного гостя, молотящего в дверь, старика-почтальона на велосипеде, доктора с мрачным лицом. Он был хорошим человеком, несущим дурные новости. Когда глава отдела по расследованию убийств приходил в дом, поводом для его визита почти всегда было несчастье. И похоже, этот призрак продолжал преследовать его после отставки.

– Я хотел узнать, слышали ли вы что-нибудь от Питера в последнее время.

– Почему вы спрашиваете? – удивилась мать Питера. – Ведь вы его сосед.

Голос оставался теплым, дружелюбным. Но взгляд стал острее. Гамаш почти услышал скрежет скребка по камню.

Он обдумал ее слова. Она явно не в курсе, что Питер вот уже больше года отсутствует в Трех Соснах. Не знает она и того, что Питер и Клара расстались. Они вряд ли будут ему благодарны, если их взаимоотношения станут предметом досужих разговоров в семье.

– Он уехал в путешествие, скорее всего, ищет вдохновения, – ответил Гамаш. Это, вероятно, было правдой. – Но он не сказал, куда поехал. А мне нужно с ним связаться.

– Почему вы не обратились к Клэр? – удивилась мадам Финни.

– Кларе, – поправил ее муж. – Она, наверное, уехала с ним.

– Однако инспектор не сказал, что уехали «они», – заметила мадам. – Я услышала только «он».

Айрин Финни обратила приветливое лицо к Гамашу. И улыбнулась.

Ни один факт не проходил мимо этой женщины, а истина ее вообще не интересовала. Из нее получился бы великий инквизитор. А вот исследовательской жилки в ней не было. Господь обделил ее любопытством, подарив взамен острый ум и умение находить слабые места.

Как ни старался Гамаш, она нащупала это слабое место. И вцепилась в него.

– Неужели он наконец-то бросил ее? И теперь она хочет вернуть Питера, а вы – ищейка, которая должна его найти и привести в ту деревню.

Три Сосны в ее устах превращались в сомнительные трущобы, а

попытка вернуть туда Питера – в преступление против человечности. К тому же она обозвала Армана Гамаша ищейкой. По счастью, Гамаш часто имел дело с собаками-следопытами, а в свой адрес слышал слова и похуже.

Он выдержал взгляд невинных глаз и улыбку мадам Финни. Не возмутился, не отвернулся.

– У Питера есть какое-нибудь любимое место, где он рисует? Может, он мечтал куда-нибудь поехать в детстве?

– Вы ведь не думаете, что я помогу вам найти Питера, чтобы вернуть его жене? – спросила Айрин Финни. Тон ее оставался вежливым. В нем появилась слабая нотка неодобрения, но не более. – Питер мог бы стать величайшим художником своего поколения, если бы жил в Нью-Йорке, или Париже, или даже здесь, в Монреале. Где он смог бы вырасти в профессиональном плане, знакомился бы с коллегами, владельцами и клиентами галерей. Художнику нужны стимулы, поддержка. Клэр это понимала и потому увезла его как можно дальше от культуры. Она похоронила Питера и его талант.

Мадам Финни терпеливо втолковывала все это Гамашу. Просто констатировала факты, которые и без того были бы очевидны, если бы этот крупный человек не был глуповат, туповат и тоже не похоронил бы себя в Трех Соснах.

– Если Питер наконец-то вырвался из ее хватки, я не буду помогать вам в его поисках, – закончила она.

Гамаш кивнул, отвел глаза и скользнул взглядом по стенам. И тут же нашел утешение в образах сельского Квебека. Скалистые, волнообразные, суровые пейзажи, так хорошо ему знакомые.

– Замечательная коллекция, – похвалил он.

Его восторг был искренним. Мадам Финни знала толк в искусстве.

– Спасибо. – Она чуть наклонила голову, принимая комплимент и подтверждая правоту его слов. – Ребенком Питер часами сидел перед этими полотнами.

– Однако у вас нет ни одной его работы.

– Нет. Он еще не заслужил, чтобы его картины висели рядом с этими. – Она повернула голову к стене. – Может, когда-нибудь.

– Что же он должен сделать, чтобы заслужить место на стене? – съязвил Гамаш.

– А-а, извечный вопрос, старший инспектор? Откуда берутся гении?

– Разве я об этом спросил?

– Конечно об этом. Я не окружаю себя посредственными вещами. Когда Питер создаст шедевр, я повешу его на стену. Рядом с остальными.

Работы на стене отличались разнообразием. Александер Джексон, Эмили Карр, Том Томсон. Они словно пребывали в заключении. Повешены до умирания. Как напоминание о сыне, не оправдавшем надежды. Мальчиком Питер сидел перед картинами и мечтал, что в один прекрасный день его работа окажется среди них. Гамаш почти видел того ребенка: аккуратно одетый, с безупречной стрижкой, он сидит на ковре, скрестив ноги. Смотрит на творения гениев. И мечтает создать что-нибудь столь прекрасное, что ему будет гарантировано место в доме матери.

И терпит неудачу.

Эти стены, эти картины стали надвигаться на Гамаша, и ему захотелось уйти. Но он не мог. Пока.

Мадам Финни смотрела на него. Сколько людей заглядывали в ее глаза и видели там гильотину, костер или виселицу?

– У вас здесь одни пейзажи, – сказал Гамаш, не отводя взгляда. – Большинство написано в квебекских деревнях. Эти художники находили там вдохновение, создавали свои лучшие творения. Вы хотите сказать, что музы обитают только в больших городах? Что творчество невозможно в сельской местности?

– Не пытайтесь сделать из меня дурочку, – огрызнулась она, сбросив маску вежливости. – Все художники разные. Я мать Питера. Я знаю его. Кто-то может процветать в глуши, но Питеру необходимы стимулы. Его жена это знала и намеренно его изолировала. Искалечила. Тогда как ему требовались поддержка и поощрение.

– А вы давали ему это? – спросил Гамаш.

Непоседливо бегающие глаза месье Финни сфокусировались на госте. Наступило молчание.

– Я думаю, что поддерживала моего сына больше, чем ваши родители – вас, – сказала мадам Финни.

– У моих родителей, как вам известно, не было такой возможности. Они погибли, когда я был ребенком.

Она в упор смотрела на него.

– Я все время спрашиваю себя, как бы они отнеслись к вашему выбору профессии. Полицейский… – Мадам разочарованно покачала головой. – Да к тому же полицейский, которого пытались убить коллеги. Вряд ли это можно назвать успехом. Кстати, вас ведь, кажется, ранил ваш же инспектор? Это правда?

– Айрин, – произнес месье Финни, в его обычно кротком голосе послышалась предостерегающая нотка.

– Если уж быть справедливым, то я тоже стрелял в одного из моих

коллег. Видимо, такая уж карма.

– Убили его, насколько я помню. – Она смерила Гамаша гневным взглядом. – В лесу у той самой деревни. Неужели вас не преследует это видение каждый раз, когда вы там проходите? Если, конечно, вы не гордитесь содеянным.

Как же случилось, что он все-таки оказался в пещере? И затащило его туда улыбающееся ловкое существо. Затащило и выпотрошило.

И еще не закончило своего дела.

– Интересно, что бы сказали родители, узнав о решении сына уйти в отставку. Убежать и спрятаться в той деревне. Вы говорите, что Питер потерпел неудачу? Но он, по крайней мере, не опускает рук.

– Вы совершенно правы, – ответил Гамаш. – Я никогда не узнаю, что бы сказали родители о моем выборе.

Он протянул ладонь. Она пожала ее, и Гамаш наклонился, приблизив губы к уху мадам. Он почувствовал, как ее волосы щекочут его щеку, вдохнул запах духов «Шанель № 5» и детской присыпки.

– Однако я знаю, что мои родители меня любили, – прошептал он, потом немного отстранился, чтобы видеть ее глаза. – А Питер знает?

Гамаш выпрямился, кивнул месье Финни и пошел по темному коридору к выходу из этого дома.

– Постойте…

Гамаш помедлил у двери, повернулся и увидел, что Финни ковыляет к нему.

– Вы беспокоитесь о Питере? – спросил старик.

Гамаш посмотрел ему в глаза и кивнул:

– Было какое-то место, куда он ездил ребенком? Какое-то особое для него место? Любимое? – Он помедлил. – Безопасное?

– Вы имеете в виду реальное место?

– Да. Когда человек переживает трудные времена, его тянет туда, где он был счастлив когда-то.

– И вы считаете, что Питер переживает трудные времена?

– Да.

Финни задумался, потом покачал головой:

– К сожалению, ничего такого мне не приходит на ум.

– Merci, – сказал Гамаш.

Он пожал руку Финни и вышел, стараясь идти размеренным шагом. Стараясь не спешить. Хотя ему и хотелось побыстрее оказаться подальше от этого дома. Он почти слышал, как Эмили Карр, Александер Джексон и Кларенс Ганьон зовут его. Умоляют забрать с собой. Умоляют ценить их, а

не держать просто за их ценность.

Сев в машину, Гамаш перевел дыхание, вытащил телефон и увидел послание от Бовуара. Жан Ги приехал с ним в Монреаль, и Гамаш высадил его возле управления.

«Ланч?» – спрашивал Жан Ги.

«„Май Сян Юань“, Чайна-таун», – ответил Гамаш.

Через минуту его телефон заверещал. Жан Ги прислал ответ, что будет ждать его там.

Вскоре за мантами они смогли сравнить записи.

Глава восьмая

Жан Ги Бовуар проделал в верхушке манта отверстие и налил туда соевый соус. Потом подцепил мант ложкой и заправил в рот.

– Мм!

Гамаш проследил за ним, радуясь хорошему аппетиту Жана Ги.

Потом подхватил палочками креветку и мант с кинзой и съел.

Бовуар отметил, что рука шефа больше не дрожит. По крайней мере, заметно. Перестала дрожать.

Захудалый ресторанчик в Чайна-тауне заполнялся посетителями.

– Вавилонское столпотворение, – проговорил Жан Ги, стараясь перекричать шум.

Гамаш рассмеялся.

Бовуар отер подбородок бумажной салфеткой и заглянул в блокнот, лежащий на ламинированной столешнице рядом с тарелкой.

– Итак, вот что мы имеем, – сказал он. – Я проверил на скорую руку движение кредиток и банковских карточек Питера. Уехав от Клары, он около недели провел в отеле в Монреале. Снимал двухкомнатный номер в «Кристалле».

– Двухкомнатный? – переспросил Гамаш.

– Но не из самых больших.

– Значит, он все же не стал облачаться во власяницу, – заметил Гамаш.

– Да. Если кашемировый костюм не считать власяницей.

Гамаш улыбнулся. По стандартам семейства Морроу изысканный отель «Кристалл» считается, вероятно, подобием хлева. Он не идет ни в какое сравнение с «Рицем».

– А потом? – спросил Гамаш.

– Рейс «Эйр Канада» до Парижа. Географический симптом? – предположил Бовуар.

Гамаш подумал немного:

– Не исключено.

Следователи знали, что отчаявшиеся люди бегут от несчастья. От одиночества. От неудач. Они бегут, предполагая, что вся беда здесь. Думают, что где-нибудь в другом городе начнут с чистого листа.

Из этого редко что-то получается. Проблема не в географии.

– Где он остановился в Париже?

– В отеле «Ориан». В Пятнадцатом округе.

– Vraiment?[27] – удивился Гамаш.

Он хорошо знал Париж. В Шестом округе Парижа, в крохотной квартирке, жил его сын Даниель с семьей – женой Розлин и двумя детьми.

– Вы ждали чего-то другого, patron? – спросил Жан Ги, который на вечеринках притворялся, будто знает Париж, хотя это было не так.

Еще он прикидывался, будто не знает восточную окраину Монреаля[28]. И это тоже не соответствовало действительности.

Но с Гамашем он давно уже перестал притворяться.

– Пятнадцатый округ – хороший район, – кивнул Гамаш. – Обжитой. Многонаселенный.

– Не сказать, что богемный.

– Именно, – подтвердил Гамаш. – И сколько он там оставался?

Бовуар посмотрел в свои записи:

– В отеле? Несколько дней. Потом он четыре месяца снимал квартиру. Уехал незадолго до окончания срока аренды.

– Куда?

– Судя по кредитке, он купил билет на скоростной поезд в один конец во Флоренцию, а еще через две недели – в Венецию, – продолжил Бовуар. – Решил поездить по свету.

Да, подумал Гамаш. Гончие хватали Питера Морроу за пятки. В этой гонке по Европе Гамаш видел намек на отчаяние. Похоже, никакого плана в метаниях Питера не было.

Однако то, что Питер выбирал города, знаменитые своими художниками, не походило на случайность.

– Пока у меня есть только кредитные карточки и банковские выписки, – сказал Бовуар. – Мы знаем, что из Венеции он полетел в Шотландию…

– В Шотландию?

Бовуар пожал плечами:

– Да. А оттуда – назад в Канаду. В Торонто.

– Он и сейчас там?

– Угадайте, куда он отправился из Торонто.

Гамаш строго посмотрел на Бовуара. После посещения матери и отчима Питера он не испытывал желания играть в угадайку.

– В Квебек-Сити.

– Когда это было? – спросил Гамаш.

– В апреле.

Гамаш быстро прикинул: четыре месяца назад. Поставив чашку с

зеленым чаем, он воззрился на Бовуара.

– В Квебек-Сити он снял со своего банковского счета три тысячи долларов.

Бовуар оторвался от своих записей и медленно закрыл блокнот.

– А потом – ни следа. Он исчез.

Клара и Мирна сидели в гостиной Гамашей. В камине горели дрова, Гамаш разливал напитки. Холодный воздушный фронт принес с собой противный дождь.

Вообще-то, особой нужды в камине не было. Гамаш растопил его, чтобы взбодриться, а не для тепла.

Анни ушла обедать со своей приятельницей Доминик в бистро, оставив родителей и мужа разговаривать с Кларой.

– Прошу. – Гамаш подал Мирне и Кларе стаканы с виски.

– Вы бы лучше принесли бутылку, – буркнула Клара.

У нее было выражение испуганного авиапассажира, который во все глаза смотрит на стюардесс во время взлета. Пытается прочесть по их лицам, не случилось ли чего-нибудь.

«Нам ничто не угрожает? Все идет нормально? Что это за запах?»

Гамаш сидел рядом с Рейн-Мари, а Бовуар притащил из угла старинное «ушастое» кресло, замкнув их маленький круг.

– Вот что мы нашли, – сказал Гамаш. – Пока фактов немного, и какие-то выводы делать преждевременно.

Кларе не понравилась такая формулировка. Попытка успокоить, утешить. Значит, утешение необходимо. Значит, что-то все-таки случилось.

Значит, этот запах – запах дыма, а этот звук издает вышедший из строя двигатель.

Арман и Жан Ги рассказали им о том, что удалось узнать. Услышав о визите к матери Питера, Клара сделала глубокий, очень глубокий вдох.

Мирна, сидевшая напротив нее, впитывала информацию на тот случай, если Клара упустит какие-то важные моменты.

– Покинув деревню, Питер отправился на несколько дней в Монреаль, а потом улетел в Париж, – сообщил Жан Ги. – Оттуда он уехал во Флоренцию, а потом в Венецию.

Клара кивнула, давая понять, что следит за его рассказом. Пока ничего страшного.

– Из Венеции Питер улетел в Шотландию, – продолжил Бовуар.

Клара перестала кивать:

– В Шотландию?

– Что он забыл в Шотландии? – удивилась Мирна.

– Мы надеялись, что вы нам скажете, – обратился Гамаш к Кларе.

– В Шотландию, – тихо повторила Клара, уставившись на камин. Потом тряхнула головой. – Куда именно?

– На карте проще увидеть. Давайте я вам покажу.

Гамаш поднялся с низкого дивана и минуту спустя вернулся с атласом. Раскрыл его на кофейном столике и нашел нужную страницу.

– Он улетел в Глазго. – Арман указал точку.

Все склонились над картой.

– Там Питер сел на автобус.

Он провел черту от Глазго на юг. Все дальше на юг. По петляющей дороге. Мимо городков с названиями Беллсхилл, Лесмахагоу, Моффат.

Тут он остановился.

Клара наклонилась пониже:

– Дамфрис?

Она нахмурила брови, пытаясь прочесть слово, или понять его значение, или и то и другое. Наконец она выпрямилась и посмотрела на Гамаша:

– Вы уверены?

– Абсолютно, – ответил Бовуар.

Последовала пауза.

– Может, это был не Питер? Может, кто-то похитил его кредитку? – спросила Клара. – И его паспорт?

Она встретила взгляд Армана. И не отвела глаз, понимая, к чему ведут ее вопросы. Любой живой человек, потерявший документы или ограбленный, обязательно сообщил бы в полицию. Если же такого сообщения не последовало, значит владелец документов мертв.

– Это возможно, – признал Гамаш. – Но маловероятно. Преступник должен был знать его пин-коды и быть похожим на него. Агенты службы безопасности и миграционной службы теперь внимательно сличают фотографию на паспорте с оригиналом.

– И все же такая вероятность существует? – настойчиво повторила Клара.

– Очень малая. Мы подключили агентов, чтобы проверили, – сказал Бовуар. – И мы исходим из наиболее вероятного сценария, что это был сам Питер.

– Но как мог Питер покинуть Венецию ради Дамфриса? – спросила Мирна.

– Я согласен, это странно, – кивнул Гамаш. – Если только у Питера не

имелось какого-то особого интереса к Шотландии.

– Ни о чем таком он не упоминал, – сказала Клара. – Хотя шотландский виски он не любит.

Мирна улыбнулась:

– Может, все и в самом деле просто. В Париж за прекрасным вином, во Флоренцию за «Кампари», в Венецию за… – Она запнулась.

– За «Беллини», – подхватила Рейн-Мари. – Мы как-то пили этот коктейль в «Баре Гарри», где его и придумали. Ты помнишь, Арман?

– Мы сидели в баре на набережной и смотрели, как проплывают мимо вапоретто, – припомнил он. – Коктейль назвали так по цвету мантии на одной из картин Беллини. Он розовый.

– Розовый? – протянул Жан Ги.

– Вы предполагаете, что Питер проехал всю Европу, пьянствуя? – спросила Клара. – Гранд-тур а-ля Рут Зардо?

– Не смотрите на меня, – сказал Гамаш. – Это не моя гипотеза.

– Тогда какая у вас гипотеза? – хмыкнула Клара.

Гамаш помрачнел, глубоко вздохнул:

– У меня пока ее нет. Слишком рано. Но в одном я уверен, Клара. Каким бы странным это ни казалось, у Питера были причины посетить эти города. Только нужно понять их.

Клара снова склонилась над столом, глядя на точку на карте:

– Он все еще там?

Бовуар покачал головой:

– Оттуда он улетел в Торонто…

– Он в Торонто? – перебила его Клара. – Почему же вы мне сразу не сказали? – Однако, увидев их лица, она запнулась. – Что случилось?

– Он там не задержался, – ответил Гамаш. – В апреле Питер улетел из Торонто в Квебек-Сити.

– И того лучше, – обрадовалась Клара. – Он возвращается домой.

– В Квебек-Сити, – повторил Гамаш. – Не в Монреаль. Если бы он собирался домой, то отправился бы в Монреаль, non?

Клара на мгновение возненавидела его. Ну почему ей не позволяют хоть ненадолго остаться со своими иллюзиями?

– Может, он просто хотел посмотреть Квебек-Сити, – выпалила она как из пулемета. – Хотел его нарисовать, пока ждет… – Она запнулась. – Пока ждет возвращения домой.

Но он не вернулся.

– В апреле он снял три тысячи долларов со своего банковского счета, – сказал Жан Ги, чтобы поскорее покончить с этим.

Потом замолчал и посмотрел на Гамаша.

– Это последнее, что удалось узнать о нем, – добавил Арман.

Клара замерла. Мирна положила свою большую ладонь на ее руку и почувствовала, какая она холодная.

– Может, он все еще там, – пробормотала Клара.

– Oui, – сказал Гамаш. – Безусловно.

– Где он остановился?

– Мы не знаем. Но пока еще рано. Вы правы, он вполне может находиться в Квебек-Сити. Но с тем же успехом он мог взять деньги и отправиться еще куда-нибудь. Изабель Лакост использует ресурсы Квебекской полиции, чтобы его найти. Жан Ги занят его поисками. Я тоже. Но это займет какое-то время.

Рейн-Мари подбросила в камин полено, отчего по топке разлетелись искры. Потом она ушла в кухню.

Оттуда донесся запах запеченного лосося с ароматами эстрагона и лимона.

Клара встала:

– Я еду в Квебек-Сити.

– Зачем? – Мирна тоже поднялась. – Я знаю, ты хочешь что-то делать, но толку от этого никакого.

– Откуда ты знаешь? – огрызнулась Клара.

Гамаш тоже встал:

– Есть кое-что, что вы могли бы сделать. Не уверен, что из этого что-нибудь получится, но попытаться можно.

– Что?

– У Питера в Торонто есть родня…

– Его старший брат Томас и сестра Марианна, – подтвердила Клара.

– Я собирался позвонить им завтра и спросить, не выходил ли Питер на контакт. Может, он у кого-то из них останавливался.

– Вы хотите, чтобы я им позвонила?

Немного помешкав, он сказал:

– Вообще-то, я подумал, что вы могли бы туда съездить.

– Зачем? – спросила Клара. – Разве нельзя просто позвонить? Вы ведь собирались.

– Верно, но беседовать с глазу на глаз всегда лучше. Особенно когда вы знаете тех, с кем разговариваете. – Гамаш посмотрел на Клару. – Мне кажется, вы сразу поймете, если они начнут лгать.

– Пойму.

– Но какое это имеет значение? – произнесла Мирна, когда они дружно

двинулись в кухню к Рейн-Мари. – Его там все равно уже нет.

– Однако несколько месяцев он там провел, – возразил Гамаш. – Он мог рассказать брату или сестре, куда собирается ехать и почему. Мог сказать им, что делал в Дамфрисе.

Гамаш остановился и посмотрел на Клару.

– У нас нет никаких зацепок в Квебек-Сити, а в Торонто они есть. И могут оказаться полезными. Или нет.

– Я поеду, – решила Клара. – Конечно поеду. Завтра прямо с утра.

У нее словно гора упала с плеч: наконец-то можно не только беспокоиться, но и что-то делать.

– Тогда я поеду с тобой, – раздался голос Мирны.

– А магазин? – спросила Клара.

– Я думаю, что все эти полчища жаждущих купить старую книгу подождут день-другой, – откликнулась Мирна, доставая ножи и вилки. – Попрошу Рут приглядеть за магазином. Она все равно большую часть дня спит в кресле у окна.

– Так это Рут? – изумилась Рейн-Мари. – А я думала, манекен.

Клара села и размазала лосося по тарелке. Пока остальные разговаривали, она слушала, как дождь барабанит по стеклу.

Ей не терпелось отправиться в путь.

Глава девятая

Клара и Мирна успели на утренний поезд, отправлявшийся с центрального вокзала в Монреале.

Клара прислушалась к стуку колес и ощутила знакомое успокаивающее покачивание. Она откинулась на спинку сиденья, удобно устроив голову на подголовнике, и стала смотреть в окно на леса, поля и фермы.

Она много раз проделывала это путешествие. Сначала одна, в Торонтский колледж искусств. Замечательное приключение. Потом – с Питером на художественные выставки. Всегда его выставки, не ее. Престижные выставки, куда его картины отбирались специальным жюри. Клара сидела рядом с Питером, держала его за руку. Радовалась за него.

Сегодня поезд казался одновременно знакомым и чужим. Питера рядом не было.

В расплывчатом зеркале оконного стекла она заметила, что Мирна смотрит на нее. Клара повернулась к подруге:

– Что?

– Ты хочешь, чтобы Питер вернулся?

Мирне уже некоторое время хотелось задать этот вопрос, но она все никак не могла улучить подходящий момент. И вот такой момент настал.

– Не знаю.

Не то чтобы Клара не могла ответить на вопрос подруги, просто ответов у нее было слишком много.

Просыпаясь утром в одиночестве, она хотела его возвращения.

Работая в своей мастерской, не хотела.

С друзьями в бистро или за обедом она совсем не тосковала по Питеру.

Но когда ела в одиночестве дома? Когда лежала одна в своей кровати? Она все еще иногда разговаривала с ним. Рассказывала о том, как провела день, делая вид, что он рядом. Делая вид, что ему не все равно.

Потом она выключала свет, поворачивалась на бок. И тосковала по нему еще сильнее.

Хотела ли она его возвращения?

– Не знаю, – повторила Клара. – Я попросила его уйти, потому что чувствовала его равнодушие, потому что он перестал меня поддерживать. Но не потому, что он стал мне безразличен.

Мирна кивнула. Она знала чувства Клары. За прошедший год они

много разговаривали о Питере. Дружба стала еще более тесной, Клара открывала ей тайники своей души.

Все, что переполняло ее, все, что женщины вроде бы не должны чувствовать и тем более показывать, – все это Клара доверила Мирне.

Слабость, страх, злость. Ужасное, мучительное одиночество.

– А если мне больше никогда не придется его целовать? – спросила как-то раз Клара зимним вечером, когда они сидели за ланчем перед камином.

Мирне тоже был знаком этот страх. Ей были известны все опасения Клары, потому что она их разделяла. И признавалась в этом Кларе.

И с течением времени, по мере того как дни становились длиннее, их дружба укреплялась. Ночи становились короче, и страхи отступали. Одиночество обеих женщин перестало быть таким нестерпимым.

«Ты хочешь, чтобы Питер вернулся?»

Мирна задала Кларе вопрос, который та побаивалась себе задавать.

В окне, за которым бесконечно тянулись леса, Мирна видела собственное призрачное отражение.

– А если с ним что-то случилось? – спросила Клара, уткнувшись в спинку кресла переднего ряда. – Я себе не прощу.

– Нет, – сказала Мирна. – Ты всего лишь попросила его уйти. То, что он делал после этого, было его собственным выбором.

– Но останься он в Трех Соснах, с ним ничего бы не случилось.

– Если только у него не было назначено свидание в Самарре.

– В Самарре? – Клара повернулась к подруге. – Ты это о чем?

– О Сомерсете Моэме.

– У тебя крыша поехала? – поинтересовалась Клара.

– Моэм пересказал эту историю в одной из своих пьес[29], – объяснила Мирна. – Я ведь читаю целыми днями, ты не забыла? Я знаю все такие темные дела. Мне повезло, что я не работаю в пекарне у Сары.

Клара рассмеялась:

– Я просто хочу его найти, узнать, что он жив-здоров. А там уж я буду продолжать жить по-своему.

– С ним или без него?

– Я думаю, что пойму, когда его увижу.

Мирна легонько похлопала Клару по руке:

– Мы его найдем.

Приехав в Торонто, они остановились в отеле «Ройял Йорк». Мирна приняла душ. Когда она вышла, Клара сидела за ноутбуком.

– Я пометила на карте все ведущие картинные галереи, – сказала

Клара, полуобернувшись и кивая на карту, лежащую на ее кровати. – Мы можем обойти их завтра.

Мирна села на кровать и, вытирая мокрые волосы, стала разглядывать карту с крестиками и кружочками.

– Я подумала, что нужно начать с брата и сестры Питера, – продолжила Клара. – Офис Томаса неподалеку, на Янг-стрит. Он назначил встречу на четыре. Марианна придет в бар отеля в половине шестого.

– Ты времени даром не теряла, – заметила Мирна. Она встала, чтобы посмотреть на страницу, которую Клара читала на мониторе. – Что тут у тебя интересного?

И тут у нее перехватило дыхание.

Наверху страницы было написано: «Уильям Сомерсет Моэм».

– «Слуга отправился на базар в Багдаде, – прочла Клара с экрана, сидя спиной к подруге. – Там его толкнула старая женщина. Он повернулся и узнал Смерть».

– Клара, – пробормотала Мирна, – я не…

– «Смерть пристально посмотрела на него, и слуга, испуганный, убежал. Он пошел прямо к хозяину и рассказал ему, что на базаре встретил Смерть и что ему нужно бежать, чтобы спастись. Хозяин дал ему коня, и слуга во весь опор поскакал в Самарру, уверенный, что там Смерть его не найдет».

– Я не знаю, почему вдруг вспомнила…

Клара сделала еле заметное движение рукой, и Мирна замолчала.

– «Позднее в тот же день хозяин пошел на базар и тоже встретил Смерть, – продолжила читать Клара. – Он спросил у нее, зачем она напугала его слугу, и Смерть объяснила, что вовсе не хотела пугать его. Просто она удивилась».

Клара повернулась и посмотрела на Мирну:

– Закончи эту притчу. Ты ее знаешь.

– Мне вообще не нужно было говорить…

– Прошу тебя, – настаивала Клара.

Наконец Мирна тихо заговорила:

– Смерть сказала: «Я просто удивилась, увидев его на базаре. Потому что у меня назначено свидание с ним сегодня вечером. В Самарре».

– Ты достала фотографию Питера? – спросил Гамаш у Лакост.

– Oui. И отправила ее в Квебек-Сити, – ответила она. – Они обещали этим заняться. Я также разослала ее по отделениям Квебекской полиции и в полицию Парижа, Флоренции и Венеции. Это было почти год назад, так

что многого ждать не приходится, но попробовать стоит.

Гамаш улыбнулся. Многие считали, что он сошел с ума или подсел на таблетки, когда он назначил женщину-инспектора, которой едва исполнилось тридцать, своим преемником – главой знаменитого отдела по расследованию убийств. Но он настоял на своем. И ни на минуту не усомнился в том, что сделал правильный выбор.

– Хорошо.

Он уже хотел отключиться, как вдруг вспомнил:

– Ах да, еще Дамфрис. Ты бы не могла и с ними связаться?

– Конечно. Я забыла.

Гамаш повесил трубку, несколько раз постучал по аппарату пальцем. Потом сел к компьютеру и вышел в Интернет.

Набрал в «Гугле» «Дамфрис».

– Что ж, это было не слишком полезно, – сказала Мирна. – Он всегда такой?

Они спустились на лифте и вышли в вестибюль «ТД Бэнк Тауэр»[30]. Мирна остановилась на секунду, чтобы восхититься творением Миса ван дер Роэ. Свет и высота. Контраст с тесным, замкнутым пространством на пятьдесят втором этаже, которое они только что покинули.

Томас Морроу был элегантен, высок, любезен. В каком-то смысле он олицетворял собой неординарное здание. Вот только в нем не было ничего открытого и яркого.

Офисное здание было больше, чем казалось снаружи. Томас Морроу был меньше.

– Хуже, – ответила Клара. – Я думаю, в твоем присутствии он старался выглядеть лучше, чем обычно.

– Ты шутишь, – сказала Мирна.

Их каблуки постукивали по мраморному полу. Часы над длинным мраморным столом службы безопасности показывали четыре часа тридцать пять минут. Томас Морроу заставил свою невестку прождать двадцать минут, а потом уделил ей десять минут своего времени, прежде чем перейти к более насущным вопросам, чем пропавший брат.

– Я уверен, с Питером все в порядке, – проговорил Морроу со снисходительной улыбкой. – Ты же его знаешь. Отправился куда-нибудь рисовать и забыл обо всем на свете.

Мирна ничего не говорила, просто смотрела на Томаса Морроу. На ее взгляд, ему было немногим больше шестидесяти. Он сидел, раздвинув ноги, демонстрируя посетительницам свой пах. На Томасе был прекрасно

скроенный костюм с шелковым галстуком. Его кресло стояло спинкой к окну, а значит, входящие видели господина Морроу на фоне громадных черных небоскребов и сверкающего огромного озера вдали.

Он напоминал монарха, окруженного символами власти, призванными скрыть его слабость.

Клара еле сдерживала ярость.

– Ты наверняка прав, но мне хотелось бы узнать, видел ли ты его, когда он был в Торонто.

Томас покачал головой:

– Я и не ждал, что он свяжется со мной. Как видишь, у меня на стенах нет картин.

Он не без гордости показал на ряд фотографий. Там были запечатлены не родные и не друзья, а торжества в связи с бизнес-достижениями. Кубки победителя гольф-турниров. Знаменитости, с которыми он встречался.

Чужие люди.

– Он, вероятно, ходит по выставкам и посещает галереи, – сказал Томас Морроу. – Ты туда не заглядывала?

– Хорошая идея, – ответила Клара с натянутой улыбкой. – Спасибо тебе.

Морроу поднялся и пошел к двери:

– Рад, что сумел помочь.

Вот и все.

– Можно было просто позвонить, – сказала Мирна, когда они вышли в топку торонтского лета.

Стены зданий излучали жар, солнечные лучи отражались от бетона и проникали в тротуар, отчего в тяжелом влажном воздухе висел запах асфальта.

Удивительно, но Мирна начала успокаиваться. Ее мать и бабку умиротворяли запахи скошенной травы, теплой выпечки, едва ощутимый аромат свежевыстиранного белья, сохнущего на веревке. Для поколения Мирны привычными стали искусственные запахи. Плавящийся асфальт означал лето. «Вейпораб»[31] означал зиму и заботу. А еще были порошковый лимонад и газировка, а также запах краски старого ризографа.

Все эти запахи утешали ее по причинам, которые требовали понимания, потому что к пониманию они не имели никакого отношения.

После нескольких лет, проведенных в Трех Соснах, ее пристрастия стали меняться. Она по-прежнему любила запах «Вейпораба», но теперь ценила также запах червей, выползающих после дождя.

– Мне хотелось видеть его, – сказала Клара, пока они ждали с толпой

других потеющих людей, когда загорится зеленый свет. – Чтобы понять, не лжет ли он, не утаивает ли что-то от меня.

– И как? Ты думаешь, он видел Питера или разговаривал с ним?

– Вряд ли.

Мирна задумчиво спросила:

– Почему он сказал про стены?

Впереди виднелся впечатляющий фасад отеля «Ройял Йорк». Громадный анахронизм у подножия современного города. И Мирна уже предвкушала вкус пива, которое она вскоре будет пить.

– Кто знает, почему Морроу говорят то или иное, – ответила Клара, остановившись у двери старого отеля.

Швейцар, потеющий в своей униформе, ухватился за ручку, готовый открыть для них дверь.

– Наверное, этим он хотел унизить Питера, – сказала Мирна. – Его, мол, больше интересует искусство, чем брат.

– И он был бы прав, – заметила Клара.

– Давай-ка выпьем пива, – предложила Мирна и направилась прямиком в бар.

Глава десятая

Рейн-Мари сунула толстую книгу под мышку и вышла в сияние дня.

– Внутри или снаружи, ma belle?[32] – спросил Оливье.

Она огляделась и выбрала столик на террасе, под громадным уличным зонтом.

Оливье вернулся через несколько минут с орешками-ассорти и высоким стаканом имбирного пива, мгновенно запотевшим в такую жару.

– Parfait, – сказала Рейн-Мари. – Merci[33].

Она сделала глоток и погрузилась в чтение, оторвавшись от книги только двадцать минут спустя, когда ей на колени легла чья-то голова.

Анри.

Она потрепала его по огромным ушам, поцеловала в лоб.

– Надеюсь, это ты, Серхио.

– Прости, но это всего лишь я, – рассмеялся Арман.

Он подтащил к столику стул и кивнул Оливье, который исчез внутри бистро.

– «История Шотландии», – прочел Гамаш надпись на обложке книги. – Внезапная страсть?

– Почему Дамфрис, Арман? – спросила Рейн-Мари.

– Я сам пытаюсь понять. Весь Интернет облазил.

– Нашел что-нибудь?

– Ничего стоящего, – признал он. – Распечатал кое-что. – Он положил листы на стол. – А ты?

– Да я только начала читать.

– Где ты ее взяла? – спросил Гамаш. – У Рут? – Он посмотрел на дверь магазина Мирны.

– У Розы. Рут спала в разделе «Философия».

– Спала, или вырубилась, или…

– Умерла? – подхватила Рейн-Мари. – Нет, я проверила.

– А что ей сделается? – фыркнул Оливье и поставил стакан с имбирным пивом перед Гамашем.

– Merci, patron, – пробормотал Гамаш.

Они прихлебывали пиво, рассеянно заедали его орешками и читали о шотландском городке.

– Боже мой, – сказала Мирна, оглядываясь.

Она остановилась как вкопанная в дверях бара в отеле «Ройял Йорк», чем вызвала небольшой затор.

– Сколько вас? – спросила ее молодая женщина.

– Трое, – ответила Клара, выглядывая из-за мощной фигуры Мирны.

– Прошу за мной.

Две истекающие по́том женщины двинулись за строгим стройным метрдотелем. Мирна чувствовала себя гигантом. Громадным, неповоротливым, растрепанным и немыслимым. И вообще, она была где-то в другом месте, невидимая за сиреной, ведущей их к столику.

– Merci, – поблагодарила Клара в силу привычки, забыв, что это англоязычный Онтарио, а не франкоязычный Квебек.

– Боже мой, – снова прошептала Клара, плюхаясь в шикарное «ушастое» кресло, обитое розоватым жатым бархатом.

Бар практически представлял собой библиотеку. Здесь удобно чувствовал бы себя Диккенс. Здесь мог бы найти полезную книгу Конан Дойль. Здесь могла бы сидеть за чтением Джейн Остин. И напиться при желании.

– Пиво, пожалуйста, – сказала Мирна.

– Два, – уточнила Клара.

Им казалось, будто из раскаленного, душного Торонто двадцать первого столетия они шагнули в прохладный сельский домик века девятнадцатого.

Пусть они и стали гигантами, но здесь была их естественная среда обитания.

– Значит, ты думаешь, у Питера было «свидание в Самарре»? – спросила Клара.

Голос ее звучал слишком ровно. Из своей многолетней практики Мирна знала, что именно так говорят люди, пытающиеся скрыть эмоции. Подавить их, выровнять, а через них и свои слова и голоса. Отчаянная попытка представить нечто ужасное как обыденное.

Но глаза Клары выдавали ее. Они молили Мирну об утешении.

Питер жив. Он рисует. Просто потерял счет времени.

Беспокоиться не о чем. Он и слыхом не слыхивал о Самарре.

– Извини, что ляпнула глупость, – сказала Мирна, улыбаясь официантке, которая принесла им пиво.

Все остальные в баре, похоже, пили какой-то мудреный коктейль.

– Однако ты это имела в виду? – не отступала Клара.

Мирна немного помедлила, глядя на подругу.

– Мне кажется, история Моэма не столько о смерти, сколько о судьбе.

У каждого из нас свое «свидание в Самарре».

Она поставила стакан и наклонилась над столиком красного дерева, понизив голос, так что Кларе тоже пришлось податься вперед, чтобы расслышать ее.

– Но вот в чем я абсолютно уверена, так это в том, что жизнь Питера принадлежит ему. Останется ли он на базаре, поскачет ли в Самарру – это его судьба. Не твоя. Вот скажи, ты стала бы ставить себе в заслугу что-нибудь замечательное, сделанное Питером за прошедший год?

Клара отрицательно покачала головой.

– Но при этом ты считаешь, что виновата, если случилось что-то плохое.

– А ты думаешь, что-то случилось?

Мирна, слегка раздраженная, хотела возразить, что говорит не об этом. Но, посмотрев на Клару, она поняла, что ее слова не дойдут до подруги, которой сейчас нужно только одно, и это не имеет отношения к логике.

– Нет, – сказала Мирна, взяв Клару за руку. – Я уверена, что с ним все в порядке.

Клара глубоко вздохнула, сжала руку подруги и откинулась на спинку кресла.

– Правда? – Она вгляделась в глаза Мирны, но не слишком глубоко и недолго.

– Правда.

Они обе знали, что Мирна лжет.

– Это она? – спросила Мирна, и Клара, повернув голову, увидела приближающуюся Марианну Морроу.

Клара познакомилась с Марианной, когда сестра Питера вела богемный образ жизни в Кэбиджтауне – районе Торонто, где обитают художники. Она изображала из себя поэтессу и пыталась привлечь к себе внимание своих безразличных родителей. В качестве оружия она выбрала беспокойство.

Образ молодой женщины, в равных долях несдержанной и отчаявшейся, запечатлелся в мозгу Клары так прочно, что она и сегодня предполагала увидеть ту же Марианну. Ей понадобилось несколько минут, чтобы осознать, что в волосах Марианны блестит седина и бывшая поэтесса, пусть не утратившая богемного облика, превратилась в успешного дизайнера. У нее есть ребенок. И она единственная из родни Питера, кого Клара переваривает. Да и то с трудом.

Клара поднялась и представила Мирну, потом все трое сели. Марианна заказала мартини и посмотрела на невестку и ее подругу.

– А где Питер? – спросила она.

– Почему Дамфрис? – спросил Гамаш, отрываясь от своих распечаток. – Городок достаточно привлекательный, но почему Питер предпочел его Венеции?

Рейн-Мари опустила свою толстую книгу.

– Тут сплошной туман. Милый шотландский городок. Одно время – место обитания друидов, потом там появились римляне, потом шотландцы его отвоевали.

– Какие-нибудь известные художники там жили?

– Судя по тому, что я прочла, там вообще не было никаких знаменитых горожан.

Гамаш устроился поудобнее и глотнул пива, наблюдая за детьми на деревенском лугу. За друзьями и соседями, идущими по своим делам в этот теплый августовский день. За машинами, медленно едущими в деревню и из нее.

Потом он подался вперед:

– А что, если Питера привлек вовсе не Дамфрис? – Он потянул к себе книгу Рейн-Мари. – Возможно, город находится на пути к другому месту.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Клара.

– Вы с Питером всегда вместе, – сказала Марианна Морроу. – Я подумала, что он к нам сейчас присоединится.

У Клары упало сердце.

– Я приехала, чтобы задать тебе тот же вопрос.

Марианна посмотрела на Клару с недоумением:

– Ты хотела узнать у меня, где Питер? То есть ты этого не знаешь?

Мирну заинтересовали выражение ее лица и интонация. Марианна казалась озабоченной, по крайней мере внешне. Но за этим крылось что-то еще.

Возбуждение. Мирна немного отодвинулась от Марианны Морроу.

Томас с его расставленными ногами и покровительственной улыбкой хотя бы не пытался скрыть презрения. А Марианна скрывала. Только не презрение, подумала Мирна, а скорее что-то вроде голода.

Сестра Питера смотрела на Клару, как голодающий смотрит на изобильный шведский стол. Марианна жаждала дурных новостей, которые предлагала ей Клара.

– Он пропал, – сообщила Клара.

У Марианны заблестели глаза.

– Это ужасно.
– Когда ты видела его в последний раз? – спросила Клара.
Марианна задумалась:
– Он обедал с нами прошлой зимой, только не помню день.
– Ты его пригласила?
– Он явился без приглашения.
– Зачем?
– Зачем? – переспросила Марианна. – Затем, что я его сестра. И он хотел меня видеть.
Она сделала вид, что оскорблена, но все понимали: это игра.
– Нет, правда, – повторила Клара. – Зачем?
– Понятия не имею, – призналась Марианна Морроу. – Может, он хотел посмотреть, как поживает Бин.
– Бин? – Мирна не слышала этого имени прежде.
– Это… – Клара заколебалась, надеясь, что сидящая напротив нее женщина сама даст ответ.
Но Марианна Морроу молча улыбалась.
– Это ребенок Марианны, – закончила Клара.
– Вот как, – сказала Мирна, слегка озадаченная этой заминкой.
Марианна впилась взглядом в Клару:
– А ты когда видела его в последний раз?
К удивлению Мирны, Клара не замедлила с ответом:
– Мы разошлись около года назад. Я его не видела и не слышала с прошлого лета. Это было что-то вроде пробного развода. Питер обещал вернуться через год.
Мирна пристально взглянула на подругу. И не обнаружила ни намека на то, как тяжело дались Кларе эти слова. Как трудно было ей подбирать их весь день. И всю ночь.
– Но он не вернулся. – Марианна все еще пыталась изображать озабоченность, но ее удовлетворение было слишком очевидным.
Мирна не понимала, с чего это Клару понесло.
– Только, пожалуйста, никому ни слова.
– Разумеется, – ответила Марианна. – Я знаю, что он заезжал в колледж искусств. Сам рассказал нам, когда приходил на обед.
– Он там учился, – напомнила Клара Мирне.
– Кажется, он еще заходил в какие-то галереи.
Марианна Морроу внезапно стала разговорчивой, и Мирна поняла, почему Клара открылась ей. Она подкармливала Марианну, набивала ей рот. А Марианна все съедала – чревоугодник на банкете дурных новостей.

Объевшись, она становилась сонной, теряла осторожность. Выбалтывала информацию.

– У меня предложение. Приходите сегодня ко мне на обед.

Мирна увидела, как на губах Клары мелькнула улыбка, и прониклась еще большим уважением к подруге.

– Нашла что-нибудь? – поинтересовался Арман, оторвавшись от книги по Шотландии.

Рейн-Мари отрицательно покачала головой и отложила распечатки. Они обменялись материалами, надеясь, что другой взглянет на них свежим глазом.

– А ты? – спросила она.

Он снял очки и протер глаза:

– Ничего. Но кое-что еще в перемещениях Питера вызывает у меня вопросы. – Гамаш придвинулся к столику. – Отсюда он почти сразу же улетел в Париж.

– Oui, – кивнула Рейн-Мари.

– И нашел себе жилье в пятнадцатом округе.

Теперь Рейн-Мари поняла, чем озадачен Арман:

– Не самое подходящее место для художника.

– Нам нужна подробная карта Парижа, – сказал он, вставая. – У нас дома она есть, но у Мирны тоже наверняка найдется.

Он вернулся через несколько минут со старой картой, старым путеводителем и старой поэтессой.

Рут уселась на стул Гамаша, ухватила его стакан с имбирным пивом одной рукой и остатки орешков – другой.

– В последний раз Питера видели в Квебек-Сити, – проворчала она. – И что же ищет Клузо?[34] Карту Парижа. Господи Исусе. Сколько народу тебе пришлось отравить, чтобы пробиться в старшие инспекторы?

– Столько, что еще одного можно и не учитывать, – ответил он, и Рут фыркнула.

Поморщившись, она отодвинула стакан Гамаша и поманила к себе Оливье.

– Лекарство, – заказала она. – Алкогольное.

Рейн-Мари сообщила ей о том, какой округ в Париже выбрал Питер, на что Рут покачала головой:

– Он чокнулся. Да и кто бы не чокнулся, прожив столько лет с Кларой? Только не говорите ей.

Они втроем склонились над картой и путеводителем, выискивая в

пятнадцатом округе что-нибудь такое, что могло привлечь Питера.

– Планируете путешествие? – спросил Габри. Он поставил на стол маленькую тарелку с маринованными огурчиками, холодным мясом и оливками и присоединился к ним. – Меня возьмете?

Узнав, чем они заняты, он поморщился:

– Пятнадцатый? Что же задумал Питер?

Двадцать минут спустя, ничуть не продвинувшись в поисках, они переглянулись.

Что было на уме у Питера?

– А это Бин, – сказала Марианна.

Перед Кларой и Мирной стояло создание лет двенадцати-тринадцати. В джинсах, свободной рубашке, с волосами до плеч.

– Привет, – сказала Мирна.

– Хай.

– Бин, ты помнишь тетю Клару?

– Конечно. Как поживает дядя Питер?

– Уехал в творческую поездку, – ответила Клара, чувствуя на себе проницательный взгляд юного существа.

В этом ребенке было много очевидного: вежливость, спокойствие, ум. Наблюдательность.

Неясно было одно: мальчик Бин или девочка.

Осознав, что родители не желают ее замечать, что бы она ни делала, Марианна Морроу избрала другой путь. Ее супружество принесло плод. Плоду она дала имя Бин[35]. А в довершение всего нанесла убийственный удар, не известив семейство о том, какого пола ее чадо. Марианна родила не только ребенка, но и биологическое оружие.

Клара предполагала, что через некоторое время все так или иначе обнаружится. Либо Марианна устанет от своей шарады, либо Бин сам/сама выдаст себя. Либо с возрастом пол неминуемо проявится.

Но ничего этого пока не случилось. Ребенок оставался бесполым, а Морроу пребывали в неведении.

Обедали они молча. Марианна явно очень скоро пожалела о приглашении. После обеда чадо Марианны повело гостей наверх показать цветовой круг[36] – дядя Питер научил делать.

– Ты интересуешься искусством? – спросила Мирна, поднимаясь по лестнице вслед за ребенком.

– Не так чтобы очень.

Дверь в спальню открылась, и Мирна удивленно подняла брови.

– Замечательно, – прошептала она Кларе.

Стены спальни не были завешены постерами с поп-идолами или хоккейными звездами, вместо этого к ним были прикноплены картины. Возникало ощущение, будто в центре Торонто вдруг появилась неолитическая пещера.

– Мило, – сказала тетушка Клара, но Мирна бросила на нее предупреждающий взгляд – Что? – прошептала Клара. – Нормальная похвала.

– Ты и в самом деле хочешь похвалить это? – Мирна толстым пальцем ткнула в стену.

– Картинки – говно, – подал голос ребенок, усевшийся на кровать. – Но мне нравится.

Клара с трудом подавила улыбку. Именно такие чувства она испытывала к своим ранним работам. Она знала, что они говно. Но ей нравилось. Правда, больше никому, кроме нее.

Она снова обвела взглядом стены спальни. На сей раз без предубеждения. Решительно намереваясь найти что-нибудь хорошее среди этих творений.

Она переходила от одной картины к другой.

Приближалась. Отдалялась. Наклоняла голову в одну сторону, в другую.

Как бы она ни смотрела, они были ужасны.

– Вы не переживайте. Вовсе не обязательно, чтобы они вам нравились, – раздался голос с кровати. – Мне все равно.

Те же слова говорила юная Клара, видя вполне предсказуемое поведение людей, пытающихся выдавить что-нибудь похвальное о ее ранних работах. Людей, чье мнение было для нее важно. Чьего одобрения она ждала. «Мне все равно», – говорила она.

Но ей было не все равно. И она подозревала, что Бин чувствует то же самое.

– У тебя есть любимая картина? – спросила тетушка Клара, отринув собственные чувства.

– Вон та.

Палец указал на открытую дверь. Тетушка Клара закрыла ее и обнаружила прикнопленную к ней картину. Она была ужаснее остальных, если такое возможно. Если прочие творения принадлежали к эпохе неолита, картина на двери относилась к самому раннему этапу эволюции. У автора явно имелся хвост, а ходил он на всех четырех. Попадая костяшками

пальцев в краску.

Питер, учивший чадо своей сестры делать цветовой круг, оказался никудышным преподавателем. Этюды в спальне нарушали все правила искусства и большинство правил общепринятого этикета. От стен исходил дурной запах.

– И что тебе в ней нравится? – спросила Мирна голосом, сдавленным от сильных эмоций или от обеда в желудке.

– Вот это.

Указуя на картину, палец провел волнистую линию в воздухе. Клара поняла, что при закрытой двери Бин видит это творение, засыпая и просыпаясь.

Что же в нем такого особенного?

Она посмотрела на Мирну – ее подруга разглядывала картину. И улыбалась. Поначалу слабо, а потом все шире.

– Ты это видишь? – спросила Мирна.

Клара пригляделась к «шедевру». И тут что-то переключилось. Забавные красные загогулинки оказались улыбающимися губами. Картина была наполнена улыбками.

Это не делало ее лучше. Но определенно делало забавнее.

Клара повернулась к Бин и увидела широкую улыбку на серьезном лице.

– Художественный ген явно не передается в этом семействе по наследству, – сказала Мирна, когда они сели в такси.

– Я бы отдала кучу денег, чтобы Питер увидел, к чему привели его уроки, – заявила Клара, и Мирна фыркнула от смеха.

– Чем вы сегодня занимались? – поинтересовалась Рейн-Мари у Анни и Жана Ги за обедом на террасе в заднем саду.

– Мы с Доминик прокатились верхом по лесу, – сказала Анни, поглощая салат из арбуза, мяты и сыра фета.

– А ты? – спросил Арман у Жана Ги. – Я точно знаю: ты бы ни за что не сел на лошадь.

– На лошадь? – переспросил Бовуар. – Доминик говорит, что это лошади, но по меньшей мере одна из них – лось.

Рейн-Мари рассмеялась. Ни одна из лошадей Доминик не годилась для конной выставки. С ними плохо обращались, их запустили и в конечном счете отправили на бойню. Доминик их спасла.

Кони смотрели такими глазами, будто знали, что их спасли в последнюю минуту.

Такой же вид иногда бывал у Анри в минуты задумчивости. И у Розы. То же выражение Рейн-Мари иногда читала в глазах у Жана Ги.

И у Армана.

Они знали. О том, что были на волосок от смерти. Но еще они знали, что их спасли.

– Мы с Марком поработали во дворе, – сообщил Жан Ги. – А вы чем отличились?

Гамаш и Рейн-Мари поведали о своих попытках понять, почему Питер уехал в Дамфрис.

– И почему поселился в пятнадцатом округе в Париже, – добавила Рейн-Мари.

– Папа, а что там? – спросила Анни.

Арман поднялся и минуту спустя принес из дома карту Парижа.

– Прошу прощения, – сказал он. – Мне тут нужно проверить кое-что.

Он разложил карту на столе.

– Что вы ищете? – спросил Жан Ги, присоединяясь к нему.

Гамаш надел очки и склонился над картой. Спустя несколько минут он выпрямился.

– Во время прогулки вы останавливались посмотреть, как живет отец Марка? – спросил Арман у дочери.

– На минутку, – ответила Анни. – Мы привезли ему кое-какие продукты. А что?

– Телефона у него по-прежнему нет?

– Нет. А что?

– Так, одна мысль. Он какое-то время жил в Париже, – сказал Гамаш.

– Он довольно долго там жил, после того как мать Марка его выгнала, – уточнила Анни.

– Мне нужно с ним поговорить. – Арман повернулся к Жану Ги. – Ты готов прыгнуть в седло?

Бовуар посмотрел на него испуганно:

– Сейчас? Вечером? На лошадях – или кто уж они там?

– Сейчас темновато, поедем с самого утра, – ответил Гамаш.

– А зачем? – спросила Анни. – Что может знать Винсент Жильбер об исчезновении Питера?

– Возможно, ничего, но я помню, мы с ним разговаривали о его жизни в Париже. Он мне показывал, где останавливался.

Гамаш ткнул пальцем в карту.

Пятнадцатый округ.

Глава одиннадцатая

С галереями Торонто им не повезло. Никто не помнил, чтобы Питер Морроу появлялся, и все пытались уговорить Клару выставляться. Те самые галереи, которые всего несколько лет назад издевательски отвергали работы Клары, теперь всячески ее соблазняли.

Клара не держала на них зла. Галеристы были слишком тяжелы на подъем, а она ушла далеко вперед. Для нее это было очевидно. Но она заметила и другое. Свою готовность давать авансы. Она с удовольствием воспринимала лестные слова и завлекающие улыбки этих запоздавших ухажеров.

– Он был здесь? – спросила Клара у владелицы последней галереи в ее списке.

– Нет, не припомню, – ответила женщина, а администратор подтвердил, что за последний год Питер Морроу не договаривался о встрече.

– Но он мог просто заглянуть, – не отступала Клара.

Она показала хозяйке галереи фотографию одной из лучших работ Питера.

– Ой, я его знаю, – сказала женщина.

– Он заходил к вам? – обрадовалась Клара.

– Нет, я имею в виду, что мне знакомы его работы. Давайте поговорим о ваших картинах…

На том разговор и закончился. Клара была вежлива, но поспешила распрощаться, прежде чем ее успели соблазнить. Впрочем, визитку владелицы она взяла. На всякий случай.

Колледж искусств был их последней остановкой перед посадкой на вечерний поезд. В этом колледже Клара и Питер познакомились почти тридцать лет назад.

– ККИПО… – сказал секретарь.

– Красный крест… – начала было Мирна.

– Колледж канадского искусства провинции Онтарио, – перебил ее секретарь.

Он дал им брошюрку и ввел имя Клары Морроу в список выпускников. Видимо, это имя ни о чем ему не говорило, отчего Клара, с одной стороны, испытала облегчение, а с другой – почувствовала раздражение.

– Питер Морроу? – Его секретарь помнил. – Да, он приезжал сюда несколько месяцев назад.

– Значит, он говорил с вами? – Клара подалась вперед. – И чего хотел?

Вообще-то, она хотела спросить: «Как он выглядел?» – но вовремя придержала язык.

– Ну, просто услышать новости. Он узнавал, кто из прежних преподавателей еще работает.

– И что, кто-то работает?

– Всего один. Пол Мэсси.

– Профессор Мэсси? Вы шутите. Ему, должно быть…

– Восемьдесят три. Все еще преподает, все еще пишет картины. Мистер Морроу очень хотел его увидеть.

– Профессор Мэсси преподавал концептуальное искусство, – объяснила Клара Мирне.

– И до сих пор преподает, – добавил секретарь. – «Перенос визуального мира на холст», – процитировал он наизусть из брошюры.

– Мэсси был одним из самых любимых преподавателей, – сказала Клара. – Он в колледже?

– Возможно. Сейчас летние каникулы, но он часто приходит в свою мастерскую, когда там тихо.

– Профессор Мэсси такой замечательный, – вспоминала Клара, пока они с Мирной быстро шагали по коридору. – Он был наставником многих молодых художников, включая Питера.

– И тебя тоже?

– Нет-нет. На меня махнули рукой, – со смехом ответила Клара. – Они толком не понимали, что со мной делать.

Они дошли до мастерской, и Мирна открыла дверь. Их встретил знакомый запах льняного семени, масляных красок и скипидара. И пожилой мужчина на табуретке. Его седые волосы над розовым лицом поредели. Несмотря на солидный возраст, он казался крепким. Художник, выросший на воле, на здоровом корме. Еще не выдворенный на пастбище.

– Да? – сказал он, поднимаясь.

– Профессор Мэсси?

На его лице появилось озадаченное выражение, но без тревоги или недовольства. Мирна подумала, что видит преподавателя, который по-настоящему любит своих учеников.

– Слушаю вас.

– Меня зовут Клара Морроу. Насколько мне известно, мой муж был у вас…

– Питер, – произнес профессор. Он улыбнулся, шагнул ей навстречу и протянул руку. – Да. Как поживаете? Я следил за вашими успехами. Очень впечатляюще.

Мирне показалось, что он говорит искренне. Похоже, он от души радовался за Клару, ему приятно было ее видеть.

– Питер говорил вам обо мне? – спросила Клара.

– Я читал в газетах. Вы выдающийся художник. Ученик, который превзошел учителя. – Профессор Мэсси изучающим взглядом окинул Клару. – А все, наверное, потому, что мы никогда не были вашими учителями, да, Клара? Возможно, в этом вся суть. Вы не следовали нашим советам. Да и ничьим, собственно. – Он доверительно обратился к Мирне: – Нелегко иметь по-настоящему творческого ученика. Трудно оценить, а еще труднее подогнать под общий уровень. Но мы, к нашему стыду, пытались.

Он говорил с такой кротостью, с таким осознанием собственных малых возможностей, что Мирна почувствовала к нему симпатию.

– К сожалению, не могу припомнить ни одной вашей работы, – извинился он.

– Меня это не удивляет, – улыбнулась Клара. – Хотя они были широко представлены у нас в «Салоне отверженных».

– Там были ваши работы? – Профессор Мэсси печально покачал головой. – Нельзя так поступать с ранимыми молодыми людьми. Унизительно. Мне очень жаль. Мы приняли меры, чтобы такого больше не происходило. Мы с Питером тоже говорили об этом.

– Ну, я-то выжила, – возразила Клара.

– И расцвели. Проходите, садитесь.

Не дожидаясь ответа, профессор Мэсси прошел по мастерской и показал на несколько протертых стульев и диван, середина которого просела до бетонного пола.

– Могу я предложить вам что-нибудь выпить? – Он направился к холодильнику.

– У вас он всегда был набит пивом, – вспомнила Клара, идя за ним. – По пятницам после занятий мы устраивали вечеринки в вашей мастерской.

– Да. Теперь такого нет. Новая администрация. Новые правила. Лимонад?

Он предложил им пиво.

Клара рассмеялась и взяла банку.

– Вообще-то, я бы предпочла лимонад, если у вас есть, – сказала Мирна, у которой пересохло в горле после утренних походов по галереям

исстрадавшегося от жары Торонто.

Профессор Мэсси протянул ей банку и повернулся к Кларе:

– Чем могу быть вам полезен?

– О, тем же самым, что и Питеру, – ответила она, садясь на диван.

Ее колени немедленно подпрыгнули до уровня плеч, а на джинсы брызнула пивная пенка.

Она должна была предвидеть это. Ведь на этом же диване они сидели студентами тысячу лет назад.

Профессор Мэсси предложил Мирне стул, но она предпочла побродить по мастерской и посмотреть полотна. Интересно, все ли они принадлежали кисти профессора? Они показались ей хорошими, но Мирна приобрела одну из «Воинственных маток» Клары, а потому ее вряд ли можно было назвать знатоком искусства.

– В общем, мы с Питером говорили главным образом о других студентах и других факультетах. Он спрашивал про некоторых своих любимых учителей. Многих из них уже нет. Умерли. Некоторые впали в старческий маразм, как бедный профессор Норман, хотя вряд ли он был у кого-то любимым преподавателем. Я предпочитаю думать, что причина в пара́х красок, но, по-моему, мы все знаем, что он пришел сюда уже не в своем уме, а работа здесь не улучшила его мыслительные способности. Что касается меня, то у меня умственных болезней не выявили, потому что карьеру я сделал довольно среднюю и всегда соглашался с администрацией.

Он рассмеялся, потом замолчал. Наступившая пауза имела какое-то значение, и это заставило Мирну оторвать взгляд от чистого холста на мольберте и посмотреть на учителя и ученицу.

– Так что же привело вас сюда? – спросил профессор Мэсси мягким тихим голосом.

Его голубые глаза смотрели на Клару, будто обволакивая ее пеленой. Прикрывая щитом. За которым ей не грозили никакие опасности. И Мирна поняла, почему профессор Мэсси был любимым преподавателем Клары. И почему его будут помнить за вещи гораздо более важные, чем «перенос визуального мира на холст».

– Питер пропал, – сказала Клара.

Их прогулка по лесу о чем-то напомнила Жану Ги. Навеяла какой-то старый образ.

Гамаш ехал впереди на лошади, которая, как они подозревали, вовсе не была лошадью. Последние пятнадцать минут Бовуар то и дело подныривал

под ветки, хлеставшие его по лицу в тот самый миг, когда Гамаш кричал ему «Берегись!».

В те промежутки, когда природа не давала ему пощечин, Бовуар видел перед собой только покачивающийся круп Буллвинкля[37].

Ему вовсе не нравилось ехать верхом. К счастью для Бовуара, он этого и не ждал.

– Уже видно? – крикнул Бовуар, наверное, в десятый раз за четверть часа.

– Наслаждайся пейзажем и расслабься, – раздался терпеливый ответ. – Рано или поздно мы доберемся до места.

– Я вижу только задницу вашей лошади, – сказал Жан Ги и, когда Гамаш повернулся к нему с шутливым неодобрением, добавил: – Сэр.

Бовуар покачивался в седле и не желал признавать, что езда начинает доставлять ему удовольствие. Впрочем, «удовольствие» – это слишком сильно сказано. Неторопливые мерные шаги осторожного животного подбадривали, успокаивали. Жану Ги это напоминало раскачивание монахов во время молитвы. Или движения матери, баюкающей плачущее дитя.

В лесу стояла тишина, нарушаемая только стуком копыт и щебетом спугнутых птиц. Чем дальше, тем тише, тем зеленее становилось в лесу.

Сердечная чакра. Когда-то ему рассказала о ней одна из жительниц деревни, владелица йога-центра.

«Цвет сердечной чакры – зеленый», – утверждала она, словно это был непререкаемый факт.

Тогда Бовуар отмахнулся от ее слов. Да и сейчас бы отмахнулся, если бы у него спросили под запись, на публике. Но в глубине души, среди этой темной зелени, он начал сомневаться.

Впереди он видел Гамаша, покачивающегося на странном существе. Из седельной сумки торчала карта Парижа.

– Лувр уже виден? – спросил Жан Ги.

– Помолчи, глупец, – ответил Гамаш, даже не поворачиваясь. – Ты прекрасно знаешь, что мы его уже проехали. Мы ищем Эйфелеву башню, а за ней – пятнадцатый округ.

– Oui, oui, zut alors[38], – проговорил Бовуар, издав преувеличенно гнусавый смешок.

Шеф тоже рассмеялся:

– Вот оно. – Он махнул рукой, указывая вперед.

И тут Бовуара осенило: он понял, что все это напоминает ему

изображение Дон-Кихота на иллюстрации в книге.

Гамаш показывал на грубо сколоченную лесную хижину, в которой жил очень грубый человек.

– Копья наперевес и атакуем? – спросил Бовуар и услышал в ответ тихий, легко узнаваемый смешок шефа.

– Вперед, Санчо, – велел он. – Мир ждет от нас немедленных действий.

И Жан Ги Бовуар последовал за своим Дон-Кихотом.

Профессор Мэсси слушал не прерывая, не реагируя. Просто кивал время от времени, пока Клара рассказывала ему о Питере. О его карьере, его искусстве, об их совместной жизни.

Наконец все, что можно, было сказано.

Профессор сделал долгий, бесконечно долгий вдох и на миг задержал дыхание, не сводя глаз с Клары. Потом выдохнул.

– Питер – счастливчик, – сказал он. – Но в одном отношении ему не повезло. Он, похоже, не знает о своем везении.

Мирна села на табуретку у мольберта. Профессор был прав. Она давно знала это про Питера Морроу. Его жизнь была полна: счастливая судьба, здоровье, творчество, друзья. Он жил в безопасности, неприкосновенности. С любящей женщиной. И лишь одно небольшое несчастье имелось в жизни Питера Морроу: он понятия не имел, насколько он счастлив.

Профессор Мэсси протянул руки, и Клара вложила в них свои, почти такие же большие.

– Я полон надежды, – сказал он. – И знаете почему?

Клара покачала головой. То же сделала и Мирна, зачарованная тихим уверенным голосом.

– Он женился на вас. Он мог бы выбрать любую из ярких, привлекательных, успешных студенток. – Профессор Мэсси посмотрел на Мирну. – Питер был настоящей звездой. Очень талантливый студент. Когда речь идет о нашем колледже, подразумевается не только искусство, но еще и апломб. Здесь полно злобных ребят в черном. Включая Питера. И только одно исключение…

Он резко, немного театрально повернул голову к Кларе, которая затирала пиво на джинсах.

– Насколько я помню, Питер пользовался успехом у девушек, – сказал Мэсси. – Но в конечном счете он увлекся не одаренной студенткой с претензиями, а внешне бесталанной маргиналкой.

– По-моему, это оскорбление, – со смехом ответила Клара. Она

повернулась к Мирне. – Ты его тогда не знала. Он был такой красавец. Высокий, с длинными кудрями. Словно ожившая греческая скульптура.

– И как же ты его покорила? – спросила Мирна. – Пустила в ход женское коварство?

Клара рассмеялась и взбила свой воображаемый начес:

– Да, я была такая стерва. Не оставила ему ни единого шанса.

– Нет, правда… – Мирна встала с табуретки и подошла к Кларе. – Как вы сошлись?

– Честно тебе скажу: я понятия не имею, – ответила Клара.

– Зато я знаю, – вставил профессор Мэсси. – Апломб через какое-то время начинает утомлять. Наскучивает. Он предсказуем. Вы были свежей, непохожей на других.

– Счастливой, – уточнила Мирна.

Она прошла в дальний конец мастерской, рассматривая полотна на стенах.

– Ваши? – спросила Мирна, и Мэсси кивнул.

Картины были хороши. Очень хороши. А одна, в самом углу, просто исключительная. Профессор Мэсси следил за Мирной. Художник, независимо от возраста, всегда чувствует себя беззащитным.

– Значит, нам известно, что в тебе привлекло Питера, – сказала Мирна. – А что ты нашла в нем? Кроме физической привлекательности. Или этого было достаточно?

– Поначалу – конечно, – ответила Клара, подумав. – Я только что вспомнила… – Она рассмеялась. – Сейчас это кажется мелочью, но тогда для меня было таким важным. Когда мою работу выставили в «Салоне отверженных», я не стала для Питера прокаженной. Он пришел и встал рядом со мной. – Она провела руками по волосам, отчего они вздыбились. – Я была отверженной, предметом насмешек. Чокнутая девчонка, которая делала безумные инсталляции. Причем безумные не в расчетливом художественном духе Ван Гога. Мои работы считались поверхностными. Глупыми. Как и я.

– Наверное, ты переживала, – сказала Мирна.

– Немножко. Но знаешь, я все равно была счастлива. Я училась в ККИПО, занималась искусством. В Торонто. Это было замечательно.

– Однако история с «Салоном отверженных» вас расстроила, – заметил профессор Мэсси.

Клара кивнула:

– Это сделал преподаватель. Было так унизительно. Я помню, как глазела на свою отвергнутую работу, висевшую на самом видном месте.

Это место ей определил профессор Норман. Питер подошел ко мне и стоял рядом все время. Молча. Просто чтобы все видели.

Она улыбнулась своему воспоминанию.

– После того случая что-то изменилось. Меня не то чтобы приняли, но больше надо мной уже не насмехались. По крайней мере, не в такой степени.

Мирна никогда не слышала о героическом поступке Питера. Он всегда казался ей немного поверхностным. Красивый, физически сильный. Он говорил правильные вещи, чтобы его считали умным. Однако в нем чувствовалась слабинка.

– Можно дать вам совет? – Мэсси улыбнулся.

Клара кивнула.

– Возвращайтесь домой. Но не для того, чтобы ждать Питера, а для того, чтобы жить и работать. И поверьте: он вернется к вам, когда найдет то, что ищет.

– Но что он ищет? Он вам сказал? – заволновалась Клара.

Профессор Мэсси покачал головой:

– Увы, нет.

– А почему Дамфрис? – спросила Мирна.

Оба художника посмотрели на нее.

– Мне понятно, отчего Питер поехал в Париж и подобные места, – продолжила она. – Но почему вдруг маленький шотландский городок? Перед тем как посетить вас, Питер летал туда. Он не рассказывал вам о своем путешествии?

И опять профессор отрицательно покачал головой.

– Мы разговаривали о его учебе в колледже, – сказал он.

– Что-нибудь соединяет те места, где он побывал? – поинтересовалась Клара.

– Мне об этом неизвестно, – ответил профессор с озадаченным видом. – Как вы сами понимаете, Париж, Флоренция и Венеция – места не чужие для художника. Но городок в Шотландии… У него там нет родни?

– Нет, – ответила Клара. – А потом он отсюда уехал в Квебек-Сити. Вы не знаете почему?

– К сожалению, – несчастным голосом произнес профессор.

Мирна почувствовала, что они мучают старика, требуя от него ответов, которых он явно не знает.

Она подошла к Кларе:

– Нам, пожалуй, пора. Нужно успеть на поезд в Монреаль.

У дверей профессор Мэсси пожал руку Мирне:

– Мы все должны иметь таких друзей, как вы.

Он повернулся к Кларе:

– Эти дни должны быть самым счастливым временем в вашей жизни. Временем торжества. Тем более мучительно то, что происходит. Это напоминает мне о Фрэнсисе Бэконе и его триптихе. – Потом лицо его посветлело. – Какой же я идиот! Я недавно слышал, что одному из наших профессоров пришлось уйти на пенсию из-за болезни. Он преподавал живопись и композицию первокурсникам. Вы подойдете для этой должности идеально. Я знаю, вам бы следовало преподавать на старших курсах, – он поднял руку, словно упреждая возражение Клары, – но поверьте мне, к третьему курсу студенты становятся несносными. А вот первокурсники восхитительны. И они будут обожать вас. Вам это интересно?

Перед мысленным взором Клары вдруг возникла большая мастерская вроде той, в которой они находились. Ее собственный диван, холодильник, набитый контрабандным пивом. А она наставляет парней и девушек. Будущих художников.

Уж она бы позаботилась о том, чтобы с ними не поступили так, как с ней. Она бы поощряла их. Защищала. Никаких «Салонов отверженных». Никаких насмешек, никаких издевательств. Никакого притворства в поощрении креативности, даже когда колледж хочет одного конформизма.

Они бы приходили в ее мастерскую по пятницам, пили пиво и несли всякую чепуху. Они бы обменивались идеями, философствовали, говорили о пророчествах, смелых и незрелых планах. У нее бы появился собственный салон. «Салон признанных».

А она будет сиять в центре. Всемирно известная художница, воспитательница будущих гениев.

Она бы нашла себя.

– Подумайте, – посоветовал профессор Мэсси.

– Непременно, – ответила Клара. – Спасибо.

Доктор Винсент Жильбер жил в глубине леса. Вдали не только от человеческих конфликтов, но и от человеческого общения. Он с готовностью согласился на такой компромисс. Никто не возражал.

Гамаш и Жильбер много раз встречались за прошедшие годы, и вопреки ожиданиям изоляция и жизнь, посвященная самому себе, не улучшили социальных манер доктора Жильбера.

– Что вам надо? – спросил он, глядя из-под полей соломенной шляпы, материал для которой он, вероятно, украл у лошади Бовуара во время

одного из предыдущих приездов.

Он работал в огороде и, по мнению Гамаша, все больше и больше казался похожим на библейского пророка или сумасшедшего. На Жильбере была когда-то белая (а теперь серая) ночная рубашка, доходящая до середины голени, и пластиковые сандалии, которые можно мыть, поливая из шланга. И это было очень кстати, потому что ноги его по щиколотку погрузились в компост.

– Примете соседа? – спросил Гамаш, привязав свою лошадь к дереву.

– Что вам надо? – повторил доктор Жильбер, выпрямился и пошел к ним.

– Перестаньте притворяться, Винсент, – усмехнулся Гамаш. – Я же знаю, вы счастливы меня видеть.

– Привезли что-нибудь?

Гамаш показал на Бовуара, и тот испуганно распахнул глаза.

– Вы же знаете, что я вегетарианец, – надулся Жильбер. – Есть что-нибудь еще?

Гамаш сунул руку в седельную сумку, вытащил оттуда пакет в оберточной бумаге и карту.

– Добро пожаловать, незнакомец, – сказал Жильбер.

Он схватил пакет, открыл его и вдохнул аромат круассанов.

Швырнув без всяких объяснений один драгоценный круассан в лес, он понес остальные в свою хижину, куда за ним последовали Гамаш и Бовуар.

Поезд неторопливо тронулся с места, но вскоре набрал ход и стремительно понесся к Монреалю.

– Что там насчет Фрэнсиса Бэкона? – спросила Мирна, когда стюард принес заказанный ими ланч. – Я полагаю, он имел в виду художника двадцатого века, а не философа шестнадцатого столетия?[39]

Клара кивнула, но ничего не сказала.

– На что намекал профессор Мэсси? – не отставала Мирна.

За его словами явно что-то крылось.

Клара прильнула к окну, глядя на исчезающий из виду Торонто. На мгновение Мирна засомневалась, что ее подруга слышала вопрос. Но внезапно Клара заговорила. Заговорила, обращаясь к переполненным мусорным бачкам. К белью на веревках. К граффити. Не к фактическому искусству, а к имени художника, повторяющемуся снова и снова. Заявляющему о себе. Начертанному из баллончика жирными черными буквами. Снова и снова.

– Бэкон часто писал триптихи. – Стекло возле рта Клары слегка

затуманилось. – Скорее всего, профессор имел в виду Джорджа Дайера.

Мирне это имя ни о чем не говорило, но для Клары явно значило многое.

– И?..

– Я думаю, профессор Мэсси пытался предупредить меня. – Клара отвернулась от окна и посмотрела на подругу.

– Ну же, говори, – попросила Мирна, хотя было ясно, что Клара готова сделать что угодно, только не облекать эти мысли в слова.

– Джордж Дайер и Бэкон были любовниками, – сказала Клара. – Они отправились в Париж, где была устроена огромная выставка работ Бэкона. То был его первый настоящий триумф. И пока Бэкон получал поздравления… – Клара замолчала.

Мирна почувствовала, как кровь отливает от ее лица.

– Говори, – тихо повторила она.

– Дайер покончил с собой в номере отеля.

Слова были едва слышны. Но Мирна их услышала. И Клара их услышала. Слова, выпущенные в мир.

Женщины уставились друг на друга.

– Это то, о чем ты хотела меня предупредить, – произнесла Клара почти шепотом. – Когда вспомнила про Самарру.

Мирна не нашлась что ответить. Она боялась, что лицо Клары совсем окаменеет от страха. Как и все ее тело.

– Ты думаешь, Питер сделал то же самое? – выдавила Клара.

Но ее глаза умоляли Мирну: «Скажи, что ты была не права. Что Питер поехал куда-то рисовать. И потерял счет времени. Забыл о сроках».

Мирна ничего не ответила. Может быть, из доброты. Или из трусости. Мирна хранила молчание, позволяя Кларе пребывать в ее заблуждении.

Питер вернется. Может быть, уже сейчас встретит их, когда они приедут домой. Встретит пивом. Стейками. Объяснением. И обильными извинениями.

Мирна посмотрела в окно. Окраины Торонто все еще тянулись мимо, они были бесконечными. Но граффити с именем художника исчезло.

Хороший номер в парижском отеле. Самарра. Или какой-нибудь медвежий угол Квебека. По каким бы причинам Питер там ни оказался, Мирна опасалась, что он добрался до конечной точки своего маршрута. И там встретил Смерть.

И она знала, что Клара опасается того же.

Хижина Винсента Жильбера почти не изменилась с тех пор, как

Бовуар был здесь в последний раз. Все та же единственная комната с большой кроватью в одном углу и кухней в другом. Грубый сосновый пол, устланный прекрасными восточными коврами; полки, набитые книгами, по обеим сторонам от камина, сложенного из плитняка. Перед камином – два удобных кресла с подставками для ног, повернутые друг к другу.

Перед тем как в этот бревенчатый дом переехал Винсент Жильбер, здесь случилось страшное преступление. Убийство настолько противоестественное, что оно потрясло Канаду. После таких злодейств некоторые дома словно впитывали боль, потрясение и ужас.

Но этот странный домик всегда оставался удивительно невинным. И очень мирным.

Доктор Жильбер налил им по стакану родниковой воды и приготовил сэндвичи с помидорами, еще хранившими тепло огорода.

Гамаш разложил на столе карту Парижа, разгладил ее большой рукой.

– Так что вы хотите, Арман? – в третий раз спросил доктор Жильбер.

– Когда вы расстались с женой и отправились в Париж, где вы там остановились?

– Я вам уже говорил. Вы что, не слушали?

– Я слушал, mon ami, – мягко сказал Гамаш. – Но хотел бы услышать еще раз.

В глазах Жильбера загорелась подозрительность.

– Не тратьте мое время, Арман. У меня есть занятия получше, чем повторять одно и то же. Нужно разнести навоз.

Некоторые считали Винсента Жильбера святым. Другие, вроде Бовуара, думали, что он идиот. Жители Трех Сосен нашли компромиссное решение и называли его «святой идиот».

«Но это не означает, что он не свят, – сказал тогда Гамаш. – Большинство святых были идиотами. Собственно говоря, если бы он не был идиотом, то не мог бы претендовать на звание святого». После этих слов Гамаш улыбнулся и пошел прочь, зная, что поселил в мозгах Бовуара невообразимую сумятицу. «Идиот», – прошептал Бовуар. «Я все слышал», – бросил Гамаш, не поворачиваясь.

Жан Ги внимательно посмотрел на двух этих людей. Жильбер – пожилой, высокомерный, худой и побитый жизнью, с острым взглядом и взрывным характером. И Гамаш – на двадцать лет моложе, крупнее, спокойнее.

Однако Жан Ги Бовуар знал, каким отзывчивым может становиться Жильбер и каким безжалостным – Гамаш. Ни один из них не был святым, это несомненно.

– Покажите мне на карте, где именно вы останавливались в Париже, – попросил Гамаш, не обращая ни малейшего внимания на закидоны Жильбера.

– Отлично, – пропыхтел доктор. – Вот здесь.

Он ткнул в карту грязным ногтем.

Они склонились к ней, как исследователь к лакмусовой бумажке. Потом Гамаш выпрямился.

– Вы когда-нибудь говорили с Питером Морроу о своем пребывании в Париже? – спросил он.

– Так, чтобы специально, не говорили, – ответил Жильбер. – Но возможно, он слышал какие-то мои рассказы. А что?

– Он пропал.

– Мне казалось, Клара его выгнала.

– Да, но они договорились встретиться ровно год спустя. Год прошел уже несколько недель назад. А Питер так и не объявился.

Винсент Жильбер был откровенно удивлен.

– Он любил Клару. Я много чего в жизни не понимаю, – сказал Жильбер, – но на любовь у меня чутье.

– Как у свиньи на трюфели, – заметил Бовуар и тут же пожалел о сказанном, увидев жест святого идиота.

Но Жильбер неожиданно улыбнулся:

– Именно. Я ее чую. У любви, как вы знаете, особый запах.

Бовуар посмотрел на Жильбера, пораженный услышанным.

«Может быть, – подумал он, – этот человек все же…»

– Она пахнет компостом, – закончил Жильбер.

«…идиот».

Глава двенадцатая

Арман Гамаш покачивался на лоселошади, размышляя о визите к Винсенту Жильберу. И о Париже.

Его Париже. Париже Жильбера. Париже Питера. И пока он предавался раздумью, прохладный лес расступался, а корявые старые стволы сменялись ровными. Все двигалось, перемещалось, и вот они уже оказались не в непроходимой чаще, а на широком парижском бульваре. Гамаш ехал посредине широкой улицы, застроенной величественными зданиями. Некоторые дома – периода Османа[40], другие – в стиле ар-нуво, третьи – боз-ар. Он проезжал мимо парков, маленьких кафе, знаменитых памятников.

Гамаш повернул свою лоселошадь на бульвар Монпарнас с его красными маркизами, парижанами, что читают за столиками с мраморными столешницами. Вот и «Ла Куполь», «Ла Ротонд», «Ле Селект» – кафе, в которых проводили время и выпивали Хемингуэй и Ман Рэй[41]. Где не одно столетие художники и писатели спорили, вдохновляя друг друга. А некоторые так и остались здесь навсегда. Слева виднелось кладбище Монпарнас, где лежит Бодлер, где Сартр и Симона де Бовуар упокоились навечно под одним надгробием в обществе «Поцелуя» – ошеломительной скульптуры Бранкузи.

А неподалеку, за кладбищем, вздымается уродливая башня Монпарнас как предупреждение тем, кто придерживается современного мнения, будто совершенство можно превзойти.

Гамаш и Бовуар ехали мимо прошлого. Мимо давно умерших писателей и художников. В район, где остановился Питер Морроу. Так близко к этой творческой вакханалии.

Но на удалении целой эпохи.

Они свернули на рю де Вожирар. И тут обаяние начало постепенно рассеиваться. Город Света погас и стал просто другим городом. Без сомнения, привлекательным. Оживленным. Но уже не Парижем Мане, Пикассо и Родена.

Они прибыли в пункт назначения.

Гамаш слегка натянул вожжи и почувствовал легкий удар – это лошадь Бовуара боднула его скакуна в задницу.

Бовуар и его лошадь впали в дремоту, но теперь очнулись. Огляделись вокруг.

– Почему мы остановились? – удивился Жан Ги.

Гамаш уставился на дерево, словно опасаясь, что ствол раскроется и поглотит их.

«Опа!» Клара опустилась на садовое кресло в своем саду и откинулась назад, опершись на подушку. На широком подлокотнике стоял джин с тоником, о чем она мечтала с момента посадки в раскаленную машину Мирны, в которой они добрались из Монреаля до Трех Сосен. На другом подлокотнике красовалась вазочка с чипсами.

Клара была счастлива, что вернулась домой.

– Давайте начнем с вас, – сказала она, чувствуя, как расслабилось ее тело.

Рейн-Мари, Арман, Жан Ги и Мирна пришли в сад за ее домом, чтобы обменяться информацией.

– Кажется, я знаю, куда отправился Питер, когда покинул деревню, – сказал Гамаш.

– Мы уже знаем куда. – Клара кивнула на карту, которую Гамаш разложил на столике. – В Париж.

– Да. В Париж, Флоренцию, Венецию, – перечислил Гамаш, глядя на Клару поверх очков. – Все это объяснимо, но возникает один очевидный вопрос.

– Дамфрис, – вставила Рейн-Мари.

Ее муж кивнул:

– Почему он отправился в Дамфрис? Меня отвлек этот большой вопрос, целый лес, за которым я не увидел одного старого дерева. Одной детали.

– Зачем лететь в Париж и останавливаться в пятнадцатом округе? – спросила Клара, снова выпрямившись на кресле.

– Oui. Именно.

Умные карие глаза Гамаша засветились. Безошибочный симптом. Не то чтобы он наслаждался этим, просто он умел это делать. Он напоминал шахтера с фонарем, освещающего темные штреки. Шахтера, который спускается на глубину. Иногда на опасную глубину. Чтобы извлечь то, что там спрятано.

Рейн-Мари узнала этот блеск в его глазах. И снова услышала, как бьется о стекло мотылек.

Это помогло ей преодолеть желание подняться. Посмотреть на часы. И сказать Арману, что им пора. Пора уходить. В их спокойный милый дом. Там их место. Там они могут работать в саду, читать, пить лимонад и

играть в бридж. А если умрут, то в своей постели.

Рейн-Мари пошевелилась в кресле и откашлялась.

Арман посмотрел на нее.

– Продолжай, – сказала она.

Он выдержал ее взгляд, а когда она улыбнулась, кивнул и снова посмотрел на Клару.

– Почему пятнадцатый? – спросил он. – Сегодня Винсент Жильбер дал нам ответ.

– Вы посетили святого идиота? – спросила Мирна.

Это было сказано без злобы или осуждения. Они привыкли так называть доктора, почти забыв о его настоящем имени и профессии. Даже сам Винсент Жильбер откликался на это прозвище, хотя иногда поправлял их: «Доктор Святой Идиот».

Он начинал карьеру успешным врачом, стал знаменитостью. А закончил отшельником, обитающим в лесном домике. За этот промежуток времени с ним произошло многое, но началось все с пятнадцатого округа в Париже.

– Я думаю, Жильбера и Питера привлекло одно и то же место, – сказал Гамаш. – Вот оно.

Он указал на грязный отпечаток пальца на карте, словно облако покрывший нужную точку.

Все, кроме Жана Ги, склонились над картой.

Он знал, на что показывает Гамаш.

«Лапорт». «Дверь».

Пока все рассматривали карту, Жан Ги сидел с закрытыми глазами, вдыхая свежий вечерний воздух. И скучал без Анни. Утром она уехала на работу в Монреаль. Он хотел вернуться с ней, но, когда они улеглись спать, Анни предложила ему остаться.

«Найди Питера, – сказала она. – Ты ведь и сам хочешь, да и отцу нужна твоя помощь».

«Я так не думаю».

Она улыбнулась и провела пальцем по его руке от плеча до локтя.

Бóльшую часть своей взрослой жизни Жан Ги Бовуар ценил в женщинах главным образом тело. Он женился на Энид за ее груди, ноги, нежное лицо. За то, что при взгляде на нее у его друзей подгибались колени.

Но когда его собственное тело, искалеченное, избитое, дышало на ладан, когда жизнь почти покинула его, Жан Ги Бовуар вдруг понял, насколько привлекательными могут быть сердце и ум.

Его могла пленить робкая улыбка, но окончательно покорил искренний смех.

Ни у кого не подгибались колени при виде Анни Гамаш. Ее крепкое тело не притягивало к себе взгляды мужчин, ни у кого не текли слюни при виде ее приятного, но простого лица. Однако она неизменно была самой привлекательной женщиной в любом обществе.

На пороге сорокалетия счастье соблазнило Жана Ги Бовуара с его искалеченным телом и поверженным духом.

«Я хочу вернуться с тобой», – не отступал он.

«И я тоже хочу, чтобы ты вернулся со мной, – искренне сказала Анни. – Но кто-то должен найти Питера Морроу, а ты к тому же в долгу перед Кларой. И папа в долгу перед ней. Вы должны ей помочь».

Вот почему она была счастливой. Бовуар теперь знал, что доброта и счастье идут рука об руку. Что одного без другого не существует. Для Жана Ги требовалось преодоление, чтобы понять это. Анни это казалось естественным.

Они прижались друг к другу и переплели пальцы в пространстве между их обнаженными телами.

«У тебя сейчас неполная занятость, – гнула свое Анни. – Изабель ведь не станет возражать?»

Бовуар все еще не привык спрашивать разрешения у агента полиции, которая когда-то была его подчиненной. Но наутро он первым делом позвонил старшему инспектору Лакост, и она действительно не стала возражать. Он может остаться и помочь в розысках Питера Морроу.

Изабель Лакост тоже была в долгу перед Кларой.

Анни уехала. И теперь Жан Ги Бовуар сидел вечером в саду, прислушивался к разговору и на минуту позволил себе переместиться из головы в сердце. Он бессознательно протянул правую руку ладонью вверх, словно ожидая, что в нее ляжет рука Анни.

– «Лапорт»? – спросила Клара, выпрямляясь. – «Дверь»? То место, которое создал брат Альбер?

– Oui, – подтвердил Гамаш. – Может быть, я ошибаюсь, но это мое мнение.

Как большинство людей, допускающих, что они могут дать промах, сейчас он чувствовал свою правоту. Но Клару его слова не убедили. И Мирна тоже сомневалась.

– Зачем Питеру понадобился «Лапорт»? – спросила Мирна, устраиваясь поудобнее.

Она чувствовала разочарование. Вряд ли гипотезу Гамаша можно было

назвать прорывом.

– А зачем «Лапорт» понадобился Винсенту Жильберу? – спросил Жан Ги, вступая в разговор.

Мирна задумалась.

– Он сделал успешную карьеру, – начала она, вспоминая свои разговоры со святым идиотом. – Но его брак распался.

Гамаш кивнул:

– Продолжайте.

Мирна еще немного подумала.

– Дело было не в семейных отношениях, – сказала она, размышляя вслух. – Многие люди расходятся и разводятся, но при этом не несутся со всех ног в какую-нибудь коммуну во Франции.

Она погрузилась в молчание, пыталась отыскать недостающее звено. Что могло заставить успешного мужчину средних лет бросить карьеру и поселиться в сообществе, созданном скромным священником, чтобы служить детям и взрослым с синдромом Дауна?

Такова была ориентация «Лапорта» – открыть дверь этим людям, перед необычными лицами которых захлопывались все другие двери. «Лапорт» брата Альбера предлагал не только место для житья (хотя это было важно), в первую очередь он предлагал достоинство. Равенство. Ощущение своей пользы.

Гениальность брата Альбера состояла в понимании, что сообщество, созданное для помощи другим, никогда не будет процветать. Но если такое сообщество будет создано еще и для получения выгоды, то процветание возможно. Он знал, что и сам не лишен недостатков. Возможно, не столь очевидных, как синдром Дауна. Менее заметных, но не менее угнетающих.

Великая идея, положенная в основание «Лапорта», состояла в абсолютной уверенности в том, что у каждого человека можно чему-то научиться, каждый может что-то дать другим. Между членами сообщества с синдромом Дауна и без него не было никакого различия.

– Доктор Жильбер поехал туда волонтером, в качестве директора по медицинской части, – сказала Мирна. – Не потому, что мог их излечить, а потому, что исцеление требовалось ему самому.

– Именно, – заметил Гамаш. – У нас у всех в жизни наступает период, когда нам требуется исцеление. Мы все получаем глубокие раны. Его рана, вероятно, была такая же, как у Питера. Не физическая, а душевная. Пустота у того и другого. Разрыв.

После этих слов наступило молчание.

Всем сидевшим за столом было знакомо это чувство. Ужас, который

приходит с пониманием того, что любые игрушки, любые успехи, любые всесильные советы директоров, новые машины и награды не способны заполнить образовавшуюся пустоту. Напротив, они лишь увеличивают ее. Углубляют.

В успехе не было ничего плохого, но без смысла он лишался всякой ценности.

– Винсент Жильбер постучался в «Лапорт», надеясь обрести себя, – сказал Гамаш.

– И вы думаете, Питер поехал туда по той же причине? – спросила Клара.

– А вы? – ответил он вопросом на вопрос.

– «Я буду молиться о том, чтобы ты вырос храбрым человеком в храброй стране», – процитировала Клара.

– «Я буду молиться о том, чтобы ты нашел способ быть полезным», – закончил цитату Гамаш.

Рейн-Мари опустила глаза на свои руки и увидела в них скрученную и порванную бумажную салфетку.

Клара медленно кивнула:

– Вероятно, вы правы. Питер поехал в Париж не для того, чтобы обрести новый художественный голос. Все было проще. Он хотел найти способ быть полезным.

Солнце клонилось к закату, птицы, кузнечики и другие трескучие существа смолкли. В густом вечернем воздухе струился аромат роз и душистого горошка.

– Тогда почему он не остался там? – спросила Клара.

– Может быть, пустота оказалась слишком большой, – сказала Мирна.

– Может быть, ему не хватило мужества, – предположила Рейн-Мари.

– Может быть, доктор Жильбер сумел найти ответ в «Лапорте», а Питер – нет, – изрек Жан Ги. – Он понял, что должен искать ответ в другом месте.

Гамаш кивнул. Он звонил в Парижскую полицию и просил их посетить «Лапорт» с фотографией Питера Морроу и датами. Чтобы подтвердить свои подозрения, что Питер действительно был там.

А потом уехал.

Глава тринадцатая

– Кто-нибудь голоден, кроме меня? – спросила Мирна. – У кого есть часы?

Она ничего не различала в темноте, даже своей руки. Пока они слушали Армана, солнце село. Захваченные происходящим, они не замечали, как сгустилась тьма. И не чувствовали голода. Но теперь чувства к ним вернулись.

– Почти десять, – отозвался Бовуар, посмотрев на светящийся циферблат. – Оливье и Габри еще обслуживают?

Всей компанией они направились в бистро. Вечер стоял приятный, и на террасе сидели за десертом и кофе припозднившиеся посетители.

– Взаимовыгодный обмен, – сказала Клара. – Мы им информацию, они нам – еду.

Бистро Оливье специализировалось на взаимовыгодном обмене.

Они сели за угловой столик внутри бистро, подальше от других клиентов. Габри и Оливье присоединились к ним, радуясь возможности присесть.

Подошла и Рут – прихромала с Розой из книжного магазина.

– Можно уже закрываться? – спросила она.

Мирна повернулась к Кларе и прошептала:

– Господи, я про нее забыла.

– Да кто же знал, что она вообще будет открывать магазин, – проговорила вполголоса Клара. – Слава богу, хоть не сожгла.

– Мы только что вернулись, – солгала Мирна, глядя в глаза Рут. – Спасибо, что присмотрела за магазином.

– Дело делала главным образом Роза.

– Дело или дела? – уточнил Габри.

Мирна и Клара встревоженно переглянулись. Вопрос был хорош, и разница существенная.

– Народу заходило всего ничего, – сказала Рут, проигнорировав подковырку. – Купили книги и путеводители по Парижу. Я увеличила цену в четыре раза. Что у нас на обед?

Она по привычке взяла стакан Жана Ги, поняла, что это лимонад, и, опередив Мирну, схватила ее виски.

– Хорошо, что ты снова здесь, – пробормотала Рут.

– Ты говоришь со мной или с виски? – спросила Мирна, и Рут снова

посмотрела на нее так, словно увидела в первый раз:

– С виски, конечно.

Они сделали заказ, после чего Гамаш кивнул Кларе:

– Ваша очередь.

И пока они раскладывали закуски по тарелкам, Клара рассказала им о встрече с Томасом Морроу и об обеде с Марианной и ее чадом.

– Так Бин мальчик или девочка? – спросил Жан Ги. – Теперь уже, наверное, видно.

Он познакомился с семейством Морроу пару лет назад и был в очередной раз поражен тем, насколько англичане съехали с катушек. По его мнению, причина была в том, что они островитяне и потому злоупотребляют кровосмешением. Он подумал, что пора начать считать у них пальцы. Вот, к примеру, у Рут явно больше десяти пальцев на ногах.

– Пока еще невозможно сказать, – ответила Клара. – Но ребенок выглядит счастливым, хотя художественный ген к нему, увы, не перешел. Или к ней.

– С чего ты так решила? – спросил Габри, макая кусочек жаренного на углях кальмара в нежный чесночный соус.

– Питер показал этому чаду Марианны цветовой круг, и оно намалевало несколько картинок и повесило у себя спальне. Они просто ужасны.

– Большинство произведений искусства поначалу ужасны, – сказала Рут. – Твои были похожи на собачий завтрак. Это комплимент.

Клара рассмеялась. Рут была кругом права. Она действительно сделала комплимент. Первые работы Клары были настоящим хаосом. Чем хуже ее картины выглядели поначалу, тем лучше они оказывались в конечном счете.

– У тебя тоже так? – спросила она у Рут. – Как начинаются твои стихи?

– Они начинаются как комок в горле[42], – ответила Рут.

– А разве у тебя там обычно не оливка от коктейля? – невинно произнес Оливье.

– Однажды так и случилось, – признала Рут. – Но я написала хорошее стихотворение и тут же выкашляла ее.

– Значит, стихотворение начинается как комок в горле? – спросил Гамаш.

Пожилая женщина на секунду задержала на нем взгляд, а потом опустила глаза в стакан.

Клара сидела тихо и думала. Наконец она кивнула:

– У меня то же самое. Поначалу все эмоции прямо-таки выстреливают в холст. Как из пушки.

– Картины Питера с самого начала выглядят идеальными, – изрек Оливье. – Их никогда не приходится спасать.

– Спасать? – переспросил Гамаш. – Что вы имеете в виду?

– Мне Питер об этом говорил, – сказал Оливье. – Он гордился тем, что ему никогда не приходилось спасать свою работу из-за того, что он напортачил.

– А «спасти» картину означает исправить ее? – спросил Гамаш.

– Это жаргон художников, – вставила Клара. – Техническое понятие. Если наложить на холст слишком много слоев краски, все поры закупориваются и краска не держится. Она начинает сползать, и картина погибает. Обычно такое случается, если переусердствуешь. Это как если варить что-то слишком долго. Исправить уже ничего нельзя.

– То есть дело не в теме картины, – сделала вывод Мирна. – Это чисто физическое явление. Холст не выдерживает.

– Верно, но одно обычно сопутствует другому. Никто не станет мудрить с картиной, которая его устраивает. Такое случается, если тебе что-то не нравится. Ты пытаешься спасти картину. Работаешь и работаешь, стараясь выразить что-то по-настоящему трудное. Превратить собачий завтрак в нечто значимое. Вот тут-то холст и закупоривается.

– Но иногда спасение все же возможно? – поинтересовалась Рейн-Мари.

– Да. У меня порой получалось. Но в большинстве случаев исправить уже ничего нельзя. Вот в чем ужас: холст оказывается испорчен, когда я почти добиваюсь своего. Уже кажется, все, нашла, ухватила. Наношу последний мазок, и тут краска начинает сдвигаться, соскальзывать. Не держится. Все потеряно. Кошмар. Вот представьте, что вы пишете книгу, потом редактируете, снова редактируете, наконец все готово, и, пока вы пишете «Конец», все слова исчезают.

– Вот дерьмо, – в один голос сказали Мирна и Рут, а Роза на коленях у Жана Ги пробормотала: «Фак, фак, фак».

– Но иногда вам удавалось вытянуть картину? – спросила Рейн-Мари. – Спасти ее?

Клара перевела взгляд на Рут, которая вытаскивала из зубов кусочек спаржи.

– Я должна была ее спасти, – ответила она.

– Ты шутишь, – сказал Габри. – У тебя был выбор и ты спасла ее?

– Я говорю о картине, – отмахнулась от него Клара. – О портрете Рут.

– О том маленьком? – спросила Рейн-Мари. – Который привлек столько внимания?

Клара кивнула. Если громадное полотно «Три грации» кричало о себе, то маленький портрет Рут тихонько манил. Мимо него можно было легко пройти, не заметив.

И большинство просто проходили мимо маленького полотна. Многих из тех, кто останавливался, отталкивало выражение лица женщины. Картина излучала ярость: с нее гневно смотрела озлобленная старуха, ненавидящая мир, который не замечал ее. Все болтающие, щебечущие, смеющиеся люди в галерее спешили пройти мимо, а она оставалась одна на стене.

Ее тонкая рука с синими венами сжимала на шее потрепанную голубую шаль.

Она презирала всех.

Но те, кто задерживался, видели нечто больше, чем злость. Они видели боль. Мольбу. Призыв остановиться. Побыть в ее обществе, пусть хоть несколько секунд.

И те, кто удовлетворял ее мольбу, получали вознаграждение. Последнее подношение. Последнее чудо.

Только они видели то, что на самом деле изобразила Клара.

Только они видели спасение.

Точку в ее глазах. Сияние. Пожилая женщина начинала прозревать что-то. Там, вдалеке. За веселой толпой с бокалами в руках.

Надежду.

Этой единственной точкой Клара сумела передать момент, когда отчаяние переходит в надежду.

– И вы ее спасли? – спросила Рейн-Мари.

– Я думаю, спасение было взаимным, – сказала Клара и посмотрела на Рут, которая стащила кусок хлеба с тарелки Жана Ги и стала кормить Розу. – Эта картина принесла мне успех.

Никто не произнес ни слова, но все подумали, что если бы Клара писала тогда портрет Питера, то, возможно, уловила бы мгновение, когда надежда превращается в отчаяние.

Клара рассказала об их с Мирной утреннем визите в лучшие галереи Торонто. Питера там никто не видел.

Она говорила, а Арман Гамаш внимательно наблюдал за ней. Ничего не упускал – ни слов, ни тональности, ни малейших движений.

Если Клара соединяла в одно целое элементы картины, а Рут – элементы стихотворения, то Гамаш соединял в нечто целое элементы дела.

Как и в случаях с картиной или стихотворением, в основе дел, которыми он занимался, лежали сильные чувства.

– Значит, не повезло? – спросил Оливье. – Следов Питера не обнаружилось?

– Вообще-то, нам удалось найти человека, который не только видел Питера, но даже говорил с ним, – ответила Клара и рассказала о посещении колледжа искусств.

– С чего это вдруг Питер решил наведаться в колледж? – спросил Габри. – А прежде он туда ездил?

– Нет, ни я, ни Питер там не бывали, – ответила Клара.

– Тогда зачем он поехал туда? – спросил Гамаш, забыв о своих жаренных на открытом огне креветках в манговом соусе. – Что ему там понадобилось?

– Я так толком и не поняла, чего он хотел. А ты? – спросила Клара у Мирны.

– Мне кажется, он хотел ненадолго снова почувствовать себя студентом, – задумчиво проговорила Мирна. – Профессор Мэсси сказал, что они много говорили о студенческих годах Питера. О студентах, о преподавателях. Я думаю, ему хотелось вспомнить молодость, времена, когда его переполняла энергия, когда им восхищались. Когда ему принадлежал весь мир.

– Ностальгия, – сказал Габри.

Мирна кивнула:

– И наверное, еще кое-что. Быть может, он хотел вернуть прежнее волшебство.

Клара улыбнулась:

– Что-то я сомневаюсь, чтобы Питер верил в волшебство.

– Да, сам бы он так это не назвал, – согласилась Мирна. – Но все равно речь идет о чем-то похожем. Времена студенчества остались в его памяти как нечто волшебное. И вот он в депрессии возвращается туда, где ему было хорошо. Туда, где он может обрести то, что утратил.

– Он искал спасения, – вмешалась Рут.

Она пододвинула к себе тарелку Гамаша и в данный момент выуживала из нее последнюю креветку.

– Слишком много слоев жизни, – продолжила она. – Его мир исчезал. Он хотел, чтобы его спасли.

– И поэтому отправился в колледж? – спросил Оливье.

– Поэтому он отправился к профессору Мэсси, – сказала Мирна, кивая. Ее немного расстроило, что маразматичка Рут увидела то, что от нее, Мирны, ускользнуло. – Хотел получить подтверждение тому, что полон энергии, талантлив. Звезда.

Рейн-Мари оглядела тихое бистро, опустевшие столы на террасе за сводчатыми окнами, кольцо домов, неярко светящихся в темноте.

Спасение.

Она поймала взгляд Армана и снова увидела в его глазах то выражение. Человека спасенного.

Тем временем Гамаш взял кусок багета и, задумавшись, принялся его жевать.

Чего искал Питер? Он явно искал что-то, искал настолько отчаянно, что это заставляло его метаться с одного конца света на другой. Париж, Флоренция, Венеция, Шотландия. Торонто. Квебек-Сити.

Его гнало отчаяние, он был одновременно и охотником, и преследуемым. Игра в прятки, в которой участвует один человек.

– Ваш профессор упомянул «Салон отверженных», – сказал он. – Это что такое?

– Вообще-то, это я вспомнила про салон, – ответила Клара. – Не думаю, что профессор Мэсси был рад напоминанию.

– Почему? – спросил Жан Ги.

– Не лучший эпизод в истории нашего учебного заведения, – рассмеялась Клара. – В конце года в колледже обычно организуются ежегодные выставки. Работы отбирает специальное жюри из преподавателей и известных торонтских арт-дилеров. На выставку попадают только лучшие работы. Один из профессоров решил, что такая ситуация несправедлива, и устроил параллельную выставку.

– «Салон отверженных», – сообразил Оливье.

Клара кивнула:

– Выставка для отвергнутых. По образцу знаменитой Парижской выставки тысяча восемьсот шестьдесят третьего года, когда картину Мане[43] отказались выставлять в официальном Парижском салоне. И тогда был организован «Салон отверженных». Там был представлен не только Мане. «Симфония в белом» Уистлера тоже туда попала. – Она покачала головой. – Одно из выдающихся произведений живописи.

– Ты хорошо осведомлена, ma belle, – заметил Габри.

– А как же. Мои работы были главным хитом в «Салоне отверженных» нашего колледжа. Сначала мне сообщили, что жюри их отвергло. А потом я увидела их на параллельной выставке.

– А Питер? – спросил Гамаш.

– Ну, он-то был в центре внимания на главной выставке, – ответила Клара. – Он создал эффектные картины. Мои работы нельзя было назвать эффектными. Я экспериментировала.

– Еще не спасенные? – сказал Габри.

– Спасти их было невозможно.

– Авангард, – заявила Рут. – Так, кажется, это называется? Ты опередила время. Остальные должны были догонять. Ты не нуждалась в спасении. Ты не потеряла себя. Ты зондировала пределы возможного. А это разные вещи.

Клара посмотрела в слезящиеся, усталые глаза Рут:

– Спасибо. И все же это было унизительно. Профессора уволили. У него были странные представления об искусстве. Он не вписался в политику колледжа. Этакий гадкий утенок. – Она повернулась к Розе. – Извини.

– Что она говорит? – осведомилась Рут.

– Говорит, что ты старый опенок, – не моргнув глазом, ответил Габри.

Рут издала надтреснутый смешок:

– Тут она не ошиблась. – Она повернулась к Кларе, и та слегка отстранилась. – А вот насчет салона ты ошибаешься. Настоящий художник именно там и хочет оказаться. Среди отвергнутых. Ты не должна была расстраиваться.

– Скажи это мне двадцатилетней.

– А что бы ты предпочла? – спросила Рут. – Быть успешной в двадцать лет и забытой в пятьдесят или наоборот?

«Как Питер», – подумали все. Включая и Клару.

– Когда мы уходили, профессор Мэсси упомянул Фрэнсиса Бэкона, – сказала Клара.

– Философа? – спросила Рейн-Мари.

– Художника, – ответила Клара и объяснила, в связи с чем Мэсси вспомнил о Бэконе.

– Довольно жестоко, – заметил Оливье.

– Напрасно ты так, – сказала Клара.

Мирна покачала головой:

– Похоже, он беспокоился о Питере. Я думаю, он хотел подготовить Клару.

– К тому, что Питер покончил с собой? – Рут захохотала, потом огляделась вокруг. – Ведь никто так не думает, правда? Это смешно. Он слишком высокого мнения о себе. Слишком себя любит. Нет, Питер может убить кого-то другого, но только не себя. Впрочем, беру свои слова назад. Он больше подходит на роль жертвы, чем убийцы.

– Рут! – воскликнул Оливье.

– Что? Вы все тоже так считаете. Кто из присутствующих хотя бы раз

не испытывал желания его убить? А ведь мы его друзья.

Все стали возражать, возможно слишком пылко. Каждый гневный протест подпитывался воспоминанием о том, как славно было бы огреть Питера сковородой. Он бывал таким высокомерным, таким самодовольным, таким заносчивым и таким безразличным.

Но еще он был преданным, забавным и щедрым. И добрым.

И потому его отсутствие и молчание вызывало у них тревогу.

– Слушайте, – сказала Рут, – это же естественно. Я почти постоянно хочу угробить кого-нибудь из вас.

– Ты хочешь убить нас? – спросил Габри, почти задыхаясь от такой несправедливости. – Ты? Нас?

– Думаешь, он жив? – воскликнула Клара, не в силах сформулировать свой вопрос иначе.

Рут уставилась на нее, и все затаили дыхание.

– Я думаю, что если мне удалось получить премию генерал-губернатора, тебе – стать всемирно известным художником, двум этим безруким идиотам – организовать успешное бистро, а тебе, – она повернулась к Рейн-Мари, – влюбиться в это бревно, – жест в сторону Гамаша, – то чудеса возможны.

– Но ты считаешь, это было бы чудом? – спросила Клара.

– Я считаю, что тебе нужно оставить поиски и продолжать жить, – тихо сказала Рут. – Это лучший ответ, какой я могу тебе дать.

Все они знали и худший ответ. И наиболее вероятный: Три Сосны, скорее всего, исчерпали свой запас чудес.

Арман Гамаш посмотрел на свою тарелку. Пусто. Вся замечательная еда исчезла. Он не сомневался, что это было необыкновенно вкусно, но не помнил, чтобы съел хоть кусочек.

После десерта – мусса из малины с шоколадом – они разошлись по домам. Мирна – на свой чердак над магазином. Клара – в свой коттедж. Габри и Оливье проверили, все ли в порядке в кухне, и отправились в гостиницу. Бовуар проводил домой Рут и Розу, потом вернулся в дом Гамашей. Они оставили для него свет на крыльце и в гостиной. В остальной части дома царили тьма, тишина и покой.

Жан Ги позвонил Анни, улегся и задумался о спасении. А наверху Рейн-Мари лежала в темноте и размышляла о том, что их мирная жизнь кончается.

Глава четырнадцатая

Клара пришла в мастерскую Питера с утренним тостом и кофе. Она сидела на табуретке и разглядывала его незаконченную картину, роняя на бетонный пол крошки.

Она знала, что Питер завопил бы, увидев это, словно крошки – кислота, а пол – его кожа.

Вероятно, Клара была не так аккуратна, как следовало бы. Может быть, ею руководило неосознанное желание ранить Питера в самое уязвимое место. Сделать ему больно, как он делал больно ей. Мастерская осталась единственной его частичкой, к которой она все еще имела доступ. Питер должен бы считать, что ему повезло.

А может, ее неаккуратность не имела для него никакого значения. Впрочем, когда клякса клубничного джема упала на пол, Клара засомневалась.

Погода стояла облачная и влажная. Собирался дождь – наверняка начнется до ланча. Окна мастерской выходили на речку, однако помещение казалось тесным и мрачным.

Но Клара сидела здесь и разглядывала картину на мольберте. Это был подлинный Питер Морроу. Все детализировано, точно, просчитано. Технически блестяще. Все правила соблюдены.

Это вам не собачий завтрак.

И совсем не похоже на творения ребенка Марианны. Клара с улыбкой вспомнила всплески конфликтующих, контрастных, схлестнувшихся красок. Живые краски, порожденные живым, ничем не сдерживаемым воображением.

Последний кусочек тоста замер на полпути ко рту. Еще одна капля джема была близка к крошащемуся краю и падению на пол.

Но Клара ничего не замечала. Она с открытым ртом смотрела на картину Питера.

Наконец джем плюхнулся на пол.

Мирна Ландерс глядела в окно своего чердака. Стекло было очень старым, с неровностями и дефектами, но она привыкла видеть мир таким и мирилась с его недостатками.

Она стояла в пижаме, держа кружку кофе, и смотрела, как просыпается деревня. Зрелище привычное. Ничем не примечательное. Примечательным

оно могло показаться разве что человеку, живущему среди хаоса и неразберихи.

Мирна наблюдала за своими соседями, выгуливавшими собак на деревенском лугу. Видела, как они останавливаются поболтать, обменяться любезностями.

Потом ее взгляд переместился на грунтовую дорогу, ведущую из деревни, и остановился на гребне холма, где стояла скамья, с которой открывался вид на Три Сосны. На скамье, как и каждое утро, сидел Арман с книгой в руках. Даже на таком расстоянии Мирна видела, что книга очень маленькая. Каждое утро Арман садился на скамью и читал свою маленькую книгу. Потом закрывал ее и просто сидел, размышляя.

«Что это за книга? – гадала Мирна. – И о чем он думает?»

Арман приходил к ней раз в неделю на терапию, но ни разу не упомянул об этой книге. А Мирна не спрашивала, предпочитая, чтобы он сказал сам. И он непременно скажет ей сам. Когда придет время.

А пока тем для разговоров хватало. Раны прошлого. Видимые и невидимые. Шрамы в памяти, на теле и в душе. Они заживали, хотя и медленно. Но раны, которые досаждали ему сильнее всего, даже не были его собственными.

«Жизнь Жана Ги не ваша ответственность, Арман», – говорила она ему. Повторяла раз за разом. И он уходил, кивая и благодаря. И понимая.

А на следующем сеансе Арман признавался, что его страхи вернулись.

«Вдруг он опять запьет? Или станет принимать таблетки?» – спрашивал он.

«И что тогда? – отвечала она вопросом, глядя в его тревожные глаза. – Они с Анни должны сами с этим разобраться. Он проходит реабилитацию, и у него есть собственный психотерапевт. Он делает то, что должен делать. Отпустите его. Оставайтесь на своей стороне улицы».

И она видела, что ее слова доходят до Гамаша. Но еще она знала, что этот разговор будет повторяться и повторяться. Потому что его страхи были иррациональны. Лежали вне области разума.

Однако прогресс, несомненно, был. Настанет день – и Арман преодолеет себя. И тогда обретет покой.

А эта деревня – лучшее место для обретения покоя. Так думала Мирна, глядя, как этот крупный человек, сидящий на скамье, открывает книгу, надевает очки и начинает читать сначала.

Они все приехали сюда, чтобы начать сначала.

Арман Гамаш читал. Читал недолго. Но даже те немногие слова, что

он успел прочитать, успокоили его. Потом, как и в любой из предыдущих дней, он закрыл книгу, снял очки и обвел взглядом деревню, подернутый дымкой лес и горы за ним.

Вокруг него распростерся мир. Мир, полный красоты, любви и доброты. А также жестокости и убийц, насилия, замышляемого и совершаемого в эти самые мгновения.

Питер ушел – и мир поглотил его.

И этот мир наступал. Приближался. Обгрызал края деревни.

Гамаш почувствовал, как по телу побежали мурашки, и неожиданно им овладело непреодолимое желание встать. Идти. Сделать что-нибудь. Остановить наступление. То, что он чувствовал, было за гранью разумного, настолько мощным оказалось побуждение к действию.

Он ухватился за край скамьи, закрыл глаза и сделал то, чему его научила Мирна.

Глубоко вздохнул. Вдох. Выдох.

«И не просто дышать, – услышал он ее спокойный, мелодичный голос. – Вдохнуть. Почувствовать все запахи. Услышать звуки. Звуки настоящего мира. А не того, который вы себе выдумываете».

Он вдохнул, ощутил запах соснового леса и влажной земли. Почувствовал на своих щеках свежую прохладу утреннего воздуха. Услышал донесшееся издалека щенячье тявканье. И он последовал назад, к источнику этого звука. Щенок провел его сквозь вой, визг и сигналы тревоги в голове.

Он держался за этот звук. И запахи. Как его научила Мирна.

«Следуйте за всем, за чем только можете, – советовала она ему. – Назад к реальности. Дальше от края».

И он следовал.

Глубокий вдох. Скошенная трава, свежее сено у обочины. Полный выдох.

Наконец, когда сигналы тревоги стихли и сердце перестало бешено колотиться, ему показалось, что он слышит и сам лес. Листья не шелестели, а шептали ему. Говорили, что он сумел добраться. Он дома. В безопасности.

Гамаш отпустил край скамьи, откинулся назад и снова почувствовал благодать, исходящую от леса и от этих слов.

Глубокий вдох. Полный выдох.

Он открыл глаза и увидел деревню, раскинувшуюся перед ним.

Его снова спасли. Он удивился собственной радости.

Но что случилось бы, если бы он ушел? И вернулся в тот мир, который

(кому и знать, как не ему?) не был всего лишь плодом его воображения?

Мирна Ландерс медленно отвернулась от окна.

Каждое утро она видела, как читает Арман. А потом убирает свою таинственную книжицу и смотрит вдаль.

И каждое утро она видела приближающихся демонов, которые роились вокруг него, находили путь внутрь. Через его голову, через его мысли. Захватывали его сердце. Она видела, как им завладевает ужас. И как Арман прогоняет его.

Каждое утро она вставала, готовила кофе и становилась у окна, наблюдая. Отходила, только увидев, что его борьба успешно завершилась.

Клара поставила кружку с кофе, чтобы не грохнуть ее. Затолкала последний кусок тоста в рот, чтобы и его не уронить.

Она во все глаза смотрела на картину Питера. Позволяла мыслям перепрыгивать с одного образа на другой, пока они не привели ее к тому же выводу, который подсказала ей несколько минут назад ее интуиция.

Это было невозможно. Видимо, она прыгнула не в том направлении. Соединила несоединимое. Она уселась поудобнее и уставилась на мольберт.

Неужели Питер пытался им что-то сказать?

Мирна намазала на булочку толстый слой золотистого повидла. Потом подцепила ножом малиновый джем и добавила его к повидлу. Ее собственное изобретение. «Мавидло». Пусть кому-то это покажется нелепым, но великие кулинарные открытия всегда поначалу кажутся такими. «Не обращай внимания на то, что говорят повара», – сказала она себе, вонзая в булочку зубы. Любая вкусная еда имела такой вид, будто кто-то уронил тарелку.

Мирна улыбнулась, посмотрев на собственный «цветовой круг», и вспомнила ребенка Марианны и картины в спальне. Именно так выглядела ее булочка. Похожая палитра использовалась для создания тех блестящих – вовсе не с точки зрения их художественных достоинств – картин.

Как назвала Рут первые работы Клары? Собачьим завтраком?

– Собачий завтрак.

Мирна приветственно подняла булочку, потом откусила кусочек и начала жевать.

Постепенно ее челюсти двигались все медленнее и медленнее. Она уставилась в окно.

Ее мысли, поначалу неспешные, ускорились. Наконец помчались к совершенно неожиданному заключению.

Но это было невозможно. Или нет?

Она проглотила прожеванный кусок.

Глубоко вдыхая свежий утренний воздух, Гамаш подумал, что единственный положительный момент в его мучительной пытке состоял в том, что, когда она заканчивалась, он оказывался здесь.

Он улыбнулся при виде каменных, обитых вагонкой и кирпичных домов, выстроившихся вокруг деревенского луга.

А когда ад уйдет, когда он, Гамаш, наконец разгонит демонов, неужели рая больше не будет?

Станет ли он любить это место меньше, если перестанет остро нуждаться в нем?

Он снова оглядел Три Сосны, маленькую деревню, затерянную в горах, и услышал знакомую песню сердца. Но будет ли оно петь, когда страхи уйдут навсегда?

Больше всего он боялся, что, освободившись от страхов, он освободится и от радости.

Он так волновался за Жана Ги из-за его пагубной мании, а как насчет его собственных пристрастий? Нет, его бедой были не боль, не паника, но, возможно, стремление к благодати их пресечения.

Он знал, что мозг живет сам по себе. «Создать в себе из Рая – Ад и Рай из Ада он может»[44].

Гамаш был уверен, что именно это и сделал с собой Питер Морроу. Превратил рай в ад. И в результате его вышвырнули. Он потерял рай.

Но Питер Морроу был не Люцифером, падшим ангелом, а всего лишь незадачливым человеком, который жил головой, не понимая, что рай можно найти только в сердце. К несчастью для Питера, там жили и чувства. И они всегда были хаотичны. А Питер Морроу не любил хаоса.

Арман рассмеялся, вспомнив вчерашний разговор.

Именно так Клара описала свои первые художественные потуги. Нет, не хаос – иначе. Собачий завтрак. Так их назвала Рут, и Клара согласилась. Рут своими стихами пыталась передать чувства. Клара своими красками и сюжетами пыталась придать чувствам форму.

Ее попытки были хаотичными. Неуправляемыми. Рискованными. Пугающими. Всегда что-то могло не заладиться. Неудача поджидала за каждым поворотом. Но и триумф тоже.

Питер Морроу никогда не рисковал. И не знал ни неудач, ни триумфов.

В его творчестве не случалось ни взлетов, ни падений. Его ландшафт всегда оставался плоским. Бесконечная предсказуемая пустыня.

Каким же потрясением стало для него случившееся: всю жизнь играть в безопасную игру и вдруг оказаться изгнанным. Из дома. Из профессии.

Что станет делать человек, когда налаженная жизнь вдруг разлаживается?

Гамаш прищурился, глядя на открывающийся перед ним вид. И прислушался. На сей раз не к собакам. Не к птицам и даже не к дубам, кленам и шепчущимся соснам. Теперь он пытался уловить обрывки разговоров, всплывавших в памяти. Вспоминал в подробностях вчерашнюю беседу. Складывал предложение к предложению, жест к жесту. Мазок, точка, прикосновение словесной кистью. Пока перед его мысленным взором не возникла картина.

Он встал, продолжая смотреть вдаль в ожидании последнего звена. И оно появилось.

Он засунул книгу в карман, начал спускаться по склону и в этот миг увидел Мирну. Она в халате выскочила из своего магазина и почти бегом бросилась через деревенский луг.

Гамаш знал, что они направляются в одно и то же место.

В дом Клары.

– Ты где? – крикнула Мирна.

– Здесь.

Клара поднялась с табуретки, вышла из мастерской и увидела Мирну, похожую на монумент с острова Пасхи, облаченный во фланелевый халат. Мирна часто заглядывала к Кларе, но не в такую рань. И обычно была уже одета. Она редко сообщала о своем прибытии. И Клара редко слышала в ее голосе такую интонацию.

Паническую? Нет, не паническую.

– Клара?

Раздался другой голос, но с той же интонацией.

Появился Арман, он тоже был взволнован.

– Кажется, я знаю, чем занимался Питер, – произнес он.

– И я тоже, – проговорила Мирна.

– И я тоже, – повторила за подругой Клара. – Но мне нужно позвонить.

– Oui, – сказал Гамаш и вместе с Мирной последовал за Кларой в гостиную, к телефону.

Несколько минут спустя Клара повесила трубку, повернулась к ним и кивнула.

Они были правы. Обнаружился огромный кусок пазла. Или по меньшей мере должен был вот-вот обнаружиться.

Глава пятнадцатая

– Меня осенило, когда я разглядывала его последнюю работу, – сказала Клара.

Все трое прошли в мастерскую Питера и остановились перед полотном на мольберте.

– А тебя что надоумило? – спросила Клара у подруги.

– Цветовой круг.

Мирна рассказала о своей живописной булочке. Гамаш, еще не успевший позавтракать, решил, что «мавидло» – гениальное изобретение.

– А вы как догадались? – спросила у него Мирна.

– Я думал о собачьем завтраке, – ответил он и описал свой путь к тому же выводу. – И о том, как трудно изобразить чувство в красках. Поначалу получается настоящий хаос.

Перед ними была картина, оставленная Питером. Сплошные оттенки белого. Великолепная детализация. Холст почти неотличим от краски. Средство – от метода.

Кто-то наверняка захотел бы заплатить за это немалые деньги. А когда-нибудь со временем картина, возможно, стала бы бесценной. Она была все равно что артефакт потерянной цивилизации. А точнее, кость динозавра. Обесцвеченная, окаменевшая. Ценная только потому, что сам вид вымер. Последняя в своем роде.

Какой контраст с описанием того, что Мирна и Клара видели в спальне ребенка Марианны!

Там был хаос. Столкновение контрастных цветов. Без всякой техники. Ребенок Марианны узнал о правилах, понял их, а потом решил игнорировать. Предпочел отойти от общепринятых норм.

– Что вы чувствовали, глядя на те картины? – спросил Гамаш.

Клара широко улыбнулась, вспоминая:

– Честно? Я думала, что они ужасны.

– Вы так думали, – гнул свое Гамаш, – но что вы чувствовали?

– Мне было весело, – сказала Мирна.

– Вы смеялись над ними? – Он прищурился.

Мирна задумалась.

– Нет, – проговорила она. – Они сделали меня счастливой.

– И меня, – подхватила Клара. – Они показались мне причудливыми, забавными и неожиданными. Меня словно подбросило вверх.

Мирна кивнула, соглашаясь.

– А эта? – Гамаш показал на картину, стоявшую на мольберте.

Все трое опять посмотрели на обесцвеченное изящное полотно. Оно идеально смотрелось бы в чьем-нибудь пентхаусе, в столовой. Никакой опасности, что картина испортит аппетит.

Обе женщины отрицательно покачали головой. Ничего. Они словно смотрели в пустоту.

– Значит, Бин, в общем-то, неплохой художник, – сказал Гамаш. – Если только их не написал кто-то другой.

И это была та самая огромная часть пазла, которую они, все трое, нашли одновременно.

Бин тут ни при чем. Те дурацкие картинки принадлежат кисти Питера.

Да, они были хаотичны, потому что знаменовали собой начало. Первые неуверенные шаги Питера к совершенству.

– Вы должны подробнее описать мне те работы, – велел Гамаш.

Они прихватили с собой кофе и перешли в сад Клары, чувствуя потребность в свежем воздухе и цвете после изощренного угнетения мастерской Питера.

В воздухе висело предчувствие дождя, однако тот не спешил.

– Меня прежде всего поразило столкновение багряных, розовых и оранжевых красок на картинке над письменным столом, – проговорила Мирна.

– А та, что у окна? – напомнила Клара. – Словно кто-то плеснул из ведра с красками на стену, а потеки каким-то образом обрели форму.

– А те горы на картине за дверью, – подхватила Мирна. – Улыбки.

Клара улыбнулась:

– Поразительно.

Она отщипнула кусочек от pain au chocolat[45], обнажив сладкую шоколадную начинку и накрошив на стол.

– Не хочу, чтобы вы думали, будто это какие-то выдающиеся творения, – сказала Клара Гамашу, который намазал на круассан клубничный джем и потянулся за повидлом. – Теперь, когда мы знаем, что их писал не ребенок, мы вовсе не склонны менять свое мнение и видеть в них шедевры.

– Они все равно дерьмо, – согласилась Мирна. – Но счастливое.

– Их написал Питер. – Клара покачала головой.

Невероятно, но так оно и было.

Она только что звонила сестре Питера, Марианне, и говорила с ее

чадом. Спросила, кто нарисовал картины, что висят в спальне, и ответ последовал незамедлительно. Удивленный ответ. Неужели тетя Клара не догадалась?

– Дядя Питер.

– Он подарил их тебе?

– Да. А какие-то из них прислал по почте. Мы получили их в специальной трубке несколько месяцев назад.

Тогда Клара снова позвала к телефону Марианну и попросила ее выслать все картины курьерской почтой в Три Сосны.

– Вышлю сегодня утром. Прости, я думала, ты знаешь, что это его работы. Не очень хорошие, да? – спросила Марианна с плохо скрываемым удовольствием. – Он показал мне некоторые, когда приходил. Кажется, хотел услышать мое мнение. Я не знала, что сказать, а потому промолчала.

«Бедняга Питер», – думала Клара, сидя в саду. Он так привык, что все его работы хвалят. Привык к успеху с самого начала. Как необычно он, должно быть, чувствовал себя, обнаружив вдруг, что он не очень хорош в том деле, в котором обрел славу. Словно выдающийся игрок в гольф, поменявший способ замаха, чтобы стать еще лучше, но обнаруживший, что его результаты ухудшились.

Иногда для того, чтобы подняться, надо сначала опуститься. Чтобы продвинуться вперед, нужно отойти назад. Похоже, именно это и сделал Питер. Отбросил все, что знал, и начал заново. В пятьдесят с лишним лет.

«Храбрый человек», – подумала Клара.

– Утром я получил сообщение из Парижской полиции, – сказал Гамаш. – Они съездили в «Лапорт» и поговорили с тамошним Chef des bénévoles[46]. И тот подтвердил, что Питер волонтерствовал у них в прошлом году, но через пару месяцев уехал.

– Зачем лететь в Париж, чтобы волонтерствовать в «Лапорте», и почти сразу срываться с места и уезжать? – спросила Клара.

– Питер поехал туда, потому что это когда-то помогло Винсенту Жильберу, – предположила Мирна. – Винсент приехал в «Лапорт» эгоистичным, незрелым, злобным идиотом. А вышел оттуда святым идиотом.

– Да, это прогресс, – хмыкнул Гамаш. – Немного похоже на страну Оз, в которой Питер – Железный Дровосек, ищущий сердце. Он думал, что найдет его там, творя добро для тех, кому повезло еще меньше. И благодаря этому станет лучше как художник.

– Нет сердца – нет искусства, – заметила Мирна. – Он, вероятно, решил, что если это помогло такому вздорному существу, как Винсент

Жильбер, то уж ему-то наверняка поможет. Но мотивы Питера были эгоистическими, им руководило высокомерие. Он мог бы справиться с этими проблемами, если бы преодолел себя, но не выдержал. Отправился искать более действенное средство.

– Иногда волшебство действует, – сказала Клара и с надеждой посмотрела на них. – Вы знаете, откуда это?

Гамаш и Мирна покачали головой.

– Это из фильма «Маленький большой человек», моя любимая сцена, – сказала она. – Вождь Дэн Джордж, старый, больной, чувствует, что его время пришло. Они с Дастином Хоффманом готовят ложе на подпорках, вождь Дэн Джордж забирается туда, ложится и складывает руки на груди.

Клара изобразила вождя, закрыла глаза и подняла голову к затянутым тучами небесам.

– Дастин Хоффман в отчаянии, – продолжила она. – Он любит вождя. Он не спит всю ночь, а утром с восходом солнца подходит к смертному одру вождя и видит неподвижное застывшее лицо Дэна Джорджа. Тот обрел покой.

Клара открыла глаза и посмотрела на своих неподвижных, застывших слушателей.

– И тут вождь Дэн Джордж открывает глаза и садится. Он смотрит на Дастина Хоффмана и говорит: «Иногда волшебство действует. А иногда – нет».

Несколько мгновений ошеломленного молчания, и наконец Мирна и Арман расхохотались.

– Вот что мне напоминают путешествия Питера, – закончила Клара.

– Вы заметили, что мысль о волшебстве все время возвращается? – сказала Мирна. – Вчера мы рассуждали о возвращении Питера в колледж, предполагали, что он искал волшебство юности. А сейчас мы говорим, что он то же самое пытался сделать в «Лапорте».

– Мы говорим так, потому что верим в это. А не потому, что в это верит Питер.

– И все же что-то с ним произошло, – произнес Гамаш, вставая. – Судя по вашему описанию его новых картин, что-то в нем изменилось. Возможно, не в Париже, а где-то в другом месте случилось нечто такое, отчего его подход к живописи изменился полностью.

– Вы куда?

– Позвонить в Шотландию.

Оставив их в саду, он неторопливо пошел домой, размышляя о Питере и Париже. И о его бегстве через всю Европу. Именно так Гамаш и

воспринимал действия Питера. Он провел несколько десятилетий, преследуя преступников, и хорошо знал разницу между бегством и поиском.

Гамашу это представлялось бегством. Из Парижа во Флоренцию, в Венецию, потом в Шотландию.

Немалое расстояние для человека, привыкшего к оседлой жизни.

Почему люди пускаются в бега? Вот о чем спрашивал себя Гамаш, кивая на ходу соседям, помахивая рукой в ответ на приветствия. Они бегут, потому что им грозит опасность.

Что, если Питер покинул «Лапорт» по причинам, которые были связаны скорее со спасением его тела, чем души?

Шагая по деревенскому лугу, Гамаш с тревогой думал, достаточно ли быстро и достаточно ли далеко убегал Питер. Или же он прямым ходом несся в Самарру.

Глава шестнадцатая

– Э-э-э?

– Я спросил, нет ли в вашем районе мест, облюбованных художниками, сэр.

– Обдолбанных художников?

– Э-э-э?

Гамаш стоял в своем кабинете, прижимая телефон к уху, словно чем плотнее прижимаешь, тем легче понять собеседника.

Нет, не помогало.

Он не стал звонить старшему полицейскому констеблю Шотландии. Не стал связываться с секретарями и директорами департаментов. Из собственного опыта он знал, что, как бы информированны и доброжелательны ни были эти старшие офицеры, по-настоящему знали местную обстановку только те, кто каждый день защищал эти места.

Поэтому он позвонил прямо в отделение полиции в Дамфрисе и представился. Понадобилось несколько минут объяснений, прежде чем человек на другом конце провода понял, что звонит не жертва преступления и не преступник.

Похоже, когда Гамаш говорил по-английски, его акцент в сочетании с шотландским ухом генерировал белый шум в виде всякой чепухи.

Констебль Стюарт из Дамфриса смотрел через окно полицейского отделения на выбеленные стены соседних зданий. На стены из серого камня. На викторианские дома красного кирпича. На высокую башню с часами в дальнем углу рыночной площади. На спешащих людей, которых загонял в пабы и магазины холодный дождь.

И старался проявлять терпение.

Пытался сообразить, о чем говорят на другом конце провода.

Обдолбанные? Разве это вопрос к полиции? Потом ему показалось, что он услышал что-то о художниках, но и это тоже было нелепо. Зачем звонить в полицию и спрашивать о художниках?

Может, этот человек не в своем уме? Но он говорил спокойно и рационально и даже немного сердился сам на себя.

Услышав слова «расследование убийств», констебль Стюарт насторожился, но когда он спросил, хочет ли человек сообщить об убийстве, то получил единственный, пока понятный ему ответ.

«Нет».

– Тогда позвольте спросить, чего же вы хотите?

На том конце провода раздался долгий, протяжный вздох.

И затем слова:

– Mon dieu[47].

– Вы сказали «Mon dieu»? – спросил констебль Стюарт. – Вы говорите по-французски?

– Oui, – ответил Гамаш. – А вы?

Он задал этот вопрос по-французски и был вознагражден смешком.

– О да. Je parle français[48].

Наконец-то они нашли способ общения. По-французски. И все благодаря роману констебля Стюарта с француженкой, которая впоследствии стала его женой. Она со временем выучила английский, а он – французский.

Гамаш объяснил, что он отставной старший инспектор отдела по расследованию убийств Квебекской полиции и ему требуется помощь констебля Стюарта. Но не в связи с убийством. Это частное расследование. Он пытается найти пропавшего друга. Художника. Его следы обнаружились в районе Дамфриса в начале зимы. Гамаш назвал констеблю Стюарту даты приезда и отъезда Питера. Но он не знал, где находился Питер, чем занимался и вообще зачем туда приехал. Нет ли там места, где поселяются художники? Или какого-то объекта, который может привлекать их?

– Ну, вообще-то, у нас красивейшие места.

Гамаш позавидовал акценту констебля Стюарта. Когда тот говорил по-французски, голос его звучал мягко и обаятельно, раскатистое шотландское р-р-р идеально подходило для французского.

Кто бы мог подумать?

– Значит, там у вас есть знаменитые живописцы?

– Не то чтобы знаменитые. – И после паузы: – Нет, не могу сказать, что знаменитые. Но очень хорошие. К тому же наши пейзажи вдохновят любого художника.

Констебль Стюарт посмотрел в окно, за которым стоял серый холодный день. Дождь лил как из ведра.

Это было прекрасно.

– Потом, у нас есть немало очень красивых садов. Некоторые весьма примечательны. Садовник вам не нужен?

– Боюсь, что нет. Мне нужен художник. Вам не приходит в голову, зачем моему другу понадобилось приехать в Дамфрис?

– Кроме самых очевидных причин? Нет, сэр.

Гамаш посмотрел в окно гостиной. На деревню опустился густой туман, и три сосны на деревенском лугу были почти не видны. От бистро остались одни призрачные очертания, только свет чуть пробивался через окно.

Это было прекрасно.

– По движениям его банковской карты мы знаем, что он был в вашем районе, но у нас нет информации, где он останавливался.

– Ну, это дело обычное. В городе и вокруг него много дешевых гостиниц. Они предпочитают наличные.

– Я бы хотел послать вам фотографию и описание моего друга.

– Отлично. Я раздам его сотрудникам.

Голос констебля звучал жизнерадостно, в нем слышалась готовность помочь. Надежда. Но очаровательный акцент не мог скрыть того факта, что надеяться практически не на что. Шансы на то, что констебль Стюарт найдет следы Питера Морроу, оставленные несколько месяцев назад, были крайне малы. Однако констебль обещал попробовать, и Гамаш был ему благодарен.

Питер не случайно поехал в Дамфрис. Для этого была какая-то неясная им причина. Одно они знали наверняка: сейчас Питера там нет. Он уехал оттуда и объявился в Торонто.

Гамаш попрощался с констеблем и остался сидеть в мягком кресле. Окно было открыто, и он услышал падение первых капель дождя. Они ударяли по листьям, по крыльцу, барабанили по окну. Погода и старший инспектор на этот день определились.

Он откинулся на спинку кресла, переплел пальцы и уставился перед собой, размышляя. Думал о Питере, о Дамфрисе, о своем разговоре с констеблем Стюартом. У шотландцев и квебекцев было много общего. И тех и других покорили англичане. И те и другие сумели сохранить свой язык и культуру, хотя шансы на это были невелики. У тех и у других имелись националистические устремления.

Но Гамаш знал: Питер Морроу поехал в Шотландию не для того, чтобы заниматься проблемами самоопределения. По крайней мере, не на национальном уровне. Он вел более скромные поиски – себя самого.

В какой-то момент случилось что-то неожиданное, и Питер Морроу написал свои необычные картины.

Гамашу не терпелось увидеть их.

Они прибыли в дом Клары Морроу на следующее утро. Веселый курьер почты «Ю-пи-эс» в коричневом пикапе и коричневых шортах

передал Кларе предмет, который выглядел как дитя любви бейсбольной биты и багета.

Клара расписалась за длинную коричневую трубку и махнула ею в сторону Гамаша и Рейн-Мари, завтракавших на террасе бистро с Жаном Ги и Рут.

Дождь прекратился еще ночью, и день обещал быть ясным и теплым, солнце сверкало на каплях, повисших на листьях и лепестках цветов, крышах и траве. Испаряясь в солнечных лучах, они наполняли воздух ароматом роз, лаванды и кровельного гудрона.

К полудню деревня начнет поджариваться, как на сковороде, но пока она оставалась сияющей и душистой. Однако Клара ничего этого не замечала. Она смотрела только на тубус, доставленный курьером. Клара принесла его в дом и позвонила Мирне.

И стала ждать. Сжимая тубус. Разглядывая его. Надрывая оберточную бумагу. К счастью, долго ждать ей не пришлось. Через несколько минут все явились, и Клара сорвала обертку.

– Посмотрим, посмотрим, – пробормотала Рут.

– Вы же не думаете, что это гигантская сигарета с марихуаной? – осведомился Жан Ги.

– Я не так глупа, тупица.

Тем не менее энтузиазма у Рут поубавилось. Потом она внимательнее взглянула на тубус и оживилась.

– И бутылки виски внутри тоже нет, – сказал Жан Ги, читая ее мысли.

Эта новая способность вызывала у него некоторую озабоченность.

– Тогда чего все так возбудились?

– Пришли картины Питера, – объяснила Рейн-Мари, глядя на тубус и сгорая от нетерпения увидеть, что там внутри.

Казалось, будто Питер прислал по почте самого себя. Не свою физическую сущность, разумеется. Питер прислал свои мысли, свои чувства. В тубусе был своего рода отчет о его переездах и творчестве, после того как он покинул Три Сосны.

Они собрались вокруг Клары, которая срывала коричневую обертку. Оттуда выпала записка от Марианны и спланировала на пол. Жан Ги наклонился, поднял ее и прочитал: «Высылаю картины. Три на холсте – самые последние. Питер прислал их моему ребенку в мае. Откуда – не знаю. Три других – на бумаге. Он подарил их во время своего приезда зимой. Рада помочь».

Жану Ги показалось, что последние слова равносильны «рада от них избавиться».

– Давайте посмотрим, – сказал Габри.

Он только что пришел, и теперь они с Рут пихались локтями, сражаясь за место получше.

Жан Ги взял один из холстов, а Рейн-Мари – другой. Они развернули картины, но края продолжали закручиваться.

– Я ничего не вижу, – рявкнула Рут. – Разверните их.

– Это не так-то просто, – возразила Мирна.

Она оглядела кухню и наконец решила положить три картины на пол, словно коврики.

Они разгладили холсты, положили на каждый угол по большой книге и отошли подальше. К картинам вразвалочку направилась Роза.

– Забери ее, чтобы она на них не наступила, – сказала Клара.

– Наступила? – переспросила Рут. – Да ты скажи спасибо, если она на них насрет. Это их только улучшит.

Никто не стал с ней спорить.

Гамаш разглядывал картины, наклоняя голову то влево, то вправо.

Клара была права: не картины – сплошной хаос. И он понял: ему хотелось, чтобы ее слова оказались преувеличением.

Он надеялся увидеть в картинах хотя бы обещание. Но определенно рассчитывал, что они будут лучше, чем это. Что они будут необычными. Неожиданными. Даже немного сложными для восприятия. Как картины Джексона Поллока. Безумие красок. Капли, мазки, линии, как будто кто-то пролил краску. Несчастный случай на холсте.

И все это складывается в форму, в чувство.

Гамаш чуть подался влево. Вправо. В центр.

Нет.

Сплошной хаос.

Картины Питера, лежащие на полу, и в самом деле напоминали собачий завтрак. Правда, у собаки не хватило чутья, и она его съела. А потом ее вырвало.

Что бы Роза ни оставила на этих «шедеврах», это никак бы им не повредило.

В другом углу кухни Клара снимала резинки со свернутых в трубку картин меньшего размера и раскладывала их на столе, ставя на каждый угол солонку, перечницу или кружки.

– Итак, – сказала она, когда остальные подошли к ней, – судя по словам Марианны, это более ранние работы Питера.

Все уставились на стол.

Эти картины были ничем не лучше. Собственно говоря, они были даже

хуже, чем лежащие на полу, если только такое возможно.

– Мы уверены, что их написал Питер? – спросил Гамаш.

Он никак не мог поверить, что легкие, изящные, точные работы в мастерской и эта мазня созданы одной рукой.

На лице Клары тоже появилось сомнение. Она наклонилась, разглядывая нижний левый угол.

– Подписи нет. – Она прикусила губу. – Обычно он подписывает свои работы.

– Да, и обычно у него уходит шесть месяцев на картину, – вставила Рут. – Обычно он не показывает свои работы, пока не доведет их до совершенства. И обычно он использует оттенки кремового и серого.

Клара в изумлении посмотрела на Рут и подумала, что, возможно, крыша у нее все-таки еще не совсем съехала.

– Ты думаешь, их написал Питер? – спросила она у Рут.

– Да, – уверенно ответила Рут. – Не потому, что они созданы в его манере, а потому, что никто в здравом уме не стал бы приписывать себе подобные творения, если бы действительно не был их автором.

– Почему он их не подписал? – спросил Жан Ги.

– А ты бы подписал? – осведомилась Рут.

Все снова уставились на три картины, лежащие на столе.

Время от времени кто-нибудь из них, словно не в силах больше смотреть на это, переводил взгляд на работы, лежащие на полу.

А потом, будто устав от созерцания творившегося на полу хаоса, снова переходил к столу.

– Да-а, – проговорил наконец Габри. – Должен сказать, дрянь необыкновенная.

Картины являли собой безвкусную мазню, брызги и кляксы красок. Красных, багряных, желтых и оранжевых. Сражающихся друг с другом. Выплеснутых на бумагу и холст. Питер словно задался целью нарушить все известные ему правила. Навсегда отказаться от них. Разбить их, как пиньяту[49]. И из этих разлетевшихся вдребезги основ пролилась краска. Многочисленные всплески яркой краски. Все те цвета, над которыми он фыркал, насмехался, издевался вместе со своими умными друзьями-художниками. Все те цвета, которые он отвергал и которыми пользовалась Клара. Они выплеснулись на бумагу и холст. Как кровь. Как внутренности.

И вот результат.

– Что это говорит о Питере? – спросил Гамаш.

– Нам обязательно заглядывать в эту пещеру? – прошептала ему Мирна.

– Может быть, и не нужно, – согласился он. – Но есть ли какая-нибудь разница между этим, – он показал на картины на столе, – и этим? – Он показал на пол. – Вы видите какое-нибудь улучшение? Эволюцию?

Клара покачала головой:

– Они выглядят как упражнения в художественной школе. Видите вот здесь?

Она ткнула пальцем в шахматный рисунок на одной из лежащих на столе картин. Все склонились над ней и закивали.

– Что-то подобное рисует каждый ученик художественной школы, когда изучает перспективу.

Гамаш задумался, нахмурил брови. Зачем одному из самых успешных художников Канады писать это? Да еще использовать упражнение, которому обучают в школе?

– И вообще, искусство ли это? – спросил Жан Ги.

Еще один хороший вопрос.

Когда Бовуар познакомился с этими людьми, с этой деревней, он мало что знал об искусстве, да и то, что знал, считал бесполезным. Но по прошествии нескольких лет соприкосновения с миром искусства у него появился интерес. Или что-то похожее.

Его интересовало не столько искусство, сколько среда его обитания. Внутренняя борьба. Проявляемая походя жестокость. Двуличие. Уродливый бизнес по продаже прекрасных творений.

И то, как уродство нередко перерастает в преступление. А преступление вызревает в убийство. Иногда.

Питер Морроу нравился Жану Ги. Какой-то своей частью он понимал Питера Морроу. Той частью, в существовании которой он мало кому признавался.

Это была неприятная часть. Пустая часть. Эгоистическая часть. Неуверенная в себе.

Трусливая часть Жана Ги понимала Питера Морроу.

Но если Бовуар изо всех сил старался победить в себе эту часть, то Питер просто убегал от нее. Увеличивая пропасть, разрыв.

Бовуар давно понял, что не страх увеличивает бездну. Это делает трусость.

И тем не менее Питер Морроу нравился Жану Ги Бовуару, и Жан Ги приходил в ужас при мысли о том, что с Питером случилось что-то ужасное. Впрочем, за такие картины никто бы не стал убивать. Кроме разве что Питера. Питер вполне мог убить, чтобы скрыть авторство.

Но ведь он не убил, правда? Наоборот, он не прятал свои творения, а

принял меры, чтобы они не пропали.

– Почему он их сохранил? – спросил Жан Ги. – И почему отдал их ребенку Марианны?

Вместо того чтобы отвечать на вопросы, эти картины только еще больше запутывали дело.

Рут ушла. Ее одолели скука и отвращение.

– От этих картин тошнит, – заявила она, на случай если кто-то не заметил, как она себя чувствует. – Пойду вычищу лоток Розы. Кто-нибудь хочет мне помочь?

Предложение было искусительное, и вскоре после ухода Рут ретировался Габри.

– Кажется, у нас засорился сток в ванной, – пробормотал он, направляясь к двери.

Похоже, творения Питера напоминали людям о необходимости выполнять грязную работу. Если он отправился в мир, чтобы найти способ стать полезным, то результат получился не совсем таким, как он хотел.

Арман, Рейн-Мари, Клара, Мирна и Жан Ги остались в растерянности стоять вокруг картин.

– Ну хорошо, – сказал Гамаш, возвращаясь к полотнам, лежащим на полу. – Здесь его более поздние работы. Питер прислал их в конце весны. Они написаны на холсте, тогда как предыдущие работы, – он сделал три широких шага к сосновому столу, – подаренные ребенку Марианны зимой, написаны на бумаге.

Они выглядели как нечто живое, упавшее с большой высоты. И ударившееся об стол.

Триумфом такие творения не назовешь. Успехом тоже. Или хорошим концом.

Но Гамаш знал, что в этих картинках не было и намека на конец. Они представляли собой начало. Дорожные знаки. Указатели.

Эскимосы воздвигали каменных идолов, которые служили им навигационными инструментами, обозначали их путь. Указывали, куда они идут и где находятся. Путь от дома и путь домой. Инуксуиты – так они их называли, буквально «заменители человека». Европейцы поначалу уничтожали их, потом объявили языческим суеверием. Теперь их признают не только в качестве указателей, но и как произведения искусства.

Именно это и сделал Питер. Его творения были не произведениями искусства, а чем-то бóльшим – дорожными знаками, указателями. Они показывали, где он был и куда двигался. Маршрут его движения,

изображенный художественно, эмоционально, творчески. Странные картины Питера были его инуксуитами, они фиксировали не столько место его нахождения, сколько изменения его мыслей и чувств.

Эти картины были заменителем конкретного человека. Душой Питера, вывернутой наружу.

Осененный этими мыслями, Гамаш внимательнее присмотрелся ко всем шести картинам. Что они говорили ему о Питере?

На первый взгляд они казались просто всплесками цвета. На более поздних из них, написанных на холсте, цвета сталкивались еще ожесточеннее, чем на ранних.

– Почему для одних он использовал бумагу, а для других – холст? – спросила Рейн-Мари.

Клара и сама задавала себе этот вопрос. Если откровенно, то все эти «шедевры» в равной мере были порядочной дрянью. Нельзя было сказать, что три картины на холсте написаны лучше и достойны сохранения, а бумажные можно выкинуть на помойку.

– Наверное, тут могут быть два объяснения, – сказала она. – Либо у него не было холста, когда он создавал первые три, либо он знал, что это эксперимент. Не для сохранения.

– В отличие от этих? – Жан Ги указал на картины на полу.

– «Иногда волшебство действует», – процитировала Клара, и Гамаш издал смешок.

– Питер – человек умный, – заметила Рейн-Мари. – Успешный художник. Он должен был понимать, что это не великие творения. И даже не просто хорошие.

Жан Ги кивнул:

– Вот именно. Зачем их сохранять? И не просто сохранять, а еще и передавать кому-то другому и тем более позволять другим видеть их?

– Что вы делаете со своими работами, которые вам не нравятся? – спросила Рейн-Мари у Клары.

– Большинство из них я сохраняю.

– Даже те, которые не удалось спасти? – удивилась Рейн-Мари.

– Даже те.

– Почему?

– Ну, наперед никогда не знаешь. Иногда, в поисках вдохновения, я достаю их и смотрю новыми глазами. Ставлю их набок или даже вверх ногами. Это дает мне иную перспективу. Выпускает на свободу то, чего я не заметила прежде. Какую-нибудь мелочь, которая стоит того, чтобы ее развить. Сочетание красок, ряд мазков – что-нибудь такое.

Бовуар посмотрел на картины на полу. Он не увидел ничего, кроме ряда мазков кистью.

– Ты их сохраняешь, – заметила Мирна, – но не выставляешь.

– Верно, – кивнула Клара.

– Жан Ги прав. У Питера были причины сохранять их, – сказал Гамаш. – И причины послать их ребенку Марианны.

Он подошел к маленьким картинам на потертом сосновом столе.

– На которой из них улыбки? – спросил Гамаш у Мирны. – Губы? Я что-то не вижу.

– Ах да, я забыла. Она здесь. – Мирна указала на картины на полу. – Попробуйте найти сами.

– Ужасная женщина, – попенял он ей, но спорить не стал.

Минуту спустя Мирна открыла рот, но Гамаш остановил ее:

– Нет, теперь уж не говорите. Я сам.

– Ладно, я пока выйду, – сказала Клара.

Они с Мирной наполнили стаканы лимонадом и вышли в сад, а Бовуар остался с Гамашем.

Его бывший босс наклонился над картинами, потом выпрямился, заложив руки за спину, и начал покачиваться с пятки на носок. С пятки на носок.

Бовуар сделал несколько шагов назад. Потом еще несколько. Оттащил от соснового стола стул и забрался на него со словами:

– Отсюда ничего не видно.

– Что ты делаешь? – спросил Гамаш, почти подбежав к Жану Ги. – Немедленно слезай со стула!

– Он прочный. Меня выдержит, – возразил Бовуар, но все-таки спрыгнул на пол.

Ему не понравился тон Гамаша.

– Ты этого не знаешь, – сказал тот.

– И вы тоже не знаете, – ответил Бовуар.

Они уставились друг на друга. Какой-то звук заставил Гамаша повернуться. Мирна стояла в дверях с пустым кувшином из-под лимонада в руке.

– Я вам помешала?

– Вовсе нет, – ответил Гамаш и выдавил улыбку. Потом глубоко вдохнул, выпустил воздух из легких и повернулся к Бовуару, который продолжал смотреть на него недовольным взглядом. – Извини, Жан Ги. Забирайся на стул, если хочешь.

– Нет, я уже увидел все, что нужно.

У Гамаша возникло отчетливое ощущение, что Жан Ги говорит не только о картине.

– Вон она, – указал его зять.

Гамаш подошел к нему и посмотрел.

Жан Ги нашел улыбку. Улыбки.

И Гамаш понял, в чем ошибался. Он искал пару больших губ. Долину, образовавшую гору. А Питер нарисовал множество крохотных улыбок, маленьких долин радости, марширующих по картине.

Гамаш усмехнулся.

Картина от этого не становилась лучше, однако это была первая работа Питера, которая свидетельствовала о наличии у него хоть какого-то чувства.

Гамаш повернулся и посмотрел на стол. Даже эти картины создавали чувство, хотя вряд ли тошноту можно считать эмоцией. Но хоть что-то. От души. Не из головы.

Если это было начало, то Арман Гамаш еще сильнее захотел узнать, куда ведут эти улыбки.

Глава семнадцатая

Рейн-Мари улыбнулась.

Гамаш показал ей шествие крохотных губ. Она не сразу поняла, что изображено на картине, но он почувствовал то мгновение, когда это случилось.

Ее собственные губы растянулись в улыбке. А потом и все лицо расцвело.

– Как же я раньше не заметила, Арман? – Она взглянула на него, потом снова на картину.

– Я тоже не заметил. Их Жан Ги нашел.

– Merci, – сказала она зятю, и тот слегка поклонился, принимая благодарность.

«Забавно, – подумала Рейн-Мари, – он осознает, что перенял одну из манер Армана?»

Пока Рейн-Мари разглядывала картину, Гамаш занялся двумя другими полотнами на полу. Клара уставилась на них.

– Что-то случилось? – спросил он.

Она покачала головой и снова склонилась над картинами. Потом отошла.

Неужели в этих картинах тоже что-то есть, как в той, с губами? Какой-то образ или эмоция, которую хотел передать Питер, и она ждет, когда ее откроют, словно страну, или планету, или необычный новый вид.

Если даже так, то ни Клара, ни Гамаш ничего такого не видели.

Гамаш ощутил на себе чей-то взгляд и подумал, что это Бовуар, но тот готовил сэндвичи в кухне.

Рейн-Мари продолжала с улыбкой глядеть на картину с губами. Клара изучала два других полотна.

Мирна, вот кто смотрел на Гамаша.

Она отвела его в сторону.

– Может, хватит, Арман?

– Вы о чем?

Она пронзила его взглядом, и он усмехнулся:

– Вы заметили мою маленькую стычку с Жаном Ги.

– Заметила. – Она внимательно посмотрела на него. – Клара поймет вас, если вы скажете, что должны остановиться.

– Остановиться? – удивился он. – Это еще почему?

– А почему вы только что накричали на Бовуара?

– Он стоял на стуле. На старом стуле соснового дерева. Стул мог сломаться.

– А он мог сломаться?

– Да бросьте, – рассмеялся Гамаш. – Вы придаете этому слишком большое значение. Я слегка разозлился на Жана Ги и продемонстрировал свое недовольство. Point final[50]. Мелочь. Забудьте об этом.

Последнее предложение прозвучало довольно жестко. В глазах Гамаша Мирна прочитала предупреждение: «Не пересекайте черту».

– Жизнь складывается из таких мелочей, – сказала она, пересекая черту. – И вы это знаете. Разве не это вы говорите относительно убийств? Их редко провоцируют какие-то исключительные события, скорее, наоборот, ряд маленьких, почти незаметных. Мелочи, которые соединяются в огромную катастрофу.

Его взгляд не дрогнул.

– Что вы хотите сказать?

– Вы и так знаете. С моей стороны было бы глупо не заметить того, что сейчас случилось. И с вашей тоже. Это лежало на поверхности. Мелочь. Он забрался на стул, а вы его отругали. Он спрыгнул. И если бы я не знала вас, не знала того, что происходило раньше, я бы и глазом не моргнула. Но я знаю вас. И знаю Жана Ги. И знаю, что слово «сломаться» для вас двоих означает больше, чем для кого бы то ни было.

Они смотрели друг на друга, Гамаш не отступал. Не соглашался с тем, что Мирна может быть права.

– Это просто стул, – произнес он тихим, смягчившимся голосом.

Мирна кивнула:

– Но это не просто кто-то. Это Жан Ги.

– Если бы стул сломался, Жан Ги не расшибся бы, – сказал Гамаш. – Он поднялся всего на полтора фута от пола.

– Я это знаю. И вы знаете, – кивнула Мирна. – Но тут ведь дело не в знании, правда? Если бы жизнь строго подчинялась рациональным правилам, то не было бы войн. Преступлений. Убийств. Реже случались бы разные трагедии. Вашу реакцию, Арман, трудно назвать рациональной.

Гамаш молчал.

Она внимательно посмотрела ему в глаза:

– Может, с вас хватит?

– Хватит? Вы хоть представляете, что я видел в жизни? Что делал?

– Представляю, – ответила она.

– Думаю, нет.

Он посмотрел на нее, и на Мирну нахлынула волна образов. Искалеченные тела. Остекленевшие глаза. Душераздирающие сцены. Все самое плохое, что может один человек сделать с другим.

И работа Гамаша состояла в том, чтобы пройти по кровавому следу. Заглянуть в пещеру. Не побояться увидеть то, что кроется там.

А потом проделать все то же самое еще раз. И еще.

Чудо состояло вовсе не в поимке убийцы. Чудо состояло в том, что этот человек после всего пережитого не утратил человеческих качеств. Даже после того, как его самого уволокли в пещеру. И ранили так глубоко.

А теперь он предлагал встать и помочь еще раз.

А она предлагала ему отказаться. Однако он не соглашался.

– Я не настолько хрупок, – сказал Гамаш. – И потом, мы просто ведем поиски пропавшего человека, а не расследуем убийство. Плевое дело.

Он хотел, чтобы это прозвучало беспечно, но получилось устало.

– Вы уверены? – спросила Мирна.

– Что это не убийство? – уточнил он. – Или что это плевое дело?

– И то и другое.

– Нет, – признался он. – И конечно, в одном вы правы. Мне лучше оставаться в Трех Соснах. Спать допоздна, попивать лимонад в бистро или работать в саду… – Он поднял руку, пресекая ее комментарии относительно его садоводческих потуг. – Я бы хотел делать только то, что хочется нам с Рейн-Мари.

Он говорил, и Мирна чувствовала глубину его желаний.

– Но иногда нет выбора, – тихо закончил он.

– Выбор есть, Арман. Выбор есть всегда.

– Вы так уверены?

– Хотите сказать, что не можете отказать Кларе в помощи?

– Я говорю, что иногда отказ приносит больше вреда.

Он помолчал немного, чтобы его слова обрели больший вес.

– Почему вы помогли мне несколько месяцев назад? Вы знали про опасность. Знали, что помощь может обернуться жуткими последствиями для вас и для деревни. Причем почти наверняка. Но все же вы пришли мне на помощь.

– И вы знаете почему.

– Почему?

– Потому что моя жизнь и эта деревня потеряли бы смысл, повернись мы к вам спиной.

Он улыбнулся:

– C’est ça[51]. То же самое и со мной сейчас. Что проку в исцелении,

если спасенная жизнь лишена смысла, эгоистична и подчинена страху? Просить убежища и прятаться от жизни – вещи разные.

– Значит, чтобы обрести убежище, нужно его покинуть? – спросила Мирна.

– Вы так и сделали.

Она проводила его взглядом. Со спины хромота была почти незаметна. Тремор правой руки исчез совсем.

Гамаш подошел к Кларе и Рейн-Мари:

– Нашли что-нибудь?

Но по их лицам он понял, что все усилия были тщетны.

– Это не значит, что в них ничего нет… – Голос Клары смолк.

Глядя на две другие картины на полу, Гамаш вдруг понял, что они обладают каким-то странным свойством: хотя здесь не было никакого очевидного образа, взывающего к чувствам, какие-то чувства они все же в нем пробуждали.

Насколько он мог судить, картины представляли собой просто путаницу контрастных красок.

Почему Питер прислал их вместе с веселой картинкой, изображающей губы? Что он видел в них такого, что ускользало от взгляда Гамаша? От взгляда Клары? От всех остальных?

Какая невидимая эманация исходила от этих картин?

– Жан Ги! – позвал Гамаш.

Бовуар положил хлебный нож и подошел к тестю:

– Oui?

– Помоги мне, пожалуйста. – Гамаш поднял с пола одну из картин. – Клара, можно повесить ее на стену?

С помощью Жана Ги и Гамаша Клара прикрепила картину к стене кнопками-гвоздиками. Та же участь постигла и остальные два холста. Три преступления против искусства оказались на стене.

Все снова отошли назад, чтобы лучше рассмотреть картины.

Потом сделали еще шаг назад. Подумали. Отошли еще. Подумали. Словно в очень, очень медленном отступлении. Или скорбном шествии.

Упершись спиной в стену, они остановились. Расстояние и перспектива не улучшили впечатление.

– Ну все, я проголодался.

Бовуар пошел в кухню и взял блюдо с приготовленными им сэндвичами. Мирна принесла кувшин с лимонадом, и все вместе направились к двери, ведущей в сад. Подальше от картин, в теплый летний день.

На Кларином сэндвиче с ветчиной расселись мухи. Она их не прогоняла. Пусть подкормятся.

Сама она есть не хотела. У нее было что-то с желудком. Ее не то чтобы тошнило, но подташнивало. И не потому, что она что-то съела. Скорее потому, что она что-что видела.

Картины Питера расстраивали Клару. Ее друзья ели и разговаривали, а она думала о картинах.

Когда она впервые увидела их в доме Марианны, они ее позабавили. Особенно та, что с губами. Но здесь, в ее собственном доме, они вызывали какое-то тошнотворное чувство. Что-то вроде морской болезни. Горизонт раскачивался. Произошло какое-то смещение, сдвиг.

Неужели она завидует? Возможно ли такое? Не беспокоит ли ее, что новые картины Питера сигнализируют о важном переломе в его художественных воззрениях? Пусть его картины сейчас не вызывают ничего, кроме насмешки, но не говорят ли они о рождении гения? И на заостренном кончике этой мысли возникла другая: не говорят ли они о рождении художника, более гениального, чем сама Клара?

Она с такой спокойной снисходительностью относилась к Питеру с его мелочной завистью, а чем она лучше его? Да она даже хуже! Завистливая, лицемерная, категоричная. Господи боже…

Но ее мысли устремились куда-то дальше. Что-то еще не давало ей покоя.

Ее друзья оживленно рассуждали о картинах и о том, почему Питер отправил их ребенку Марианны.

– Я задал этот вопрос час назад, – обиженно заявил Жан Ги. – Но меня никто не услышал. Мирна спрашивает о том же сейчас, и все говорят: какой замечательный вопрос!

– Жестокая судьба авангардистов, mon beau, – сказала Рейн-Мари и обратилась к Мирне: – Так что вы думаете?

Пока они разговаривали, Клара держала запотевший, скользкий стакан лимонада и проверяла свои чувства.

– Клара!

– А? – Она посмотрела на Мирну, которая улыбалась, забавляясь ее рассеянностью.

– Ты где витаешь? – спросила Мирна.

– Просто любуюсь садом. Вот думаю, не посадить ли еще душистого горошка – пусть вьется по этой решетке.

Мирна внимательно взглянула на Клару, и ей стало не так весело. Как

и большинству людей, Мирне не нравилось, когда ей лгали. Но в отличие от большинства людей она не была готова спускать другим ложь.

– О чем ты думала на самом деле?

Клара глубоко вздохнула:

– Я думала о картинах Питера и о том, какие чувства они у меня вызывают.

– И какие? – спросила Рейн-Мари.

Клара оглядела лица друзей, повернутые к ней.

– Тревогу, – ответила она. – Они меня немного напугали.

– Почему? – спросил Гамаш.

– Потому что я, кажется, знаю, зачем он отправил их ребенку Марианны.

Все подались к ней.

– И зачем? – спросил Бовуар.

– Что делает ребенка Марианны отличным от большинства других людей? – спросила, в свою очередь, Клара.

– Мы не знаем, девочка ли он… – ответила Рейн-Мари.

– …или она мальчик, – закончил Гамаш.

– Бин – ребенок, – сказал Бовуар.

– Верно, – кивнула Клара. – Все верно. Но у этого ребенка есть и другое характерное качество.

– Бин действительно отличается от других, – сказала Мирна. – В семье Морроу, где все должны соответствовать правилам, Бин этому не подчиняется. Питеру, вероятно, близка такая позиция. И он даже хочет ее вознаградить.

– И отправляет эти жуткие картинки в качестве вознаграждения? – спросил Бовуар.

– Вроде того, – ответила Мирна. – Действие зачастую важнее материальной вещи.

– Скажите об этом ребенку, который подвешивает носок в ожидании рождественского подарка, – возразил Бовуар.

– Спросите у ребенка, который получает поощрение в виде наклейки с золотой звездой в рабочей тетради, – сказала Мирна. – Наклейка – вещь бесполезная, но действие бесценно. Символы – мощное средство. В особенности для маленьких. Почему, вы думаете, они хотят получать призы и значки? Не для того, чтобы играть ими или что-то на них покупать. А потому, что они имеют для них определенный смысл.

– Поощрение, – согласилась Рейн-Мари.

– Да, – сказала Мирна. – И подарок от дяди Питера для племянника

или племянницы – серьезное поощрение. Я думаю, Питеру близок этот ребенок, дядюшка ему симпатизирует и хочет дать ему понять, что быть не таким, как другие, нормально.

Мирна посмотрела на Клару, ожидая одобрения и наклейки с золотой звездой.

– Возможно, причина в этом, – согласилась Клара. – Но вообще-то, мне кажется, что все гораздо проще.

– Например? – спросил Бовуар.

– Я думаю, Питер знал, что Бин умеет хранить секреты.

Ребенок Марианны хранил тайну своего пола. Несмотря на серьезное давление, оказываемое на это дитя, тайна оставалась нераскрытой. В нее не были посвящены ни семья, ни одноклассники, ни учителя. Никто.

– Питер знал, что его картины будут там в безопасности, – сказала Рейн-Мари.

– Но если эти картины – тайна, почему Питер не хранил их у себя? – спросил Жан Ги. – Разве у него они не были бы в большей безопасности?

– Вероятно, он не считал свое положение безопасным, – предположил Гамаш. – Вы об этом подумали, да?

Клара кивнула. Именно это она и чувствовала в глубине души. Питеру нужно было сохранить эти картины в тайне.

Она посмотрела на свой дом.

Но что спрятано в этих странных картинах? О чем они могут рассказать?

Глава восемнадцатая

– «Стихотворение начинается как комок в горле», – сказал Арман Гамаш, садясь на один из белых пластиковых стульев Рут.

– Ты говоришь словно про клубок шерсти, – заметила Рут. Она плеснула виски в стакан, не предлагая ему. – Как будто какая-то блевотина застряла в горле. Мои стихотворения выверены до последнего слога, каждое чертово слово тщательно подобрано.

Роза спала в гнездышке из одеял рядом со стулом Рут, но Гамаш обратил внимание, что один глаз птицы приоткрыт. И направлен на него.

Это выбило бы его из колеи, если бы он все время не напоминал себе, что Роза всего лишь утка. Ничего больше. Утка, от которой крыша едет.

– Что ж, это сказали вы, а не я. – Гамаш оторвал глаза от утки.

– Правда?

– Правда.

В кухне Рут было много всяких вещей, найденных бог знает где, включая пластмассовые стулья и стол. Включая и бутылку виски, найденную в винном шкафчике Габри. Включая Розу, найденную еще в виде яйца. Как-то пасхальным утром Рут увидела у пруда на деревенском лугу гнездо и нашла там два яйца. Стоило ей тронуть их, как они стали неприкасаемыми для матери-утки. И потому Рут взяла их домой. Все, естественно, предположили, что она собирается приготовить из них омлет. Но старая поэтесса совершила нечто неестественное. По крайней мере, для нее. Она изготовила из фланели маленький инкубатор и поддерживала в нем нужную температуру, поместив его в духовку. Она переворачивала яйца, наблюдала за ними, не ложилась допоздна – вдруг они начнут вылупляться и она им понадобится. Рут даже оплатила счет от электрической компании, чтобы ей не отключили свет. Счет она оплатила деньгами, найденными в доме Клары.

Она молилась.

Роза вылупилась сама по себе, но ее сестра Лилия никак не могла вылупиться. И Рут помогла ей – разбила скорлупу.

И нашла внутри Лилию. Птенец посмотрел в усталые, настороженные старушечьи глаза.

Лилия и Роза породнились с Рут. И Рут породнилась с ними.

Они повсюду следовали за ней. Но пока Роза росла и крепла, Лилия слабела.

Из-за Рут.

Лилия должна была сама выбраться из скорлупы. Этот процесс придал бы ей силы. А помощь Рут ее ослабила. И вот как-то поздней ночью Лилия умерла в той самой руке, которая помогла ей появиться на свет.

Все страхи Рут получили подтверждение. Доброта убивает. Помогаешь другим – подвергаешь их опасности.

– Чего ты хочешь? – спросила она.

– «Стихотворение начинается как комок в горле, ощущение беды, – продолжил цитировать Гамаш, – тоска по дому, тоска по любви».

Рут посмотрела на него поверх хрустального стакана, который она нашла в доме Гамаша.

– Ты знаешь цитату, – сказала она, хватаясь за стакан обеими костлявыми руками. – Это не мое, как тебе известно.

– Это даже не стихотворение, – заметил Гамаш. – Это из письма Роберта Фроста, который объяснял другу, как у него рождаются стихи.

– И в чем твой вопрос?

– Это верно для всех видов искусства? – спросил он. – Для стихотворения, песни, романа?

– Для картины? – подхватила она, глядя на него своими проницательными слезящимися глазами, словно барракуда со дна холодного озера.

– Картина начинается как комок в горле, ощущение беды, тоска по дому, тоска по любви? – спросил он.

Краем глаза он видел, что Роза окончательно проснулась и пристально смотрит на свою мамочку.

– Откуда мне знать, черт побери?

Но под терпеливым взглядом Гамаша она уступила и коротко кивнула:

– У лучших из нас – да. Мы по-разному выражаем себя. Одни выбирают слова, другие – ноты, третьи краски, но все это приходит из одного места. Есть одна вещь, которую ты должен знать.

– Oui?

– Каждый акт творения начинается с акта разрушения. Это сказал Пикассо, и это правда. Мы не строим на старом фундаменте, мы его разрушаем. И начинаем все заново.

– Вы разрушаете все, что знакомо, привычно, – сказал Гамаш. – Наверное, это страшно.

Старая поэтесса не ответила, и он спросил:

– Отсюда и комок в горле?

– Можно спросить тебя кое о чем? – спросила Клара.

Оливье накрывал столы в бистро к обеду. Один из официантов заболел, и у них не хватало рук.

– Ты можешь сложить салфетки? – Не дожидаясь ответа, он сунул ей стопку салфеток.

– Предположим, – неопределенно ответила Клара.

Оливье выбрал из лотка со старинными вилками и ножами парные, потом смешал их. Сначала выбрал, потом смешал.

– Ты не знаешь, куда поехал Питер? – спросила Клара.

Оливье помедлил, держа ложку в руке, как микрофон.

– Почему ты спрашиваешь у меня?

– Вы были добрыми друзьями.

– Мы все были друзьями. И остаемся.

– Но мне казалось, вы были особенно близки. Если бы он кому-нибудь и сообщил, то только тебе, – возразила Клара.

– Он бы сообщил тебе, Клара, – ответил Оливье и продолжил накрывать на стол. – Ты вообще к чему спрашиваешь?

– Значит, он тебе ничего такого не говорил?

– После его отъезда от него не было никаких вестей. – Оливье перестал хлопотать и посмотрел ей прямо в глаза. – Я бы сказал тебе раньше, когда он не объявился. Я бы не позволил тебе мучиться.

Он отобрал еще несколько приборов, а Клара тем временем складывала салфетки. Они обошли один столик, потом другой.

– Когда ты уехал из Трех Сосен… – начала она, но Оливье перебил ее:

– Когда меня увезли.

– Ты тосковал по Габри?

– Каждый день. С утра до ночи. Я не мог дождаться возвращения. Только об этом и думал.

– Однако ты говорил мне, что вечером в день возвращения ты стоял там, – она махнула салфеткой в сторону эркерного окна, – и боялся войти внутрь.

Оливье продолжал накрывать столики, его умелые руки ловко подбирали разномастные столовые приборы и клали их на стол, как полагается.

– Чего ты боялся? – спросила Клара.

– Я тебе уже говорил.

Они перешли к другому столику.

– Но мне важно услышать еще раз.

Она посмотрела на его светловолосую лысеющую голову,

склонявшуюся над стульями, словно Оливье совершал некий священный ритуал над пустыми местами.

Он выпрямился так резко, что Клара вздрогнула.

– Я боялся, что стал для вас чужим. Стоял там и смотрел на всех вас, смеющихся, веселых. Вы казались такими счастливыми. Без меня. Габри казался таким счастливым.

– Ах, Оливье…

Она протянула ему салфетку, и он уткнулся лицом в белую ткань. Протер глаза, высморкался и вроде бы взял себя в руки. Но потом по его щеке покатилась новая слеза. За ней еще одна. Похоже, он не осознавал, что происходит.

Может быть, и не осознавал. Может быть, теперь это стало его естественным состоянием. Время от времени он просто плакал. Не от боли или печали. Эти слезы олицетворяли собой обуревавшие его воспоминания, преобразуемые в воду, сочащуюся наружу. Клара почти видела в этих слезах образы. Зима, вечер, трескучий мороз. Оливье стоит у окна бистро. Через обледенелое стекло он видит, как горят поленья в камине. Видит выпивку и праздничную еду. Видит друзей, Габри. Габри, который не просто продолжает жить, а явно счастлив. Без Оливье.

Боль от того вечера уже прошла, но все еще оставалась в памяти.

– Знаешь, он умирал от тоски по тебе, – сказала Клара. – В жизни не видела столь печального человека.

– Теперь я это знаю. Да и тогда знал. Но когда увидел…

Все слова куда-то подевались. Оливье помахал салфеткой, и Клара поняла, что он имеет в виду и что чувствовал. А в слезах она увидела все страхи Оливье, его чувство незащищенности, сомнения.

Увидела все, что у него было и что он боялся потерять.

– Я знаю, – сказала она.

Оливье посмотрел на нее с досадой, словно Клара предъявила претензии на его территорию, но его раздражение улетучилось, когда он увидел ее лицо.

– Что случилось? – спросил он.

– Питер прислал несколько картин в Торонто, ребенку своей сестры.

– Oui, – кивнул Оливье. – Габри мне говорил.

– А он описал, как они выглядят?

– В нескольких словах. – Оливье поморщился. – Но нет худа без добра. Посмотрев на картины, он отправился чистить канализацию в гостинице, а теперь снимает нагар в духовке. – Оливье мотнул головой в сторону кухонной двери. – Я вот подумываю, не повесить ли какие-нибудь картинки

Питера дома.

Клара невольно усмехнулась:

– Десять долларов – и они твои.

– Боюсь, тебе придется заплатить ему гораздо больше десятки, – подал голос Габри.

Он вышел из кухни в ярко-желтых резиновых перчатках, подняв руки, словно хирург перед операцией.

– Они не так уж и плохи, – сказала Клара.

Габри недоверчиво уставился на нее. Этому пациенту явно было уже не помочь.

– Ну ладно, их нельзя назвать выдающимися, – согласилась Клара. – Но когда картина Питера в последний раз вызывала у вас хоть какие-то чувства, а тем более побуждала к действиям?

– Сомневаюсь, что цель художника состоит в том, чтобы отпугивать зрителя, – заметил Габри, стягивая с рук перчатки.

– Вообще-то, некоторые художники именно таковы. Они хотят провоцировать зрителя. Хотят разрушить ваши стереотипы. Бросают вызов.

– Это Питер-то? – хмыкнул Оливье, и Клара вспомнила, что Оливье еще не видел последних работ Питера.

– Что ты чувствовал, когда смотрел на них? – спросила Клара у Габри.

– Отвращение.

Клара молча ждала, видя, что он о чем-то раздумывает.

– Они ужасные, – сказал он наконец, – но в них есть что-то забавное. Такие до нелепости неумелые, почти бесхитростные. В них есть что-то притягательное.

– Ты говоришь про работы Питера? – снова спросил Оливье.

– Думаю, меня расстроило это чудовищное месиво из красок…

– У Питера? – настойчиво повторил Оливье. – Краски? Да брось ты.

– А ты даже не видел губ, – поддразнила его Клара.

– Каких губ? – в один голос спросили они.

– На одной из картин Питер изобразил улыбки. В этом есть что-то гениальное.

Сказав это, она почувствовала, как у нее закружилась голова. Габри болтал о том, что если на картинах, которые он видел, что-то и изображено, то оно мягкое и пахучее. Но Оливье смотрел на Клару.

– Что случилось? – снова спросил он тихим голосом.

Клара вдруг поняла, что все картины Питера, особенно та, с изображением губ, – это ее сводчатые окна. Рамы, через которые она может заглянуть в жизнь Питера. Так же как Оливье смотрел на Габри в окно тем

морозным вечером.

Как и Оливье, она отчетливо увидела, что Питер счастлив. Вот в чем состояло послание его картин. Он экспериментирует, он в поиске. Он оставил позади все, что безупречно с художественной точки зрения. Разорвал путы, нарушил правила и пустился в плавание, оставив на берегу знакомый мир. Он исследует. И наслаждается жизнью.

Его работы являли собой хаос. Но таково свойство эмоций.

Клара заглянула в окно его творений и увидела, что Питер счастлив.

Наконец-то.

Без нее.

Оливье оглядел бистро в поисках салфетки, чтобы дать Кларе. И только тут заметил, что она скрутила льняные квадратики в виде разных фигурок. Намеренно она сделала это или нет, но салфетки выглядели как существа из водных глубин, выброшенные на берег Трех Сосен. На столы в бистро.

Оливье предложил Кларе салфетку, и та с удивлением взяла ее. Она не отдавала себе отчета в том, что сделала с салфетками. И в том, что плачет. Она прижала морское чудовище к щекам, спрашивая себя, что увидел Оливье в ее слезах.

Гамаш швырнул мячик и проводил взглядом Анри, который бросился вдогонку за игрушкой по высокой траве, среди полевых цветов.

Гамаш поднимался по холму в сторону от деревни, к лугу за старой мельницей. Хотел побыть наедине со своими мыслями.

Он понимал значимость того, что сказала Рут о творческом процессе. Понимал важность ее слов. И чувствовал: ответ где-то рядом. Почти на кончике языка.

Бросок – и Анри несется за мячиком. Бросок – и поиски.

Ощущение беды. Тоска по дому. Тоска по любви. Слова Роберта Фроста не давали ему покоя.

Комок в горле. Каждый акт творения приходит из одного места, сказала Рут. И каждый акт творения начинается с акта разрушения.

Питер демонтировал свою жизнь. Разбирал на части. Заменял на что-то новое. Перестраивал.

Бросок – и поиски.

И картины были моментальными снимками происходящего с ним.

Вот почему он хотел их сохранить. Как свидетельство. Записки путешественника. Дневник.

Рука Гамаша замерла. Анри, виляя хвостом и всей задней частью, не

отрывал глаз от медленно опускающейся руки с мячиком.

Наконец Гамаш бросил мяч, и собака вслед за мячиком нырнула в луговую траву.

Питер оставил дом физически, эмоционально и творчески. Он отвернулся от всего привычного, всего безопасного.

Если прежде он предпочитал приглушенные тона, то теперь использовал яркие контрастные краски.

Если прежде образы на картинах были четко прописаны, то теперь они стали хаотичными, своевольными, сделанными кое-как.

Если прежде его картины были почти болезненно самодовольными и даже претенциозными, то теперь они стали глупыми, игривыми.

Если прежде Питер придерживался правил, то теперь он нарушал их. Его первый акт разрушения. Эксперименты с цветом, перспективой, расстоянием и пространством. Он пока далек от вершин, но если будет продолжать попытки, то придет туда, где хочет оказаться.

Этот новый Питер был готов попытаться. И потерпеть неудачу.

Гамаш сделал шаг вперед, приближаясь к ответу. Уже видя его перед собой, Анри потерял мячик в густой траве и рыскал по ней носом вниз, задницей вверх.

Время от времени он оглядывался на Гамаша – не подскажет ли, но Арман погрузился в собственные поиски.

Если прежде картины Питера были абстрактными, то теперь… теперь…

Анри радостно поднял голову. Он держал мячик в пасти вместе с пучком травы и цветов.

Анри уставился на Гамаша. Гамаш уставился на Анри. Оба нашли то, что искали.

– Молодец, – сказал Гамаш псу. Он забрал у него слюнявый теннисный мячик и прицепил поводок к ошейнику. – Молодец.

Они поспешили назад в Три Сосны, и мысли Гамаша бежали впереди.

Хотя Морроу жили за городом, Питер удерживал природу на расстоянии руки, полагая, что это территория любителей. Натюрморты, ландшафты. Все слишком образно, слишком очевидно. Недостойно выдающегося художника вроде него. Того, кто видел мир более сложным. Абстрактным.

Гамаш полагал, что брызги краски на последних работах Питера были пробами, но все же абстрактными. Первыми попытками упорядоченного разума на пути к хаосу.

Но если Питер оставил в прошлом все остальное, то почему бы не

оставить и прежний стиль?

Что, если его картины вовсе не абстрактные?

Что, если Питер писал то, что видел?

Гамаш постучал в дверь Клары и открыл ее.

– Клара?

Никто не ответил.

Гамаш обвел взглядом деревенский луг, посмотрел на бистро.

– К черту все, – сказал он и вошел в дом Клары.

Картины оставались там же, где их оставили, – на кухонной стене.

Гамаш пристально посмотрел на них, потом подошел к тем, что все еще лежали на кухонном столе, придавленные солонкой, перечницей и щербатыми кофейными кружками.

Вытащив из кармана телефон, он сфотографировал картины и вышел из дома.

Сев в машину, он поехал в Кауансвилл, где был высокоскоростной Интернет, и отправил фотографии по электронной почте.

Гамаш взглянул на часы: четыре тридцать пять. В Шотландии девять тридцать пять вечера. Поздно, слишком поздно для ответа. Но Гамаш все же просидел двадцать минут в машине, глядя на свой смартфон. Силой воли вызывая ответ.

Однако ответ не пришел.

По дороге в Три Сосны он думал о словах Роберта Фроста. Впервые он прочитал их много лет назад и запомнил, ведь если стихотворение начиналось как комок в горле, то расследование убийства в этом смысле не отличалось от поэзии.

И убийство тоже.

Глава девятнадцатая

– Есть что-нибудь? – спросила Рейн-Мари, когда ее муж вернулся в постель.

– Ничего, – прошептал он.

Шел четвертый час ночи, и он вставал, чтобы проверить почту. Анри поднял голову, но даже пес слишком устал, чтобы относиться к этому серьезно.

Гамаш подключился к Интернету через телефонную линию, поморщившись, когда в комнате раздались звуковые сигналы и скрежет. Наконец все сообщения загрузились.

Русские невесты.

Выигрышные лотерейные билеты.

Несколько посланий от нигерийского принца.

И ничего из Шотландии.

Там уже шел девятый час утра. Гамаш надеялся, что констебль Стюарт просыпается рано. И еще он надеялся, что констебль Стюарт будет достаточно любезен и выполнит его просьбу.

По правде говоря, Гамаш вставал уже третий раз за ночь, чтобы проверить, не пришел ли ответ. Два первых раза без особой надежды, но в третий раз шанс уже был.

Он вернулся в постель и погрузился в беспокойный сон.

Час спустя он снова поднялся. Спускаясь по лестнице, увидел прямоугольник света из кабинета. Он знал, что не оставлял лампу включенной, и улыбнулся, остановившись в дверях.

– Есть что-нибудь?

– Tabarnac![52] – Бовуар подпрыгнул. – Вы меня так напугали, что я чуть не обделался. Сэр.

– Надеюсь, этого все же не случилось. – Гамаш подошел и заглянул через плечо Жана Ги. – Порно?

– Ну, с такой скоростью какое может быть порно.

– Я помню времена, когда… – начал было Гамаш, но, увидев сердитый взгляд Жана Ги, замолчал.

Наконец почта стала загружаться.

– Rien, – сказал Бовуар, отодвигаясь от стола. – Ничего.

Они прошли в гостиную.

– Вы думаете, констебль узнает что-то изображенное на картинах? –

спросил Бовуар, садясь на подлокотник дивана.
Гамаш опустился в кресло, закинул ногу на ногу и одернул халат:
– Если откровенно, я надеюсь, что он хотя бы не сотрет мои послания.
– Вы серьезно считаете, что эти картины – пейзажи? – с сомнением проговорил Бовуар.
– Я этого не исключаю.
Возможно, картины Питера на самом деле были вехами, которыми он отмечал места, где побывал. Его инуксуитами.
– Если его картины – пейзажи, то Шотландия довольно странное место.
Гамаш рассмеялся:
– Я же не говорю, что у него хорошо получилось.
– Кроме шуток.
– Может, это как с импрессионистами. Они писали природу, но получалось, что они изображали свои чувства.
– Значит, Шотландия ему не слишком понравилась. – Бовуар соскользнул с подлокотника на диван. – Но если ему так уж хотелось экспериментировать с пейзажами, то почему он не писал их в Париже или Венеции? Почему в Шотландии?
– И почему Дамфрис? – спросил Гамаш. Он поднялся с кресла. – Возвращайся в кровать.
В этот момент раздалось «пинг».
Они посмотрели друг на друга. Пришла почта.

Рейн-Мари пощупала кровать рядом с собой. Простыня была холодной. Рейн-Мари села и посмотрела в окно. Солнце еще не встало. В отличие от Армана.
Она надела халат и спустилась по лестнице. На сей раз Анри последовал за ней, скребя когтями по дощатому полу.
– Арман?
В гостиной было темно, но в кабинете горел свет.
– Я здесь, – раздался знакомый голос.
– Есть что-нибудь? – спросила она.
– Кое-что, – откликнулся Жан Ги. Он отступил в сторону, чтобы теща могла увидеть экран. – Так мне кажется.
Гамаш предложил ей стул.
Рейн-Мари села и посмотрела на монитор.
– «Это космический», – прочитала она. – Я не понимаю. Может, он хотел написать «комический»?

Арман и Жан Ги смотрели на короткое послание с тем же недоумением, что и она.

Констебль Стюарт ответил Гамашу двумя словами.

«Это космический».

Прошлым вечером Роберт Стюарт сидел в пабе, когда заверещал его айфон. Он запрограммировал его так, чтобы он верещал по-разному в зависимости от того, кто пытается с ним связаться.

Это явно была служебная почта, и в обычных обстоятельствах ему бы и в голову не пришло проверить, что там пишут, но парень, сидевший рядом с ним у стойки бара, достал его рассказами о том, как его облапошили с какой-то налоговой декларацией.

Стюарт поднял свой айфон и извиняющимся взглядом посмотрел на соседа, который, впрочем, не обратил на него внимания, продолжая молоть языком. Стюарт взял айфон и свою пинту и нашел место в тихом уголке.

Послание пришло от канадца. Франкоязычного парня со странным акцентом. Вряд ли там что-то важное.

Констебль Стюарт отложил айфон в сторону. Электронная почта дала ему возможность вежливо уйти от зануды за стойкой. Сообщение может подождать до утра.

Он отхлебнул пива и огляделся, но его взгляд помимо воли возвращался к поцарапанной деревянной столешнице. Наконец он взял айфон и открыл письмо. Глаза его слегка расширились от любопытства, а потом он открыл приложения.

Быстро прокручивая картинки, он разочарованно качал головой. В искусстве он почти ничего не понимал, но дерьмо узнавал сразу, стоило его увидеть. Хорошо, что «Эппл» еще не научился передавать на расстояние запахи.

И все же, все же… В одной картинке было что-то особенное. Этот канадец, отставной следователь полиции, не просил его оценивать искусство. Просто спрашивал, не увидит ли Стюарт где-то здесь знакомое место.

Ничего такого он не увидел. Говоря по правде, он и мест-то тут никаких не увидел. Только брызги яркой краски.

Кроме одной картинки. На ней тоже была яркая краска, но и кое-что еще.

– Эй, Дуг, – поманил он своего знакомого. – Посмотри-ка сюда.

Дуг взял телефон, но никак не мог сфокусировать взгляд.

– Это что за фигня?

– Ты ничего не узнаёшь?

– Узнаю головную боль. – Он пихнул телефон по столу назад к Стюарту.

– Посмотри-ка еще раз, ты, хрен моржовый, – сказал Стюарт. – Мне кажется, я знаю это место.

– Это место? – Дуг снова взглянул на экран телефона. – На земле? Несчастные жители.

– Не просто на земле, а по нашей дороге.

– Ты рехнулся, – пробормотал Дуг, изучая картинку. Потом его глаза расширились, и он посмотрел на Стюарта. – Размышления, приятель.

– Ну да, – подтвердил Стюарт. – Мне тоже так показалось. Это космический.

На следующее утро Стюарт встал пораньше и проехал шесть миль на север. Солнце только вставало, выжигая туман, когда констебль остановил машину и вышел.

Он надел резиновые сапоги и взял с собой телефон. Разглядывая фотографии, присланные из Канады, констебль Стюарт зашагал по траве.

Стоило ему сойти с дороги, как земля зачавкала под ногами, и вскоре он оказался в овраге, заполненном испарениями и туманом. На нем был свитер, но констебль пожалел, что не надел что-нибудь потолще, поплотнее. И еще пожалел, что отправился сюда один.

Констебль Стюарт не был склонен поддаваться игре воображения. Ничуть не в большей мере, чем любой другой кельт. Но пока он стоял там, весь мир, как и сам констебль, лишился красок и вернулись вурдалаки из сказок, которые ему рассказывала бабушка по материнской линии. И все предостережения, какие он слышал от дедушки по отцовской линии.

Древние призраки, неприкаянные души, злобные колдуны вернулись. Они забрали все краски из мира и обступили констебля в сгустившемся тумане.

«Ну-ка, соберись, – сказал он себе. – Быстро сделай дело и возвращайся домой, чтобы выпить кофе и съесть бутерброд с беконом».

Одна лишь мысль о бутерброде с беконом подняла ему настроение; он шел сквозь туман, делая вид, что ему весело, осторожно проверяя ногами землю перед собой.

Он держал перед мысленным взором образ бутерброда с беконом, словно талисман. Оберег. Эквивалент распятия, какое когда-то носила его бабушка.

Вытащив айфон, он остановился, чтобы отправить послание парню в

Квебеке.

«Это космический», – набрал он, а дальше не успел.

Его нога заскользила по траве, мокрой от росы. Он всплеснул руками, стараясь вернуться назад во времени. Туда, где он еще не оступился. Туда, где он еще не пришел сюда. Туда, где он еще не принял решения посетить это забытое богом место.

Правая нога потеряла опору. Потом левая. Пальцы разжались, и айфон выскользнул из них. Полетел по воздуху, где его в тумане наверняка поймают упыри. Какое-то мгновение констебль Роберт Стюарт висел в воздухе. Падал.

А потом упал, больно ударившись о землю, отчего у него выбило воздух из легких. Все вокруг превратилось в мешанину образов и ощущений, пока он, потеряв ориентацию, скользил, кувыркался, падал вниз по склону. Пытался ухватиться, уцепиться за что-нибудь руками. Но мокрая трава выскальзывала из пальцев.

Он катился, скользил вниз. Чем закончатся его кульбиты? Ударом о дерево? Падением в пропасть?

И вдруг, так же неожиданно, как началось, все и прекратилось. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы понять: он больше не двигается. Голова у него кружилась, перед глазами все расплывалось, тело и мозг существовали раздельно.

Констебль Стюарт лежал без движения. Все закончилось.

Но тут его охватила паника. Ничего не закончилось.

Его глаза расширились. Рот широко раскрылся.

Он не мог двигаться и не мог дышать. Он был парализован. Прямо перед его глазами росла высокая трава. Он знал: это последнее, что он видит в жизни. Травяные деревья.

Сейчас он умрет. У него сломана шея. У него внутреннее кровотечение. Он умрет в овраге. И найдут его не сразу. Может, через несколько недель. А когда найдут, его невозможно будет узнать. Он повидал немало таких тел. Они казались ему нереальными. Скоро он сам станет нереальным.

Для него, конечно, устроят государственные похороны. На гробе будет лежать флаг Шотландии. Его скорбящая вдова, друзья, коллеги будут петь «Цветок Шотландии»[53]. Безутешные, они…

И тут воздушный пузырь ворвался в его легкие, расширив их. Потом констебль Стюарт выдохнул. С долгим, мучительным стоном.

Он вдыхал. И выдыхал. Он сжимал пальцы, хватаясь за траву. Мягкую, сочную траву. Он мог двигаться. Мог дышать.

Отставить музыку. Отложить похороны. Его жизнь еще не кончилась.

Роберт Стюарт долго лежал там, вдыхая и выдыхая. Глядя, как призрачный туман рассеивается и тает в голубом небе.

Он медленно сел. Потом поднялся на дрожащих ногах. И огляделся вокруг.

Раньше он здесь не бывал. Судя по слухам, это место существовало по своим законам. В собственной реальности, пространстве и времени. И имело власть над жизнью и смертью. Или смертью и жизнью. Место, которое сначала убивало, а потом воскрешало.

Стюарт оглядел мир, в который свалился. Потусторонний мир. Тот свет.

В нескольких ярдах вверх по склону он заметил свой айфон. Схватил его и принялся фотографировать, пытаясь запечатлеть увиденное. И только разглядывая снимки позже, он понял, что ни одна фотография не способна передать то, что он видел.

Но тем картинкам это удалось. Или почти удалось. Картинки, присланные из Квебека, неожиданно оказались не такими уж и странными.

Глава двадцатая

– Черт меня побери, – сказал Гамаш, глядя на монитор компьютера.

После первого загадочного послания от констебля Стюарта («Это космический») больше ничего не поступало. До сего момента.

И вот только что появилась странная фотография.

– Она, наверное, лет сто загружалась, – сообщил Жан Ги.

Фотография выглядела так, будто ее сделали давным-давно. Черно-белая и как будто потертая по краям.

– Что это? – спросила Рейн-Мари.

Она смотрела во все глаза, но никак не могла понять, что видит. И уж совершенно точно не видела связи между их запросом полицейскому в Дамфрисе и тем, что они получили.

Арман отправил в Шотландию фотографии картин Питера, подозревая, что это пейзажи. Он надеялся, что констебль узнает места, где Питер писал свои картины.

А констебль Стюарт прислал то, что прислал.

Может быть, он не понял просьбу?

Потом палец – палец Жана Ги – легонько прикоснулся к экрану, где вдоль контуров небольшого холма, проступая то тут, то там из тумана, виднелся неясный шахматный рисунок. Он повторял очертания поверхности, словно кто-то содрал кожу с земли и в ране обнажились черные и белые клетки.

Рейн-Мари почувствовала, что этот образ притягивает ее. Место, запечатленное на фотографии, словно не принадлежало ни этому свету, ни тому.

Она оторвалась от экрана и увидела в глазах Армана отражение этого потустороннего образа. Потом перевела взгляд на Жана Ги. Он тоже как зачарованный пялился на экран.

– Черт меня побери, – прошептал Жан Ги.

– На одной из картин Питера изображен этот шахматный рисунок, – сказал Гамаш. – Мы думали, что он просто высмеивает правила старой школы. Однако мы ошибались.

– Он рисовал то, что видел, – сказала Рейн-Мари.

– Но что это такое? – спросил Жан Ги.

– И где оно? – подхватил Гамаш. – Позволь-ка.

Рейн-Мари отошла, и Арман сел за компьютер. Он отстучал письмо

констеблю Стюарту, запрашивая больше информации.

– Можно мне?

Жан Ги сменил Гамаша за компьютером и открыл поисковик. Набрал слова: «Дамфрис, шахматный рисунок».

Но ничего полезного не обнаружилось.

– Попробуй «Дамфрис, Шотландия, шахматный рисунок», – предложил Гамаш.

– По-прежнему ничего.

– Можно мне?

Рейн-Мари сменила Бовуара перед компьютером и добавила к его поиску одно слово. Нажала клавишу «ввод».

И ответ сразу появился, как будто только и ждал волшебного слова.

«Космический».

– Черт меня побери, – прошептала Рейн-Мари.

– «Сад космических размышлений»?[54] – переспросила Клара. – Вы шутите?

Но, судя по их лицам, они вовсе не шутили.

Ее телефон зазвонил десятью минутами ранее, она вскочила, ответила с первого звонка и посмотрела на часы. Не было еще и шести.

Звонил Арман. Они хотели прийти к ней.

– Прямо сейчас?

– Прямо сейчас.

И теперь в кухне Клары стояли четыре человека в халатах и собака. Жан Ги поставил ноутбук на сосновый стол, рядом с первыми картинками Питера.

– Черт меня побери, – сказала Клара.

Она посмотрела на картины Питера. Потом на экран ноутбука.

Потом снова на картины. В особенности на одну.

– Это не упражнения с перспективой, – произнесла она, глядя на черно-белый шахматный рисунок, змеей ползущий по картине Питера. – Это вот что.

Она снова повернулась к фотографии, где черно-белый рисунок извивался, то исчезая в тумане, то вновь появляясь. Словно кобра.

– Тот, кто это снял, вероятно, находился в точности там, где стоял Питер с мольбертом, – сказала она, словно говорила сама с собой.

У нее часто забилось сердце. Но не от возбуждения и не от радости.

В этой фотографии было что-то зловещее. На ней был запечатлен мир, в котором из тумана могло возникнуть все, что угодно. В котором все, что

угодно, могло выползти из прорехи в земле, образованной черно-белыми клетками.

То же ощущение перешло теперь на картину Питера. Правда, на фотографии был представлен серый мир, обычный мир Питера, а на его новой картине буйствовали краски.

Но у двух этих изображений имелось нечто общее. Их объединяла простая, отчетливая шахматная змея. В саду.

Клара почувствовала, как по коже побежали мурашки, когда кровь прихлынула к ее сердцу, чтобы спрятаться подальше от этой картины и от этой фотографии.

– Вот, – сказала она, показывая на картину. – Вот где это случилось.

– Что случилось? – спросила Рейн-Мари.

– Вот где Питер начал изменяться. Я все думала, почему он не сохранил какие-то другие свои работы. Он ведь наверняка что-то писал во Флоренции и Венеции. Почему же ничего не оставил?

– Я тоже об этом думал, – сказал Арман. – Так почему?

– Потому что их не стоило сохранять? – предположил Жан Ги и получил вознаграждение в виде улыбки Клары.

– Именно. Именно. Однако эти он оставил. Должно быть, во время своего путешествия он услышал про этот сад и решил отправиться туда…

– Но зачем? – спросил Бовуар.

– Я не знаю. Может, потому, что сад такой необычный. Венеция, Флоренция и Париж прекрасны, но о них все знают. Все художники ищут там вдохновение. Питеру требовалось что-то новое.

– И он его нашел, – заметил Жан Ги, глядя на картины.

Они по-прежнему оставались merde. Словно Питер упал в кучу дерьма. А потом нарисовал ее.

– Я не знаю, что случилось, – сказала Клара. – Но что-то в том саду изменило Питера. Или начало менять.

– Как корабль, изменивший курс, – сказал Гамаш. – До порта еще далеко, но направление взято верное.

Питер больше не оставался потерянным. Он наконец нашел свою Северную звезду, подумал Гамаш.

Если так, то почему из Шотландии он полетел в Торонто? Чтобы доставить картины ребенку Марианны? Но их можно было отправить по почте, как и другие.

Чтобы навестить своего старого профессора? Получить одобрение, найти наставника? А может быть, все проще, человечнее. Больше в характере Питера.

Может быть, он снова убегал, напуганный тем, что увидел в саду. Не желая дальше идти тем путем. Может быть, он прилетел в Торонто, чтобы спрятаться.

И снова всплыла притча про Самарру. Убежать от судьбы невозможно. Она так или иначе настигнет Питера.

Значит, Торонто стал еще одним шагом на пути к пункту назначения.

Словно осененные одновременно одной и той же мыслью, все повернулись к дальней стене. К картинам на ней. К самым поздним работам Питера. Может быть, его последним работам. И определенно его последним дорожным знакам.

– Дайте-ка мне бутерброд с беконом, – сказал констебль Стюарт с той же интонацией, с какой шериф на Диком Западе мог бы заказать порцию виски.

Он снял пиджак и пригладил мокрые волосы.

– Что с тобой случилось, сынок? – спросил официант в баре для завтрака, стряхивая крошки с пластмассовой поверхности.

– Что вы знаете о том саде дальше по дороге?

Круговые движения тряпкой замедлились. Потом вообще прекратились. Пожилой человек изучающе посмотрел на констебля:

– Сад как сад. Такой же, как другие.

Стюарт поднялся с круглого барного стула:

– Подумайте над ответом. Когда я вернусь, я хочу услышать что-нибудь получше. И бутерброд. И черный кофе.

В туалете Стюарт справил нужду, вымыл руки и потер лицо, стараясь смыть грязь и траву, въевшиеся в кожу. Часть грязи оказалась синяками, и он перестал тереть.

Ухватившись за раковину, он наклонился к зеркалу и уставился в свои широко раскрытые глаза. Он знал, что адвокат никогда не должен задавать вопрос, если он не готов к ответу. Адвокаты не любят сюрпризов.

Иное дело копы. Сюрпризы поджидают их на каждом шагу. И редко это приятные сюрпризы.

Роберт Стюарт не знал, готов ли он к ответу, который его ждет.

Клара села за ноутбук, принесенный Жаном Ги.

Кофе был приготовлен и разлит, и теперь она вывела компьютер из спящего режима.

На экране появилась домашняя страница.

– Что это за сад? – спросила Клара. – Он просто не может быть

обычным садом, с таким-то названием.

– Мы практически ничего не успели о нем прочесть, – сказала Рейн-Мари, придвигая свой стул к Кларе. – Хотели как можно скорее прийти к вам. Мы знаем только, что он расположен рядом с Дамфрисом.

Мужчины тоже придвинули стулья и, попивая кофе, начали читать про «Сад космических размышлений».

Констебль Стюарт уселся на барный стул. Его ждали бутерброд с беконом и черный кофе, но пожилой официант куда-то исчез. И вообще за стойкой никого не было. Но из-за распашной двери доносились какие-то голоса.

Стюарт вонзил зубы в обжаренный на решетке, еще теплый сэндвич. Копченый бекон хрустел на зубах и имел вкус его ушедшего детства. Стюарт неохотно положил бутерброд и огляделся – не видит ли кто. В помещении не было ни души. Тихо ступая, он быстро подошел к двери.

– Что ты ему скажешь? – требовательно спросил немолодой женский голос.

– Правду.

Стюарт узнал голос официанта.

– Ты, смешной старик, ты знаешь правду не больше, чем я. Нет никакой правды.

– Есть. Слушай, я, по крайней мере, ходил туда. А ты – нет.

– Ты ходил туда стрелять кроликов. Что тут космического?

– Я не говорил про космическое. – Голос пожилого официанта звучал раздражительно.

– Ты всем надоел своими пьяными историями. Давай-ка иди туда, а то он украдет специи, – сказала повариха. – Мне знаком этот тип. Пронырливые ребята.

Констебль Стюарт выпрямился, чувствуя себя оскорбленным, и быстро вернулся к своему завтраку.

Клара прокручивала фотографию за фотографией на сайте сада. На одной из них несколько громадных двойных спиралей ДНК поднимались из земли, будто вытолкнутые оттуда. В другой части сада дерзкие скульптуры, символизирующие разные научные теории, смешивались с деревьями, образуя лес. Искусственный, природный – одно почти неотличимо от другого.

Потом они увидели шахматный рисунок, который распространялся вверх и вниз, вправо и влево, прорывался из другого измерения.

Фотографии на сайте делались при дневном свете, когда сияло солнце. Но все равно в них чувствовалось что-то беспокоящее. Это был не временный сад скульптур. Он казался старым, долговечным.

Он воспринимался как Стоунхендж или как Брин Кадер Фанер с загадочными надолбами на вершине холма[55]. Их назначение было неясно, но их сила несомненна.

«Зачем? – спрашивала себя Клара. – Зачем кто-то создал такой сад? И почему Питер поехал туда?»

– Хозяина я никогда не видел, – сказал пожилой человек, которого, как ни странно, звали Альфонсом.

– Можно я буду называть вас Ал? – спросил констебль Стюарт.

– Нет.

– Он сам создал этот сад?

– Да, со своей покойной женой. Милые люди, судя по тому, что я слышал. Сделали сад для себя, но, когда пошли разговоры, решили открыть его для публики.

Стюарт кивнул. Он это знал. А еще он знал, что сад открывался всего на один день в году.

– Не на день, – поправил его Альфонс. – А на пять часов. Раз в год. В первое воскресенье мая.

– Тогда-то вы его и видели? – спросил Стюарт, зная ответ.

– Не совсем. Я пошел туда вечером.

– Зачем?

Альфонс явно не ждал таких вопросов. Может, стоило сказать, что он ходил туда стрелять зайцев? Не ради еды – они не голодали, – а ради развлечения. Он занимался этим с юношеских лет. Стрелял белок и зайцев. Кротов и полевок.

Сказать этому полицейскому о том, как он в последний раз ходил стрелять в сад? Было уже темновато. Он увидел какое-то движение и поднял ружье.

Поймал зайца в перекрестье прицела. Зверек сидел на одной из этих странных скульптур – белом как снег лестничном марше на склоне холма, врезавшемся в траву с большой высоты.

Заяц был великолепный. Громадный. Старый. Серый. Пока Альфонс смотрел на него в оптический прицел, заяц медленно поднялся на задние ноги. Высокий. Настороженный. Почуявший что-то.

Глядя на него через оптику прицела, Альфонс нажал спусковой крючок.

Но ничего не произошло. Осечка.

Альфонс выругался, открыл патронник и заменил патрон, полагая, что заяц давно уже убежал.

Но тот оставался на прежнем месте. Словно скульптура. Словно часть сада. Старый серый камень. Одновременно живой и безжизненный.

Альфонс поднял ружье, полагая, что в его власти решать, живой заяц или нет.

– Первое воскресенье мая? – прочитала Рейн-Мари на сайте. – Но к тому времени Питер уже вернулся в Канаду. Вероятно, он сделал зарисовку в начале зимы.

– Это означает, что он нарушил право собственности, – сказала Клара.

Она пыталась говорить беззаботным тоном. Простая констатация факта. Но на самом деле это было нечто большее. Для нее.

Человек, которого она знала, подчинялся правилам. Господи, да он даже рецептам следовал скрупулезно. Он читал инструкции, вовремя оплачивал счета, два раза в год ходил к дантисту на чистку зубов. Он делал все то, что ему говорили и чему его научили. Вторжение на чужую землю было вовсе не в его характере.

Но Питер изменился. Он перестал быть тем человеком, которого она знала.

Она отослала его из дома в надежде, что он изменится. Однако, получив свидетельства того, что он и в самом деле изменился, она вдруг испытала страх. Испугалась, что он не только изменился, но и сменил курс. Уплывает от нее.

Чтобы скрыть свое расстройство, она вернулась к изучению сайта. Поначалу она просто смотрела на экран, надеясь, что никто не заметит ее переживаний, но несколько секунд спустя изображения на фотографиях завладели ее вниманием. Ничего подобного она прежде не видела.

Создатели сада хотели понять законы природы, тайны Вселенной и выяснить, что происходит, когда эти две вещи пересекаются.

Сталкиваются.

Похоже ли это на взрыв атомной бомбы, уничтожающий все живое? Или на двойную спираль, создающую жизнь?

Сад не давал ответов – только ставил вопросы. Наводил на размышления.

Тот Питер, которого знала Клара, предпочитал определенность. Но он улетел в другую часть света, в такое место, где насаждались вопросы. И где они росли. Где процветала неопределенность.

Клара почувствовала небольшое облегчение. Она и сама хотела бы посетить подобное место. Прежний Питер посмеялся бы над этим. Возможно, он отправился бы вместе с ней, но неохотно и с нескрываемым ехидством.

А вот новый Питер отправился в «Сад космических размышлений» по собственной воле, без всякого принуждения.

Возможно, возможно, он сменил курс, но не в противоположную от нее сторону. Он приближался к ней. Если не физически, то во всех остальных смыслах.

– Хм, – произнесла Рейн-Мари, читая. – Это сад, но не в общепринятом смысле. Это смесь физики и природы, – сказала она, оторвавшись от монитора. – Что-то вроде перекрестка.

Питер установил мольберт на этом перекрестке и стал творить.

Кларе так хотелось поговорить с ним. Узнать, что же он нашел. Услышать из его уст, что он чувствует. Он наконец завернул за угол. Начал двигаться к ней. А потом исчез с лица земли.

– Сад стал настоящей приманкой, – сказал Альфонс. – Люди приезжают из самых разных мест, чтобы его увидеть. Кто-то называет его мистическим.

Он произнес это с иронией, но запудрить мозги констеблю Стюарту у него не получилось. Тот слышал слова поварихи. Предостережение. Никому не рассказывать его пьяную историю.

– Что случилось с вами в саду, Альфонс?

Клара вернулась к картинам Питера. Не к той, что с шахматным рисунком, а к двум другим.

Она не могла знать наверняка, но подозревала, что и эти две Питер написал в «Саду космических размышлений». Палитра была та же самая, и накал – тоже.

На этих двух картинах был такой же взрыв красок. Почти безумная дисгармония. Невероятное, непривлекательное сочетание цветов. Казалось, Питер писал их с неистовством, отчаянно пытаясь ухватить что-то ускользающее, запечатлеть его.

– Его мозг словно взорвался на этой картине, – сказал Жан Ги, стоявший рядом с Гамашем.

Что же видел Питер в «Саду космических размышлений»? Что он там чувствовал?

Альфонс повернулся и посмотрел на распашную дверь в кухню, потом поставил локти на стол и понизил голос:

– Это строго между нами, понятно?

Констебль Стюарт кивнул, зная, что солгал.

– Случилось это прошлой осенью. Как-то ранним вечером я отправился туда пострелять зайцев…

И Альфонс выложил всю историю.

Рассказав о первой неудачной попытке убить зайца, он немного помолчал.

– Понимаете, я делал это много раз в жизни. Начал еще мальчишкой.

– А прежде вы ходили в тот сад? – спросил Стюарт.

Альфонс кивнул:

– Поубивал там множество зайцев. Но такого никогда не видел.

– Чем же он отличался от других?

Альфонс внимательно посмотрел на констебля. Он больше не казался официантом в придорожной столовке. Его лицо отделяли от лица констебля несколько дюймов, и он выглядел древним стариком. Но не дряхлым. Он походил на моряка, который всю жизнь стоял лицом к ветру. Прокладывал курс. Искал новые земли.

Пока не увидел то, что искал. Берег.

– Рассказать? – спросил он.

И констебль Стюарт снова спросил себя: а хочет ли он услышать это?

Он кивнул.

– Я смотрел, как он стоял на задних лапах, этот заяц. Стоял торчком. Громадный такой заяц, серый. Он не шевелился. Даже когда я снова поднял ружье. Он просто стоял там. Я видел его грудь. Видел, как он дышит. Видел, как бьется его сердце. А потом я заметил что-то позади него.

– Движение? Хозяина?

– Нет. Не человека. Еще одного зайца. Почти такого же здоровенного. И он тоже стоял. Я был так заворожен первым, что не заметил других.

– Других?

– Их было, наверно, штук двадцать. И все стояли на задних лапах. Как столбики. В идеальном круге. И не шевелились.

Констебль Стюарт весь подобрался и замер. Старик вперился в него пристальным взглядом:

– Жена говорит, что я был пьян, и я и вправду выпил пару стаканчиков. Но не больше, чем обычно. Она говорит, у меня в глазах двоилось. Троилось. Она говорит, мне привиделось.

Он опустил голову и пробормотал в исцарапанную, всю в пятнах

столешницу:

– И она была права. Я кое-что видел.

– Что?

– Что это? – спросила Клара, наклоняясь поближе к ужасным краскам.

– Где? – спросила Рейн-Мари, почти уткнувшись носом в картину.

– Вон там, у зигзага.

– Кажется, лестница, – ответил Арман.

– Нет, я говорю не о зигзаге, а о том, что рядом с ним.

Клара говорила взволнованно, словно предмет, который она увидела, мог исчезнуть в любое мгновение.

– Это камень, – сказал Жан Ги.

Клара пригляделась.

– Зайцы были каменные.

Констебль и официант уставились друг на друга.

– Это сад скульптур, – сказал констебль Стюарт. – Они, вероятно, были из камня.

– Нет.

Альфонс говорил тихо, чуть ли не с сожалением. И констебль Стюарт понял, что этот человек искал не берег. Он искал общества. Одного человека, который поверил бы ему.

– Я видел, как двигается старый заяц. Как бьется его сердце. И я видел, как он окаменел.

– Это круг из камней, – сказал Арман, тоже наклоняясь над картиной.

Их глаза приспосабливались к буйным краскам Питера, и наконец то, что казалось хаосом, обрело смысл.

– Но на сайте нет каменного круга у лестницы, – возразила Клара.

– А потом они снова превратились в зайцев, – сказал Альфонс. – Они опять ожили.

Глаза его горели, но не от страха, а от удивления. Изумление пожилого человека, много повидавшего за свою жизнь.

– Вы возвращались туда когда-нибудь? – спросил Стюарт.

– Каждый вечер. Я хожу в сад каждый вечер. Но больше не беру с собой ружье.

Альфонс улыбнулся. Констебль Стюарт улыбнулся.

Когда все ушли одеваться, Гамаш остался.

– Вы не возражаете? – спросил он у Клары, и она помотала головой: нет, не возражает.

– Приготовьте еще кофе. – Она показала на старый электрокофейник. – Я спущусь через несколько минут.

Пока готовился кофе, Гамаш подтащил стул к стене, сел и уставился на картины.

– Бог ты мой, – раздался знакомый голос. – Я не вторгаюсь в то, чего мне не следует знать?

Гамаш встал и повернулся. В дверях стояла Мирна с буханкой, пахнущей как банановый хлеб.

– Вы о чем? – спросил он.

Она повела рукой сверху вниз, намекая на его облачение и на само его присутствие здесь.

Он посмотрел на себя, вспомнил, что все еще в халате и тапочках, и поплотнее запахнул полы.

– У вас с Кларой пижамная вечеринка? – спросила Мирна, кладя теплый хлеб на кухонный стол.

– Разве это дом Клары? – спросил Гамаш с преувеличенным недоумением. – Черт. Опять!

Мирна рассмеялась. Она прошла к кухонному столу, толстыми ломтями нарезала хлеб и намазала его маслом, пока Гамаш разливал кофе.

– Какие новости? – спросила Мирна.

Он ввел ее в курс дела касательно «Сада космических размышлений».

Она забросала его вопросами, все они начинались с «почему», и ни на один из них у него не было ответа.

– Так уже лучше, – сказала Клара, возвращаясь в кухню и наливая себе кофе.

Все трое уселись и уставились на последние картины Питера, словно в ожидании начала шоу.

Если картины, написанные Питером в «Саду космических размышлений», выглядели так, будто у него взорвалась голова и ее содержимое оказалось на холсте, то на последних полотнах у него взорвались внутренности.

– Что-то случилось с Питером в «Саду космических размышлений», – сказал Гамаш. Он поймал себя на том, что ему нравится произносить это название, и дал себе обещание произносить его каждое утро, предаваясь раздумьям в своем саду. – Он уехал оттуда и вернулся в Канаду. И написал вот это.

– Откуда мы знаем, что эти картины созданы не в саду? – спросила Мирна, указывая ломтем бананового хлеба на три полотна, прибитых к стене.

– Потому что Питер оставил вон те три, – Гамаш показал своим ломтем на картины, лежащие на столе, – чаду Марианны зимой, когда вернулся из Дамфриса. А те большие он отправил по почте позднее.

– Ergo[56], он написал их по возвращении из Канады, – сказала Клара.

– Ergo? – с нажимом произнесла Мирна.

– Только не говори, что никогда не хотела использовать это слово, – огрызнулась Клара.

– Больше не хочу, потому что услышала, как оно звучит.

Они замолчали, разглядывая работы Питера.

– Вы думаете, это тоже пейзажи? – спросила наконец Мирна.

– Да, – ответил Арман, хотя и без особого убеждения.

Картины не были похожи ни на один из пейзажей, какие он когда-либо видел. Кроме порхающих губ, все остальное вообще было ни на что не похоже.

– Клара, – медленно произнес Гамаш, растягивая ее имя. Выигрывая время, чтобы сформулировать мысль. – Скажите еще раз, как вы поступаете с неудавшимися картинами?

– Я их сохраняю и вытаскиваю на свет божий в паузе между проектами.

Гамаш задумчиво кивнул:

– И что вы с ними делаете?

– Я вам уже говорила, – ответила Клара, озадаченная этим вопросом. – Я на них смотрю.

Гамаш ничего не сказал, и Клара удивилась, к чему это он ведет. И вдруг ее глаза расширились. Она вспомнила, что делала со своими старыми картинами.

Она поднялась, вытащила кнопки из стены и сняла картину Питера, ту, что с губами.

– Мы повесили картины так же, как они висели в спальне у ребенка Марианны, – сказала она, когда Мирна и Арман бросились ей помогать. – Но если они были повешены неправильно? Подписи нет, и определить, где верх, а где низ, невозможно.

Она снова прикнопила картину. Вверх ногами. Все трое отступили, чтобы посмотреть, что получилось.

Получилось вовсе не вверх ногами, а именно так, как нужно.

– Черт меня побери, – пробормотала Мирна.

Всплески яркой краски превратились в широкую бурную реку. Выразительные красные губы стали волнами. То, что казалось деревьями, обернулось утесом.

Они втроем стояли перед творением Питера в том виде, в каком его задумал автор. В картине не было ничего легкомысленного, ничего веселого. Питер изобразил огромную, бесконечную реку печали.

– Я знаю это место, – сказал Гамаш.

Глава двадцать первая

– Арман… – Рейн-Мари появилась в кухне Клары с листком бумаги. – Констебль Стюарт прислал ответ.

Она с ошеломленным видом протянула Гамашу распечатанное электронное письмо.

Он взял распечатку и показал жене на стену с картинами, а сам принялся читать письмо, все больше и больше хмуря брови.

Наконец он отдал листок Кларе и подошел к Рейн-Мари, которая рассматривала картины.

– Все в порядке? – спросил он, заметив, какая она бледная.

– Oui. Питер наконец понял, как изображать эмоции, и пишет вот это. – Она помолчала. – Бедняга.

– Идем-ка со мной, – сказал Гамаш.

Они отошли от печальной картины на стене и вернулись к «Саду космических размышлений» на сосновом столе.

Клара закончила читать и передала листок Мирне.

– Вы ведь этому не верите? – спросила Рейн-Мари, кивая на письмо в руках Мирны.

– Одна невероятная вещь до завтрака?[57] – произнес Арман.

Он положил растопыренную ладонь в центр одной из картин Питера, лежащих на столе. И повернул ее.

Только тогда они увидели, что сделал Питер.

На этих картинах он не творил что-то, а хотел запечатлеть что-то. Мгновение в саду, погруженном в сумерки.

То, что выглядело как круг из камней, после переворачивания картины действительно оказалось кругом из камней. Высоких, монолитных, серых.

Но теперь стало заметно кое-что еще. Длинные, мощные мазки краски на вершинах камней.

Заячьи уши.

– Питер никогда бы не поверил в подобные вещи, – сказала Клара.

Но сердцем она понимала, что пора перестать говорить это. Если они надеются выяснить, что с ним случилось, то она должна принять тот факт, что человека, которого она знала, больше не существует.

Он провалился в кроличью нору. Где происходили невозможные вещи[58].

Где зайцы превращались в рунические камни.

Где веселые улыбки оборачивались бесконечной печалью. А потом снова становились улыбками. В зависимости от перспективы.

Когда Клара начала поиски, ею отчасти руководило чувство вины. Ответственности. Она хотела найти Питера, хотела, чтобы он оказался в безопасности. Однако не была уверена в том, что хочет его возвращения.

Но чем больше они узнавали о новом Питере, тем отчаяннее ей хотелось увидеть этого человека. Чтобы узнать его. И главное, чтобы он узнал ее.

Клара чувствовала, что влюбляется. Она всегда любила Питера, но теперь испытывала к нему какое-то новое чувство. Более глубокое.

– Не важно, во что мы верим, – сказала Мирна. Она подошла к ним и тоже всмотрелась в картину. – Важно то, что Питер поверил в увиденное.

Все перевели взгляд на картины, прикнопленные к стене.

Одна из них стала понятной. Волны красных губ. Искривленных. Стонущих. Вздыхающих.

Они перевернули и две другие картины, но те не спешили расставаться со своими тайнами.

– Может быть, слетать в Дамфрис? – спросила Клара. – Увидеть своими глазами? Поговорить с этим Альфонсом?

– Non, – ответил Арман. – Что бы там ни случилось, оно принадлежит прошлому. И Питер, и время ушли вперед. Мы поедем вот сюда.

Он показал на реку вздохов.

Это место было хорошо знакомо Гамашу. Оно находилось в Квебеке, но Квебеку не принадлежало. Уникальное место, образовавшееся сотни миллионов лет назад вследствие катастрофы. Космической катастрофы.

Арман, Жан Ги и Рейн-Мари стояли перед большой картой Квебека, прикнопленной к стене в гостиной Гамашей.

Бовуар вспомнил, как часто стояли они перед этой картой в монреальском доме Гамашей, прокладывая наилучший маршрут к месту преступления. К телу. К убийству.

Он надеялся, что на сей раз в конце пути их не ждет ничего похожего.

Но молчание Питера вызывало тревогу, и чем скорее они доберутся туда, тем лучше. Теперь они хотя бы знали, где это «туда».

Гамаш провел пальцем линию от Трех Сосен, расположенных близ границы с Вермонтом, вверх по автостраде 20. До Квебек-Сити, потом через мост, по городу и снова вверх.

Вверх, вверх по северному берегу реки Святого Лаврентия. На северо-восток.

К месту назначения в районе Шарлевуа.

– Это оптимальный маршрут?

Мужчины принялись обсуждать варианты, а Рейн-Мари уставилась на точку на карте. Сколько раз стояла она перед этой картой, глядя на какую-нибудь точку! Представляя там Армана. Желая ему безопасности, возвращения домой.

У сегодняшней точки имелось название. Бэ-Сен-Поль.

Сен-Поль. Святой Павел. Еще один человек, который встретил на своем пути нечто невероятное. И чья жизнь коренным образом изменилась[59].

– Мы на пути в Дамаск, – с улыбкой сказал Арман. – Ну, или в Шарлевуа.

Район Шарлевуа был таким прекрасным, таким особенным, что в течение столетий притягивал путешественников. По меньшей мере один американский президент построил там себе летний дом[60]. Но больше всего Шарлевуа привлекал художников, квебекских, канадских. Художников со всего мира.

И теперь это место привлекло Питера Морроу.

– Сколько вы будете отсутствовать? – спросила несколько минут спустя Рейн-Мари, помогая Арману укладывать чемодан.

Он замер, держа в руке стопку носков:

– Трудно сказать. Дорога туда займет целый день, а потом нужно будет найти, где он остановился.

– Если он все еще там, – сказала она, укладывая в чемодан рубашки.

И, подумав, добавила еще одну.

Через окно гостиной Гамаш заметил, как Жан Ги загружает в багажник «вольво» два чемодана. Озадаченный, Гамаш спрятал в карман сумки свою маленькую книжку и вместе с Рейн-Мари вышел из дома.

Шагая по дорожке, он увидел возле машины Клару и Мирну. Клара держала в руке свернутые в рулон картины Питера, а Мирна – карту.

– Вы пришли нас проводить? – спросил Гамаш, уже понимая, что это не так.

Клара помотала головой и посмотрела на их с Мирной чемоданы, лежащие в багажнике.

– Едете с нами? – спросил Гамаш.

– Нет, – ответила Клара. – Это вы едете с нами.

Она улыбнулась, но смысл ее слов был очевиден.

– Понял, – сказал Арман.

– Хорошо. – Клара внимательно посмотрела на него. – Я не шучу, Арман. Я намерена найти Питера. Можете ехать со мной, если хотите, но если вы едете, то должны согласиться с тем, что решения принимаю я. Не хочу, чтобы путешествие превратилось в борьбу за первенство.

– Поверьте мне, Клара, у меня нет ни малейшего стремления к первенству. – Он замолчал и замер, заставив замереть и Клару. – Я не беру с собой никаких принадлежностей художника.

– Что вы хотите сказать?

– Я не художник.

– А я не следователь, – парировала она, понимая, к чему он клонит.

– Вы понятия не имеете, что там найдете, – сказал он.

– Да, не имею. Но искать должна я.

– Что вы будете делать, оказавшись там? – спросил он.

– Узнаю, где остановился Питер.

– А если он уже уехал?

– Вы относитесь ко мне как к ребенку, Арман?

– Нет. Я отношусь к вам как к ответственному взрослому, пытающемуся делать то, к чему он не готов. Чего он делать не умеет. Я не умею рисовать картины. Вы не сможете провести хорошее расследование. Да, это ваша жизнь. Но это то, чем мы зарабатывали себе на жизнь. – Он помолчал и наклонился к Кларе так близко, чтобы никто, кроме нее, не мог его услышать. – Я очень хорошо знаю свое дело. Я найду Питера.

И она ответила ему на ухо, так что он почувствовал ее теплое дыхание:

– Вы знаете, как вести следствие, но я знаю Питера.

– Вы *знали* Питера. – Гамаш заметил, как больно ударили ее эти слова. – Вы думаете, что он такой, как прежде, но он другой. Если вы не примете это, то собьетесь с курса. И очень быстро.

Клара отступила на шаг от Гамаша.

– Я знаю, что он стал другим. Питер изменился. Теперь он следует за своим сердцем. Это моя территория. Я смогу его найти, Арман. Я пойму.

Гамаш и Жан Ги молча смотрели на нее, и она почувствовала, что начинает злиться. Злиться на них за то, что они не понимают ее, злиться на себя за то, что не может объяснить. И злиться из-за того, что все ее слова звучат чертовски неубедительно.

– Вам Питер нравится, – проговорила она наконец. – Но я его люблю. Можете смеяться, но это очень важно. Я смогу его найти.

– Будь любовь надежным компасом, – тихо возразил Гамаш, – не было бы столько пропавших детей.

У Клары перехватило дыхание. Возразить на это было нечего. Неопровержимая истина. И все же, все же Клара знала, что должна ехать. И не сопровождать Гамаша, а быть ведущей.

Она сможет найти Питера.

– Я бы никогда не стал смеяться над вами, – говорил тем временем Гамаш, хотя и казалось, что он где-то далеко-далеко. – И я бы никогда, никогда не стал сомневаться в силе любви. Однако любовь может искажать реальность. Соскальзывать в отчаяние и иллюзии.

– Вот почему вы должны поехать с нами, – сказала Клара. – Пожалуйста. Но я должна быть за главного. Я смогу его найти.

Гамаш кивнул:

– Вы за главного. Мы здесь, чтобы помогать вам.

– Вы ведь шутите, да? – прошептал Жан Ги Гамашу, когда они обходили вокруг машины. – Если дела пойдут по плохому сценарию, вы возьмете командование на себя.

– Они не пойдут по плохому сценарию.

– А если?

– Даже если так, то Клара все равно за главного.

– И чем она будет руководствоваться? Сердцем? Любовными флюидами? – усмехнулся Бовуар.

Босс повернулся к нему и понизил голос:

– А если бы пропала Анни? Ты бы позволил кому-то другому ее искать?

Жан Ги побледнел от одной только мысли:

– Никогда.

– Клара права, Жан Ги. У нее больше шансов, чем у любого из нас: она лучше понимает, что стал бы делать Питер, куда бы он направился. Если она будет слушать свое сердце, а мы – свои головы, мы его найдем.

– А на мою долю, значит, остается желудок, – сказала Мирна, нечаянно услышавшая их разговор. Она держала в руках большой пакет с сэндвичами из пекарни Сары. – Кто будет слушать меня?

Она сунула сэндвичи в машину, мужчины уложили свои чемоданы. Они уже собирались сесть, но тут Клара протянула руку.

Жан Ги посмотрел на Гамаша, и тот кивнул. Бовуар положил ключи на ладонь Клары, обошел машину и хотел было занять пассажирское сиденье, но Мирна своим телом заблокировала дверь. Бовуар снова посмотрел на Гамаша, и тот снова кивнул.

Мужчины уселись на заднее сиденье.

Клара села за руль.

– Вы уверены, что это хорошая идея? – прошептал Бовуар Гамашу.
– Клара превосходно водит. Все будет хорошо.
– Я не о том, и вы меня понимаете.
– С Кларой проблем не будет, – пообещал шеф.
– Ну да. Не будет.
Жан Ги подался вперед сразу, как только машина начала двигаться.
– Мы уже приехали? – спросил он.
– Ты уверена, что это хорошая идея? – поинтересовалась Мирна у Клары.
– С ним проблем не будет.
Клара нажала на газ и направила машину на дорогу из деревни. На северную дорогу.
– Ой, хочу кушать, – сказал Жан Ги. – Ой, мне нужно пи-пи.
Когда они проезжали мимо скамьи с вырезанной надписью «Удивленные радостью», Гамаш повернулся и посмотрел назад.
Рейн-Мари стояла посреди дороги.
Он отвернулся и уставился в окно, стараясь не замечать комка в горле.

Глава двадцать вторая

– Что теперь? – спросил Жан Ги.

Он, естественно, обращался к Гамашу, но шеф перенаправил вопрос Кларе.

Они побывали во всех гостиницах в Бэ-Сен-Поле. А потом и во всех загородных – от самых захудалых до пятизвездных.

Питера нигде не оказалось.

К тому же в Бэ-Сен-Поле был пик туристического сезона, и вскоре стало ясно, что помимо трудностей с обнаружением Питера у них возникнут трудности с ночевкой.

Клара вертела головой по сторонам, озирая переполненную главную улицу. Стояла жара, и Клара чувствовала разочарование. Она почему-то думала, что они приедут в Бэ-Сен-Поль и найдут Питера на углу. Он там будет ждать их.

– Можно мне кое-что предложить? – заговорила Мирна, и Клара кивнула, благодарная за помощь. – По-моему, нам следует изменить тактику. Нужно найти место, где мы могли бы посидеть и подумать.

Она окинула взглядом заполненные уличные столики и счастливых туристов – те ели, пили, смеялись. Все это очень действовало на нервы.

– Мы уже достаточно думали, – ответила Клара. – В Трех Соснах мы только и делали, что думали. Пришла пора действовать.

– Думать – это и есть действовать, – сказал Гамаш, шедший в нескольких шагах позади. – Беготня туда-сюда может казаться полезной, но она ни к чему не приводит. А на данном этапе тратить попусту время непростительно.

– Он прав, – согласилась Мирна, и Клара ответила ей злобным взглядом.

– Мне нужно в туалет.

– Вы говорили об этом всю дорогу! – рявкнула Клара.

– На сей раз так оно и есть.

Все посмотрели на Жана Ги, который переминался с ноги на ногу.

Клара сдалась:

– О господи. Ну ладно. Давайте поменяем тактику.

– Сюда, – сказал Бовуар и повел их вниз по узкой второстепенной улочке на склоне небольшого холма, уходя все дальше и дальше от туристического гама.

Вдоль улиц, практически проулков, стояли дома и старомодные, устаревшие коммерческие заведения. Магазины хозяйственных товаров, семейные аптеки, dépanneurs[61], где продаются сигареты, лотерейные билеты и мягкие свежеиспеченные булочки. Иногда между домами, обитыми вагонкой или построенными из плитняка, мелькало что-то серовато-голубое. Река. Такая громадная, такая широкая, что она походила на океан. Жан Ги Бовуар вел их подальше от туристских толп, в районы, известные только местным.

– Сюда.

Они последовали за Бовуаром в захудалую гостиницу.

– Но мы здесь уже спрашивали, – возразила Клара. – Разве нет?

Она огляделась. Извилистый путь, которым их вел Бовуар, сбил ее с толку.

– Oui, – сказал Жан Ги. – Но в прошлый раз мы подошли с фасада. А теперь – с тыла.

– И вы считаете, что ответ определяется дверью, через которую вы входите? – спросила Мирна. – Я подозреваю, что Питера мы здесь не обнаружим, даже если залезем в окно.

Она подумала, что именно это им и придется сделать, если они в ближайшее время не найдут места для ночлега.

– Мы зададим другой вопрос, – нетерпеливо сказал Бовуар. – Пойдемте.

Он провел их через небольшую арку, и внезапно они увидели то, что лишь намеком проглядывало в промежутки между домами, – все равно что заметить промелькнувшее громадное существо, но не целиком, а только его хвост, или нос, или зубы.

И вот теперь оно предстало перед их взором во всем своем великолепии.

Река Святого Лаврентия. Величественная, необузданная, вечная. Река, за которую сражались, которую живописали, которую воспевали в поэзии и музыке. Она тянулась перед ними в бесконечность.

– Где у вас туалеты? – спросил Бовуар у официанта, вышедшего на эту скрытую террасу.

Не дожидаясь ответа, он исчез внутри.

В выложенном плиткой маленьком дворике был занят только один столик. Двое местных пили пиво, курили едко пахнущие сигареты «Житан» и играли в нарды. Они без особого интереса взглянули на чужаков и тут же вернулись к игре.

Клара выбрала столик у деревянных перил. За ними начинался

отвесный обрыв. И простирающийся в бесконечность вид на залив Бэ-Сен-Поль.

Они заказали охлажденный чай и кукурузные чипсы начос.

Клара опустила глаза на салфетку, лежащую перед ней на столе. Как и во многих квебекских ресторанах и барах, на салфетке был изображен стилизованный план города, отображающий его историю, достопримечательности и разные коммерческие объекты. Гостиницы, рестораны, галереи и бутики, платившие за то, чтобы их указали на туристической карте.

Питер побывал здесь. Возможно, не на этой самой террасе, но в этом районе.

– Я забыла, что «Цирк солнца» родом отсюда, из Бэ-Сен-Поля[62], – сказала Мирна, разглядывая салфетку. – Бывают же такие места.

– Какие? – спросил Жан Ги, вернувшийся из туалета.

– Горячие зоны, – ответила Мирна. – Зоны креативности, творчества, мысли. Три Сосны – одно из подобных мест. Шарлевуа, очевидно, другое.

– Я смотрю, в конце семнадцатого века тут была эпидемия сифилиса, – проговорил Жан Ги Бовуар, изучив свою салфетку. – Ее назвали «Бедствием Бэ-Сен-Поля». Вот уж поистине зона креативности.

Он положил себе чипсы.

– Откуда вы знали про эту террасу? – спросила Клара.

– Это все моя суперсила.

– Жан Ги Бовуар, – сказал Гамаш. – Чудо-мальчик.

– Все думают, что мы напарники, – шепнул Бовуар Мирне.

– О, как бы я хотела заполучить вас на мою кушетку, – ответила она.

– Становитесь в очередь, сестренка.

Мирна рассмеялась.

– Я обладаю сверхъестественной способностью отыскивать туалеты, – сообщил Бовуар.

– Какая-то ущербная суперсила, – заметила Мирна.

– Ага, а какую способность вы бы предпочли в случае настоящей нужды? Умение летать? Невидимость? Или способность находить туалет?

– Невидимость может оказаться полезной, но я понимаю вашу мысль, Като[63].

– Я же вам сказал: я не напарник.

Он исподтишка показал на Гамаша.

– Вы тут уже бывали? – спросила Клара. – Поэтому и знали?

– Non.

Бовуар заглянул в пропасть, и его на мгновение заворожил этот вид. Потом он снова перевел взгляд на Клару. В его глазах она увидела деревья на откосе, отчаянно вцепившиеся корнями в землю. И бесконечную реку.

– Тут нет никакого волшебства, если вы об этом подумали, – сказал он. – Я предполагал, что здесь крутой склон, и, когда мы приходили сюда в первый раз, у меня возникла мысль, что ни один владелец гостиницы, имея доступ к подобному зрелищу, не откажется использовать это преимущество.

– То есть вы догадались? – спросила Мирна.

– Да.

Но обе женщины знали, что это вовсе не догадка. Жан Ги Бовуар мог вести себя как чудо-мальчик, как напарник. Однако они лучше, чем кто-либо, знали, что это всего лишь фасад. У него тоже имелась своя арка и тайный дворик. И виды, которые он не показывал никому.

Они выпили чай и перевели дыхание.

– Что дальше? – спросила Мирна.

– Мы побывали в разных гостиницах, – сказала Клара, отметив галочкой отели, изображенные на салфетке. – И всюду показывали фотографии Питера. Теперь нужно показать его картины.

Она кивнула на свернутые холсты, лежащие на столе.

– Показать хозяевам гостиниц? – спросил Жан Ги.

– Нет. Владельцам галерей. В Бэ-Сен-Поле их полно. – Она опять показала на салфетку. – Если Питер здесь, он наверняка побывал в одной-двух.

– Хорошая мысль, – отметил Жан Ги, даже не пытаясь скрыть удивление.

– Вы двое идите по этой стороне Бэ-Сен-Поля. – Клара нарисовала кружок на салфетке. – А мы пойдем по другой. – Она посмотрела на часы: почти пять. Скоро время закрытия. – Нам нужно поспешить.

Она встала, и все взяли свои салфетки.

– Где встретимся? – спросила Мирна.

– Здесь. – Клара ткнула пальцем в ресторанчик в центре города.

«Ла Мюз».

Мирна и Клара взяли две картины Питера, включая ту, что с губами. Жан Ги забрал оставшуюся и присмотрелся, чтобы понять, где верх, где низ.

На мгновение он оторвался от картины и бросил взгляд на открывающийся с террасы вид, потом вернулся к картине.

И покачал головой.

Как одно превращается в другое? Может быть, подумал он, скручивая полотно в трубку и поспешая через арку за остальными, все дело в том, что он чудо-мальчик, не утративший способность удивляться.

На взгляд Бовуара, тут было чему удивляться.

Первыми в «Ла Мюз» пришли Гамаш и Жан Ги.

Две из пяти галерей в районе были уже закрыты, когда они добрались туда, в том числе и Галерея Ганьона.

Гамаш был восторженным почитателем работ Кларенса Ганьона и обрадовался, когда Клара отвела им территорию, в которой находилась галерея этого квебекского художника. Но ему удалось только заглянуть через окно, за которым так искусительно близко висели полотна художника.

Жан Ги пошел к задней двери и постучал, надеясь, что смотритель или кто-то другой еще не ушел, однако дверь оказалась заперта.

И теперь, сидя на террасе «Ла Мюз», Гамаш понял, почему он чувствует себя здесь так легко.

Он практически сидел в одной из картин Кларенса Ганьона, похожих на ту, что видел на стене в доме матери Питера. Счастливчик Питер, он рос рядом с Ганьоном. Впрочем, не такой уж счастливчик, ведь он рос и рядом с горгоной.

Гамаш чуть прищурился. Если убрать людей, то это выглядит почти так же, как изобразил мастер более семидесяти лет назад. Ярко покрашенные дома, выстроившиеся вдоль деревенской улицы. Ужимки и прыжки мансардных крыш. Островерхие окна. Высокие шпили церквей вдали. Все было старомодно, успокаивающе и очень по-квебекски.

Не увидел он только лошадки на заднем плане, впряженной в телегу. И играющих ребятишек. И снега. На большинстве работ Ганьона присутствовал снег. И в то же время образы ничуть не казались холодными.

Гамаш позвонил Рейн-Мари и отчитался о том, как идут поиски.

– А три остальные галереи? – спросила она.

– Две из них занимаются почти исключительно изготовлением рам, они не знали Питера и не проявили никакого интереса к его картине. В третьей галерее выставлены работы современных местных художников. Некоторые по-настоящему чудесные.

– Но ни одной картины Питера Морроу?

– Ни одной. Владелец даже не слышал о нем.

– Ты показал ему полотно Питера? – спросила Рейн-Мари.

– Да. Его… – Гамаш замялся, пытаясь подобрать подходящее слово.

– Вырвало?

Арман рассмеялся:
– Нет, он был вежлив.
Он услышал, как Рейн-Мари застонала.
– Это еще хуже, да? – спросил он.
– Вы уже нашли, где остановиться?
– Нет. Жан Ги пошел разузнать, нет ли где отказов от брони. Я тебе сообщу.
– А запасной план у тебя есть? – спросила она.
– Откровенно говоря, есть. Тут неподалеку садик, а в нем прекрасная скамейка, – сообщил он.
– Бродяжничество. Мама предупреждала, что этим кончится. Я сижу на нашем крылечке, у меня джин с тоником и старая кочерыжка.
– И я, – раздался знакомый голос.
– Вы и есть старая кочерыжка, – пояснила Рейн-Мари, и Гамаш услышал скрипучий смешок Рут. – Рут рассказывала мне о своей бездарно потраченной юности. Ты знал, что Рут…
И тут она отсоединилась.
Гамаш посмотрел на телефон и улыбнулся. Он подозревал, что Рейн-Мари отключилась специально, чтобы заинтриговать его. Минуту спустя он получил сообщение: Рейн-Мари писала, что любит его и ждет возвращения.
– Безрезультатно, patron, – сказал Бовуар, садясь рядом с шефом.
Безрезультатно. Их поиски в Бэ-Сен-Поле не принесли ни Питера, ни следов Питера, ни места для ночевки. Гамаш подумал, что это была, наверное, не самая лучшая его идея.
Жан Ги подтолкнул его локтем и показал на Клару и Мирну, которые быстро шли по извилистой улице. Клара помахала свернутыми в рулон картинами. Было заметно, что обе женщины довольны.
Кое-что. Наконец-то кое-что. Бовуар испытал такое облегчение, что забыл рассердиться на Клару и Мирну за то, что именно они нашли что-то.
Женщины поднялись к ним на террасу «Ла Мюз», и Клара, не теряя времени, развернула полотна Питера, а Мирна тем временем разложила карту Шарлевуа.
– Вот. – Палец Клары, словно разряд молнии, уткнулся в карту. – Здесь Питер написал это.
Они посмотрели на карту, потом на картину с губами, потом опять на карту.
– Так вам сказали в одной из галерей? – спросил Гамаш.
Оторвав взгляд от карты, он заметил, что на них смотрит человек,

сидящий на другом конце террасы. Встретившись взглядом с Гамашем, человек тут же отвернулся.

Бывший старший инспектор привык к таким вещам – его слишком часто показывали в новостях. Но сейчас у него создалось впечатление, что человек смотрел не на него, а на Клару.

– Нет, галереи по большей части оказались закрыты, – сообщила Клара. – Мы с Мирной уже возвращались, когда я вдруг решила спросить у кого-то еще.

– У кого? – спросил Бовуар.

Гамаш слушал, но краем глаза поглядывал на человека в дальнем конце террасы. Тот снова смотрел в их сторону.

– Два старика играли в нарды, – сказала Мирна. – Вид у них был такой, будто они там целую вечность просидели…

– И так оно и оказалось, – подхватила Клара. – Их семьи здесь уже несколько поколений. Они даже не знают сколько. Они и Кларенса Ганьона знали. Кололи ему дрова мальчишками. – Она помолчала секунду. – Можете себе представить – знали Ганьона? Он писал деревни и ландшафты, но так, как никто в его время не писал. Ганьон словно снимал кожу с мира и изображал мышцы, связки и вены того места, которое рисовал. Я намеренно преувеличиваю, но вы меня понимаете.

– Я понимаю.

Это произнес не кто-то из ее друзей, а человек с другого конца террасы.

Пока Клара говорила, Гамаш заметил, что человек встал, положил на стол деньги и двинулся к их компании.

Жан Ги тоже заметил незнакомца. И насторожился, готовый дать отпор.

– Excusez-moi. – Человек остановился возле их столика. – Простите, что вмешиваюсь.

Одет он был вполне обычно, однако Гамаш отметил хороший покрой его рубашки и брюк. По прикидке Гамаша, ему было лет пятьдесят, может, чуть меньше.

Незнакомец вежливо посмотрел на каждого из них. Его глаза задержались на Гамаше, и в них вспыхнул интерес. Но потом он перевел взгляд на Клару:

– Я слышал, как вы говорили о Кларенсе Ганьоне, и хочу представиться. Я тоже почитатель творчества Ганьона. Позвольте к вам присоединиться?

Он был чуть пониже Гамаша, стройнее. Из-под очков смотрели умные

голубые глаза.

Клара встала и улыбнулась ему:

– К сожалению, нам пора уходить.

– Если я чем-то смогу быть вам полезен, пока вы в Бэ-Сен-Поле, пожалуйста, дайте мне знать.

Он вручил ей визитку.

– Я бы с удовольствием поговорил с вами об искусстве, сравнил наши представления, – сказал он и слегка поклонился с неожиданным достоинством: – Au revoir[64].

Гамаш проводил его взглядом. И заметил, что Клара спрятала визитку в карман.

– Идем? – Мирна сгребла со стола картины и карту.

Несколько минут спустя они выехали из Бэ-Сен-Поля и направились на восток. Но не по забитой транспортом автостраде 138. Клара взяла немного южнее. Ближе к реке. А потом поехала по гораздо более узкому, но менее загруженному шоссе.

Дорога 362 шла вплотную к утесам вдоль Святого Лаврентия. И перед деревней Лез-Эбульман Клара остановилась.

Она знала, что это глупо, невероятно глупо, но почти надеялась увидеть силуэт Питера на фоне вечереющего неба. С мольбертом и кистью в руке.

И в ожидании. В ожидании ее, Клары. В таком же ожидании, в каком она провела несколько недель в своем саду.

Никакого Питера здесь не было, зато было кое-что другое.

Они вышли из машины, и Мирна потянулась за холстами Питера, но передумала. Вслед за Кларой, Арманом и Жаном Ги она сделала несколько шагов вперед.

Можно было не сравнивать с картинами. Они нашли место. Именно здесь и стоял Питер.

Перед ними нес свои воды Святой Лаврентий, еще более царственный, чем в городке. Его величие и поразительная красота были здесь и очевидны, и невероятны.

Четыре друга стояли бок о бок на утесе.

Именно здесь, на этом самом месте, упал на землю метеорит. Ударился о землю. Триста миллионов лет назад. Он врезался в землю с такой силой, что убил все на расстоянии многих миль вокруг. Он нанес удар с такой гибельной мощью, что кратер до сих пор был виден из космоса.

Земля, разошедшаяся рябью, окаменела, образовав ровные горы и глубокий кратер.

Ничего живого не осталось. Вся жизнь исчезла. Земля стала непригодной для обитания. На тысячи лет. Сотни тысяч лет. Миллионы лет.

Бесплодная. Пустая. Не земля – ничто.

А потом… Потом… Сначала вода, затем растения, затем рыбы. На обогащенной почве стали расти деревья. Жуки, мухи, летучие мыши, птицы, медведи, лоси, олени.

То, что было пустошью, стало котлом, тиглем жизни, такой богатой, такой разнообразной, что здесь возникла уникальная мировая экосистема.

Черепахи, тюлени, голубые киты.

Мужчины. Женщины. Дети.

Всех влекло сюда. Все хотели обустроиться здесь. В кратере.

Таким был Шарлевуа.

И тут стояли четверо друзей, искавшие пятого. Под ними река омывала своими водами земную рану. Место, где кончилась вся жизнь. И началась заново.

Катастрофа космического масштаба создала самое волшебное, самое примечательное место на земле.

Вот его-то и пытался изобразить Питер. Катаклизм. Чудо.

Арман Гамаш медленно повернулся, описав полный круг. Как и Клара, он почти надеялся увидеть наблюдающего за ними Питера Морроу.

Питер приехал сюда из Шотландии. От космических размышлений к космическому факту. Совершенно рациональный человек искал волшебство. Пытался его изобразить.

Пока Гамаш смотрел с утеса на реку, лучи заходящего солнца поймали волны великой реки, окрашивая пенистые барашки в красный цвет. Превращая их то в насупленные брови, то в улыбки. И опять в брови. А те снова становились сверкающими, веселыми красными улыбками. Река вечных эмоций.

Гамаш стоял как зачарованный. Он скорее чувствовал, чем видел, что Клара, Мирна и Жан Ги тоже не могут оторвать взгляда. Потрясенные, изумленные.

Они стояли, пока солнце не закатилось и осталась только темная река и розовое мерцание в небесах.

Питер побывал здесь. Он в меру своих сил перенес увиденное на полотно. Пытался передать чудо. Трепет. Не только красоту, но и величие.

И отослал картину. Подальше отсюда. Почему?

И где он теперь? Двинулся вперед, продолжая углубляться в собственную рану? Продолжая поиски?

Или… Гамаш взглянул на кратер. Что, если Питер не уехал? Может

быть, он теперь с ними, лежит в лесу у подножия утеса? Стал частью ландшафта? И его молчание такое абсолютное, потому что он ушел в вечность?

Стоявшая рядом с Гамашем Клара смотрела на реку, которую изобразил Питер, и ее захлестывали эмоции. Ее собственные и переданные им. Она остро чувствовала Питера.

Не его присутствие, а его отсутствие.

Глава двадцать третья

– Где мы остановимся? – прошептал Жан Ги.

Они возвращались в Бэ-Сен-Поль и в реальность. Оставляя за спиной космическое ради земных забот. Таких, как еда и крыша над головой.

– Не знаю, – шепотом ответил Гамаш.

– Вас такие мелочи не беспокоят? – спросил Бовуар.

– Если ничего не найдем, будем спать в машине, – сказал Арман. – Не впервой.

– Да, мы это можем. Но хотим ли? Ничего не поделаешь, patron. Мы должны наметить наш следующий шаг. Клара – милая женщина, но тут она бессильна.

– Вот и я думаю, – пробормотал Гамаш и повернулся к окну.

Он увидел звезды. И огни Бэ-Сен-Поля.

Невозможно было отличить одни от других. Сказать, какие принадлежат небу, а какие – земле.

– Где мы остановимся на ночь? – прошептала Мирна Кларе.

– Не знаю.

Мирна кивнула и уставилась сквозь лобовое стекло на звездное, очень звездное небо.

Она тосковала по своему чердаку. По своей кровати. По своему травяному чаю и шоколадному печенью.

Но она знала, что и Кларе не по себе без привычных вещей. А ведь Кларе к тому же не хватало Питера. Питера, который внезапно показался ей таким близким, когда они стояли на утесе, и одновременно таким далеким.

Мирна покосилась на Клару. Та смотрела перед собой, сосредоточившись на петляющей дороге. Ее главной задачей было удержаться на трассе.

Не съехать в пропасть.

Мирна уселась поудобнее и глубоко вздохнула. Принялась успокаивать себя, глядя на звезды. Или на огни городка. Она не могла отличить одни от других. Да и стоило ли? Успокаивали и те и другие.

По мере приближения к Бэ-Сен-Полю его огни становились ярче, а звезды тускнели. Наконец друзья снова оказались в бистро «Ла Мюз». Шел десятый час вечера, и они умирали от голода. Заказали обед и, оставив Мирну за столиком, втроем отправились по ближайшим гостиницам узнать, не отказался ли кто от брони.

Никто не отказался.

Они вернулись, и им тут же принесли обед.

Бифштексы с картошкой фри. Толстые бифштексы, приготовленные на гриле. Картошка тонко нарезанная и приправленная.

Бовуар, хотя и небольшой любитель ночевок в машине, на самом деле не очень волновался. Это большое благо – знать, что может быть и хуже. Его теперь мало что волновало.

– Что дальше? – спросил он, накалывая на вилку кусочек нежного стейка с тающим чесночным маслом.

– Мы точно знаем, что Питер был здесь, – сказала Клара. – Нам нужно узнать, здесь ли он все еще, а если нет, то куда уехал.

Спрашивая «что дальше», Бовуар интересовался, какой им подадут десерт, но поговорить о деле он не возражал. Потому что дело занимало не только его мысли, но и – Бовуар это видел – мысли шефа.

То выражение в глазах Гамаша, когда он осматривал утес, не оставляло сомнений. Когда прошел первый восторг, в работу включился мозг детектива.

Все учитывал. Оценивал.

Где может лежать тело, если человек сорвался вниз? Если его столкнули?

Где оно может оказаться в конечном счете?

Когда все было съедено и принесли кофе, Гамаш обратился к Кларе:

– Хотите услышать мое мнение?

Она внимательно посмотрела на него:

– Вероятно, нет, судя по вашему лицу.

Гамаш коротко кивнул:

– Я считаю, что мы должны обратиться в местную полицию. Задействовать их.

– В поисках места, где остановился Питер?

– В поисках Питера, – сказал Гамаш тихо, но твердо, не отрывая глаз от Клары.

Осознав смысл его слов, она побледнела:

– Вы думаете, он мертв?

– Я думаю, что он приехал сюда и написал известные нам картины. Отправил их ребенку Марианны. А потом исчез. Несколько месяцев назад.

Гамаш немного помолчал. Посмотрел на кофе в чашке, на коричневатую пенку сверху. Потом снова встретился взглядом с Кларой.

– Тут такие густые леса, – проговорил он.

Клара стала очень спокойной:

– Вы не верите, что мы его найдем.

– Прошло несколько месяцев, Клара, – повторил он. – Я очень хотел бы ошибаться. Надеюсь, мы найдем его где-нибудь в лесной хижине. С кустистой бородой и в одежде, заляпанной красками. В окружении десятков полотен. – Он не отпускал ее взгляда. – Надеюсь.

Клара посмотрела на Жана Ги, который тоже смотрел на нее. На его мальчишеском лице застыло мрачное выражение.

Потом она перевела глаза на Мирну. Оптимистичную, полную надежды, веселую Мирну. Вид у ее подруги был печальный.

– Ты тоже так считаешь, – сказала Клара. Она все поняла по лицу Мирны.

– Ты не могла не понимать, что это возможно, Клара. Сама говорила: тебе может не понравиться то, что ты найдешь.

– Я думала, что найду Питера, счастливого своей жизнью, – возразила Клара. – Я допускала даже, что найду его с другой женщиной. – Она оглядела сидящих за столом. – Но я всегда думала, что найду его. Живым.

Она бросила им вызов: пусть-ка кто из них осмелится спорить с ней.

Никто не осмелился, и она поднялась:

– И я продолжаю так думать.

Клара вышла из «Ла Мюз».

– Пойдем за ней? – спросил Жан Ги.

– Нет, дадим ей время, – сказала Мирна.

Бовуар проследил за Кларой: она шла по улице, словно торпеда, опустив голову. Туристы еле успевали уворачиваться от нее. Потом она исчезла из виду.

Бовуар поднялся и обошел ресторанчик. На его стенах висели картины с кривовато прикрепленными ценниками. Запыленные от долгого висения. Тут были неплохие пейзажи, но, чтобы продаваться в Шарлевуа, живопись должна быть более высокого класса.

Если бы Жан Ги не заглядывал в окна Галереи Ганьона, то решил бы, что и эти картины неплохи. Но он видел работы Ганьона. И теперь понимал разницу. Какая-то его часть сожалела об этом. Пусть у него теперь были более высокие запросы, но и то, что похуже, ему тоже нравилось.

– Смотрите, кого я нашла.

Бовуар услышал Клару через весь ресторанчик, услышал торжество в ее голосе и быстро повернулся.

Рядом с ней стоял человек, который говорил с ними ранее в «Ла Мюз».

Бовуар почувствовал, как его сердце, на миг радостно встрепенувшееся, сникло. И он понял, что и в самом деле подумал, будто

она нашла Питера.

– Мадам Морроу позвонила и поведала мне о ваших затруднениях, – сказал человек. Потом представился: – Марсель Шартран.

Они обменялись рукопожатиями.

– Я владелец Галереи Ганьона. Пришел предложить вам приют.

Когда они обосновались в квартире Шартрана над Галереей Ганьона, время приближалось к полуночи.

Шартран оказался любезным и услужливым хозяином. Не каждый откликнется в одиннадцать вечера на звонок незнакомки, которой негде переночевать. Ей и трем ее друзьям.

Но Марсель Шартран открыл для них свой дом и предложил рюмочку на ночь, пока они отдыхали в гостиной.

Глядя, как Шартран болтает с Кларой, Гамаш подумал, что он либо святой, либо себе на уме. Гамаш не забыл хищного выражения на лице Шартрана, когда тот впервые увидел их в «Ла Мюз».

Впервые увидел Клару.

– Это не мой основной дом, – сказал Шартран. Он принес тарелочку с печеньем, налил коньяк Кларе и Мирне, потом предложил Жану Ги, а когда тот отказался, перешел к Гамашу. – У меня особняк в нескольких милях езды в сторону Лез-Эбульмана.

– С видом на Святого Лаврентия? – спросил Гамаш, тоже отказавшийся от выпивки.

– Oui, Chef[65], – ответил Шартран и налил себе коньяку на один палец в низкий бокал.

От Гамаша и Бовуара не ускользнуло, что их хозяин точно знает, кто они. По крайней мере, кто один из них.

– Мы ездили туда, – сказал Гамаш. – Удивительный вид на реку.

– Да. Дух захватывает.

Марсель Шартран опустился в кресло и положил ногу на ногу. Удобно устроившись, он слегка улыбнулся. Не усмехнулся, отметил Гамаш. Если некоторые лица, расслабляясь, приобретают несколько осуждающее выражение, то Шартран выглядел просто довольным.

Его лицо на расстоянии было красивым, городским. Но вблизи на нем виднелись многочисленные морщинки. Обветренное лицо. От времени, проведенного на природе. На лыжах, снегоходах, за рубкой леса. Или стояния над краем пропасти и созерцания великой реки. Честное лицо.

Но был ли он честным человеком? Гамаш воздержался от вынесения окончательного суждения.

Возможно, Шартран был старше, чем казалось на первый взгляд. Однако в нем безошибочно угадывалась бьющая через край энергия.

Гамаш прошел по комнате. Оглядел стены из мощного плитняка. Летом прохладно, зимой тепло. Маленькие углубленные окна, традиционные для старых квебекских домов. Шартран явно уважал прошлое и того habitant[66], который своими руками построил этот дом сотни лет назад. Строительство велось в спешке, но с большим тщанием, чтобы защитить себя и семью от стихий. От приближающейся зимы. От чудовища, которое наступало по великой реке, неся с собой лед, снег и лютый холод. Набирая силу и мощь. Из первых поселенцев удалось выжить немногим, но тот, кто построил этот дом, выжил. И дом все еще предлагал крышу над головой тем, кто в ней нуждался.

За спиной Гамаша Шартран предлагал Кларе и Мирне еще коньяка. Мирна отказалась, а Клара согласилась на полглотка.

– Может, чтобы взять в постель с печеньем, – сказала Клара.

– Вот он, дух первопроходцев, – изрекла Мирна.

Полы в доме сохранились со времени строительства. Широкие сосновые доски из деревьев, которые тянулись ввысь на этом самом месте, а теперь лежали, потемневшие от многолетнего окуривания дымком из камина. Два дивана стояли друг против друга по разным сторонам камина, перед каждым скамеечка для ног, на столике рядом стопка книг. Лампы мягко освещали комнату.

Но больше всего Гамаша заинтересовали стены. Он прошелся по гостиной. Иногда наклонялся поближе, чтобы разглядеть оригинал Кригхоффа. Лемье[67]. Ганьона. Между двумя окнами висела маленькая картина маслом.

– Прекрасно, правда?

Шартран подошел к Гамашу сзади. Тот ощутил его присутствие, но не оторвал взгляда от картины, которая изображала лес и клин скалы, вдающейся в озеро. И цепляющееся корнями за каменистую землю одинокое дерево, ветки которого искалечил безжалостный ветер.

Картина поражала своей красотой и отчаянием.

– Это Томсон?[68] – спросил Гамаш.

– Да.

– Алгонкинский парк?[69]

Суровый пейзаж говорил сам за себя.

– Oui.

– Mon dieu, – произнес Гамаш на выдохе, понимая, что он дышит на ту

же картину, на которую дышал ее творец.

Два человека разглядывали маленький прямоугольник.

– Когда он написал эту картину? – спросил Гамаш.

– В тысяча девятьсот семнадцатом. В год своей смерти, – сказал Шартран.

– Погиб на войне? – спросил Жан Ги, присоединившийся к ним.

– Нет, – ответил владелец галереи. – Несчастный случай.

Гамаш выпрямился и посмотрел на Шартрана.

– Вы в это верите?

– Хочу верить. Было бы слишком страшно думать иначе.

Жан Ги перевел взгляд с Шартрана на Гамаша.

– А есть сомнения?

– Некоторые, – ответил Гамаш, возвращаясь к дивану, словно не хотел, чтобы картина подслушала их разговор.

– И какие сомнения?

– Том Томсон писал главным образом пейзажи, – стал рассказывать Шартран. – Его любимым местом был Алгонкинский парк в Онтарио. Ему нравилось тамошнее уединение. Он брал каноэ, обустраивал себе место и приезжал оттуда с великолепными пейзажами.

Он указал на маленькую картину.

– Он был знаменит? – спросил Бовуар.

– Нет, – ответил Шартран. – При жизни – нет. Его почти никто не знал. Только другие художники, но не публика. Однако вскоре узнала.

– Его смерть привлекла к нему внимание, – заметил Гамаш.

– Повезло тому, у кого имелись его картины, – сказал Бовуар.

– Повезло владельцу галереи, где он выставлял картины, – подтвердил Шартран.

– Так в чем же загадка? Как он умер?

– Официальное заключение – утонул, – ответил Гамаш. – Но сомнения оставались. До сих пор ходят слухи, что его убили либо он покончил с собой.

– С какой стати ему кончать с собой? – спросил Бовуар.

Они снова сели: Гамаш и Бовуар – на диване, Шартран – на своем кресле лицом к пустому камину.

– Есть гипотеза, что Томсон пребывал в депрессии, потому что его работы не находили признания, – сказал Шартран.

– А гипотеза убийства?

– Возможно, его убил другой художник, завидовавший его таланту, – ответил Шартран.

– Или кто-то, у кого имелось много его работ, – предположил Гамаш, глядя в глаза хозяину дома.

– Например, владелец галереи? – Шартран улыбнулся, вроде бы искренне. – Мы корыстные, нецивилизованные люди. Мы склонны обманывать как художников, так и покупателей. Мы готовы на что угодно ради прибыли. Но все же не на убийство.

Бовуар и Гамаш знали, что это неправда.

– О ком вы разговариваете?

Клара и Мирна некоторое время находились на другом конце комнаты, восхищаясь работами Жана Поля Лемье, но теперь Клара уселась на диван напротив Гамаша.

– О Томе Томсоне. – Шартран показал на маленькую картину, своего рода окно в стене, выходящее в иное время, в иной мир. Но очень похожий на мир Шарлевуа.

– Désolé, – тихо произнес Гамаш, не отрывая глаз от Клары. – Это было бестактно.

– Désolé? – переспросил Шартран, встревоженный этим внезапным всплеском эмоций. – Что тут может расстраивать?

– У меня пропал муж. Поэтому мы здесь. – Клара обратилась к Гамашу: – Вы не спрашивали у месье Шартрана о Питере, когда были в галерее?

– Галерея была закрыта, – ответил Гамаш. – Я думал, вы уже говорили об этом с месье Шартраном, когда позвонили ему.

– С какой стати? Я думала, вы уже спрашивали у него и он ответил, что не знает Питера.

– Питера? – спросил Шартран, поглядывая то на Клару, то на Гамаша.

– Моего мужа, Питера Морроу.

– Питер Морроу – ваш муж? – удивился Шартран.

– Вы его знали? – спросил Гамаш.

– Bien sûr[70], – сказал Шартран.

– Его или его работы?

– Его. Питера. Он много часов провел в галерее.

Клара на мгновение потеряла дар речи. А потом вопросы обрушились на ее мозг и создали пробку. Ни один не мог вырваться наружу. Наконец ей все же удалось спросить:

– Когда?

Шартран задумался:

– В апреле, кажется. Может, чуть позднее.

– Он жил у вас? – спросила Клара.

– Non. Снимал домик у дороги.
– Он все еще там? – Она встала, словно собираясь уходить.
Шартран покачал головой:
– Нет. Он уехал. Я несколько месяцев его не видел. К сожалению.
– Куда он поехал? – спросила Клара.
Шартран посмотрел на нее:
– Не знаю.
– Когда вы видели его в последний раз? – спросил Гамаш.
Шартран задумался.
– Сейчас начало августа. Он уехал до начала лета. Поздней весной, мне помнится.
– Вы уверены, что он уехал? – спросил Жан Ги. – Он сказал вам, что уезжает?
Шартран выглядел как боксер, получивший нокдаун от множества вопросов.
– Прошу прощения, но я не помню.
– Почему вы не помните? – спросила Клара взвинченным голосом.
Шартран явно заволновался и смутился.
– Мне это не показалось важным, – попытался объяснить он. – Нельзя сказать, чтобы мы подружились. Он мог сегодня прийти, а завтра не появиться.
Он перевел взгляд с Клары на Гамаша и обратно.
– Вы поэтому нас пригласили? – спросил Жан Ги. – Потому что Питер рассказывал вам про нее? – Он указал на Клару.
– Я же вам говорю, я не знал, что он ее муж. Я пригласил вас, потому что время позднее, отели переполнены, а вам негде остановиться.
– И потому, что узнали нас, – сказал Гамаш, не давая Шартрану уклониться.
Возможно, Шартран был очень хорошим человеком. Но не до конца честным.
– Верно. Я знаю вас, старший инспектор. Вас все знают, из новостей. И Клару я знал – по статьям в художественных журналах. Я подошел к вам в «Ла Мюз», потому что…
– Да?
– Потому что подумал, что нам найдется о чем поговорить. Только и всего.
Гамаш снова посмотрел на стоящее на отшибе одинокое кресло, в котором утонул Марсель Шартран. И задал себе вопрос: так ли все просто?
Действительно ли этот человек искал всего лишь общества? Людей, с

которыми интересно поговорить, которых интересно послушать.

Неужели Марсель Шартран и вправду жаждал только умной беседы? Поменял бы он свои безмолвные шедевры на одного доброго друга?

Шартран повернулся к Кларе:

– Питер никогда не говорил о жене. Здесь он жил жизнью religieux. Монаха. – Шартран ободряюще улыбнулся. – Он захаживал ко мне, но по большей части не ради моего общества, а ради общества моих картин. Он обедал в одной из столовых города. Редко посещал что-нибудь столь изысканное, как «Ла Мюз». Почти ни с кем не говорил. И возвращался в свой домик.

– Чтобы рисовать, – сказала Клара.

– Вероятно.

– Он показывал вам какие-нибудь свои работы? – спросил Гамаш.

Шартран покачал головой:

– И я никогда его не просил. Предложения ко мне поступают достаточно часто, так что самому их делать нет нужды. Ну разве что в редких случаях.

Он обратился к Кларе:

– Вы очень точно сказали сегодня в «Ла Мюз» про Ганьона: он сдирал кожу с земли и рисовал мышцы и вены. Его работы ни в коей мере нельзя назвать уродливыми или мрачными, он изображал на них чудо этой земли. Сердце и душу этой земли. Он писал то, что видят лишь немногие. Его муза, вероятно, была настолько прозорлива, что позволяла ему видеть очень глубоко.

– И кто же она, муза Ганьона?

– О, я не имел в виду человека.

– Тогда что вы имели в виду?

– Природу. Я думаю, что, как и у Тома Томсона, музой Кларенса Ганьона была сама природа. – Шартран снова обратился к Кларе. – То, что Ганьон делал с пейзажами, вы делаете с людьми. Их лица, их кожа, их маска – они для внешнего мира. Но вы пишете также их душу. У вас редкий дар, мадам. Надеюсь, я не смутил вас.

Было очевидно, что Клара смущена.

– Извините, – сказал Шартран. – Обещал себе, что не буду говорить о ваших работах. Вы, вероятно, все время об этом слышите. Простите. К тому же у вас есть более насущные заботы. Чем я могу вам помочь?

– Вы знаете ранние работы Питера? – спросил Гамаш.

– Я знал, что он художник и к тому же успешный. Не помню, чтобы я видел какие-то конкретные его картины.

Голос Шартрана изменился. По-прежнему любезный, он стал несколько отстраненным. Ведь речь шла о бизнесе.

– Вы говорили с ним о его работе? – спросила Клара.

– Нет. Он никогда не интересовался моим мнением, а сам я не проявлял интереса.

Но у них не было ничего в подтверждение сказанного, кроме слов самого Шартрана. А Гамаш уже понял, что Шартран не всегда до конца откровенен.

Глава двадцать четвертая

Гамаш проснулся рано утром в незнакомой кровати, под незнакомые звуки за открытым окном.

Кружевная занавеска чуть надувалась от ветерка, словно вздыхала, а потом опадала. Воздух, проникавший в комнату, пах свежестью с безошибочным привкусом близкого присутствия огромного водного потока.

Гамаш посмотрел на свои часы, лежащие на прикроватном столике.

Еще не было шести, но солнце уже встало.

А вот Бовуар не встал. Он спал как младенец на соседней кровати, уткнувшись лицом в подушку и слегка приоткрыв рот. Гамаш не раз созерцал этого спящего великовозрастного младенца в командировках, а теперь и Анни видела его каждый день.

Наверное, это любовь, решил Гамаш. Он тихо встал и начал готовиться к наступающему дню, но сначала подошел к окну, отодвинул занавеску и выглянул наружу. Вчера они уснули уже после полуночи, накрывшись теплыми одеялами. Гамаш понятия не имел, что увидит за окном, и был удивлен и обрадован, что его спальня выходит окнами на металлические крыши старого города. И на реку Святого Лаврентия.

Приняв душ и одевшись, он спустился по лестнице и вышел на улицу.

Время дня стояло пастельное. Раннее солнце окрасило все вокруг в светло-голубые и светло-розовые тона. Туристы спали в гостиницах. Лишь немногие жители уже поднялись, и почти весь город принадлежал Гамашу. Город не казался заброшенным, скорее замершим в ожидании. Готовым к рождению нового яркого дня.

Но пока на улицах стояла тишина. Все было возможно.

Гамаш нашел неподалеку скамью, сел и вытащил из кармана книгу. Свою постоянную спутницу.

Он начал читать. Прочтя несколько страниц, закрыл книгу и положил на обложку свою большую ладонь, так что часть названия не читалась. Словно река между старыми домами. Она здесь, но увидеть ее целиком нельзя.

«Бальзам в Галааде».

Гамаш сжимал книгу в руках и думал, как думал каждое утро после своей отставки, о руках, которые держали книгу до него.

«…Душу грешную спасет».

Есть ли средство, исцеляющее от того, что он сделал в лесу близ Трех

Сосен восемь месяцев назад? Дело было даже не в самом убийстве. Не в том, что он забрал чужую жизнь. А в том, что он чувствовал в связи со случившимся. И в том факте, что он, приехав туда, имел намерение совершить убийство, даже надеялся сделать это.

Mens rea[71]. Разница между непреднамеренным убийством и убийством задуманным. Замышленным. Mens rea. Виноватый разум. Грешная душа.

Он посмотрел на книгу, прикрытую ладонью.

Что бы сказал предыдущий владелец книги, узнав о том, что он содеял?

Арман Гамаш не сомневался в ответе на этот вопрос.

Он повернулся спиной к реке, к рваной береговой линии, к контейнеровозам и китам, скользящим под поверхностью. Громадным и невидимым.

Гамаш вернулся в дом Марселя Шартрана.

– Мне показалось, я слышал, как кто-то выходит, – сказал с веранды Шартран, завидев Гамаша. – Как вы спали?

– Отлично.

– У вас, вероятно, привычка к незнакомым кроватям, – заметил хозяин дома, протягивая Гамашу кружку кофе, над которой на свежем утреннем воздухе поднимался парок.

– Есть такая привычка, – подтвердил Арман. – Но мало попадалось столь удобных, как ваша. Merci.

Он благодарственно поднял кружку, словно бокал с шампанским.

– Un plaisir[72]. Хотите посмотреть галерею?

Гамаш улыбнулся:

– Очень.

Он почувствовал себя ребенком, которому достался бесплатный билет в Диснейленд.

Шартран отпер дверь и включил свет. Гамаш прошел в центр помещения и остановился. Его охватило легкое смятение, когда он понял, что к глазам подступают слезы.

Здесь вокруг было его наследие. Его страна. Его история. Более того, здесь, на стенах, была его душа. Вывернутая наизнанку.

Ярко покрашенные дома. Красные и горчично-желтые. Дымок, тянущийся из труб. Церковные шпили. Зимние сценки, снег на сосновых ветках. Кони и санки. Мягкий свет из окон по вечерам.

Человек с масляной лампой идет по тропинке, протоптанной в

глубоком снегу. К дому вдали.

Гамаш повернулся. Он был окружен. Погружен. Но не тонул – оставался на поверхности. Проходил обряд крещения.

Он вздохнул. И посмотрел на Марселя Шартрана, стоявшего рядом. У того глаза тоже были подозрительно влажными. Неужели он каждый день испытывает подобные чувства?

Может быть, галерея – это его скамья, стоящая над городом? Неужели его каждый день удивляет радость?

– Питер Морроу часто приходил сюда, – сказал Шартран. – Просто посидеть. И посмотреть на картины.

Посидеть и посмотреть.

Господь свидетель, Гамаш и сам занимался чем-то подобным, но сочетание этих слов и интонация, с какой они были произнесены, вызвали воспоминание. Не старое. Воспоминание из недавних. И Гамаш ухватил его.

Кто-то другой говорил, что Питер любил сидеть и смотреть. Ребенком.

Мадам Финни, мать Питера. Она рассказывала Гамашу, что маленький Питер любил целыми часами сидеть и смотреть. На стены. На полотна. Пытаясь приблизиться к картине. Пытаясь соединиться с гением, который видел мир таким и писал его таким, каким видел.

Все плавные мазки и линии сливались друг с другом, отчего эти прочные дома соединялись с землей, деревьями, людьми, небом и облаками. Которые касались этих прочных домов.

И все в ярких, радостных тонах. Не искусственные оттенки, а те, какие Гамаш своими глазами видел за окнами галереи. Никакой нужды приукрашивать. Измышлять. Романтизировать.

Кларенс Ганьон видел истину. И не столько передавал ее, сколько высвобождал.

Юный Питер тоже мечтал об освобождении. И картины на стенах того мрачного дома были его путем к свободе. Поскольку он не мог убежать в картины, он совершил максимальное приближение к невозможному.

Питер стал художником. Невзирая на возражения семьи. Хотя в одном его семья все же преуспела: они лишили его душу яркости и творческого начала, и потому его искусство стало хотя и привлекательным, но предсказуемым. Безопасным. Выцветшим.

Гамаш разглядывал картины на стенах галереи. Упивался яркими красками. Вихрящимися и плавными мазками кисти. И пейзажами, столь душевными и естественными.

Питер созерцал те же картины. А после исчез.

На мгновение Арман Гамаш допустил, что Питер нашел то волшебство, которое искал с таким отчаянием, и действительно затерялся в одной из этих картин.

Он наклонился к картине, всматриваясь в человека с лампой. Не Питер ли это? Направляется к дому?

Гамаш усмехнулся. Нет, конечно. Это Бэ-Сен-Поль, а не Сумеречная зона.

– Не поэтому ли Питер приехал в Бэ-Сен-Поль? – спросил Гамаш, показывая на картины.

Шартран покачал головой:

– Мне кажется, картины были приятным дополнением, а не главной причиной.

– А в чем причина?

– Похоже, он искал что-то.

– Что-то?

– Что-то или кого-то. Или и то и другое. Не знаю, – ответил Шартран.

– Почему вы не сказали нам об этом вчера?

– Да я и думать забыл. Питер был для меня всего лишь знакомым, и ничем больше. Еще один художник, который приехал в Шарлевуа в поисках вдохновения. В надежде, что виды, послужившие вдохновением для них, – он показал на картины на стенах, – вдохновят и его.

– Что муза Ганьона найдет его и сыграет с ним в ту же игру, – добавил Гамаш.

Шартран на секунду задумался:

– Вы считаете, что его нет в живых?

– Понимаете, человеку очень трудно просто взять и исчезнуть. Гораздо труднее, чем мы думаем, пока не попытаемся сами, – сказал Гамаш.

– Тогда как это делается?

– Есть только один способ. Нужно покинуть этот мир.

– То есть умереть?

– Наверное, можно и так, но я говорю о том, чтобы совершенно уйти от общества. Поселиться на острове. Уйти в лесную чащу. Питаться тем, что дает земля.

Шартрану явно стало неуютно:

– Присоединиться к какой-нибудь общине?

– Ну, общины в наши дни довольно сложно организованы. – Гамаш внимательно взглянул на Шартрана. – Что вы имели в виду?

– Когда Питер впервые появился в галерее, он спрашивал о человеке по имени Норман. Я понятия не имел, кто это, но пообещал навести

справки.

– Норман? – переспросил Гамаш. Имя показалось ему знакомым. – И что вам удалось узнать?

– Ничего полезного.

– Но что-то вы все же узнали? – надавил Гамаш.

– Был один человек, который организовал колонию художников в лесу, но звали его не Норман. Его звали Ноу Ман[73].

– Ноуман?

– Ноу Ман.

Они уставились друг на друга, повторяя практически одно и то же. Почти одно и то же.

Наконец Шартран написал имя на бумажке, Гамаш посмотрел и кивнул. Он понял, хотя его недоумение усилилось.

Ноу Ман.

Клара и Мирна спустились через несколько минут, за ними последовал Жан Ги.

– Ноу Ман? – спросила Мирна.

Они вышли из галереи и направились по узкой улочке к ближайшему кафе, чтобы позавтракать.

– Ноу Ман, – подтвердил Шартран.

– Как странно, – сказала Клара.

Бовуар не понял, что ее так удивило. Большинство художников, которых он встречал, были запредельно странными. Назвать их просто странными означало ничего не сказать. Клара, с ее растрепанными волосами, в которых застревали кусочки еды, и с ее «Воинственными матками», была одной из самых нормальных представителей этого племени.

Питер Морроу, с его застегнутыми на все пуговицы рубашками и неизменным спокойствием, почти наверняка был самым безумным из всех.

– Питер не искал человека по имени Ноу Ман. Он пытался отыскать некоего Нормана, – сказал Шартран.

– И ему удалось? – спросила Клара.

– Мне об этом неизвестно.

Они пришли в небольшой ресторанчик и сели за столик внутри. По просьбе Гамаша Шартран отвел их в местное заведение, где иногда ел и Питер.

– Oui, я его знала, – ответила официантка, когда ей показали фотографию Питера. – Яйца на хорошо поджаренном тосте. Без бекона.

Черный кофе.

Она, похоже, одобряла такой спартанский завтрак.

– С ним бывал кто-нибудь еще? – спросила Клара.

– Нет, он всегда приходил один, – ответила официантка. – Что будете заказывать?

Жан Ги заказал «Специальное туристическое». Два яйца и жаркое ассорти из всевозможного мяса, какое только найдется.

Шартран заказал яичницу.

Остальные – блинчики с голубикой и бекон.

Когда официантка принесла еду, Гамаш спросил, не знает ли она человека по имени Норман.

– Это имя или фамилия? – осведомилась она, доливая кофе.

– Мы не знаем.

– Non, – сказала она и ушла.

– Питер не говорил, откуда он узнал про этого Нормана? – спросил Жан Ги.

Шартран покачал головой:

– Я его не спрашивал.

– Вам не вспоминается какой-нибудь Норман в жизни Питера? – спросил Гамаш у Клары. – Может быть, друг? Художник, которым он восхищался?

– Да я уже думала, – ответила она. – Мне это имя ничего не говорит.

– А при чем тут Ноу Ман? – поинтересовался Жан Ги.

– Вообще-то, ни при чем, – сказал Шартран. – Он организовал здесь колонию художников. Долго она не продержалась, и он уехал. Много чего происходит. Художникам нужно зарабатывать деньги, и они думают, что обучение или затворничество поможет свести концы с концами. Почти никогда не помогает. – Он улыбнулся Кларе. – Их лагерь был заброшен задолго до появления здесь Питера. И потом, Питер не был похож на уживчивого человека.

– «Скорее доедет, кто едет один»[74], – заметил Гамаш.

– Я всегда спрашиваю себя, так ли это, – сказала Мирна. – Может ведь получиться и быстрее, только удовольствия никакого. А когда доберемся до места, кто нас там встретит? Никто.

«Никто. Ноу Ман», – подумал Гамаш.

– Клара, ты что молчишь? – окликнула подругу Мирна.

Клара сидела, откинувшись на спинку стула, и смотрела в окно. Могло показаться, что она любуется видом. Но взгляд у нее был отсутствующий.

– Норман, – повторила она. – Был один Норман. – Она посмотрела на

Мирну. Профессор в художественном колледже.

Мирна кивнула:

– Верно. О нем вспоминал профессор Мэсси.

– Именно он и устроил «Салон отверженных», – сказала Клара.

– Вы думаете, это один и тот же человек? – спросил Гамаш.

Клара нахмурилась:

– Трудно такое представить. Питер у него учился и ни в грош его не ставил. Зачем ему искать того самого Нормана, а?

– Пожалуй, ты права, – сказала Мирна. – Кажется, профессор Мэсси говорил, что Норман спятил?

– Да. Не могу поверить, чтобы Питеру захотелось его найти.

– Excuse-moi[75]. – Гамаш, внимательно слушавший их, встал и вместе с телефоном отошел в уголок потише.

Разговаривая, он смотрел в окно. На запад. Минуты через две он вернулся за столик.

– Кому вы звонили? – спросила Клара.

Но Жан Ги знал это еще до того, как шеф ответил на вопрос. Догадался по телесному языку Гамаша. По его позе, лицу, по тому, куда устремлялся его взгляд, когда он говорил.

На запад. На деревню в долине.

Бовуар знал, потому что и сам поворачивался в ту сторону, когда говорил с Анни.

Поворачивался к дому.

– Рейн-Мари, – ответил Гамаш. – Я попросил ее съездить в Торонто. Поговорить с вашим старым профессором, посмотреть архив, если возможно. Узнать что-нибудь о профессоре Нормане.

– Но мы могли бы позвонить отсюда, – заметила Мирна. – Так было бы быстрее и проще.

– Да, однако дело деликатное, и мы не имеем доступа к личным делам. Мне кажется, Рейн-Мари сможет добиться большего, чем телефонный звонок. Она умеет добывать информацию.

Гамаш улыбнулся, сказав это. Его жена не один десяток лет проработала в Национальном архиве Квебека. Собирала информацию. Но истина заключалась в том, что Рейн-Мари гораздо лучше охраняла информацию, чем раздавала ее.

При этом если кто и мог выудить закрытую информацию из учреждения, так только Рейн-Мари.

Гамаш снова посмотрел на запад, а потом поймал взгляд Бовуара.

Глава двадцать пятая

Самолет набрал скорость и оторвался от взлетно-посадочной полосы Международного аэропорта имени Трюдо в Монреале.

Рейн-Мари заказала билет на рейс авиакомпании, которая совершала полеты в небольшой аэропорт «Билли Бишоп» в черте Торонто, а не в громадный международный аэропорт за городом. Так было гораздо удобнее.

Но лететь пришлось на винтовом самолете, и не все пассажиры чувствовали себя комфортно. Включая и женщину, сидевшую рядом с Рейн-Мари.

Она вцепилась в подлокотники, и на ее лице появилась гримаса, подобная маске смерти.

– Все будет хорошо, я обещаю, – сказала Рейн-Мари.

– Откуда ты можешь знать, бестолочь? – рявкнула в ответ женщина.

Рейн-Мари улыбнулась.

Значит, Рут не так уж испугалась, если не забыла ее обозвать.

Самолет взмыл в воздух. Если реактивный самолет взлетал как пуля, то маленький турбовинтовой – как чайка. Он летел, но был во власти воздушных потоков. Его подбрасывало, раскачивало, и Рут начала молиться вполголоса:

– О господи, черт, черт, черт, Исусе.

– Мы уже взлетели, – сказала Рейн-Мари успокаивающим тоном. – Так что можете расслабиться, старая карга.

Рут уставилась на нее пронизывающим взглядом. И рассмеялась. Когда они поднялись выше туч, Рут перестала судорожно хвататься за подлокотники.

– Люди созданы не для того, чтобы летать, – заявила она, перекрикивая рев двигателей.

– Но самолеты созданы именно для этого, и нам повезло: мы находимся в одном из них. У нас есть час до посадки, так что расскажите мне побольше о времени, проведенном вами в турецкой тюрьме. Насколько я поняла, вы там были охранником, а не заключенной.

Рут снова рассмеялась, и на ее лице появился румянец. Рут до смерти боялась летать, но все равно решилась отправиться в путь с Рейн-Мари. Чтобы составить ей компанию. И, как подозревала Рейн-Мари, чтобы помочь в поисках Питера.

Рут без умолку несла нервную чепуху, а Рейн-Мари держала ее за руку и не отпускала в течение всего безумного полета.

– Вы показывали Шартрану картины? – спросил Гамаш.

Речь шла о свернутых в трубку холстах, которые Клара постоянно носила с собой, словно волшебную палочку.

– Нет. Я думала об этом, но ведь Питер сам мог показать их ему и все же не сделал этого. Если он решил не показывать, то и я не должна. – Она внимательно посмотрела на Гамаша. – А что? Вы считаете, нужно?

Гамаш помедлил с ответом:

– Не знаю. По правде говоря, не вижу в этом особого проку. Просто мне любопытно.

– Что именно?

– Что о них скажет Шартран, – признался он. – А вам – нет?

– «Любопытно» не то слово, – усмехнулась Клара. – Скорее страшновато.

– По-вашему, они так плохи?

– По-моему, они странные.

– И что тут страшного? – спросил он.

Клара поразмыслила над его вопросом, взвешивая холсты в руке.

– Боюсь, что люди, увидев их, подумают, что Питер рехнулся.

Гамаш открыл рот, но снова его закрыл.

– Валяйте, – сказала она. – Говорите, что у вас на уме. Питер рехнулся.

– Нет, – возразил Гамаш. – Нет. Я собирался сказать кое-что другое.

– И что же такое вы собирались сказать?

Клара вовсе не ершилась, она действительно хотела знать.

– «Воинственные матки», – произнес Гамаш.

Клара уставилась на него. Она могла бы всю оставшуюся жизнь гадать, что собирается сказать Арман, но никогда бы не додумалась до этих двух слов.

– «Воинственные матки»? – повторила она. – А они-то тут при чем?

– Несколько лет назад вы сделали серию скульптур, – напомнил он. – Это были матки разных размеров. Вы украсили их перьями, кожей, кусочками мыла необычной формы, наклейками, листьями, кружевами и бог знает чем еще. И представили их на художественной выставке.

– Да, – рассмеялась Клара. – Как ни странно, я их все еще храню. Хотела подарить одну матери Питера на Рождество, но струсила. – Она снова рассмеялась. – Делать-то я их могу, а у меня самой ее нет. Воинственной матки то есть.

– Эта серия возникла не так уж давно, – напомнил ей Гамаш.

– Верно.

– Вы не жалеете, что сделали ее?

– Конечно нет. Это было так весело. И удивительно воодушевляюще. Все считали, что я валяю дурака, но это было нечто совсем другое.

– И что же?

– Очередная ступенька лестницы.

Гамаш кивнул и поднялся. Но прежде чем уйти, он наклонился и шепнул Кларе на ухо:

– И я уверен, все вокруг думали, что вы рехнулись.

– Он был не просто ненормальный, – сказал профессор Мэсси. – Он был душевнобольной.

Он перевел взгляд с одной женщины на другую. Они сидели в его учебной мастерской в колледже. Профессор уступил Рут свой любимый стул. Тот, что стоял перед открытым пространством, занятым свертками защитной пленки для пола, мольбертами, засохшими палитрами. В углу лежали стопки чистых холстов, а по стенам висели в произвольном порядке собственные картины Мэсси, необрамленные. Они радовали глаз, оживляли и согревали помещение.

– И это была не какая-то шуточная болезнь, – продолжал профессор. – Тут дело не в эксцентричности. Он стал опасен.

– Опасен? То есть склонен к насилию? – спросила Рейн-Мари.

Она изо всех сил пыталась удержать внимание пожилого профессора, но он никак не мог сосредоточиться на ней надолго. Его взгляд то и дело возвращался назад.

К Рут.

А Рут, со своей стороны, совсем потеряла разум. Но, как показалось Рейн-Мари, обрела сердце.

Старая поэтесса захихикала, когда профессор Мэсси пожал ей руку.

Они приехали получасом ранее, без предупреждения, хотя Рейн-Мари позвонила секретарю узнать, будет ли профессор на месте.

Он был на месте.

По-видимому, он всегда был на месте. И теперь Рейн-Мари стала замечать другие вещи. Подушку и аккуратно уложенные поверх нее одеяла рядом с потрепанным диваном.

Микроволновку на столе рядом с заляпанной красками раковиной. Электроплитку. Маленький холодильник.

Она оглядела классную комнату и поняла, что та похожа скорее на

мастерскую, чем на аудиторию. И скорее на чердачное помещение – жилое помещение, – чем на мастерскую.

Рейн-Мари снова посмотрела на старика. На нем идеально сидели отглаженные вельветовые брюки, накрахмаленная хлопчатобумажная рубашка, легкий вязаный жилет. Все чисто. Аккуратно.

Как же так получилось? Были ли у него когда-нибудь жена и дети? Дом в Аннексе?[76]

Может быть, дети уехали. Жена умерла.

А он перестал ездить домой. И мастерская превратилась в его дом. Здесь его окружали знакомые успокаивающие запахи. И чистые холсты. Сюда в любой час могли заявиться студенты. Задавать ему вопросы. Выпить пива, съесть сэндвич и поговорить о претенциозной чепухе.

Рейн-Мари взглянула на холст на мольберте.

Как давно он находится там пустой?

– Нет, не к насилию, – ответил профессор Мэсси. – По крайней мере, не к физическому. Пока. Но мы не могли рисковать. Себастьян Норман склонен к мессианству. Он из тех людей, кто придерживается твердых, непоколебимых взглядов. Мы, конечно, не знали этого, когда нанимали его. Он должен был преподавать теорию живописи. Вы можете подумать, вполне безобидный курс. – Мэсси улыбнулся. – Мы, видимо, не очень четко объяснили ему, что он должен преподавать теорию живописи, а не свою собственную. И довольно быстро поняли, что у нас с ним проблема.

– В чем она заключалась? – спросила Рейн-Мари.

– Недовольство в коридорах. До меня стали доноситься обрывки студенческих разговоров. В основном насмешки, издевательства. Мой инстинкт всегда требует защитить коллегу-преподавателя, и я спросил у студентов, что они нашли смешного. И они ответили.

– Продолжайте.

– Теперь это звучит так глупо…

Профессор Мэсси, явно смущенный, скосил глаза на Рут. Рейн-Мари молча ждала, и наконец профессор преодолел свою нерешительность:

– По всему выходит, профессор Норман верил в десятую музу.

Он поморщился, словно извиняясь за глупость сказанного.

Рут подала голос:

– Но муз всего девять.

– Вот именно. Девять дочерей Зевса. Они персонифицируют знания и искусства. Музыку, литературу, науку.

– Но не живопись, – подхватила Рейн-Мари. – Я вспомнила. Музы для живописи не существовало.

Теперь профессор Мэсси обратил на Рейн-Мари все свое внимание. Причем самое пристальное. Она ощутила всю силу его личности. Не насилие, а преобладание. Покровительство.

Она почувствовала его ум и спокойствие. И впервые в жизни пожалела, что не стала художником. Хотя бы только ради того, чтобы учиться у этого профессора.

– Странно, не правда ли? – сказал он. – Девять муз. Целая бригада. И ни одной для живописи и скульптуры. Бог свидетель, греки любили свои фрески и скульптуры. Однако музы для этих видов искусства они не назначили.

– Почему? – спросила Рейн-Мари.

Мэсси пожал плечами и поднял седые брови:

– Никто не знает. Конечно, есть разные теории.

– А это возвращает нас к профессору Норману, – сказала Рейн-Мари. – Какую теорию предлагал он?

– Я никогда не говорил с ним на эту тему напрямую, – ответил Мэсси. – То, что мне известно, я собрал по кусочкам из разговоров со студентами. Сейчас я даже не уверен, что излагаю верно. Столько лет прошло. Я лишь знаю, что он верил в существование десятой музы. И считал, что нельзя стать великим художником, если не найдешь ее.

– Неужели он верил, что десятая муза обитает в реальном пространстве? – спросила Рейн-Мари. – Что можно постучать в дверь и войти к ней?

– К сожалению, я не знаю, во что на самом деле верил профессор Норман. Это было так давно. Я должен был предвидеть. Моя вина. Ведь я лично рекомендовал колледжу принять его на работу.

– Почему?

– Я видел несколько его работ и счел их многообещающими. Норман только недавно приехал в Торонто. Ни денег, ни связей. Мне казалось, он идеально подходит. Он мог преподавать на условиях частичной занятости, зарабатывать кое-какие деньги, обрастать знакомствами.

Он замолчал. Вся энергия, вся сила его личности, казалось, растратили себя, и замечательный профессор словно сдулся. Одна только мысль о профессоре Нормане лишила его жизненных сил.

– Я совершил ошибку, – сказал Мэсси. Он помолчал несколько секунд, вспоминая давние времена. – Знаете, Нормана уволили не за его безумные убеждения. Мы в те времена были довольно либеральным заведением. Хотя его теории не одобрялись, и студенты его не уважали. Да и внешность его этому способствовала.

– Он выглядел безумным? – спросила Рейн-Мари, и профессор Мэсси неожиданно рассмеялся:

– Мы все похожи на сумасшедших. А он напоминал банкира. Процветающего банкира. Все остальные были слегка пообтрепавшимися или старались иметь такой вид. Это был стиль того времени. Теперь мы все пытаемся выглядеть успешными, респектабельными.

Он посмотрел на свою одежду, потом перевел взгляд на неряшливо одетую Рут.

И Рейн-Мари подумала, что, если бы полотно на мольберте не оставалось в неприкосновенной чистоте, профессор Мэсси вряд ли выглядел бы столь респектабельно.

– Почему же его уволили, если не за теорию десятой музы?

– Я состоял в ученом совете, и мы долго спорили об этом. Норман не проявлял склонности к насилию, по крайней мере тогда. В том-то и проблема, когда имеешь дело с такими вещами, верно? Трудно уволить человека на основании одного подозрения, что он может совершить что-то подобное.

– Но что заставляло вас думать, что у него проявится склонность к насилию? – спросила Рейн-Мари.

– Мы толком не знали. У него случались иногда словесные вспышки. Его сотрясало от ярости. Я пытался поговорить с ним, но он отвечал, что никаких проблем у него нет. Он говорил, что настоящие художники всегда страстные люди. Только и всего. Страстные.

– Вы ему не поверили?

– Возможно, он в чем-то был прав. Возможно, настоящие художники – люди страстные. Многие даже чокнутые. Но вопрос стоял не так: мы не выясняли, какой он художник, мы пытались понять, насколько он подходит для роли преподавателя.

– И по какому поводу он злился? Что выводило его из себя?

– Он злился на любого, кто не соглашался с его теорией десятой музы. На любого, кого считал посредственностью. Эти два обстоятельства были у него взаимосвязаны. К сожалению, с течением времени он становился все более и более неуравновешенным. Мы не знали, когда он перейдет через край и кого заберет с собой. Мы приняли решение защитить студентов. Но все равно опоздали.

– Произошел какой-то несчастный случай? – спросила Рейн-Мари.

От Рут не было никакого проку. Рейн-Мари вообще не была уверена, что та слушает. Когда она смотрела на профессора Мэсси, по ее лицу гуляла идиотская улыбка.

– Не насильственного свойства, – ответил профессор. – По крайней мере, обошлось без физического воздействия. Не сказав никому и не получив разрешения администрации, Себастьян Норман устроил «Салон отверженных».

– Клара Морроу рассказывала об этом. Что он собой представлял, этот салон?

– Выставка, параллельная настоящей. На ней размещались отвергнутые работы.

– А почему это так плохо?

Рейн-Мари немедленно почувствовала его осуждение. Он излучал волны неодобрения. Направлял их на нее. И она пожалела, что спросила. Умом она понимала, что это глупо. Вопрос не выходил за рамки допустимого. Однако нутром она чувствовала, что расстроила своего собеседника тем, что не знает ответа.

Даже Рут покинула ее. Она встала и принялась разглядывать картины на стенах. Задерживалась перед каждой из них. Насколько знала Рейн-Мари, никогда прежде Рут не уделяла столько внимания работам Клары или Питера.

– Вы преподаватель? – спросил профессор Мэсси.

Рейн-Мари покачала головой:

– Я библиотекарь.

– Но дети у вас есть.

– Двое. Уже взрослые. И два внука.

– И когда они ходят в школу и плохо выполняют задание, вы бы хотели, чтобы преподаватель позорил их перед всем классом? Перед всей школой? Высмеивал?

– Нет, конечно нет.

– А профессор Норман именно этим и занимался. Спросите вашего друга Клару, что она чувствовала. Что она чувствует до сих пор. Они – молодые люди, мадам Гамаш. Они одаренные, многие из них обидчивы. Их всю жизнь унижали за то, что они выплескивали свою творческую энергию. Мы живем в обществе, которое не любит тех, кто выделяется из общей массы. Когда ребята поступают в колледж искусств, они, вероятно, впервые в жизни чувствуют себя в своей тарелке. В безопасности. Чувствуют даже не свою значимость, но свою ценность.

Он смотрел ей в глаза, говорил тихим и спокойным, почти завораживающим голосом. И Рейн-Мари снова ощутила притягательную силу Мэсси, хотя тот и достиг почтенного возраста. Каким же магнитом он, вероятно, был в расцвете сил!

И каким же утешительным становился его посыл для юных, потерянных, раненых людей, которые приходили в колледж со своим презрительным отношением к жизни, пирсингами и разбитыми сердцами.

Здесь они могли чувствовать себя в безопасности. Могли экспериментировать, пробовать новое. Совершать ошибки и пробовать снова. Без опасения стать посмешищем.

Рейн-Мари посмотрела на потертый диван и почти наяву увидела поколения молодых, взбудораженных художников, занятых оживленным разговором. Наконец-то свободных.

Пока они не попадали в руки профессора Нормана. И после этого уже не чувствовали себя в безопасности.

«Салон отверженных».

Рейн-Мари начинала понимать, какую гнусную роль играл Норман.

– В архиве колледжа есть адрес профессора Нормана?

– Возможно. Я знаю, что он родом из Квебека. Говорил с забавным акцентом.

– Откуда именно из Квебека? – спросила Рейн-Мари, но профессор в ответ лишь покачал головой. – А Питер не задавал вам эти вопросы, когда приезжал?

– О профессоре Нормане? – Мэсси явно удивился и развеселился. – Нет. Мы вспоминали его, но, кажется, по моей инициативе.

– Возможно ли, чтобы Питер отправился на поиски профессора Нормана? – спросила Рейн-Мари.

– Сомневаюсь, – ответил Мэсси. – Уезжая, он ничего не говорил об этом. А что?

– Клара, мой муж и еще кое-кто пытаются найти Питера, – ответила она. – И похоже, Питер искал человека по имени Норман.

– Я был бы поражен, если это тот самый Норман, – сказал Мэсси. Судя по виду, он действительно был поражен. – Надеюсь, это не так.

– Почему?

– Если Себастьян Норман был безумен тридцать лет назад, то мне даже думать не хочется, во что он превратился сегодня. – Мэсси вздохнул и покачал головой. – Когда Клара приезжала сюда, я посоветовал ей отправляться домой. Продолжать жить своей жизнью. И еще добавил, что Питер вернется, когда будет готов.

– Вы думаете, он планировал к ней вернуться? – спросила Рейн-Мари.

– Он ничего такого не говорил, – ответил Мэсси. – Но это не значит, что он не собирался вернуться.

– Или отправиться на поиски Нормана.

– Все возможно.

Взгляд профессора оторвался от Рейн-Мари и нашел Рут. Она разглядывала очередную картину в дальнем конце мастерской.

– Фотографии профессора Нормана у вас, вероятно, нет?

– В моем бумажнике? – Мэсси улыбнулся. – Вообще-то, я могу раздобыть для вас его фотографию. В нашем ежегоднике.

Пока Мэсси искал альбом в шкафу, Рейн-Мари подошла к Рут.

– Это та картина, которую хвалила Мирна? – спросила Рейн-Мари.

Она пригляделась и поняла, что имела в виду Мирна. Остальные картины были хороши. А эта – великолепна. Она завораживала, гипнотизировала.

Рейн-Мари стряхнула с себя чары и обратилась к Рут:

– Ну, вы готовы уходить или измеряете окна, чтобы прикупить занавески?

– А это было бы так уж смехотворно? – спросила Рут.

Потрясенная ее ответом, Рейн-Мари не нашла что сказать. Ее ошеломили не слова Рут, а собственное поведение. Она преуменьшала, даже высмеивала чувства Рут к профессору.

– Я прошу прощения, – пробормотала Рейн-Мари. – Глупо с моей стороны.

Рут посмотрела на старика-профессора: тот вытаскивал ежегодники один за другим, просматривал их и возвращал на место.

Старая поэтесса подтянулась и произнесла:

– Noli timere[77].

Рейн-Мари почувствовала, что эти слова не предназначены для ее ушей, да и выражение лица Рут не предназначалось для ее глаз.

– Вот он!

Профессор Мэсси торжественно подошел к ним с ежегодником в руках.

– Я боялся, что он пропал, когда делали ремонт. Или что его заделали в стену. Вы бы удивились, узнав, что в ней обнаружилось.

– И что же? – спросила Рут, пока Рейн-Мари разглядывала ежегодник.

– Ну, прежде всего асбест, но это как раз было вполне ожидаемо. Потому-то и затеяли ремонт. Удивило другое.

Ежегодник был покрыт пылью, и Рейн-Мари повернулась к профессору:

– Асбест?

– Да. – Он посмотрел на нее, понял, чем вызван ее вопрос, и рассмеялся. – Не беспокойтесь. Тут всего лишь два десятилетия пыли. И

никакого асбеста.

Он взял у нее альбом, протер рукавом и вернул ей. Потом предложил пройти к дивану.

– И что же было найдено в стенах? – спросила Рут.

Рейн-Мари с трудом узнала ее голос.

– Главным образом старые газеты. Выяснилось, что здание – или его фундамент – гораздо старше, чем все думали. Какие-то рабочие-итальянцы оставили кусочки сэндвичей, и биологам удалось вырастить томаты из найденных там старых семечек. Этот вид томатов практически исчез к нашему времени. А еще там обнаружилось несколько холстов.

– Это один из них? – Рут показала на картину, которую они с Рейн-Мари разглядывали.

Профессор Мэсси рассмеялся:

– Вы считаете, что это мусор?

Слова Рут не оскорбили его, а скорее развлекли. Даже порадовали.

– Это работа профессора Мэсси, – сказала Рейн-Мари, пытаясь сгладить неловкость момента, хотя, похоже, только она одна почувствовала неудобство.

– Найденные картины вы можете увидеть на стенде у входа, – сообщил им Мэсси. – Ничего примечательного, к сожалению. Для утепления стен не использовались ни Эмили Карр, ни Том Томсон.

Пока они разговаривали, Рейн-Мари листала страницы, разглядывая фотографии молодых мужчин и женщин. Большинство студентов принадлежали к белой расе. Большинство щеголяли длинными сальными волосами. Обтягивающими водолазками. Еще более обтягивающими джинсами. И высокомерным, скучающим выражением на лице.

Слишком холодным, чтобы чему-то научиться. Слишком холодным, чтобы уметь сочувствовать.

Рейн-Мари остановилась и перевернула страницу назад.

Там безошибочно угадывалась Клара с волосами, растрепанными а-ля Эйнштейн. В бесформенном рабочем халате и с широченной счастливой улыбкой.

А рядом с ней на диване, на том самом, с которого только что встала Рейн-Мари, теснились студенты. Профессор Мэсси, более молодой и еще более энергичный, разговаривал с молодым человеком.

Серьезный разговор целиком захватил их. Изо рта молодого человека торчала сигарета, его лицо было почти полностью скрыто за облачком дыма. Кроме одного глаза. Острого, проницательного, умного.

Это был Питер.

Рейн-Мари улыбнулась, глядя на фотографию, потом снова занялась поисками Себастьяна Нормана. Но когда она дошла до преподавательского раздела, ее ждало разочарование.

– Да, я забыл, – сказал Мэсси, когда она показала ему страницу. – В тот год составители решили не использовать наши реальные фотографии. И вместо этого поместили наши работы, наверное в качестве ответной реакции на «Салон отверженных». Я думаю, они намеренно выбрали худшие образцы.

Он взял у нее альбом, пролистал несколько страниц и поморщился:

– Вот моя. Это худшее из всего, что я написал.

Рейн-Мари увидела столбики ярких красок, перечеркнутые косыми чертами. Композиция показалась ей довольно динамичной. Вовсе неплохой.

Правда, художники вряд ли способны объективно судить о собственных работах.

– Можно я возьму его? – спросила Рейн-Мари, показывая на ежегодник.

– Если обещаете вернуть.

Неудивительно, что эти слова были обращены к Рут. Профессор произнес их с такой нежностью, что Рейн-Мари почувствовала искушение ответить за старую поэтессу.

– Буду ждать, – сказал он Рут. – «Я сижу, где посажена, созданная из камня и желаемого, выданного за действительное».

Рейн-Мари узнала строки из стихотворения Рут. Ей захотелось предостеречь старика. Сказать ему, что, надеясь ублажить Рут ее собственными стихами, он может разбудить нечто такое, о чем понятия не имеет.

Рут повернулась к профессору Мэсси и сильным, ясным голосом закончила:

– «Будто божество, убивающее ради удовольствия, может и исцелять».

По пути домой Рейн-Мари обдумывала услышанное. О профессоре Нормане. О его страсти и его причуде. О десятой музе. Пропавшей музе.

«Будто божество, убивающее ради удовольствия, может и исцелять».

Была ли десятая муза тем самым божеством? Вдохновляла ли она, как другие музы? Исцеляла ли?

А может, и убивала ради удовольствия?

Глава двадцать шестая

Марсель Шартран положил свернутые холсты на деревянный стол.

Дело происходило в его кабинете в задней части галереи, вдали от любопытных глаз.

Галерея была открыта для посетителей, и туристы, художники и любители приходили целый день. Не купить что-то, а отдать дань уважения.

Приезжие заметно отличались от квебекцев. Туристы из других провинций или стран стояли перед написанными маслом картинами Кларенса Ганьона и улыбались, по достоинству оценивая его работы.

А квебекцы, глядя на его картины, еле сдерживали слезы. В них просыпалась, раскрывалась неожиданная ностальгия по более простому времени, более простой жизни. По жизни до Интернета, изменения климата и терроризма. Когда соседи работали вместе, а отделение Квебека не было ни темой дня, ни важным вопросом, ни мудрым поведением.

При этом картины Ганьона вовсе не были идеализированными изображениями жизни страны. Они показывали, что эта жизнь трудна. Но, помимо этого, показывали такую красоту, такой покой, что смотреть на них без боли было невозможно.

Гамаш стоял у двери между кабинетом и галереей и наблюдал за реакцией посетителей на творчество Ганьона.

– Арман? – позвала его Клара.

Он закрыл дверь и присоединился к остальным, собравшимся у стола.

За ланчем они обсуждали, что делать дальше. Перед этим они отправились в хижину, которую снимал Питер. Она ничуть не походила на очаровательное квебекское шале. Убогое, дешевое однокомнатное сооружение, скорее заслуживающее называться халупой.

Хозяйка помнила Питера.

– Высокий. Англоязычный. Платил наличкой, – сказала она и с отвращением оглядела комнату, насчет достоинств которой не испытывала ни малейших иллюзий. – Сдается помесячно. Вас интересует? – Она уставилась на Клару как на наиболее вероятную клиентку.

– А в гости к нему кто-нибудь приходил? – спросила Клара.

Домовладелица посмотрела на нее так, словно это был очень глупый вопрос. Вероятно, он действительно был глупым, но не задать его Клара не могла. Как и следующий…

– Он не спрашивал вас о человеке по имени Норман?

На этот вопрос она получила такой же ответ, как и на предыдущий.

– Вы знаете человека по имени Норман?

– Слушайте, вы будете снимать дом или нет?

– Нет.

Хозяйка заперла дверь домика.

– Он не говорил, зачем сюда приехал? – сделала еще одну попытку Клара, пока они стояли перед закрытой дверью.

– О, конечно, мы вели долгие беседы за фондю и белым вином. – Она неприязненно посмотрела на Клару. – Я не знаю, зачем он сюда приехал. Мне все равно. Он платил наличными.

– Он не сказал вам, куда направляется дальше? – упорствовала Клара перед лицом очевидного поражения.

– Я не спрашивала, а он не говорил.

И это было все.

Они вернулись в ресторанчик и наелись бургеров.

– Что теперь? – спросила Клара.

– Рейн-Мари сейчас, вероятно, в вашем колледже в Торонто, – ответил Гамаш, посмотрев на часы. – Она сообщит нам, что удалось узнать.

– А до этого? – подала голос Мирна.

– Пожалуй, одну вещь мы можем сделать, – сказала Клара, стрельнув глазами в Гамаша. – Мы можем показать Марселю картины Питера. – Она положила руку на свернутые в рулон холсты и спросила у Мирны: – О чем они говорят тебе?

Мирна не оставила без внимания защитительный жест подруги:

– Я так понимаю, тебя не интересует мое мнение как художественного критика.

– Поскольку ты считаешь меня гением, твоя компетентность в данной области бесспорна. Но мне и в самом деле нужно другое.

Мирна пристально посмотрела на подругу:

– Его картины говорят мне, что Питер пребывал в смятении.

– Ты думаешь, он потерял разум? – спросила Клара.

– Я думаю, – неторопливо проговорила Мирна, – что Питер мог себе позволить потерять часть ума. Возможно, для него это было бы не так уж и вредно.

Сказав это, Мирна улыбнулась. Слегка.

– Хорошо. – Клара встала и схватила свернутые в рулон картины. – Идем.

Она зашагала, как английский генерал на Крымской войне, ведущий

своих солдат в гибельную атаку.

Оставив позади своих друзей и счет за ланч, она направилась вверх по холму, к Галерее Ганьона.

– У нее есть свой стиль, в этом ей не откажешь, – произнес Жан Ги, поспешно запихивая в рот остатки гамбургера.

Гамаш, оплативший счет, знал, что «стиль» на языке Бовуара вовсе не означает комплимент.

Наконец все они собрались перед столом, и Марсель Шартран развернул холсты.

Верхней оказалась картина с губами.

Пока Шартран изучал картину, Гамаш смотрел на галериста. И понял, что «изучал» – неверное слово. Шартран впитывал ее. Старался не думать о картине, а ощущать ее. Собственно говоря, его глаза были почти закрыты.

Шартран слегка наклонил голову в одну сторону, потом в другую.

На его лице появилась едва заметная улыбка. Его опытный глаз увидел выписанные губы.

Потому что картина была самой улыбкой. Легкомысленная, смеющаяся перспектива.

– Вот тут немного хаотично, – сказал Шартран. – Здесь и здесь. – Он повел рукой над холстом. – Выглядит так, будто Питер просто заполнял пространство, не будучи уверен, что нужно делать. Нет связи. Но должен признать, что тут есть некая… – он поискал подходящее слово, – жизнерадостность.

Клара протянула руку и медленно повернула картину. Подобно тому, как вращается Земля. Медленно. Вокруг своей оси. Пока день не обернулся ночью. Улыбки нахмурились. Смех превратился в печаль. Небеса – в воду.

– О.

Это было все, что сказал Шартран, да больше и не требовалось. Выражение его лица говорило само за себя. Как и внезапно напрягшееся тело.

Гамаш почувствовал, как завибрировал телефон в кармане. Извинившись, он вышел.

– Bonjour. Рейн-Мари?

– Oui. Мы в зале ожидания аэропорта. Ближайшим рейсом возвращаемся в Монреаль. Хотела тебе рассказать в двух словах.

– Как все прошло?

– Пока непонятно.

Она кратко сообщила ему о посещении колледжа и о профессоре Мэсси. А также о профессоре Нормане.

– Значит, он из Квебека, – отметил Арман. – Но они не знают, откуда именно?

– В администрации ищут, – сказала Рейн-Мари. – Секретарь сейчас немножко занята. Готовится к отпуску, но я ее, кажется, убедила найти личное дело профессора Нормана. Старые дела не занесены в компьютер, так что ей придется искать вручную.

– И она готова этим заняться?

– Скажи, Арман, ты ведь обойдешься одной почкой?

Он скорчил гримасу:

– Возможно, если это единственная часть тела, которую ты ей предложила.

В трубке раздался смех Рейн-Мари, и Гамаш, улыбнувшись, повернулся в ее сторону. На заднем фоне послышался голос диктора, объявляющего посадку на рейс.

– Арман, что ты знаешь о музах?

– О музах?

Ему показалось, что он неправильно расслышал ее за шумом в зале. Но тут прозвучал другой, более четкий голос:

– Кончай болтать, бога ради.

– Это Рут?

– Она летала со мной. Кажется, она влюбилась в профессора Мэсси.

– Рут?

– Да-да. Видел бы ты ее. Краснела и хихикала. Они даже вдвоем цитировали ее стихотворение. «Я сижу, где посажена…» Ты его знаешь.

– Рут?!

– Давай живее, – раздался тот же ворчливый голос. – Если мы сядем сейчас, то успеем выпить виски, прежде чем эта хреновина взлетит.

Рут.

– Мне пора, – сказала Рейн-Мари. – Из дома позвоню и расскажу подробнее. Профессор Мэсси дал мне ежегодник. Буду разглядывать его в полете.

– Merci, – сказал он в трубку. – Merci.

Но Рейн-Мари уже отключилась.

Гамаш вернулся в кабинет и увидел, что четверо остальных склонились над второй картиной.

– Есть что-нибудь? – спросил он.

– Ничего. – Шартран покачал головой и выпрямился, словно оттолкнувшись от картины. – Бедняга Питер.

Клара посмотрела на Гамаша страдальческим взглядом. У нее было

такое ощущение, словно грязное белье Питера выволокли на обозрение.

– А у вас? – спросил Жан Ги, показывая на телефон в руке шефа.

– Звонила Рейн-Мари. Она и Рут садятся в самолет и возвращаются в Монреаль.

– Рут? – спросила Клара.

– Да, она летала вместе с Рейн-Мари. Похоже, она приглянулась профессору Мэсси.

– Он казался таким здравомыслящим, – удивленно произнесла Мирна, качая головой. – Он все еще жив?

– Жив-жив, – ответил Гамаш. – Рут даже хихикала.

– И без всяких «тупиц»? – спросил Жан Ги. – Без «жопоголовых»? Наверное, это любовь. Или ненависть.

– Рейн-Мари выяснила что-нибудь? – поинтересовалась Клара.

– Только то, что профессор Норман считался неуравновешенным. Он преподавал теорию живописи. Он родом из Квебека. Она ждет сообщения, откуда именно.

– Я и забыла, – сказала Клара. – Он говорил с необычным акцентом. Трудно понять с каким.

– Когда объявили посадку на рейс, Рейн-Мари спросила, знаю ли я что-нибудь о музах, – сказал Гамаш. – Вам это что-нибудь говорит?

– Имеется в виду ресторанчик «Ла Мюз»? – спросила Мирна.

– Нет, она говорила о греческих богинях.

Клара фыркнула:

– Господи, и об этом я тоже забыла. Профессор Норман был одержим музами. Питер все над ним насмехался.

– А что тут такого забавного? – спросила Мирна. – Разве у большинства художников нет музы?

– Да, конечно, но у Нормана это превратилось в настоящую манию. Нечто вроде необходимого условия.

– Предполагается, что муза вдохновляет художника, верно? – спросил Жан Ги.

– Oui, – ответил Шартран. – У Мане была Викторина, а у Уистлера – Джоанна Хиффернан…[78] – Он помолчал. – Странно.

– Что именно? – спросил Гамаш.

– Обе женщины вдохновили художников на картины, которые оказались в парижском «Салоне отверженных».

– Вот вам и музы, – заметил Жан Ги.

– Но есть множество других примеров, – продолжил Шартран. – И даже те две картины, о которых я говорил, тоже со временем были

признаны гениальными.

– Из-за муз? – скептически произнес Жан Ги. – Вы не думаете, что талант художников все же сыграл тут какую-то роль?

– Absolument[79], – подтвердил Шартран. – Но когда великий художник встречает свою музу, происходит что-то волшебное.

«Опять это слово, – подумал Гамаш. – „Волшебство“».

Клара слушала Шартрана, который пытался объяснить необъяснимое, и невольно поглядывала на Бовуара. Жан Ги был так похож на Питера, во многих отношениях.

Питер не верил в муз. Он верил в технику и дисциплину. Он верил в цветовой круг и правила перспективы. Он верил в работу до седьмого пота. А не в какое-то мифическое, волшебное существо, которое сделает его более успешным художником. Он считал это абсурдом.

Клара втайне надеялась, что, несмотря на все убеждения Питера, она и является его музой. Его вдохновением. Но в конечном счете ей пришлось отказаться от этой мысли.

– А кто ваша муза? – спросил Жан Ги.

– Моя? – переспросила Клара.

– Да. Если муза так важна, то кого вы считаете своей музой?

Она хотела ответить, что ее муза – Питер. И некоторое время назад так и сказала бы, хотя бы из преданности. Это был легкий и очевидный ответ.

Но не правдивый.

Мирна избавила ее от необходимости отвечать:

– Ее муза – Рут.

Клара улыбнулась подруге и кивнула.

Впавшая в маразм, пьяная, бредящая Рут вдохновляла Клару.

Рут с ее комком в горле.

– Музы есть только у преуспевающих художников? – спросил Бовуар.

– О нет, – ответил Шартран. – Они есть у многих, причем иногда даже не одна, а несколько. Муза вдохновляет художника, но это еще не делает его великим и не гарантирует успеха.

– Иногда волшебство действует? – Жан Ги посмотрел на Клару и улыбнулся.

Эта улыбка вызвала у нее смутные подозрения, что он знает и понимает больше, чем показывает.

– Если муза является в виде человека, – подумал вслух Бовуар, – то что происходит с художником, когда его муза умирает?

Клара, Мирна, Шартран и Гамаш переглянулись. Что происходит, когда муза умирает? Муза – фигура очень влиятельная в жизни художника.

Убери ее – и что у него останется?

Бовуар видел, что его вопрос озадачил их. Но вместо того чтобы гордиться собой, он чувствовал растущее беспокойство.

Он стал вспоминать, что слышал и что знал о мире искусства. И о художниках. Большинство из них продали бы душу дьяволу за персональную выставку. А за признание убили бы не задумываясь.

Из своего опыта Бовуар знал, что для художника хуже непризнания может быть только одно – если признание получил кто-то из знакомых.

Этого может оказаться достаточно, чтобы подвести и без того неуравновешенного художника к краю. Подтолкнуть его к запою. К наркомании. К убийству.

К самоубийству. Или убийству другого художника. А может быть, и музы.

Глава двадцать седьмая

Рейн-Мари закончила электронное письмо Арману, пока ждала Рут в аэропорту Монреаля. Их самолет совершил посадку двадцатью минутами ранее, и Рут сразу же захромала в туалет.

Старая поэтесса отказалась пользоваться туалетом в самолете, опасаясь, что если самолет разобьется, то ее найдут мертвую в туалете.

– Вы и правда боитесь того, что подумают люди? – спросила у нее Рейн-Мари.

– Нет, конечно. Но куда я буду являться? Я себе уже расписала жизнь после смерти. Я умру в своем доме в Трех Соснах, а потом буду являться в деревне. А если я умру в туалете, то где я буду являться?

– Резонно, – сказала Рейн-Мари.

И потому Рут отправилась в туалет аэропорта Трюдо, посещение которого стоило того, чтобы рискнуть вечностью.

Рейн-Мари перечитала письмо, описывающее разговор с профессором Мэсси. Она позвонит Арману, когда они доберутся до Трех Сосен, но ей хотелось, чтобы кое-какие подробности он получил в письменном виде.

Она уже хотела нажать «Отправить», но вдруг вспомнила, что забыла прикрепить кое-что. Приложение. Она уже прикрепила одну фотографию, а теперь нужно было добавить еще одну.

Рейн-Мари открыла ежегодник колледжа, нашла страницу с преподавателями и сфотографировала то, что нужно. Потом быстро захлопнула альбом, раздавливая это изображение, как жука.

Не стоило смотреть на него дольше, чем необходимо. Она чувствовала себя почти виноватой, отправляя фотографию Арману. Она надеялась, что он сначала прочтет письмо, а потом откроет приложение. Иначе его ждет шок.

Она нажала «Отправить» в тот самый момент, когда появилась Рут.

– Ну, расскажите мне о десятой музе, – сказала Рейн-Мари, когда они медленно побрели к машине.

– Ерунда, – фыркнула Рут. – Десятой музы не существует.

– А остальные девять существуют?

Рут разразилась смехом:

– Touché[80].

Прежде чем заговорить, она собралась с мыслями.

– Девять муз придуманы греками. Они богини знания и вдохновения.

Они представляют поэзию, историю, науку, драму. – Рут порылась в памяти. – Танец. – Она еще немного подумала. – И всякое другое. Они дочери Зевса и Мнемозины. Памяти.

– Иронично, – заметила Рейн-Мари. – Но музы для живописи нет? Почему?

– Откуда мне знать? Для поэзии есть по крайней мере одна муза, а больше меня ничего не волнует.

– А у вас есть муза?

– Я что, похожа на сумасшедшую?

– Ну, у вас есть утка. Вполне может быть и муза.

Рут улыбнулась:

– Справедливо. Но музы у меня нет.

– Почему?

– Слишком много власти. Что, если она уйдет? С чем я останусь? Нет, я предпочитаю полагаться на собственный скромный талант.

Несколько шагов они прошли в молчании, пока Рут не издала неопределенный звук, призывая Рейн-Мари как-то отреагировать.

– Но, Рут, у вас огромный талант. Колоссальный, – возразила Рейн-Мари. – Скромное у вас только ваше эго.

– Ты это искренне? – с улыбкой осведомилась Рут.

– Мы можем вернуться к музам? – спросила Рейн-Мари. Она посадила Рут в машину и уселась сама, размышляя вслух: – Девять муз. Откуда же взялась десятая?

– Есть теория, что на самом деле было десять сестер, – ответила Рут. – Но одна куда-то пропала. Исчезла.

– Покровительница живописи?

Рут пожала плечами.

Рейн-Мари завела машину и выехала со стоянки, направляясь в Три Сосны.

– «Музы целый день работают в одиночестве, а под вечер собираются вместе и танцуют», – процитировала Рут.

Рейн-Мари старалась следить за дорогой, но все же бросила взгляд на Рут:

– Вы сказали это так, будто видели их.

Старуха рассмеялась:

– Это сказал Дега. Но иногда в лунную ночь на нашем деревенском лугу…

Рейн-Мари снова покосилась на Рут, на морщинистом лице которой появилась кривая улыбка.

– Свет исходил от луны или от вас? – спросила Рейн-Мари, и Рут рассмеялась.

Покидая остров Монреаль и направляясь в сторону Восточных кантонов, Рейн-Мари мысленно представляла муз. Не на деревенском лугу, а в лесной чаще. В зарослях. Девять молодых женщин, сестер, танцуют, держась за руки. Полные энергии, здоровые, радостные.

– Красивый образ, правда? – спросила Рут, словно разделяя это видение с Рейн-Мари. – А теперь представь, что кто-то стоит в стороне. Смотрит на них.

Рейн-Мари увидела круг счастливых молодых богинь. А на заднем плане стоит еще одна молодая женщина, наблюдает за ними. Ждет, когда ее пригласят в круг.

Ждет. Вечно ждет.

– Десятая муза, – кивнула Рейн-Мари. – Но если она существовала и была одной из сестер, то почему оставалась в стороне?

– Исключенная не просто из их круга, а из жизни, – сказала Рут. – Само ее существование отрицалось.

– Почему? – спросила Рейн-Мари.

– Откуда мне знать?

Старуха отвернулась и стала глядеть на бегущие за окном деревья.

Арман Гамаш прочел сообщение от Рейн-Мари о встрече с профессором Мэсси. Она писала, что профессор дал ей ежегодник колледжа. В нем обнаружилась старая фотография Клары и Питера, снятая в мастерской Мэсси. Рейн-Мари надеялась найти и фотографию профессора Нормана, но составители в том году решили не размещать фотографии преподавателей, а вместо этого поместили их работы.

Гамаш разочарованно вздохнул. Фотография, пусть и старая, могла бы оказаться полезной.

Он кликнул по одному из приложений. И улыбнулся. Это была Клара. Несомненно. Клара сияла. Ее радость была тем очевиднее, что все сидящие рядом с ней на старом диване выглядели уставшими от жизни. А за диваном стоял очень молодой Питер, одним пытливым глазом глядя сквозь облачко дыма – сигаретного, как предпочел думать Гамаш.

Потом он открыл второе приложение.

И судорожно вздохнул. Не то чтобы ахнул. Не столь драматично. Просто сделал резкий вдох.

На экране появилось лицо. Портрет. Искаженный. Не абстрактный, как у Пикассо, а растянутый, словно раздувшийся от эмоций. А эмоции

изображенного на портрете человека не вызывали сомнений. Все в портрете было очевидно.

Он выл от ярости. Но не на богов. Не на небеса или судьбу. Объект его ярости находился ближе, был персонифицирован. Он стоял прямо за плечом у зрителя.

Гамаш почувствовал непреодолимое желание повернуться. Посмотреть, не стоит ли кто-то или что-то у него за спиной.

Но этот жуткий портрет не выкрикивал предупреждение, как героиня из фильма ужасов. Он выражал гнев.

Гамаш ощутил пустоту в желудке. Боль. Не ту неясную тошноту, какую он почувствовал, впервые увидев аляповатые картины Питера. То, что он испытывал, было целенаправленным, четким и безошибочно узнаваемым.

Портрет излучал безумие. Неконтролируемое, необузданное. Нечто сорвавшееся с цепи.

Оно читалось во рту. В глазах. В каждом мазке кисти.

Гамаш посмотрел в правый нижний угол.

«Норман». Это был автопортрет. Кисти профессора Нормана.

Гамаш пригляделся внимательнее.

Его телефон подал голос. Звонила Рейн-Мари.

– Арман, кажется, я забыла кое о чем написать, – начала она. – Не то чтобы забыла, но неточно выразилась.

– Я как раз собирался тебе звонить, – сказал Гамаш. – Ты это видишь?

– Что именно?

Рейн-Мари сидела в саду на адирондакском кресле, Анри растянулся на траве рядом с ней. Она только что накормила и выгуляла его, потом налила себе джина с тоником. Поставила стакан на белесый круг на широком подлокотнике.

– Портрет, который ты прислала… Ежегодник перед тобой? – спросил Гамаш.

– Да, он здесь на столе. Жуть какая-то. Нет, наверное, написано превосходно, но что эта картина говорит об изображенном человеке? Ведь это автопортрет, правда?

– Oui, – подтвердил Гамаш. – Пожалуйста, найди его снова и посмотри на подпись.

– Хочешь сказать, что его написал не профессор Норман? – спросила она.

– Это ты мне скажи, что видишь.

Судя по доносившимся до него неясным звукам, Рейн-Мари положила

телефон и стала листать альбом. Потом снова взяла трубку.

– «Норман», – прочла она.

– Посмотри внимательнее.

– Как ни смотри, Арман, здесь написано «Норман». Подожди секунду.

Он услышал новые звуки, потом наступила тишина. Затем шаги и треск, когда Рейн-Мари опять взяла трубку:

– Я принесла мобильник. Постой, я открою фотографии. Чтобы увеличить.

Гамаш ждал.

– Ох.

Это было все, что он услышал. Все, что ему требовалось услышать.

– Что ты хотела мне сказать? – спросил он.

Рейн-Мари потребовалось несколько секунд, чтобы отвести глаза и мысли от того, что она увидела.

Она опустила телефон, уронив изображение сумасшедшего себе на колени.

– Профессор Норман преподавал в колледже теорию искусства, – сказала она. – Но, по словам профессора Мэсси, он обучал студентов не традиционным теориям перспективы, эстетики и природы искусства. Он преподавал свои собственные теории.

– Да, – подтвердил Гамаш. – Теорию о месте музы в жизни художника.

– Но профессор Норман не советовал студентам обзавестись музой, – продолжила Рейн-Мари. – Он говорил им о десятой музе.

Арман наморщил лоб, пытаясь вспомнить.

– О десятой музе? Я думал, что их было девять.

– Есть теория о том, что десятая муза существовала, – пояснила Рейн-Мари. – Эту теорию и втолковывал профессор Норман. Арман, ни одна из девяти муз не олицетворяет живопись или скульптуру.

– Но это несправедливо, – возмутился он.

Рейн-Мари покачала головой, хотя и знала, что он ее не видит:

– Увы. Есть музы поэзии, танца, даже истории. Слово «музей» происходит от слова «муза». Даже «музыка» имеет тот же корень. Однако живопись осталась обделенной.

– Невероятно, – сказал Гамаш.

– Профессор Мэсси не помнит подробностей, но теория профессора Нормана состояла в том, что существует муза – покровительница живописи. Десятая муза. И чтобы добиться успеха в творчестве, художник должен ее найти.

– Ты хочешь сказать, Норман верил, что десятая муза реально

существует? Что она обитает где-то?

– Я ничего такого не говорю. И профессор Мэсси тоже. Но Себастьян Норман преподавал это своим студентам. Есть кое-что еще. Кое-что, о чем говорила Рут.

– Я готов, – стоически произнес Гамаш.

Его интонация вызвала у Рейн-Мари улыбку.

– Она процитировала Дега, который говорил, что музы целый день работают в одиночестве, а под вечер собираются вместе и танцуют.

– Симпатичный образ.

– Рут представила себе, каково это – стоять в лесу и наблюдать за ними. Будучи изгнанной из их круга.

Перед его мысленным взором возник другой образ. Неясная фигура. Среди деревьев. Жаждущая быть принятой.

Но отвергнутая.

И постепенно боль превратилась в ожесточение, ожесточение – в злость, а злость – в ярость.

А ярость перешла в безумие.

А безумие стало портретом.

Гамаш опустил глаза на изображение в телефоне. Теперь, под другим углом зрения, это лицо пронзительно кричало прямо в грудь Гамаша. В его нагрудный карман.

Туда, где лежала маленькая книжка. Книжка о бальзаме в Галааде.

Который несет исцеление.

Неужели десятая муза и ее поиски свели профессора Нормана с ума? Или он уже страдал безумием, а она была его спасением, его бальзамом?

Могла ли она исцелить его?

Гамаш уставился на это искаженное лицо.

Если где и существовали грешные души, то одну из них он видел перед собой.

Глава двадцать восьмая

– Звонила Рейн-Мари, – сообщил Гамаш, вернувшись в кабинет Шартрана.

Картины Питера были уже свернуты и скромно лежали на столе.

– Что случилось? – спросила Клара, увидев лицо Гамаша.

– Вот что она мне прислала. – Гамаш протянул ей телефон. – Снимок из вашего ежегодника.

– Стоит ли на это смотреть? – скорчила гримаску Клара. – Я ведь не всегда была такой элегантной женщиной, как теперь.

Остальные собрались вокруг нее, и она включила экран смартфона.

– Вы не шутили, – заметил Жан Ги, увидев фотографию.

– Это не я, тупица, – отрезала Клара, и Бовуар впервые получил свидетельство того, что музой Клары действительно является Рут.

Сумасшедший с портрета свирепо глядел на них. Гнев исказил его черты.

– Бедняга, – первой прореагировала Мирна.

Она единственная среди них была знакома с безумием. Хотя и не подвержена ему.

Ее «бедняга» напомнил Гамашу слова, сказанные Марселем Шартраном, когда он изучал работы Питера.

«Бедняга Питер», – произнес он тогда.

Конечно, картина Питера с губами не производила такого впечатления ужаса, как портрет на экране телефона, но что-то общее между ними имелось. Словно художник посмотрел на себя в молодости и прозрел будущее.

– Профессор Норман? – спросила Мирна, и Гамаш кивнул:

– Автопортрет. Взгляните на подпись.

Они взглянули.

– Увеличьте, – велел он.

Они увеличили.

А потом в замешательстве посмотрели на Гамаша.

– Тут написано не «Норман», – сказала Клара.

И она не ошиблась. При увеличении подпись читалась совершенно ясно.

«Ноу Ман».

– Мне нужно на свежий воздух, – пробормотала Клара.

У нее был такой вид, будто ее огрели подушкой по голове. Она плохо понимала, что делает: положила телефон, снова его взяла, протянула Мирне.

Потом огляделась в поисках двери, нашла ее и покинула кабинет.

Остальные последовали за ней.

Она шла быстро, и им пришлось прибавить шагу, чтобы ее догнать, так что они растянулись за ней наподобие хвоста.

А Клара не замедляла шага, напротив, шла все быстрее. По аллеям, проулкам, мощеным улицам, боковым улочкам, куда не заходят туристы. Она шла мимо старых квебекских домов, преследуемая раздутым лицом с портрета, пока не оставила город позади.

Пока не дошла до края. Пока не осталось ничего, кроме этого места. Только воздух и река неподалеку.

Лишь тогда она остановилась.

Жан Ги подошел к ней первым. За ним – Гамаш и Шартран. И наконец, пыхтя и отдуваясь, но не собираясь сдаваться, явилась Мирна.

Клара смотрела перед собой ясным взглядом, грудь ее вздымалась.

– Что происходит? – спросила она, словно огромная река могла знать ответ. Потом повернулась к друзьям. – Что происходит?

– Есть предположение, что профессор Норман и Ноу Ман – одно лицо, – сказал Гамаш.

– Предположение? – переспросила Клара. – А другие объяснения имеются?

– Пожалуй, нет.

– Но если Норман и Ноу Ман – одно лицо, то что это значит? – спросила Клара.

– Для нас? – уточнил Гамаш. – Вы знаете, что это значит.

– Это значит, что профессор Норман после увольнения приехал сюда, – ответила Клара самой себе. – Возможно, он родом откуда-то отсюда. Он вернулся, но не как Себастьян Норман. Он решил стать человеком по имени Ноу Ман.

– Но зачем менять имя? – спросил Бовуар.

– Наверное, ему было стыдно, что его уволили, – предположила Мирна.

– А может, им владело чувство, противоположное стыду, – сказал Гамаш. – Он ведь не прятался. Вы говорили, что он организовал колонию для художников.

Шартран кивнул, слегка нахмурившись:

– Колонию-то он организовал, только я не думаю, что таковы были его

планы.

– Что вы имеете в виду?

– Он построил себе дом неподалеку отсюда. В лесу. Но потом к нему стали приходить люди. Другие художники. Без приглашения. Так уж получилось.

– Питер приехал сюда, чтобы его найти, – сказала Клара. – Он хотел отыскать профессора Нормана по каким-то причинам, которых я не понимаю. Но нашел ли он здесь Ноу Мана вместо Нормана?

– Non, – покачал головой Шартран. – C’est impossible[81]. Ноу Мана здесь давно уже нет. Его колония перестала существовать много лет назад. Задолго до приезда Питера.

– Зачем Питер проделал такой путь, чтобы найти профессора Нормана? – спросила Клара. – Чего он хотел от профессора?

Ответа на этот вопрос не знал никто.

– Где же он? – не унималась Клара. – Где Питер?

– И где Ноу Ман? – подхватил Бовуар.

Гамаш не сводил глаз с Шартрана:

– Ну?

– Что «ну»?

– Где Ноу Ман?

– Не знаю, – ответил галерист. – Я вам уже говорил.

– Если вы не знаете, где он сейчас, то по меньшей мере должны знать, где он жил, – сказал Гамаш.

Шартран кивнул в ответ. И показал где.

В стороне от реки, в лесной чаще.

Десять минут спустя они все еще шагали по заросшей лесной тропе.

А потом, словно они пересекли какой-то барьер, лес кончился и они вышли на солнечный свет. Перед ними раскинулось поле, поросшее травой и кустами. Пробираясь через заросли папоротника, они дошли до середины большой круглой поляны.

Поляна была усеяна кочками и бугорками. Гамаш предположил, что это пни, но потом заметил, что они образуют некие геометрические фигуры. Квадраты. Прямоугольники.

Фундаменты.

Там, где сейчас росли полевые цветы, репейник и сорняки, прежде стояли дома.

Их не забросили, а разобрали. Демонтировали. Остались голые кости – свидетельства того, что прежде здесь жили люди.

Гамаш услышал у себя за спиной что-то похожее на вздох или стон.

Он оглянулся: Клара стояла неподвижно и смотрела перед собой. Гамаш взглянул в ту же сторону, но не увидел ничего необычного.

– Клара? – позвала Мирна.

Она тоже обратила внимание на внезапную неподвижность, сосредоточенность подруги.

Неожиданно Клара стряхнула с себя оцепенение. Она развернула картины Питера, две уронила на землю, а с третьей пошла вперед, но не по прямой, а зигзагами, держа картину перед собой в вытянутых руках, словно карту. Она напоминала лозоискателя, неистово ищущего источник воды.

Она спотыкалась о камни и остатки фундаментов.

Потом остановилась:

– Здесь. Питер стоял здесь, когда писал вот это.

Они подошли к ней. И переглянулись, не найдя никакой взаимосвязи между яркими красками и яростными мазками на картине и этим буколическим пейзажем. Отчаявшаяся жена увидела то, чего нет на самом деле.

Однако чем дольше они смотрели, тем больше все вставало на место.

Пусть изображение грешило неточностью, пусть краски на холсте не соответствовали реальным, но сходство медленно проявлялось.

Клара держала в руках странную смесь, некое алхимическое соединение реальности и восприятия. Нечто среднее между тем, что они видели, и тем, что чувствовал Питер.

– Он был здесь, – согласилась Мирна. – А что насчет остальных?

Она подобрала вторую картину, и вместе с Бовуаром они двинулись по поляне. Наконец остановились:

– Здесь.

И тогда все повернулись к Марселю Шартрану.

– Вы знали, да? – спросил Гамаш.

– Сначала – нет, – ответил галерист. – Когда увидел картины у себя в кабинете, не знал. Невозможно связать их с тем, что мы видим здесь.

Гамаш вынужден был согласиться. Но он по-прежнему не сводил глаз с Шартрана.

– Когда вы поняли, что Питер побывал здесь?

– Тогда же, когда мы догадались, что профессор Норман и Ноу Ман – один и тот же человек. Поймите, я этого Ноу Мана сто лет не вспоминал. Колонии художников появляются тут все время. Несколько лет назад существовала одна – ее члены писали только разными оттенками зеленого. В другой колонии говорили только на латыни. Некоторые из подобных

сообществ живут год-другой, но большинство исчезает еще быстрее. Такова реальность.

– Тем не менее вы не сказали нам, что Питер бывал здесь, – заметил Бовуар.

– Пока мы не пришли сюда, я продолжал сомневаться. – Шартран посмотрел на Клару.

– А как он нашел эту колонию? – спросил Гамаш. – На туристических картах ее нет. Это вы ему рассказали? Вы привели его сюда?

– Нет же, говорю вам. Здесь нет никакой тайны. Про колонию все знали. Как я уже сказал, тут много таких возникало. Возможно, бывшие члены живут где-то неподалеку. Может быть, один из них и показал Питеру это место.

– Однако вы знали, где она находится. Вы бывали здесь прежде, – сказал Гамаш.

– Один раз.

– Вы были членом колонии? – Гамаш внимательно посмотрел на Шартрана.

– Я? – Галерист искренне удивился. – Нет. Я ведь не художник.

– А тут действительно занимались живописью? – спросила Мирна. – Или поисками десятой музы?

– Насколько я знаю, живописью.

– Что же привело вас сюда, если не желание писать картины? – спросил Гамаш.

– Ноу Ман попросил меня рассказать о Кларенсе Ганьоне. Он интересовался Ганьоном. И не только он, но и все члены колонии.

– Почему? – спросил Гамаш.

– Вы знаете почему, – ответил Шартран. – Я вижу это, когда вы смотрите на его картины. Он был не просто гением, но еще и отважным, смелым человеком. Готовым порвать с условностями. Он писал традиционные образы, но с таким… – Шартран задумался, подыскивая нужное слово. – С таким изяществом. Он писал с изяществом.

И Гамаш почувствовал правду этих слов.

– Как вы думаете, Кларенс Ганьон нашел десятую музу? – без малейшего сарказма спросил Жан Ги Бовуар.

Марсель Шартран глубоко вздохнул и ответил не сразу.

– Если муза живописи вообще существует, то Кларенс Ганьон ее нашел. Здесь, в Бэ-Сен-Поле. В Квебеке множество красивых мест, но Бэ-Сен-Поль для художников как магнит. Я думаю, Ноу Ман подозревал, что Кларенс Ганьон нашел здесь десятую музу. И поэтому он приехал сюда.

Чтобы найти ее.

Они оглядели пустую, заброшенную поляну. Кочки и бугорки, которые прежде были домами, а теперь напоминали могильные холмики. И Арман Гамаш подумал: что бы он увидел, придя сюда ночью? Вряд ли людей. Но может быть, танцующих муз?

Всех девятерых?

Или всего одну. Крутящуюся, как дервиш. Одинокую. Могущественную. Изгнанную. Как Ноу Ман.

Доведенную до безумия. Доведенную до этой глуши.

Глава двадцать девятая

Когда они вернулись в Бэ-Сен-Поль, уже смеркалось.

Шартран припарковал машину у галереи, и Бовуар, кинув взгляд на Гамаша, извинился и зашагал по мощеной улице.

– Куда это он? – поинтересовалась Мирна.

– Выпить холодного чая, – ответил Гамаш.

– Я бы и сама не прочь, – заметила она.

Но не успела она повернуться, как Бовуар уже исчез. Мирна снова посмотрела на Гамаша:

– Что вы задумали, Арман?

Он улыбнулся:

– Если бы вы были членом колонии Ноу Мана и она распалась, что бы вы сделали?

– Отправилась бы домой.

– А если бы ваш дом был здесь?

– Я… – Она задумалась. – Наверное, нашла бы работу.

– Или затеяли собственный бизнес, – подсказал Гамаш.

– Возможно. Открыла бы галерею, например? – Она внимательно посмотрела на него и понизила голос: – Вы не доверяете Шартрану?

– Я никому не доверяю. Включая вас.

Мирна рассмеялась:

– И правильно делаете. Я вот прямо сейчас соврала. Не хочу я никакого холодного чая, мне просто интересно знать, куда помчался Жан Ги.

– А догадаться не можете? – спросил Гамаш.

Лицо Мирны расплылось в улыбке.

– Вы хитрец. Он пошел в тот ресторанчик, «Ла Мюз».

Арман улыбнулся:

– Стоит попробовать.

– Думаете, она будет там? Десятая муза? – спросила Мирна.

– А вы как думаете?

Жан Ги уселся за столик внутри ресторанчика. На террасе все столики оказались заняты, но он так или иначе хотел сесть внутри. Где он сможет наблюдать за официантами.

Он взял меню и посмотрел на ламинированную обложку, на которой

одним росчерком был изображен силуэт танцующей женщины.

– Что для вас? – спросила официантка равнодушным, деловитым тоном.

При этом она окинула Бовуара оценивающим взглядом. Отметила его стройную фигуру, темные волосы и глаза. Его непринужденность.

Для Бовуара это было не в новинку, и он умел отвечать на такие взгляды, но теперь он вдруг понял, что все это для него ровным счетом ничего не значит. И он вовсе не чувствовал, будто потерял что-то, напротив, лишний раз вспомнил, что он обрел. В лице Анни.

– Имбирное пиво, s’il te plaît[82]. Безалкогольное.

Она принесла ему пиво.

– Ты давно здесь работаешь? – Он вручил ей пять долларов, сказав, что сдачи не надо.

– Пару лет.

– Ты художница?

– Нет. Я изучаю архитектуру. А здесь подрабатываю летом.

– Скажи, хозяин сейчас здесь?

– А что? Что-то не так? – заволновалась официантка.

– Нет, просто я хотел с ним познакомиться. – Бовуар взял меню со стола. – Интересный дизайн.

– Это его рисунок. Он художник.

Бовуар постарался не показывать интереса.

– Так он сейчас здесь? Я хотел бы сделать ему комплимент.

Она ему явно не поверила, но все-таки сказала:

– Он уехал.

– Вот как. И когда вернется?

– Через неделю. Может, через две.

– А как мне его найти?

Официантка покачала головой:

– Он каждый год уезжает куда-то вниз по реке и рисует.

– В самый разгар сезона? – удивился Бовуар. – Он что, не может зимой этим заниматься?

– А вы бы смогли?

И ведь она была права.

Они шли по мощеным улицам Бэ-Сен-Поля: Клара и Шартран впереди, Мирна и Гамаш в нескольких шагах позади.

– Они подружились, – сказал Гамаш, показывая на идущих впереди.

– Да, – согласилась Мирна, наблюдая за тем, как Шартран наклоняет

голову, чтобы лучше слышать Клару.

Клара размахивала рулоном из картин Питера. «Говорят об искусстве», – подумала Мирна. Она вдруг поняла, что давно не видела, чтобы Питер наклонялся, прислушиваясь к Кларе. И давно не слышала, чтобы они вообще говорили об искусстве или о чем-то ином так по-дружески, как сейчас разговаривали Клара и Шартран.

– Он мне нравится, – сказала Мирна.

Гамаш сцепил руки за спиной и шел, чуть покачиваясь.

– Как по-вашему, десятая муза существует? – спросил он.

Мирна поразмыслила над его вопросом.

– Я думаю, музы существуют, – ответила она. – Я думаю, что-то происходит, когда художник, писатель или музыкант встречает кого-то, кто его вдохновляет.

– Вы же понимаете, что это не одно и то же, – возразил Гамаш. – Я говорю не о человеке, который вдохновляет художника. Я спрашиваю вас о десятой музе. Вы не ответили на мой вопрос.

– А вы заметили, да? – Мирна улыбнулась и тоже начала слегка покачиваться на ходу, повторяя ритм движений Гамаша. – Я никогда не думала о настоящих музах, – сказала она наконец. – Но вот сейчас подумала, и знаете что? Если уж я могу верить в девять, то почему бы не распространить эту веру до десяти?

Гамаш тихо рассмеялся:

– То есть в девять вы можете поверить? Или в десять?

Мирна прошла еще несколько шагов, глядя, как Клара смотрит на Шартрана, который говорит ей что-то. Жестикулирует, как никогда не жестикулировал Питер.

Мирна остановилась, и Гамаш остановился вместе с ней. Двое других, не заметив этого, продолжали идти вперед.

– Сотни миллионов людей верят в того или иного бога. Они верят в карму, ангелов, духов и призраков. В реинкарнацию и небеса. И в душу. Они молятся, зажигают свечи, поют, носят обереги и истолковывают события как знамения. И я говорю не о маргиналах. Это господствующая тенденция.

Между старыми домами мелькала река.

– Так почему бы и не музы? – спросила Мирна. – И потом, как иначе объяснить поэзию Рут? Только не говорите мне, что пьяная старуха пишет их без какой-то сверхъестественной помощи.

Гамаш рассмеялся:

– Писателя-призрака?

– На самом деле не имеет никакого значения, существуют музы или нет, – сказала Мирна. – Имеет значение то, что Ноу Ман верил в них. Его вера имела такую силу, что он не боялся выглядеть смешным, не боялся потерять работу. Эта вера сильна, Арман, но мы говорим о другом. Такая страсть, такая уверенность – они очень привлекательны. В особенности для людей дезориентированных.

– Вы идете? – окликнула их Клара.

Они с Шартраном остановились, поджидая друзей.

Мирна и Гамаш догнали их, и все вместе дошли до арки, за которой находился скрытый дворик. Здесь они в первый раз поменяли тактику двадцать четыре часа назад. Теперь это казалось далеким прошлым, ведь за прошедшее время столько всего случилось.

Гамаш убедил своих спутников не идти к Бовуару в «Ла Мюз» – их присутствие помешало бы Жану Ги заниматься делом.

Поэтому они пришли в уже знакомый дворик. Терраса, которая должна была бы ломиться от туристов, восторгающихся великолепным видом, оказалась пуста.

Этот дворик существовал только для них и для двух игроков в нарды, которые, как и вчера, сидели на своих местах. Возможно, они сидели здесь всегда. Пообтрепавшиеся стражи у забытых ворот.

Бовуар изучил других официантов и официанток, и наконец его взгляд упал на человека средних лет, только что появившегося из двери за стойкой бара. Жан Ги взял свое пиво и переместился на табурет перед стойкой. Там он почувствовал себя не слишком уютно. Или, что еще хуже, слишком уютно. Слишком привычно.

Он встал.

– Salut, – приветствовал он немолодого человека, который за стойкой разглядывал бланки заказов.

Человек оторвался от своих бумажек и послал Бовуару мимолетную профессиональную улыбку:

– Salut.

После чего вернулся к прежнему занятию.

– Милое место, – сказал Бовуар. – Название интересное. «Ла Мюз». Откуда такое?

Он привлек к себе внимание человека, хотя и понимал, что тот считает его слабаком, или пьяницей, или страдающим от одиночества, или просто занудой.

Но профессиональная улыбка снова промелькнула на лице бармена.

– Оно называлось так, когда я поступил сюда работать.

– И давно это случилось?

Бовуар понимал, что выставляет себя в глупом виде. Как бы славно было сейчас помахать своим удостоверением Квебекской полиции! Огромная разница между задающим вопросы инспектором полиции и завсегдатаем баров.

Человек оставил свое занятие и уперся обеими руки в стойку:

– Лет десять назад.

– Вы хозяин?

– Нет.

– Могу я с ним поговорить?

– У нас нет вакансий.

– Я не ищу работу.

Человек посмотрел на него недоверчиво.

У Бовуара руки чесались вытащить удостоверение. А еще лучше – пистолет.

– Слушайте, я знаю, это покажется вам странным, но я ищу кого-нибудь, кто знает о художнике по имени Ноу Ман.

Что-то в человеке изменилось. Он оттолкнулся от стойки и окинул Бовуара оценивающим взглядом:

– Зачем?

– Понимаете, я работаю в галерее в Монреале, и картины этого Ноу Мана неожиданно поднялись в цене. Но никто о нем ничего не знает.

Теперь бармен слушал его во все уши. Совершенно случайно Бовуар сказал те самые слова, которые гарантировали реакцию и уважение. Именно то, что и требовалось Бовуару.

– Правда?

– Вы, кажется, удивлены?

– Понимаете, сам я никогда не видел работ этого Ноу Мана, но Люк убедил меня…

– Да?

– Наверное, вы слышали, что Ван Гог был немного того.

– Что значит «того»?

– Чокнутый.

– А-а. – Вот теперь появилось что-то, за что можно зацепиться. – И Ноу Ман тоже?

Ответом ему был суровый взгляд.

– Он называл себя Ноу Ман. Что тут можно подумать?

– Я вас понял. А кто такой Люк?

– Владелец заведения. Люк Вашон.

– И он знал Ноу Мана?

– Да, конечно, он прожил в том месте несколько лет.

– Что он об этом рассказывал? – спросил Бовуар.

– Не много.

– Послушайте, он прожил там несколько лет. Наверняка что-то рассказывал.

– Я спрашивал пару раз, но он не хотел говорить о том времени.

– Думаете, его это смущало? – спросил Бовуар.

– Возможно.

– Да бросьте, мне вы можете рассказать, – настаивал Бовуар. – Это должно быть что-то довольно странное.

– Мне кажется, ему к концу стало там страшновато, – сказал человек. – Люк очень не хотел говорить о том времени. Я знаю, он отправлял картины Ноу Мана в его галерею или куда-то еще. Для кого-то из ваших, по-видимому. А еще Люк покупал для Ноу Мана кисти, краски и другие принадлежности.

– Вероятно, они были близки.

– Вот уж вряд ли. Люк говорил, что Ноу Ман в один прекрасный день собрал вещички и уехал. Как и не было.

– Куда?

– Не знаю.

– А Люк знает? Он поддерживает связь с Ноу Маном?

– Никогда не спрашивал. Мне нет до этого дела.

– А Ноу Ман, он из местных?

– Сомневаюсь. Никогда не слышал ни про его семью, ни про что-то такое.

– То есть он мог уехать домой?

– Наверное.

Жан Ги отхлебнул пива и задумался.

– Когда Люк открыл это заведение?

– Он купил его, когда ушел из колонии.

– Почему он назвал ресторанчик «Ла Мюз»?

– Вы что-нибудь слышали про музу художника? – осведомился бармен. – Все художники либо хотят найти музу, либо она у них уже есть. А мне, кроме тишины и спокойствия, ничего не нужно.

Он уставился на Бовуара, но тот проигнорировал намек.

– У Люка есть муза?

– Только она. – Бармен ткнул пальцем в обложку меню.

– Она реальная? – спросил Жан Ги.

– Было бы здорово, правда? – подмигнул бармен. – Но нет. – Он перегнулся через стойку и прошептал, словно делясь тайной: – Муз в природе не существует.

– Merci, – сказал Бовуар и снова пожалел, что не может почувствовать тяжесть пистолета в руке. – А хозяин все еще занимается живописью?

– Oui. Уезжает недели на две в год. Вот и сейчас уехал. – Немного помолчав, бармен добавил: – Я не думаю, что его картины чего-нибудь стоят после учебы у этого Ноу Мана.

Было ясно, что у него имеется несколько картин хозяина, то ли выбранных им, то ли навязанных ему.

– Возможно. Но пожалуйста, ничего ему не говорите. Позвольте мне самому с ним побеседовать. Могу я позвонить ему или отправить письмо по электронной почте?

– Нет. Он не любит, чтобы его беспокоили. Обычно он уезжает в конце августа, но нынче уехал пораньше. Наверное, погода благоприятствовала. Как называется ваша галерея? Люку будет интересно.

– Désolé. Я хочу сохранить инкогнито.

– Понятно, – протянул бармен.

– Живут ли поблизости еще какие-нибудь члены колонии Ноу Мана?

– Мне об этом неизвестно.

– А у кого-нибудь из ваших знакомых есть картины Ноу Мана?

– Нет. Он просил Люка переправлять все картины в его галерею на юге. – Человек помолчал, выпятил нижнюю губу. – Но как же Люку связаться с вами, если вы инкогнито?

Ситуация казалась довольно глупой. И в голосе бармена слышалось подозрение. Бовуар оставил ему номер своего сотового.

– Извините, но я должен спросить еще раз, – сказал Бовуар. – Вы никогда не слышали разговоров вашего босса о музах? Может, о его собственной музе или о той, что оказывала влияние на колонию? – Он взял книжечку меню и показал на рисунок на обложке.

– Non.

Бовуар встал, помахал бармену и вышел, забрав меню с собой.

– Нашли, что искали? – спросил один из игроков в нарды.

Клара опешила, не понимая, откуда эти люди знают о Питере. Но Мирна ответила:

– Нашли. И вы оказались правы: картину нарисовали именно в том месте, про которое вы говорили.

И тогда Клара вспомнила, что они с Мирной спрашивали у двух игроков в нарды, не знают ли они, где Питер создал картину с губами. И они помогли.

– Странная картина, – сказал один.

– Странное место, – сказал другой.

Клара, Мирна, Шартран и Гамаш заняли столик на краю террасы и заказали напитки. Пока остальные ждали, Гамаш подошел к игрокам в нарды:

– Что вы хотели сказать, когда назвали это место странным? Вы имели в виду реку, где была написана эта картина?

– Не-а, я говорил о той, которую она держала в другой руке.

– Вы знали, где создана и вторая картина? – спросил Гамаш.

– Ну да. Был там много лет назад. Помогал вырубать деревья.

– В лесу. – Гамаш неопределенно махнул рукой в сторону чащи.

– Oui. Узнал это место.

– Почему же ничего не сказали? – упрекнул его Гамаш.

– Так ведь меня никто не спрашивал. Она только про картину с рекой интересовалась. Забавные картинки.

– Мне они понравились, – произнес другой человек, не отрывая глаз от доски.

– Вы что-нибудь знаете про колонию художников в лесу? – спросил Гамаш.

– Ничего не знаю. Я рубил деревья, а потом ушел. Видел этого парня несколько раз здесь, в городе. Слышал, они там разрослись. Приют для художников. А потом все закончилось. Все ушли.

– И не знаете почему?

– Наверно, как и все остальные, – сказал пожилой человек. – Сменили курс.

Гамаш обдумал услышанное.

– Вы назвали это место странным. Почему?

Второй старик оторвал взгляд от доски и внимательно посмотрел на Гамаша:

– Я вас знаю. Вы – коп. Видел вас по телевизору.

Гамаш кивнул и улыбнулся:

– Больше не коп. Мы здесь просто ищем друга. Человека, который написал эти картины. Его зовут Питер Морроу.

Оба игрока покачали головой.

– Высокий, – сказал Гамаш. – Средних лет. Англоязычный.

Двое пожилых людей смотрели на него пустыми глазами.

– Он искал человека, который возглавлял колонию Нормана. Или Ноу Мана.

– Ноу Ман, – повторил первый игрок. – Да, теперь вспомнил. Странное имечко.

– И человек тоже странный? – спросил Гамаш.

Игрок в нарды помедлил с ответом:

– Не больше, чем другие. Может, даже меньше. Замкнутый. Похоже, хотел, чтобы его оставили в покое. – Он рассмеялся.

– Что тут смешного?

– Столько художников ищут себе учеников. Объявления дают, выставки устраивают, курсы всякие предлагают. А этот построил маленький домик на поляне в лесу, сидит тихо, а ученики к нему так и слетаются.

– Вы не знаете почему? – спросил Гамаш. – Он что, был такой обаятельный?

Это вызвало новый взрыв смеха.

– Вот уж чего не скажешь. Одно знаю точно: на художника он никак не походил. Большинство из них такие неряшливые. А он был, ну, вроде вас.

Старик смерил Гамаша взглядом, и тот почувствовал, что это отнюдь не комплимент.

– Вы можете его описать? Как он выглядел?

Старик задумался:

– Невысокий. Жилистый. Приблизительно моих лет. Моих лет в то время, я хочу сказать.

– А женщины там бывали?

– Вы спрашиваете, устраивали ли они оргии?

– Значит, ты расчищал место для оргий, Леон? Ну погоди, вот узнает твоя жена!

– Если и устраивали, то меня на них не приглашали.

– Нет, – сказал Гамаш, понимая, что над ним подшучивают. – Я спрашиваю о другом: у Ноу Мана была жена или подруга?

– Ничего такого я не видел.

– Значит, никаких муз? – спросил Гамаш, внимательно глядя на них в ожидании реакции.

Однако никакой реакции не последовало, если не считать того, что старик, сделав ход, захватил ключевой пункт в своем доме.

– Вы сказали, место странное. Что вы имели в виду? – снова спросил Гамаш.

– Ну, во-первых, где оно находится. Вы бы захотели там жить, будь у

вас выбор? – Старик махнул в сторону реки. – Большинство приютов художников, или сообществ, или как уж вы их называете, располагается там, где красивый вид на реку. А ему что было нужно?

– И что же? – спросил Гамаш по некотором размышлении.

Старик пожал плечами:

– Уединение, наверно.

– Или он скрывал что-то, – предположил другой, не отрывая взгляда от доски. Потом посмотрел на приятеля. – Оргии.

Они рассмеялись, и Гамаш вернулся к столику, размышляя о том, какая тонкая грань между уединением и желанием что-то скрыть.

Их заказ уже принесли.

– О чем вы там беседовали? – Мирна кивнула в сторону игроков.

– Они знали Ноу Мана, – сказал Гамаш. – И место, что на картине Питера, им известно.

– А Питера они знали? – спросила Клара.

– Нет. – Он сообщил им, что узнал от двух стариков, потом вытащил из кармана блокнот и ручку и положил на стол. – Так на чем мы остановились?

Он хотел было взять ручку, но Клара уже схватила ее и перевернула свою бумажную салфетку.

И тут Гамаш вспомнил, кто у них за главного. А кто – нет.

Глава тридцатая

– Питер говорил вам что-нибудь о Шотландии? – спросила Клара у Шартрана.

– О Шотландии?

– Конкретно о городке Дамфрис, – уточнила Мирна.

– О «Саде космических размышлений», – добавил Гамаш.

Шартран посмотрел на них испуганно, словно его собеседники неожиданно спятили.

– И о зайцах, – сказала Клара.

– О зайцах, которые ездят без билета? – спросил Шартран.

– Нет, у которых длинные уши, – ответила Мирна и поняла, что ничуть не прояснила ситуацию.

– О чем вы говорите?

– То есть ничто из этого не звучит для вас знакомо?

– Нет, – сердито ответил Шартран. – Это не звучит даже просто разумно. – Он посмотрел на Клару. – Почему вы спросили про Шотландию?

– Он приезжал туда прошлой зимой. Посетил один сад.

Клара рассказала все, что им удалось узнать о Питере и «Саде космических размышлений». Она почти ждала, что Шартран вот-вот рассмеется.

Но он не смеялся. Он слушал и кивал.

– Заяц превратился из живого в каменного, а потом снова в живого, – подытожил Шартран, словно для зайца это вполне естественное дело. – Река Питера из печали обращается к радости и обратно. Он освоил чудо трансформации. Он может превращать свою боль в картину. А картину – в восторг.

– Это и делает художника великим, – заметила Клара.

– Не многие достигают подобных вершин, – сказал Шартран. – Но я думаю, если мужество Питеру не изменит и он будет продолжать экспериментировать, он встанет в один ряд с художниками первой величины. Ван Гогом, Пикассо, Вермеером, Ганьоном. Кларой Морроу. Он станет создателем абсолютно новой формы, которая не делает различий между мыслью и эмоцией. Между творением природы и творением рук человеческих. Вода, камень, живые ткани – все одно. Питер станет одним из великих.

– Ему потребовался заяц в «Саду космических размышлений», чтобы понять это, – сказала Мирна.

– Ему потребовалось вырасти в храброго человека, – внес свою лепту Гамаш. – Настолько храброго, что он оставил свои работы без объяснений.

– Если мы найдем Ноу Мана, то найдем и Питера, – сказала Мирна.

– И возможно, десятую музу, – добавила Клара. – Я бы хотела с ней познакомиться.

– Вы уже познакомились, – сказал Шартран. – Вы можете не знать, кто она, но она присутствует в вашей жизни.

– Рут? – одними губами спросила Клара у Мирны и распахнула глаза в притворном ужасе.

– Роза? – так же беззвучно предположила Мирна.

При этой мысли Клара фыркнула и посмотрела через перила на лес, скалы и реку. Она подумала: а что, если десятая муза – это место? Такое, каким стал Шарлевуа для Ганьона. Дом.

– Не могу понять, почему греки уничтожили десятую музу, – сказала Мирна. – Мне кажется, она была бы важнее, чем девять других, ведь греки почитали живопись.

– Может быть, вот почему… – начал Гамаш.

В другом конце террасы игроки в нарды перестали бросать кость и уставились на него.

– Власть, – произнес Гамаш. – Возможно, десятая муза была слишком влиятельной. Возможно, ее уничтожили, потому что увидели в ней опасность. А что может быть более опасным, чем свобода? Разве вдохновение не есть свобода? Его нельзя запереть или направить в определенную сторону. Его нельзя сдерживать или контролировать. А именно это и предлагала десятая муза.

Он обвел всех глазами и остановил взгляд на Кларе.

– Не то ли предлагал и профессор Норман, то есть Ноу Ман? Вдохновение? Свободу? Никаких жестких правил, никакого строгого порядка, никакого конформизма. Он предлагал молодым художникам выйти из системы. Найти собственный путь. И когда их работы отвергались колледжем, он их поощрял. – Гамаш встретился глазами с Кларой. – Организовал для них отдельный салон. А его за все эти старания презирали, высмеивали, изолировали.

– Изгнали, – добавила Клара.

– Он построил здесь небольшой дом на вырубке, – продолжал Гамаш. – Однако он недолго оставался в одиночестве. К нему пришли другие художники. Но только неудачники, только пребывавшие в отчаянии.

Те, кто испробовал все остальное. Те, кому больше некуда было пойти.

– «Салон отверженных», – подхватила его мысль Клара. – Он создал не сообщество художников, а дом для отвергнутых. Для изгоев, неудачников, беженцев из традиционного мира искусств.

– Он был их последней надеждой, – сказала Мирна и после паузы добавила: – Жаль, что он сумасшедший.

– Меня тысячу раз называли сумасшедшей, – вспомнила Клара. – Господи помилуй, даже Рут думает, что я чокнутая. Что такое «сумасшедший»?

Арман Гамаш включил экран своего телефона, перелистал и положил на стол, когда появилась фотография портрета сумасшедшего.

Ноу Мана.

– Вот что это такое, – ответил он.

Меню упало на стол в тот же миг, когда Жан Ги Бовуар рухнул на стул.

– «Ла Мюз», – начал он. – Имя владельца Люк Вашон, и он был членом сообщества Ноу Мана. Вот его рисунок. – Бовуар ткнул пальцем в обложку меню.

– Что он сказал про Ноу Мана и колонию? – спросил Гамаш, разглядывая картинку.

– Ничего. Его нет в ресторанчике. Он каждый год уезжает рисовать на природу.

– В такое время? – удивилась Мирна. – Что же это за хозяин ресторана, который уезжает в самый пик туристического сезона?

– То есть ты не можешь себе представить такого бизнесмена? – спросила Клара, вперившись взглядом в Мирну, и та не смогла сдержать смех.

– Touché, малютка, – сказала Мирна и мельком подумала о том, как там процветает ее магазин под управлением Рут и Розы.

– Когда Вашон собирается возвращаться? – спросила Клара.

– Недели через две, – ответил Бовуар. – И связаться с ним невозможно. Человек, с которым я общался, сказал, что Вашон не любит вспоминать время, проведенное им в колонии. Он подтвердил, что Вашон и Ноу Ман, вероятно, были близки, поскольку Ноу Ман доверял ему отправлять его картины в галерею на юге.

– На юге в смысле во Флориде? – спросила Мирна.

– Нет. На юге в смысле в Монреале. У Ноу Мана явно имелась там галерея. Или представитель. Он отправлял туда картины, а оттуда получал холсты, кисти, краски. Человек в баре не знает названия галереи, но

Вашону она наверняка известна.

Гамаш надел очки и вгляделся в подпись на рисунке.

– Я уже смотрел, – сказал Бовуар. – Подписано: «Вашон». Не «Ноу Ман».

Гамаш кивнул и передал меню Кларе:

– Хороший рисунок.

– Мило, – нейтральным тоном произнесла Клара.

Они все почувствовали, что на рисунке изображена не муза, а представление Вашона о музе. Женщина, которую он никогда не встречал лично. Пока.

Но это была одинокая фигура, а не классические девять сестер. La Muse. Pas les Muses[83].

– Сообщество развалилось, когда Ноу Ман неожиданно уехал. Никого не предупредил. Просто взял и уехал.

Гамаш поерзал на стуле, но промолчал. Он смотрел на рисунок танцующей женщины, но мысленным взором видел расчищенную поляну в лесу. Папоротник, дикие цветы, кочки, холмики там, где когда-то стояли дома.

Они были так похожи на могильные холмики.

Гамаш взглянул на часы. Шел седьмой час вечера.

– Боюсь, что вам придется провести в нашем обществе еще один вечер, – сказал он Шартрану, и тот улыбнулся:

– Отныне я считаю вас друзьями. Можете оставаться, сколько вам потребуется.

– Merci.

– Что теперь? – спросила Клара. – Кажется, мы уже переговорили со всеми в Бэ-Сен-Поле.

– Можно попробовать еще в одном месте, – ответил Гамаш.

Жан Ги Бовуар вошел первым и на этот раз достал удостоверение.

– Да, сэр. Чем могу помочь?

Бовуар ждал, что агент за столом окинет его оценивающим взглядом, а когда ничего такого не случилось, он сам посмотрел на нее. Она оказалась молодой. Очень молодой. Лет на пятнадцать моложе, чем он. Она могла бы быть его…

Бовуар был храбрым человеком, но ему не хватило храбрости углубляться в такие материи. И все же он невольно спросил себя, когда и как это произошло. Только что он был молодым, умным, сметливым Жаном

Ги Бовуаром, enfant terrible[84] отдела, и вдруг стал инспектором Бовуаром. Сэром.

Не все превращения были чудом или волшебством. И не все совершались к лучшему.

– Мы бы хотели поговорить с начальником вашего отделения.

Молодой агент посмотрела на него, потом на тех, кто стоял за его спиной, набившись в крохотный вестибюль маленького отделения Квебекской полиции.

И тут ее глаза широко раскрылись.

Позади всех терпеливо ждал человек, которого она узнала.

Она встала, потом села. Снова встала.

Жан Ги Бовуар едва сдержал улыбку. Он привык к такой реакции и предполагал ее. Ожидал.

– Старший инспектор, – сказала агент, сделав попытку поклониться.

– Просто Арман Гамаш.

Он протиснулся между Кларой и Шартраном, подошел и пожал ей руку.

– Агент Паже, – ответила она, чувствуя его крепкое пожатие. – Беатрис Паже.

Она чуть не выругалась. Зачем было называть имя? «Ему плевать, как меня зовут. Он же старший инспектор отдела по расследованию убийств». Или был им. Пока не случилась вся эта дрянь. Пока он не ушел в отставку.

Агент Паже поступила в полицию за несколько месяцев до того, как все это произошло. И она знала, что, хотя большую часть своей службы будет подчиняться другим начальникам, этот человек навсегда останется для нее старшим инспектором отдела по расследованию убийств.

– Я только недавно, – сказала она, и ее глаза распахнулись еще шире. «Замолчи. Замолчи. Ему все равно. Заткнись, ты, идиотка». – На смене, я хочу сказать. И вообще в полиции.

«Господи, что я несу?»

– Это мое первое место службы.

Она уставилась на него.

– Откуда вы родом? – спросил Гамаш.

Голос его звучал заинтересованно.

– Из Бэ-Комо, это вниз по течению.

«Merde, merde, merde, – подумала она. – Он и без меня знает, где Бэ-Комо. Merde».

Гамаш кивнул:

– Залив там почистили. Прекрасное место. – Он улыбнулся.

– Да, сэр. Прекрасное. Моя семья много лет работает на лесопилке.

– Вы первая в семье пришли работать в полицию? – спросил он.

– Oui. Мои родные возражали. Говорили, что это недостойная работа.

«Maudit tabarnac»[85], – подумала агент Паже и поискала взглядом пистолет, чтобы сунуть себе в рот.

Но этот крупный человек со шрамом на виске только рассмеялся, и в уголках его добрых карих глаз появились морщинки.

– Они по-прежнему так считают?

– Нет, сэр. – Неожиданно она успокоилась и посмотрела ему в глаза. – После того, что вы сделали. Теперь они гордятся мной.

Гамаш улыбнулся:

– Они гордятся вами, и правильно делают. Ко мне это не имеет никакого отношения.

К этому времени другие агенты и инспекторы, услышав о том, что здесь старший инспектор Гамаш, стали появляться в вестибюле. Кто-то обращался с приветствием, кто-то просто приходил посмотреть и вскоре исчезал.

– Старший инспектор. – Из кабинета вышла женщина средних лет и протянула руку Гамашу. – Жанна Надó. Я начальник отделения.

Она пригласила их в свой кабинет. Здесь места было даже меньше, чем в вестибюле.

– Это, конечно, не официальное дело, – начал Гамаш. – Мы пытаемся найти нашего друга. В последний раз его видели в ваших краях поздней весной.

– Он мой муж. – Клара показала капитану Надó фотографию Питера и описала его.

– Можно сделать копии? – спросила Надó и, получив согласие Клары, отдала распоряжения. – Чем я могу вам помочь?

– Насколько я понимаю, никто, отвечающий данному описанию, в последнее время не попадал в поле вашего зрения? – спросил Гамаш, и все сразу поняли, что он хочет сказать.

Надó отрицательно покачала головой и перевела умные глаза на Клару:

– С какой целью он сюда приезжал?

Клара вкратце объяснила.

– Значит, он искал профессора Нормана, – сказала Надó. Она повернулась к Шартрану. – Вы говорите, он жил здесь под именем Ноу Ман?

– Именно так он себя называл.

Надó и глазом не моргнула. По ее виду было ясно, что это не первая

странность, с какой она сталкивается в Бэ-Сен-Поле. Поведение художников не укладывалось в привычные рамки.

– Вы его знали? – спросила Клара.

– Ноу Мана? – Надо́ покачала головой. – Это было до моего поступления на службу.

Она подошла к стене с подробной картой района.

– Где находилась колония, о которой вы говорите?

Шартран показал ей место, и она сделала запись у себя в блокноте.

– Но по вашим словам, ее уже давно нет?

– Лет десять, а то и больше, – ответил Шартран.

– Есть какие-нибудь предположения о криминальной деятельности? – спросила Надо́.

– Нет, – ответил Шартран. – Они жили замкнутой общиной.

Надо́ позвонила по телефону, и через минуту в ее кабинете появился пожилой полицейский в форме. От него так и несло холостяцкой жизнью и жареной рыбой.

– Oui?

Судя по виду, он опасался выволочки, и его глаза перебегали с начальницы на Гамаша, который втиснулся в угол и чувствовал, как ему в спину вонзается плечо стоячей вешалки, словно ствол пистолета при ограблении.

– Это агент Моррисо, – сказала Надо́. – Он служит здесь дольше, чем остальные. Эти люди ищут человека по фамилии Норман. Он жил здесь несколько лет назад и основал приют для художников, что-то вроде колонии на втором участке.

– Вы имеете в виду Ноу Мана? – спросил Моррисо, и сразу же все головы повернулись к нему.

– Его самого, – подтвердила Клара.

– Он пользовался популярностью какое-то время, – сообщил Моррисо. – Но ведь с ними всегда так, верно?

– С ними?

– С сектами. – Он обвел взглядом их удивленные лица. – Вы ведь должны знать. Иначе чего бы вы спрашивали?

– У них была секта? – спросил Шартран.

– Да.

– Что заставляет вас так думать? – спросила Клара.

– Это была не просто кучка художников, искавших уединения, – ответил Моррисо. – Они впали в некую странную религию.

– Откуда вы знаете? – поинтересовался Жан Ги.

– Это моя работа – знать все, – ответил агент. – Такие вещи могут начинаться как вполне нормальные, а потом там черт-те что начинает происходить. Я хотел убедиться, что они не перейдут за грань безумия.

«Опять это слово», – подумал Гамаш.

– Почему вы сказали про безумие?

Моррисо повернулся в сторону говорящей вешалки и вежливо спросил:

– А как бы вы это назвали, сэр?

Гамаш решил не спрашивать у агента, молился ли он когда-нибудь, чтобы его лотерейный билет выиграл или чтобы его машина, которую занесло на скользкой дороге, не свалилась в кювет.

– И они перешли за грань? – спросил он вместо этого.

– Насколько мне известно, да. А потом Ноу Ман исчез. Наверно, его забрал космический корабль.

Моррисо рассмеялся, но тут же замолчал, сообразив, что перед ним не та аудитория. Подобные шутки проходили в баре. Среди своих ребят полицейских. Но эти люди смотрели на него так, словно это он перешел за грань.

– Не знаете, куда он отправился? – спросил Бовуар.

– Non. Думаю, люди были просто счастливы, когда он исчез.

«Изгнанный еще из одного места, – подумал Гамаш. – А может, и нет».

– Кто-нибудь из членов того сообщества живет сейчас в Бэ-Сен-Поле? – спросила Клара.

– Да. Люк Вашон.

– О нем мы уже знаем, – сказал Бовуар. – Он уехал рисовать на природу. Кто-нибудь еще?

Агент задумался, потом покачал головой.

– Merci, – сказала начальник отделения, и Моррисо вышел. Она выжидательно посмотрела на них. – Я могу сделать что-нибудь еще?

Нет.

Прежде чем уйти, Гамаш снова заглянул в кабинет капитана Надó и спросил, нет ли у них собак-ищеек.

– Наркотики? – спросила она.

– Другое, – ответил он.

– Вы думаете, кто-то из них остался, – сказала она.

– Я думаю, никакого космического корабля не было.

Она энергично кивнула:

– Я организую.

Гамаш оставил ей свои координаты и, выходя, увидел, что она

направилась к карте.

Они вернулись в Галерею Ганьона, предполагая, что проведут ночь там. Но Марсель Шартран удивил их:

– Кажется, я упоминал, что это не главный мой дом. Я приезжаю сюда на уик-энды, когда в галерее наплыв посетителей. Мой основной дом в нескольких милях вниз по берегу. Сегодня мне нужно уехать туда, но вы можете остаться здесь.

– Что для вас предпочтительнее? – спросила Клара.

– Для меня предпочтительнее, чтобы вы поехали со мной, – сказал он. И хотя он имел в виду всех, его глаза остановились на Кларе.

Она не отвела взгляда.

– По-моему… – начал Бовуар.

– Мы с удовольствием поедем к вам. Merci, – оборвала его Клара.

Когда они собирались, Бовуар прошептал Гамашу:

– Вы должны были возразить, patron. Нам удобнее здесь, чем в доме у черта на куличках. Если мы ищем Питера, то нам нужно продолжать задавать вопросы.

– И какие же вопросы? – спросил Гамаш.

– Действительно ли это была секта? Уехал ли Ноу Ман добровольно, или его выкинули из сообщества? Куда он делся?

– Вопросы хорошие, вот только кому мы их будем задавать?

Гамаш застегнул молнию на чемодане и посмотрел на Бовуара.

Жан Ги задумался. Похоже, они зашли в тупик.

– А мы уверены, что Ноу Ман и в самом деле уехал? – спросил Бовуар.

Гамаш коротко кивнул:

– Капитан Надó занимается этим. Они доставят сюда собак-ищеек.

– Для поиска тел?

Гамаш снова кивнул. Он сомневался, что им удастся найти что-нибудь. А если найдут, то будет ли это тело десятилетней давности или десятинедельной?

Ему, как и Бовуару, тоже показалось странным, что Марсель Шартран хочет увезти их из Бэ-Сен-Поля. Они вполне могли бы провести еще одну ночь над галереей. Они здесь уже обосновались. Остаться было бы проще – даже для Шартрана.

И тем не менее галерист хотел увезти их в загородный дом.

Бовуар был прав. Оставалось немало вопросов, которые следовало задавать здесь. Но Гамаш подозревал, что большинство ответов можно найти у Шартрана.

Глава тридцать первая

Закупив продукты, они поехали по прибрежному шоссе, петляющему вдоль холмов, скальных выемок, утесов.

Марсель Шартран ехал первым в своем фургоне, а Клара везла остальных в машине Гамаша.

Они проехали несколько миль, когда Шартран включил поворотник. Но не левый, в сторону от реки, а правый. Казалось, что направо ехать некуда – там не было ничего, кроме утеса. Но, обогнув его, они увидели полоску земли, вдающуюся в реку, а на ней – несколько ярко раскрашенных, эффектных домов.

– Когда-то все они принадлежали одной семье, – сказал Марсель, выходя из машины. – У них рождались только дочери. Ни одна не вышла замуж. Вот и построили себе жилища рядом.

Дома скромных размеров были выкрашены в ярко-красный, синий и желтый цвет. На фоне серого ландшафта они напоминали маяки. Построенные в одном стиле – с мансардными окнами, печными трубами из плитняка и деревянной верандой, – они немного отличались друг от друга. Крыши были покрыты жестью и напоминали серебристую рыбью чешую. В мягких лучах заходящего солнца они приобрели розоватый и голубоватый оттенок.

– Оно как-то называется? – спросила Мирна.

– Поселение? Нет.

– И кто здесь теперь живет? – спросила Клара, следуя за Шартраном к дому, стоящему ближе к реке.

– Хозяева двух других домов приезжают только летом. Я единственный, кто обитает тут круглогодично.

– А вам не бывает одиноко? – спросила Мирна.

– Иногда. Но зато какая компенсация!

Он повел рукой, показывая на деревья, скалы, утесы и громадный купол неба. И на темную реку. Для Марселя Шартрана все эти чудеса природы были близкими друзьями.

«Компенсация, да только неживая, – подумала Мирна. – Вид, несомненно, величественный, но достаточное ли это возмещение?»

– Я купил дом двадцать пять лет назад. Он несколько лет выставлялся на продажу после смерти последней сестры. Никто не хотел покупать. Естественно, к тому времени все пришло в запустение.

Шартран распахнул дверь, и они вошли.

Они оказались в гостиной с низким потолком, деревянным полом и потолочными балками. Помещение могло бы показаться тесным, давящим, но Шартран покрасил балки и оштукатуренные стены в молочно-белый цвет. Получилось уютно, по-домашнему. У большого камина стояли два кресла и старый диван. Окна с обеих сторон выходили на реку Святого Лаврентия.

Расселившись по комнатам, друзья налили себе выпить и затем собрались в кухне, чтобы приготовить ужин, состоящий из макарон, багета, намазанного чесночным маслом, и овощного салата, приправленного цикорием.

– Вы видели Ноу Мана, – сказал Гамаш, готовивший салат, обращаясь к Шартрану, который накрывал на стол. – Вы единственный, кто…

– Не совсем так, – возразил Шартран. – Клара, вы его тоже знали.

– Пожалуй, да, – сказала она. – Я все время забываю. Столько лет прошло, и к тому же я у него не училась. Встречала в коридоре, и только. Едва узнала его по автопортрету в ежегоднике, но, мне кажется, такова была мода того времени. Все хотели выглядеть мучениками.

– Возможно, все хотели так выглядеть, однако Норман мучился взаправду, – заметила Мирна.

– Вы читали лекцию в колонии, – сказал Гамаш, снова обращаясь к Шартрану. – Вам не показалось, что у них там секта?

Шартран оторвался от своего занятия и обдумал вопрос.

– Нет, мне не показалось. Но что такое секта? По каким признакам ее можно определить?

– Какая разница между сообществом и сектой? – спросил Бовуар.

– У обоих есть руководящая философия, – пояснила Мирна. – Но сообщество – явление открытое, люди могут приходить и уходить. А секта – закрытая, жесткая структура. Требует подчинения и абсолютной лояльности вождю и верованию. Она изолирует людей от большого мира.

– Любопытно, что Ноу Ман пригласил Марселя прочитать лекцию, – заметила Клара. – Вожди секты так не действуют.

– Верно, – сказала Мирна.

Она посмотрела на Шартрана и отвернулась.

Гамаш, внимательно наблюдавший за происходящим, подумал, что ему понятен ход ее мыслей.

Возможно, Шартрана никто не приглашал в сообщество. Возможно, он уже находился там.

Гамаш уже некоторое время подозревал, что Марсель был членом

сообщества Ноу Мана. Не потому, что Марсель много знал о сообществе, а потому, что делал вид, будто не знает.

Шартран поднял голову и улыбнулся Гамашу. Улыбка была приветливой, обезоруживающей. Дружеской. И Гамашу захотелось верить, что они и в самом деле на одной стороне.

Однако сомнения его не рассеялись, напротив, укрепились.

– Люди из сообщества показывали вам какие-нибудь свои работы? – спросила Клара.

Похоже, она единственная из всех ни в чем не подозревала Шартрана.

– Нет. И я не просил, чтобы они мне что-то показывали.

Мирна подняла голову и посмотрела на Клару, словно побуждая ее заметить нечто странное – галериста, которого совершенно не интересует искусство.

Большинство галеристов имели свою специализацию, но это не мешало им проявлять интерес к другим видам искусства. По правде говоря, они становились неистовыми и довольно назойливыми, когда дело касалось искусства.

Клара, намазывавшая на ломтики багета чесночное масло, казалось, не замечала ничего необычного.

– Ноу Ман тоже никогда не показывал вам своих работ? – спросил Гамаш.

– Никогда.

– Позвольте высказать предположение, – вступил в разговор Бовуар. – Вы его об этом не просили.

Шартран счел это занятным:

– Когда ты находишь то, что любишь, дальнейшие поиски теряют смысл.

– Жаль, что Люк Вашон уехал, – проговорила Клара. – Он мог бы рассказать нам о колонии немного больше.

– Да, – согласился Гамаш. – Жаль.

– Вообще-то, странно, что он никому не сообщил, куда отправился, – сказал Бовуар. – По словам официантки, он поехал куда-то «вниз по реке», но это слишком расплывчато.

Его рука с ножом, которым он нарезал томаты для салата, замерла.

– Понимаете, я спросил ее, куда он уехал, но я не уверен…

Нож в его руке медленно опускался, пока не уперся в доску. Бовуар смотрел перед собой, вспоминая разговор в баре.

– Merde, – проговорил он, роняя нож. – Где у вас телефон?

Шартран показал на гостиную:

– А что такое?

– Я спросил официантку, куда отправился Вашон, но она не знала. Потом я спросил парня в баре, когда Вашон вернется и можно ли с ним связаться. Но я не спрашивал, куда ездит Вашон. Молодая официантка не знала, а он, может, и знает. Tabarnac.

Бовуар вытащил из кармана блокнот и нашел номер «Ла Мюз».

Они услышали, как он набирает номер в гостиной.

Мирна и Гамаш стояли рядом у раковины.

– О чем вы думаете, Арман? – тихо спросила она.

– Я думаю о том, что сначала исчезает Ноу Ман, потом Питер, а теперь и Люк Вашон, единственный известный член колонии художников.

– А теперь и мы исчезли, – прошептала Мирна.

– Верно.

– Да бросьте, Арман. Выкладывайте. О чем вы на самом деле думаете?

– Я думаю… – Гамаш вытер руки о полотенце и повернулся к ней, – что Ноу Ман прожил здесь тихо-спокойно несколько лет, а потом распространился слух, что он вождь секты, и его изгнали.

– Это не мысли, – заметила Мирна. – Это констатация фактов. Вы можете больше.

– Я думаю, – повторил Гамаш, посмотрев на нее строгим взглядом, – что мне нужно позвонить.

– Передайте привет Рейн-Мари, – попросила она.

Гамаш кивнул, взял свой сотовый и вышел из дома. Он не сказал Мирне, что звонить собирается не жене, а кое-кому другому, но тоже в Трех Соснах.

– Какого черта вам надо?

Эту фразу Рут использовала вместо «слушаю».

– Хочу спросить кое-что о вашем сегодняшнем посещении колледжа.

– Разве тебе жена не рассказала? Зачем меня-то беспокоить?

– На этот вопрос Рейн-Мари ответить не сможет.

– Что за вопрос? – раздался нетерпеливый голос, но Гамаш услышал в нем нотку любопытства.

– Я все время вспоминаю ваши строки.

– Какие, мисс Марпл? Я написала сотни стихотворений.

– Вы знаете какие, ma belle.

Он почти услышал, как она вздрогнула. Гамаш давно уже понял: если хочешь очаровать Рут, плати ей той же монетой, что и она тебе. Но если хочешь ужаснуть ее, проявляй доброту.

– «Я сижу, где посажена…» Вот какие строки.

– И что?

– Рейн-Мари сказала, что вы с профессором Мэсси цитировали их сегодня. Никогда прежде не слышал, чтобы вы делали такое. Вероятно, он вам понравился.

– Чего тебе надо?

– Рейн-Мари говорит, что он был очарован вами.

– Тебя это удивляет?

– А вы – им.

Ответом на эти слова было молчание.

– И еще Рейн-Мари говорила, что, когда она спросила вас об этом, вы что-то сказали. Ей показалось – на латыни. Что вы сказали?

– Не твое дело. Неужели так смешно, когда два пожилых человека находят друг друга привлекательными? Неужели это так уж невероятно?

Еще кое-что необъяснимое.

Рут вовсе не злилась. Судя по голосу, она готова была расплакаться. И Гамаш невольно вспомнил (хотя по-настоящему никогда и не забывал) о некоторых моментах, которые он ненавидел в своей работе.

– Рут, что вы ответили, когда Рейн-Мари спросила о ваших чувствах к профессору Мэсси?

– Ты не поймешь.

– А вы попробуйте.

– Я процитировала одного из моих любимых поэтов, – ответила она. – И этот поэт – не я.

– А кто?

– Симус Хини[86].

– Строку из его стихотворения? – спросил Гамаш.

– Нет. Его последние слова перед смертью. Он сказал их жене. «Noli timere».

Гамаш почувствовал комок в горле, но продолжил:

– Стихотворение, которое вы цитировали с профессором Мэсси. «Я сижу, где посажена, созданная из камня и желаемого, выданного за действительное».

Он ждал, что Рут произнесет последнюю строку, как в разговоре с престарелым профессором. Но она молчала, и Гамаш закончил сам:

– «Будто божество, убивающее ради удовольствия, может и исцелять».

– И что?

Гамаш посмотрел на дом и увидел в окне Клару и Шартрана: они готовили еду, наклонив головы друг к другу.

«Noli timere», – подумал он.

– Для кого было написано стихотворение? – спросил он.

– Это имеет значение?

– Я думаю, да.

– А я думаю, ты уже знаешь.

– Для Питера.

– Верно. Как ты догадался?

– Да вот сообразил как-то, – сказал Гамаш. – Мне пришло в голову, что по-французски «камень» – «pierre». А Pierre – это Питер. Тут игра с его именем, но не только. Вы написали стихотворение много лет назад. Вы уже тогда понимали?

– Что он состоит из камня и желаемого, выданного за действительное? Да.

– И что есть божество, которое убивает ради удовольствия, но может и исцелять, – добавил Гамаш.

– Я так считала, – сказала Рут. – А Питер думал иначе. Я видела перед собой человека, который получил от жизни все. Талант, любовь, тихое место, где можно жить и творить. Ему нужно было только оценить все по достоинству.

– А если бы он не оценил?

– То так бы и остался камнем. И божества напустились бы на него. Они это могут, ты же знаешь. Они щедрые, но требуют благодарности. Питер считал, что все его везение – это его собственная заслуга.

Гамаш, невидимый для Рут, кивнул.

– У Питера на лбу всегда было написано «годен до…», – сказала Рут. – Такое случается с людьми, которые живут головой. Начинают они неплохо, но постепенно идеи у них иссякают. А если нет воображения, нет вдохновения, на которые можно бы опереться? Что тогда?

– Что?

– По словам Эмили Дикинсон, тогда человеку конец. Что случается, когда камень трескается, когда исчезает даже желаемое, выданное за действительное?

Гамаш почувствовал у себя в кармане тяжесть маленькой книжки. С маленькой закладкой. На том месте, до которого он никогда не доходил.

– Их творения в конечном счете умирают от небрежения и плохого питания, – ответила Рут на собственный вопрос. – А иногда после этого умирает и сам художник.

– Доведенный до смерти божеством, которое убивает ради удовольствия, – подхватил Гамаш.

– Да.

– Но оно может и исцелять? Как?

Гамаша разбирало любопытство. И ему хватало честности признаться себе, что это не только из-за Питера.

– Предлагая второй шанс. Последний шанс. Пойми меня правильно, я верю в то, что голова – вещь полезная. Но не нужно проводить там слишком много времени. В голове обитает страх. А мужество живет в сердце. Задача состоит в том, чтобы добраться из головы до сердца.

– А между сердцем и головой – комок в горле, – сказал Гамаш.

– Да. Большинство людей не могут преодолеть это препятствие. Некоторые рождены быть гениальными. Питер был одним из них. Но он не смог добраться до места. Подошел так близко, что уже видел его, чувствовал его запах. Может, даже поверил, что он уже там.

– Желаемое, выданное за действительное, – сказал Гамаш.

– Именно. Ему был дарован вкус к красоте, настоящий творческий талант, а потом у него отняли этот дар, словно в насмешку. Но боги еще не закончили с ним. Они дали ему жену, наделенную истинным талантом. Чтобы он каждый день мог видеть этот талант. Наблюдать его. А потом боги забрали и это.

Рут говорила так, словно рассказывала историю о призраках. Страшную, наводящую ужас историю о том, чего она сама боялась больше всего. Не появления монстра, а исчезновения того, что она любит.

Питер Морроу переживал ее кошмар. Все их кошмары.

– Но он получил последний шанс? – спросил Гамаш. – Чтобы вновь обрести потерянное?

– Не вновь, – резко ответила Рут. Ей нужно было довести свою мысль до этого бестолкового человека. – Найти впервые. Питер должен был найти то, чего у него никогда не было.

– И что же?

– Свое сердце. – Она немного помолчала. – Именно сердца Питеру и не хватало всю его жизнь. Он имел мозги, талант. Но его переполняли страхи. И потому он ходил кругами, раз за разом. Как если бы Льюис и Кларк добрались до Канзаса, а потом вернулись и начали поход снова[87]. Та же петля, ошибочно принимаемая за продвижение вперед.

– Это то, что делал Питер? – спросил Гамаш.

– Всю свою жизнь, – ответила Рут. – А ты так не думаешь? Предметы на картинах Питера, может, и разные, но если ты видел одну его картину, считай, что видел все. Не каждый человек – Льюис и Кларк. Не каждый человек – исследователь, и не каждый исследователь возвращается домой. Вот почему для этого требуется столько мужества.

– «Noli timere», – сказал Гамаш. – Но предположим, что ему хватило мужества, и что дальше? Не в поисках ли помощи и наставления он поехал в Торонто? Продолжая вашу аналогию, не понадобилась ли ему карта?

– Ты это о чем? Господи Исусе, мы же говорим о вдохновении художника, а не о географии. Болван, – пробормотала она. – И зачем ты приплел сюда Мартина и Льюиса?[88]

Гамаш вздохнул. Он терял ее. И уже начал немного терять себя.

– Что искал Питер в Торонто? – спросил Гамаш, стараясь говорить как можно яснее и проще.

– Он искал карту, – ответила Рут, и Гамаш тряхнул головой и глубоко вздохнул. – И он поехал в правильное место. Однако…

– Что «однако»? – спросил Гамаш.

– Питеру нужно было проявлять осторожность, чтобы не подпасть под неправильное влияние. Большинству людей необходимо руководство. Но если они выбирают неправильного руководителя, то кончают, как отряд Доннера[89].

– По-моему, эта аналогия здесь не годится, – сказал Гамаш.

– Какая аналогия?

Гамаш подумал о своем друге Питере Морроу. Одиноком, испуганном. Потерянном. И вдруг Питер находит не одну дорогу, а две. Одна ведет в пустыню, а другая заставляет его ходить кругами. Принимая это за продвижение вперед, как заметила Рут. На одной дороге профессор Мэсси, на другой – профессор Норман.

Рут была права: Питер, несмотря на всю его похвальбу, был трусом. А трусы почти всегда выбирают легкий путь.

А что может быть легче волшебной десятой музы, которая решит все твои проблемы? Не это ли предлагают секты? Укрытие от бури. Ясный ответ. Беспрепятственный прогресс.

– Вы верите в десятую музу, Рут?

Он приготовился к очередной порции оскорблений, но таковой не последовало.

– Я верю во вдохновение. И верю в божественное. Будь то Бог, ангелы, дерево или муза – не имеет значения.

– Мирна говорила о силе веры, – сказал Гамаш.

– Она кажется мудрой женщиной. Я бы хотела когда-нибудь с ней познакомиться.

Гамаш улыбнулся. Разговор был закончен.

– Merci, пьяная грешница, – произнес он и услышал в ответ смех.

На заднем плане послышались причитания Розы: «Фак, фак, фак».

– Прошу прощения, – сказала Рут. – Вы, вероятно, ошиблись номером.

Рут повесила трубку и села рядом с Розой, ее музой, которая вдохновляла ее на то, чтобы стать лучше, но не как поэтесса, а как человек.

Гамаш постоял в темноте и снова посмотрел в окно. На Клару. И Марселя Шартрана.

Может быть, поэтому галерист и пригласил их сюда. И в голове у него были не какие-то зловещие замыслы увезти их из Бэ-Сен-Поля, а нечто гораздо более простое. И гораздо более человеческое.

Здесь он жил, Марсель Шартран, жил в одиночестве. Прилепившись к скалистому выступу. Он пригласил Клару в свой дом.

«Noli timere».

«Не бойся».

Глава тридцать вторая

Жан Ги прижимал телефонную трубку к уху. Ждал, ждал.

Гамаш видел в окне, как Бовуар ходит туда-сюда по гостиной.

Трубка в руке Гамаша зазвонила.

– Рейн-Мари?

– Oui, Арман. У меня новости. Позвонила секретарь из колледжа.

– Так поздно?

– Ну, она долго искала личное дело профессора Нормана. Наверное, в обычной ситуации она бы бросила поиски и уехала в отпуск, но ее беспокоило, что никак не удается найти дело.

– Она нашла его?

– Нет.

– Значит, я напрасно держал всех этих репортеров, – недовольным тоном произнес Гамаш и услышал ее смех.

– Есть кое-что еще. Не найдя дело, она позвонила временному секретарю, которая тогда работала у них в конце семестра. И та призналась, что изъяла личное дело для одного человека.

– Для Питера?

– Для Питера. И я думаю, теперь ясно, почему он так надолго задержался в Торонто, – сказала Рейн-Мари. – Он запросил это дело еще зимой, но понадобилось много времени, чтобы его найти.

– Несколько месяцев?

– Ну, не так долго. Видишь ли, все старые дела хранились в коробках, куда их поместили перед ремонтом много лет назад. И какое-то время у секретаря ушло на то, чтобы убедиться, что папки не загрязнены асбестовой пылью. Это совпадает с тем, о чем нам говорил профессор Мэсси. Когда она получила положительные результаты анализов, уже наступила весна.

– Если дело нашла временная сотрудница, почему его не смогла найти постоянная? – спросил Арман.

– Временная его уничтожила. И прежде чем ты сделаешь выводы, – сказала Рейн-Мари, услышав смешок мужа, – тебе придется узнать, что работа временного секретаря состояла в том, чтобы внести в компьютер данные нынешних студентов, но поскольку она отыскала для Питера личное дело профессора Нормана, то она и его просканировала. А потом уничтожила оригинал. Поэтому постоянный секретарь не смогла его найти.

– Но это значит, что электронная версия осталась, – заметил Гамаш.

– Вот именно. Секретарь послала дело мне по почте. Когда оно загрузится, мы уже сто лет как будем мертвы. Поэтому я попросила секретаря прочитать мне кое-какие важные вещи.

– И?..

– Себастьян Норман преподавал теорию живописи всего один год. Как я тебе уже говорила, рекомендовал его профессор Мэсси. Но самым ценным в деле оказалась записка от Нормана, в которой он просит выслать ему последнее жалованье в Бэ-Сен-Поль. Питер, вероятно, прочел записку и отправился туда, чтобы найти Нормана.

– Однако Норман исчез из Бэ-Сен-Поля задолго до приезда Питера, – сказал Гамаш. – У нас может появиться другая наводка. Норман посылал свои картины в какую-то галерею. Возможно, там до сих пор есть его работы. Профессор Мэсси познакомился с Норманом в Торонто, когда тот начинал карьеру. Вероятно, галерея находится в Торонто.

– И у них должен быть его теперешний адрес, – подхватила Рейн-Мари. – Но в Торонто много галерей.

– Верно, однако профессор Мэсси может знать, – сказал Арман.

– Хочешь ему позвонить?

– Сейчас уже поздновато, – ответил Арман. – Он наверняка уехал домой.

– Необязательно. Я думаю, профессор Мэсси живет в колледже, в своей мастерской.

– Правда? Как странно.

– По-моему, у него там есть все, что необходимо, – сказала Рейн-Мари.

«Одного профессора выгнали, – подумал Гамаш, повесив трубку. – Другой профессор вообще оттуда не уходит».

Рейн-Мари перезвонила через несколько минут:

– Никто не отвечает. Может, он там и не живет. Попробую позвонить утром.

– А секретарь не сказала, откуда родом профессор Норман? Из какой части Квебека?

– Я не спрашивала, но в деле, наверно, есть об этом.

– Перешли его мне, как только получишь, s’il te plait[90].

Они поговорили еще несколько минут – тихий, интимный разговор двух близких людей. Потом Гамаш вернулся в кухню, куда только что явился и Бовуар.

– Есть что-нибудь? – в один голос спросили остальные.

– Patron? – сказал Бовуар, предлагая Гамашу говорить первым.

– Рейн-Мари ждет электронное письмо из колледжа с делом профессора Нормана. Вы знаете, что именно профессор Мэсси рекомендовал принять Нормана на работу?

Судя по лицу Клары, это было для нее новостью.

– Какой бес в него вселился?

– Он сказал Рейн-Мари, что знал Нормана шапочно. Они встречались на нескольких выставках, и Мэсси решил, что Норману требуется помощь. Знакомствами тот не обзавелся, да и с деньгами у него явно было туговато. Поэтому Мэсси рекомендовал Нормана на неполную ставку в качестве преподавателя теории искусства.

– Наверное, Мэсси чувствовал себя ужасно, когда Норман напортачил, – заметил Бовуар.

– Что вы о нем думаете? – спросил Гамаш у Мирны.

– О Мэсси? Мне он понравился. Можно понять, почему студенты им восхищались. Он и сейчас обладает неким магнетизмом. И похоже, он искренне переживает за студентов. Он мне чем-то напоминает вас, Арман, – сказала Мирна.

– Верно, – подтвердила Клара. – Я знала, в этом человеке что-то есть. Его спокойствие, его желание помогать.

– И его мужественное красивое лицо, – добавил Гамаш и увидел, как дамы закатили глаза. – В деле Нормана обнаружилась записка, в которой он просит переслать его последнее жалованье сюда, в Бэ-Сен-Поль. Питер прочитал дело, увидел записку и приехал сюда. Если в деле есть что-нибудь еще, мы скоро узнаем.

Макароны уже сварились. Их сбрызнули оливковым маслом с чесноком, посыпали свежим базиликом и тертым пармезаном и поставили на стол.

– Ваша очередь, – обратилась Клара к Бовуару, когда все сели за стол. – Есть что-нибудь из «Ла Мюз»?

– Ничего. Я долго ждал ответа, однако бармен был слишком занят и не смог подойти к телефону, – ответил Бовуар, приступая к макаронам.

Он не стал говорить об этом, но, если бы они остались в Бэ-Сен-Поле, он мог бы сейчас сходить в «Ла Мюз», прижать того типа к стене и получить от него нужные сведения. А вместо этого ему пообещали, что бармен перезвонит, когда освободится, и повесили трубку.

Час спустя, когда они убрали со стола и сварили кофе, одновременно зазвонили два телефона.

– Excuse-moi, – сказал Гамаш и снова вышел со своим сотовым на каменную террасу.

Перед тем как закрыть дверь, он услышал голос Шартрана – тот обращался к Бовуару:

– Это вас.

Вечер стоял теплый, безлунный, и, хотя Гамаш не видел реку, все остальные его органы чувств ощущали ее присутствие. Он ее обонял, слышал и даже осязал. Легчайший туман касался его лица.

– Рейн-Мари?

Он подсознательно повернулся на запад и представил себе Рейн-Мари в их доме. Представил себя рядом с ней в саду. Под теми же звездами, что и здесь.

– Я получила его личное дело. Только что переслала его тебе.

– Ты можешь передать его содержание в общих словах?

Он слушал, как она читает. И пока она читала, он медленно поворачивался. От нее. От Трех Сосен. От сердца Квебека. К верховьям реки. Туда, где начинался Святой Лаврентий и Квебек.

Туда, где, как он теперь знал, все это начиналось. И где все закончится.

– Patron?

В дверях возник силуэт Бовуара.

– Ici[91]. – Гамаш только что закончил разговор с Рейн-Мари.

– Я знаю, куда поехал владелец «Ла Мюз». Куда он ездит каждый год приблизительно в это время.

– Позволь мне высказать предположение, – сказал Гамаш.

Шеф был всего лишь бестелесным голосом, однако постепенно Бовуар стал различать его очертания. Темные на фоне звездного вечернего неба.

Темная фигура подняла черную руку и показала направление.

– Вон там, – проговорил Гамаш.

– Oui, – сказал Бовуар.

– Табакен.

– Oui.

Бовуар тоже повернулся и уставился в темноту.

Если бы мир был плоским, то можно было бы сказать, что Табакен приютился на краю пропасти.

– Вот вы где, – сказала Мирна, выходя из дома.

– Что тут происходит? – спросила появившаяся в дверях Клара, заметив двух мужчин, которые тихо стояли, глядя на восток.

– Мы знаем, куда уехал владелец «Ла Мюз», – сообщил Бовуар.

– И мы знаем, куда уехал Ноу Ман, – добавил Гамаш. – И где почти наверняка находится Питер.

– Где? – спросила Клара, быстро подходя к ним.

– В одной деревне вон там. – Бовуар показал в темноту.

– Она называется Табакен, – сказал Гамаш.

– Вы ее знаете? – спросила Клара и увидела в темноте, как кивнула его темная голова.

– Это соседняя деревня с Аньо-де-Дью, – ответил он. – Стоят бок о бок, но такие разные.

Гамаш прошел мимо них к дому.

– Аньо-де-Дью, – повторила Мирна и перевела на английский: – Агнец Божий. А Табакен? Я не знаю, как перевести.

– Такого слова нет, – сообщил ей Бовуар. – То есть оно вообще не французское. Это индейское название, оно существовало задолго до того, как здесь появились европейцы.

– И что оно означает? – спросила Клара. – Вы знаете?

– Оно означает «колдун», – ответил Гамаш, входя в дом.

Глава тридцать третья

Бовуар и Клара не ложились полночи – обсуждали, размышляли. Отправляли электронные письма, искали и прокладывали маршрут.

Наконец около двух часов ночи они все организовали и разошлись по спальням, чтобы проснуться через четыре часа под звон будильников.

– Который час? – раздался сонный голос Мирны. – Боже, Клара, сейчас только начало седьмого. У нас что, пожар?

– Нам нужно ехать, если мы хотим успеть на девятичасовой самолет.

– Что?

Мирна села в кровати, полностью проснувшаяся и слегка встревоженная.

В соседней спальне Гамаш уже сидел на краю кровати. Вчера он хотел остаться с Кларой и Бовуаром, чтобы помочь им, но ему сказали, что его присутствие совершенно необязательно.

– Ну как, все получилось? – спросил он у Жана Ги, который выглядел сонным, но решительным.

– Через три часа из Ла-Мальбе вылетает самолет. Он доставит нас в Табакен.

– Самолет? – удивилась Мирна, когда Клара ей все объяснила. – А на машине туда не доехать?

– Там нет дорог, – ответила Клара, пытаясь выманить эту крупную женщину из маленькой кровати. – Это рыбацкая деревенька. Добраться туда можно либо на лодке, либо самолетом.

– Мы предпочли самолет, – объяснял Бовуар Гамашу, принимавшему душ. – Он садится во всех деревнях по пути, и у нас уйдет почти весь день на полет, но к ужину мы доберемся.

Они оделись и вышли из дома, когда еще не было семи.

Шартран стоял у своего фургона.

– Мы поедем на своей машине, – сказал Жан Ги, укладывая сумку в багажник.

– Я собираюсь ехать с вами, – заявил Шартран. – Нет нужды гонять две машины. Вы сможете забрать вашу, когда мы вернемся.

Гамаш и Бовуар переглянулись.

– Садимся, – изрекла Клара.

Она забралась в фургон, взглянула на Жана Ги и похлопала по сиденью рядом с собой.

Бовуар посмотрел на нее, потом на Шартрана и наконец на Гамаша, который пожал плечами:

– Ты слышал последние распоряжения, Жан Ги. Забирай вещички.

– Patron, – начал было Жан Ги, но Гамаш прикоснулся к его руке, заставив замолчать:

– Клара главная. Она знает, что делает.

– Как-то раз она съела сушеные ароматические лепестки, думая, что это чипсы, – заволновался Жан Ги. – А однажды приняла ванну из бульона, потому что спутала бульонные кубики с солью для ванн. Она сделала скульптуру из пылесоса. Она понятия не имеет, что делает!

Гамаш улыбнулся:

– По крайней мере, если все пойдет наперекосяк, у нас будет на кого повесить всех собак.

– Это у вас будет, – пробормотал Бовуар, укладывая сумку в багажный отсек фургона. – Я и так всегда вешаю всех собак на вас. Так что мне никакого навара.

Двадцать минут спустя Шартран свернул на дорогу, ведущую к крохотному аэропорту в Ла-Мальбе, и остановился у какой-то будки.

– Это он? – спросила Мирна, уставившись на маленький самолет на рулежной дорожке.

– Вероятно, – ответил Гамаш и попытался не думать об этом.

Он часто летал на маленьких самолетах в отдаленные деревни и приземлялся на том, что большинство пилотов не назвали бы взлетно-посадочной полосой. Но удовольствия от таких полетов было мало.

– Одна надежда на аварийный выход, – сказала Мирна.

Из будки вышел молодой человек и посмотрел на приехавших, оценивая их как груз.

– Меня зовут Марк Броссар, я пилот. Это вы прислали электронное письмо сегодня ночью?

– Верно, – ответил Жан Ги. – Четыре человека до Табакена.

– Пять, – поправил его Шартран.

Бовуар повернулся к нему:

– Вы нас довезли. Этого достаточно. Вы не можете лететь с нами.

– Могу. Мне только билет надо купить. – Он протянул молодому пилоту кредитку. – Вот. Нет проблем. Я могу лететь.

Он произнес это на манер Питера Пэна, и Мирна рассмеялась. Бовуар, напротив, помрачнел. Он смерил галериста сердитым взглядом и повернулся к Гамашу.

– Мы тут ничего не можем поделать, Жан Ги.

– Если не будем пытаться, то да, – сказал Бовуар. – Сэр.

Гамаш наклонился к нему:

– Мы не можем его остановить. Да и нужно ли?

Но Бовуар не желал сдаваться:

– А место-то там есть?

– Для одного лишнего человека всегда найдется место, говорит моя матушка, – сказал пилот, возвращая Шартрану кредитку, и посмотрел на восток. – Нам лучше поспешить.

– Почему? – спросила Мирна и тут же пожалела, что сделала это. Иногда лучше не знать.

– Красное небо утром. – Пилот показал на ярко-красное небо. – Предупреждение для моряка.

– Это тоже говорит ваша матушка? – спросил Бовуар.

– Нет. Мой дядюшка.

– Но вы пилот, а это не лодка, – возразила Клара.

– Без разницы. Такое небо к плохой погоде. Лучше уж быть в лодке. – Он перевел взгляд с Мирны на Гамаша. – Балласт. Хорошо в bateau[92]. А в воздухе не очень.

– Может, ему лучше остаться? – сказал Жан Ги, кивая на Шартрана.

Галерист стоял спиной к ним, устремив взгляд на колоритный рассвет.

– Нет, – отрезала Клара. – Он нам помогал. Если он хочет, пусть летит.

– Вы надо мной смеетесь? – прошипел Бовуар на ухо Гамашу. – Она принимает решения на основе своих симпатий?

– Пока у нее все получалось, не так ли?

Бовуар побагровел от досады.

Мирна подошла, увидела его красное лицо и на всякий случай повернула обратно.

– Ну, вы идете? – Пилот загрузил их багаж и остановился у двери самолета.

Они втиснулись в салон, занимая места, на которые указывал пилот, равномерно распределявший нагрузку. И все равно самолет взлетел вразвалку, опасно накренившись на одно крыло, почти задевавшее взлетную полосу. Гамаш и Клара, сидевшие с этой стороны, наклонились к середине. Как слаженная команда моряков.

А потом они поднялись на нужную высоту и взяли курс на Табакен. Самолет заложил вираж, Жан Ги всем телом навалился на Гамаша, прижав его лицом к иллюминатору, и Гамаш смог увидеть то, что видно только сверху.

Кратер. Гигантский идеальный круг – место, куда упал метеорит сотни

миллионов лет назад. Космическая катастрофа, которая уничтожила все живое вокруг. А потом создала жизнь.

Самолет снова лег на крыло и полетел на восток. От Бэ-Сен-Поля. В красное небо.

– Вы давно летаете этим маршрутом? – проорала Клара, перекрикивая рев двигателя.

Она наконец перестала молиться и почувствовала, что может открыть рот, не рискуя завизжать.

– Несколько лет, – прокричал в ответ пилот. – Начал летать в восемнадцать. Семейный бизнес.

– Авиация? – спросила Клара, обретая чуть большую уверенность.

– Фрукты.

– Прошу прощения?

– О господи! – прокричала Мирна. – Да оставь ты его в покое, пусть управляет самолетом!

– Oui, фрукты. На побережье не так уж много свежих фруктов, а доставлять их на bateau слишком долго, поэтому мы доставляем фрукты самолетом. Главным образом бананы.

За сим последовал монолог о том, сколько времени требуется разным фруктам, чтобы дойти до стадии гниения. К тому времени, когда он закончил, все явственно ощутили, что успели подпортиться.

– А как часто вы берете пассажиров? – спросил Жан Ги, желая поскорее сменить тему.

– В последнее время довольно часто, но это необычно. Большинство людей отправляются на побережье по воде. Времени уходит больше, зато безопаснее.

Никто не пожелал развивать тему безопасности, а Клара снова принялась молиться: «Благослови, Господь, пищу нашу…»

– А Люка Вашона вы не возили недавно? – спросил Жан Ги.

– Владельца «Ла Мюз»? Oui. Несколько дней назад. Рановато, но он каждый год туда летает.

– Куда именно? – спросил Гамаш.

– В Табакен. Рисует там. Каждое лето. В этом году я высадил его прямо там, но обычно высаживаю в Сет-Иле, а оттуда он добирается по воде. Все художники предпочитают по воде. Так…

– …безопаснее, да-да, мы знаем, – перебил его Бовуар.

Пилот рассмеялся:

– Я хотел сказать, красивее. Ведь художники любят красоту. Mais, franchement[93], на лодке безопаснее. А вообще-то, никакого безопасного

способа добраться до залива Святого Лаврентия не существует. У нас болтанка, а у кораблей – Могилы. Так что риск есть везде.

– Заткнитесь вы все! – прошипела Мирна, испепеляя взглядом своих попутчиков.

Самолет попал в воздушный поток и накренился. Он нырял и падал и снова набирал высоту. Пилот тут же переключил все свое внимание на управление самолетом. Пассажиры сидели, широко раскрыв глаза, а Клара ухватилась за руку Мирны.

Заметив это, Жан Ги позавидовал женщинам и подумал, как бы прореагировал шеф, если бы Жан Ги поступил так же.

Самолет снова нырнул, и Бовуар схватил Гамаша за руку, но отпустил, как только самолет выровнялся.

Гамаш посмотрел на него, но ничего не сказал. Они оба знали, что уже не в первый раз цепляются друг за друга, когда жизнь повисает на волоске. А судя по тому, как развивались события, это могло случиться еще не раз.

– Питер! – завопила Клара так громко, что Бовуар почувствовал непреодолимое желание оглядеться, не присоединился ли к ним Питер Морроу.

Клара наклонилась вперед:

– А моего мужа, Питера Морроу, вы туда не возили?

– Désolé, леди, – ответил пилот. Он явно был двуязычным и говорил на смеси языков. Англо– и франкофон. – Имен не помню. Только багаж. И фрукты. Теперь лимоны…

– Он должен был лететь в Табакен, – быстро заговорила Клара. – Высокий. Англоязычный.

Пилот покачал головой:

– Нет, мне это ни о чем не говорит.

Мирна вытащила свой телефон, кликнула по нему несколько раз и протянула Кларе. Та немного поколебалась, а потом сказала:

– Да какого черта, все равно нам всем хана.

Она показала фотографию пилоту, и тот, отсмеявшись, спросил:

– Это вы, что ли?

– Не имеет значения. Мужчину вы узнаете?

– Да. Высокий, старый. Англоязычный.

– Старый? – переспросила Клара.

– «Старый» не самое важное из того, что он сказал, – возразила Мирна. – Мы все кажемся ему стариками. Он только-только начал подгнивать.

Самолет затрясло, словно его кто-то подтолкнул.

– Боже мой, вот и конец, – пробормотал Жан Ги.

– Что это? – спросила Клара.

– Где? – Мирна лихорадочно повернулась к иллюминатору и посмотрела, куда показывает Клара.

– Это транспортник, развозит товары по деревням, – ответил пилот.

– Художники тоже на нем плавают? – спросила Клара.

Внизу была река, а на ней – судно. Сверху оно напоминало сигару.

– Oui.

– Как долго корабль идет до Табакена? – спросила Клара.

– Из Сет-Иля? – Пилот задумался. – День, может, два. Зависит от погоды.

– Высадите нас там.

– Где?

– В Сет-Иле.

– Клара? – сказала Мирна.

– Клара? – сказал Гамаш.

– Если Питер плыл на корабле, то и мы должны.

– Клара? – сказал Жан Ги.

– Но ведь Питера там нет, – заметила Мирна.

– Я знаю. Однако у него была какая-то причина, чтобы остаток пути плыть.

– Возможно, – сказала Мирна. – Но у нас есть причина, чтобы этого не делать. Разве мы не хотим как можно быстрее добраться до Табакена?

– Зачем? – спросила Клара.

– Чтобы найти Питера.

– А если он сошел с корабля? – возразила Клара. – Если он так и не добрался до места? Нет. Мы должны повторить его путь с максимальной точностью.

Бовуар повернулся к Гамашу. Их носы чуть не соприкоснулись, так тесно они сидели. И свирепый взгляд Бовуара, несомненно, выражал отчаяние.

Шутки кончились. Хватит, повеселились. Позволили Кларе поуправлять.

Пришло время брать бразды правления в свои руки.

– Patron. – В голосе Бовуара слышалось предостережение.

– Клара тут главная, Жан-Ги, – ответил Гамаш, чей голос был едва различим за воем двигателя.

– Мы можем долететь до той деревни, узнать, что случилось с Питером и вернуться домой, прежде чем тот корабль пройдет полпути, –

запротестовал Бовуар. – Вас это устраивает?

Гамаш посмотрел вниз, на кораблик, такой маленький на громадной реке.

– Мы дали Кларе слово. И потом, может быть, она права. До сего дня она неизменно оказывалась права.

Бовуар взглянул в умные карие глаза шефа, отметил морщины на его лице. Глубокий шрам на виске. Волосы, почти совсем поседевшие.

– Вы боитесь? – спросил Бовуар.

– Чего?

– Снова быть за старшего? Взять на себя ответственность?

«Есть бальзам, есть в Галааде…» Книга в кармане у Гамаша впилась ему в бок. Словно колючка. Не позволяющая ему забыть. «…Душу грешную спасет».

– Мы здесь для того, чтобы помогать Кларе, и ни для чего больше, – повторил Гамаш. – Если я почувствую, что должен вмешаться, то вмешаюсь. Но не раньше.

Жан Ги отвернулся, однако Гамаш успел увидеть в его знакомых глазах что-то незнакомое.

Сомнение.

Самолет не столько приземлился, сколько выскользнул из воздуха. Он ударился о посадочную полосу, проехал какое-то расстояние и остановился.

– Ай-ай, – сказал с ухмылкой бессмертный пилот. – Чуть не покалечил бананы.

Мирна рассмеялась судорожным смехом приговоренного к смертной казни, которому объявили о помиловании.

Все вылезли из тесной консервной банки и остановились на полосе. Посмотрели на реку. Самолет стоял всего в нескольких метрах от Святого Лаврентия.

– Tabarnac, – выпалил Шартран, потом повернулся к женщинам. – Извините.

– Merde, – выпалила Мирна, потом повернулась к Шартрану. – Извините.

– Тут нет аэропорта, – заметил Гамаш, оглянувшись.

Пилот выгружал их багаж на полосу.

– Аэропорт большой, – продолжал Гамаш. – Там приземляются реактивные самолеты. А здесь…

Он огляделся. Река, лес, река.

– Здесь…

– Добро пожаловать, – сказал пилот, доставая последнюю сумку и укладывая ее в общую кучу.

– А если серьезно, где мы? – спросил Гамаш.

Пилот показал вдаль. Там, на горизонте, показалась точка. На их глазах она приближалась. Приобретала форму. Форму корабля.

– «Морской волк». Он причалит вон там. – Пилот махнул рукой на пирс в полукилометре от них. – Погрузочная пристань. Вам лучше поспешить.

– Tabarnac, – рявкнула Мирна и схватила свою сумку.

– Merde, – проворчал Шартран.

Они заторопились по бугристой посадочной полосе и остановились лишь затем, чтобы посмотреть на самолет, который разбежался и взмыл в воздух. С земли он казался удивительно изящным, словно что-то неловкое выпустили на свободу.

Самолет и парнишка за штурвалом, казалось, были созданы для небес и не принадлежали земле.

Самолет качнулся туда-сюда, заложил вираж и полетел в сторону солнца. И вскоре исчез из виду.

Тогда они развернулись и поспешили к пирсу, куда уже приближался «Морской волк».

Гамаш, хорошо знавший побережье, спросил себя, понимает ли Клара, где они оказались.

Глава тридцать четвертая

На корабле оставались лишь две каюты. Адмиральская и капитанская.

Было решено, что женщины займут капитанскую, а трое мужчин – адмиральскую, поскольку она должна быть больше капитанской.

Они показали фотографию Питера капитану порта, кассиру, старшему стюарду, какой-то женщине, которую они приняли за служащую, но которая оказалась пассажиркой.

Никто из них не узнал Питера.

– Может быть, он добирался и не по реке, – предположила Мирна. – Мы ведь не уточнили у пилота.

Клара задумалась, держа в одной руке сумку, а в другой – слегка потертую фотографию Питера. Мирна обещала больше не показывать старую фотографию из ежегодника.

– И все же пилот узнал Питера на фотографии, – сказала Мирна. – Хотя я не понимаю как. Большая часть его лица спрятана за облачком дыма.

Кроме одного острого глаза, подумал Гамаш. Не глаза художника, а хитрого, оценивающего глаза. Глаза его матери.

Что-то в разговоре с молодым пилотом не давало покоя Гамашу. И по-видимому, Мирна тоже это ощущала. Казалось странным, что молодой парнишка, признавший, что считает своих пассажиров товаром, узнал Питера по старой фотографии из ежегодника.

Однако он узнал Клару, а значит, у него был острый взгляд на лица.

– Я думаю, если кто его и узнает, – Клара подняла руку с недавней фотографией Питера, – то кто-то из моряков, который видел, как Питер расхаживает по палубе. Не капитан корабля и не капитан порта.

– Хорошая мысль, – поддержал ее Гамаш.

И Клара оказалась права. Если стюард, который проводил женщин в капитанскую каюту, не узнал человека на фотографии, то стюард, провожавший мужчин, узнал.

– Он купил билет на одно спальное место, – сообщил стюард. – И всех сторонился.

– Как же вы его запомнили? – спросил Жан Ги, следуя за ним по тускло освещенному, узкому коридору.

Кораблику явно было далеко до «Куин Мэри».

– Я за ним приглядывал.

– Почему? – спросил Бовуар.

– Боялся, что он спрыгнет за борт.

Услышав это, они остановились посреди коридора.

– Что вы имеете в виду? – спросил Гамаш.

– Люди иногда прыгают, – ответил молодой стюард. Он был невысокий, гибкий. Говорил с сильным испанским акцентом. – Особенно такие тихие. А он был тихий. Замкнутый в себе.

Они двинулись дальше по коридору, а потом, к их удивлению, спустились на два пролета трапа.

– Большинство пассажиров радуются речному путешествию. Общаются. Знакомятся. Заниматься тут особо нечем, ну и начинают завязывать дружбу. Ваш парень вел себя иначе. Он другой.

– И вы думаете, он собирался прыгнуть? – спросил Гамаш.

– Не-а. Он был в порядке. Просто другой.

Опять это слово. Питер Морроу, всю свою жизнь пытавшийся не выделяться, в конечном счете оказался «другим».

– А где он сошел? – спросил Жан Ги.

– Не помню.

Они добрались до адмиральской каюты. Стюард открыл дверь и замер, держа руку ладонью вверх.

Бовуар проигнорировал его, но Гамаш дал стюарду двадцатку.

– Двадцать долларов, patron? Вы что? – вполголоса спросил Бовуар.

– А кто, по-твоему, будет распределять места в спасательной шлюпке?

– А-а.

– Вот тебе и «а-а», – сказал Гамаш.

Они вошли в каюту. Почти вошли. Втроем они едва умещались стоя, а как им лечь – это было совершенно неясно.

– Адмиральская каюта? Это какая-то ошибка, – пробормотал Шартран, пытаясь повернуться так, чтобы не задеть остальных.

– Тут наверняка произошел мятеж, – сказал Бовуар.

Гамаш вскинул брови. Все это выглядело очень похоже на какой-нибудь бриг. И пахло как в сортире. Они оказались в чреве корабля.

«Морской волк» накренился и отчалил от пристани.

– Приятного путешествия, – сказал стюард, закрывая дверь.

В маленький иллюминатор они увидели, как уходит вдаль земля.

Мирна повернула краны и сунула руку под струю воды, чтобы убедиться, что температура подходящая. Аромат лаванды от пены для ванн наполнил ванную, отделанную красным деревом.

Были зажжены свечи, и стюард принес два крепких капучино,

корзиночку с теплыми круассанами и джем.

Немного ранее позвонил Арман и сообщил, что их стюард определенно опознал Питера. Клара почувствовала облегчение и решила, что может позволить себе расслабиться.

Она отщипнула кусочек рассыпчатого круассана и уселась на диване.

Они продвигались к цели.

Через дверь в другом конце каюты Клара видела Мирну, погрузившуюся в медную ванну. Пузырьки пены образовали на ее теле пенные горы и долины.

– Я смотрю, твой корабль наконец-то пришел, – сказала Клара, услышав, как Мирна напевает «Что нам делать с пьяным моряком?»[94].

– Я прирожденный моряк, – ответила та.

Пока Мирна принимала ванну, Клара попивала капучино и наблюдала сквозь большой иллюминатор «Морского волка», как проплывают мимо густые старые леса и бухточки.

Жан Ги и Арман стояли, опершись на фальшборт «Морского волка». Корабль шел прямо против волны, и оба они смотрели на воду, почти загипнотизированные ритмическим движением. Нос корабля то поднимался, то падал, разрезая волны и посылая мелкие брызги им в лицо.

Это освежало и одновременно убаюкивало.

Если бы Гамаш начал напевать какую-нибудь старинную квебекскую колыбельную, Жан Ги точно бы рухнул и уснул прямо на палубе.

C’est un grand mystère
Depuis trois nuit que le loup, hurle la nouvelle[95].

Вспомнив мелодию, Жан Ги почувствовал, как его веки сомкнулись. Потом встрепенулись. И снова начали тяжелеть. «C’est un grand mystère». «Тайна великая». Он слышал голос матери, поющей ему. О лесной чащобе. О волках и лисах. О страхе. И о спасении. Ощущении безопасности.

Голова его поникла, но он заставил себя прогнать сон.

Первым в туалет они запустили Марселя Шартрана. Когда они платили за каюту, кассир заверил их, что там есть свои ванная и туалет.

На деле ничего такого не оказалось. Если только на морском языке «свои ванная и туалет» не означали крохотного, мрачного ватерклозета в конце темного коридора.

– Если у нас адмиральская каюта, то можно только догадываться,

насколько плоха капитанская, – сказал Жан Ги.

– Я звонил им сообщить о Питере и спросил, как они обосновались. Они не жаловались.

– Удивительно. Я бы на их месте жаловался, – проворчал Жан Ги.

Они нашли кафетерий, но тот закрылся перед их носом.

– Désolé, – сказал стюард. – Кофе можете взять там.

Он показал на автомат.

– У меня нет мелочи, – признался Гамаш, ощупав карманы. – А у тебя?

Бовуар с нарастающим бешенством вывернул свои карманы:

– Merde!

Они уставились на автомат.

– Замечательно, – сказала Мирна, поудобнее устраиваясь на стуле перед обеденным столом красного дерева.

Они покончили с завтраком, состоявшим из яичницы с беконом и неожиданного угощения в виде небольшого кусочка копченой форели, и теперь потягивали кофе и грызли фрукты.

– Если у нас такая шикарная каюта, можешь себе представить, что у мужчин? – сказала Клара и встала из-за стола, чтобы набрать воды в ванну. – Адмиральская каюта – ого-го.

Мирна сменила махровый халат, предоставленный пароходной компанией, на чистую одежду и услышала сладострастный стон Клары, погрузившейся в ванну.

– Я ухожу, – сообщила Мирна, остановившись в дверях ванной. – Ты тут в безопасности? Не заснешь?

– То есть не утону ли и не пропущу остальную часть путешествия? – спросила Клара. – Ни за что. Им придется вызывать копов, чтобы увести меня с корабля. Куда ты собралась?

– Повидаться с копами.

Мирна удивилась, найдя их каюту внизу, в довольно грязном коридоре.

Две раза прочитав табличку на дверях с надписью «Адмиральская каюта», она постучала. Дверь открыл Жан Ги, а подальше – хотя никакой дали в каюте не было – она увидела Армана, который обшаривал карманы куртки Шартрана.

– Ищу мелочь, – заикаясь, проговорил он, потом взял себя в руки, расправил плечи и с некоторым достоинством добавил: – Для кофейного автомата.

– Понятно, – промычала Мирна.

Она вошла бы в каюту, будь такое возможно. Вместо этого она

засунула внутрь голову и огляделась.

Стены были обиты поцарапанной, отслаивающейся фанерой, отчего крохотное помещение казалось еще меньше. У стены притулилась односпальная койка, которая днем исполняла функции узкого дивана. На иллюминаторе нарос слой грязи. Пахло нафталином и мочой.

– Вы уж извините, что мы заняли каюту лучше вашей, – сказал Гамаш. – Ваша, наверно, совсем никуда. Если хотите, можем поменяться.

Жан Ги повернулся и посмотрел на шефа нехорошим взглядом.

Мирна заверила Гамаша, что они с Кларой вполне довольны своей каютой. Уж как-нибудь выдержат. Она отдала ему всю мелочь, какая у нее нашлась.

И удалилась.

Первую остановку они делали на острове Антикости в заливе Святого Лаврентия.

– Тут написано, – сказала Клара, читая путеводитель, найденный в кают-компании, – что близ Антикости произошло четыреста кораблекрушений.

– Неужели? – спросил Бовуар, складывая руки на груди. – Давайте-ка поподробнее.

– Это место называют кладбищем залива, – сообщила она.

– Да я пошутил, мне вовсе не интересно, – сказал Бовуар.

– Я знаю, – ответила ему Клара. – Но мы, по крайней мере, знаем, что имел в виду пилот, когда говорил, что для кораблей самое трудное место – Могилы. Мы проходим их в начале пути.

– Это не Могилы, – сказал Гамаш.

Он встал из-за пластикового стола в кают-компании и подошел к окну. За грязными потеками различались очертания приближающегося острова. Громадного и почти полностью необитаемого. Почти необитаемого людьми.

Порт-Менье с населением менее трехсот человек был единственным поселением острова.

Но здешние воды кишели лососем, форелью и тюленями. А по лесу толпами бродили олени и лоси и летали рябчики.

Гамаш вышел на палубу, за ним последовали Клара, Мирна, Жан Ги и Марсель Шартран. Воздух здесь был прохладнее, чем в Бэ-Сен-Поле. Свежее. Над лесом висел туман, он сползал на реку, стирая границу между землей, водой и воздухом.

Они словно приближались к прошлому. Первобытный лес был таким

густым, зеленым и незагаженным, что это казалось невозможным в век космических полетов, сотовых телефонов и ботокса.

Единственными признаками присутствия человека были маяк и ряд ярких деревянных домов вдоль берега.

– Что это? – спросила Клара.

– Где? – спросил Шартран.

– Вот это. – Клара подняла голову и показала в воздух.

Аплодисменты. Рукоплескания.

Она оглядела берег. Возможно, тут существовала такая традиция. Возможно, завидев приближающийся транспортный корабль, жители выходили на берег и аплодировали. Она бы так и поступила.

Но тут было что-то другое. Не вполне человеческое.

– Это деревья, – сказал Шартран.

Он осторожно развернул Клару так, чтобы она видела не пристань, а лес.

– Они рады нас видеть, – тихо добавил он.

Клара взглянула ему в лицо, в глаза. Он не смотрел на нее. Он был поглощен лесом. Радостными деревьями, которые на легком ветерке листьями аплодировали их прибытию.

Тем временем Мирна раскрыла путеводитель, и ей не хватило мужества сказать им, что эти деревья называются дрожащими тополями. Если они и чувствовали что-то при виде корабля, то тревогу. Будь она деревом, она бы чувствовала то же самое.

– Сейчас мы причалим и будем разгружаться, – объявил металлический голос по системе громкого оповещения. – Вы можете сойти на берег, но помните: через четыре часа мы уходим.

Подразумевалось «с вами или без вас».

– Давайте сойдем на берег, – предложил Бовуар. – Тут наверняка есть самолет, и мы сможем его нанять.

– Нет, мы останемся на корабле, – сказала Клара. – Извините, Жан Ги, я знаю, вам такой вариант не нравится, но Питер выбрал этот маршрут, поэтому и мы должны. Мы не знаем, где он сошел. Может быть, здесь.

Чтобы прочесать Порт-Менье, не требовалось четырех часов.

Они разделились: Клара и Шартран отправились в одну часть города, трое остальных – в другую. Час спустя, поговорив со всеми лавочниками и жителями, какие им встретились, Мирна, Жан Ги и Гамаш зашли в единственный ресторан городка.

– Наверное, вы умираете с голоду, – сказал Гамаш Мирне. – Я-то точно.

– Я бы поела, – ответила она.

Они заказали рыбу с жареной картошкой, а Бовуар еще и пиццу.

– И одну навынос, – прокричал он вслед официанту. – На всякий случай, – пояснил он Гамашу.

– Откровенно говоря, я не уверен, что мы сможем занести коробку с пиццей в каюту, – пошутил Гамаш, снимая очки и откладывая в сторону меню. – И я немного опасаюсь, что если мы съедим эту пиццу, то и сами там не поместимся.

Когда еду принесли, выяснилось, что рыба – это треска.

– Только сегодня поймана, – сказал молодой официант. – И картошка тоже свежая.

Он показал в окно на большой корабль, который доставил их сюда. Очевидно, свежесть здесь была растяжимым понятием.

– С корабля к вам много людей заходит? – спросил Гамаш, отрезая кусочек хрустящей рыбы.

– По-всякому. Большинство выходит ноги размять. Как вы.

– А остаются многие? – подхватил нить вопросов Жан Ги, пока Гамаш жевал.

– Здесь? Нет, – рассмеялся молодой человек. – Поближе к охотничьему сезону приезжают на недельку-другую охотники. Ну и рыбаки. Но тут никто не живет. Кроме нас.

Его это ничуть не огорчало. Напротив, он был вполне доволен таким положением дел.

– Мы ищем нашего друга, – сказал Гамаш. Теперь настал его черед задавать вопросы, пока Бовуар жевал. – Он был на «Морском волке» несколько месяцев назад. Высокий, англоязычный.

Он показал официанту фотографию.

– Нет, к сожалению, – ответил официант, рассмотрев фотографию и вернув ее.

Ресторан начал заполняться людьми, которые называли молодого человека по имени – Сирил. Они заказывали устрицы, тресковые щечки и всякие другие блюда, не обозначенные в меню.

– Не хочешь попробовать, приятель?

Полная пожилая женщина, облаченная в мужскую одежду, подошла к их столику и предложила корзиночку тресковых щечек Бовуару.

Тот отрицательно покачал головой.

– Да брось ты. Я же видела через весь зал, как у тебя слюнки текут.

Остальные при этих словах захохотали, а к женщине подошел мужчина средних лет:

– Идем, матушка. Не беспокой этих добрых людей.

– Да что вы, какое беспокойство, – сказал Бовуар, заметив выражение обиды на лице старухи. – Можно?

Он взял из ее корзины один маленький, хорошо прожаренный кусочек, обмакнул в соус и съел.

Зал замер.

Когда Бовуар потянулся за следующим кусочком, все оживились так, будто выиграли чемпионат мира.

Старуха сделала вид, что отталкивает руку Бовуара.

– Сирил, тресковые щечки на этот столик, – громко сказал мужчина рядом с ней.

Когда час спустя появились Клара и Марсель, Мирна и несколько женщин танцевали в середине зала и подпевали музыкальному автомату.

– «Мужчины умные (женщины умнее)»[96], – пели они под одобрительные выкрики публики, танцуя с поднятыми над головой руками.

Жан Ги в углу зала болтал о чем-то с рыбаком.

– Есть что-нибудь? – спросила Клара, усаживаясь вместе с Шартраном за соседний столик.

– Нет. А у вас?

Клара покачала головой, хотела сказать что-то, но музыка и смех заглушили ее голос.

– Выйдем, – прокричал ей в ухо Гамаш. Он притронулся к руке Шартрана, пригвоздив его к месту, и сказал: – Закажите тресковые щечки и жареную картошку – не пожалеете.

Они с Кларой вышли на воздух.

– Что случилось? – спросил Гамаш, от которого не укрылось, с какой настойчивостью она пыталась сообщить ему что-то в шумном ресторане.

– Мы с Марселем обошли деревню, а потом прогулялись по берегу, – сказала она. – У меня было время подумать.

– Oui?

– Тот пилот не смог бы опознать Питера по старой фотографии.

Они быстро прошли по городку до маленькой пристани. Причаленная к ней шлюпка легонько покачивалась на воде.

Гамаш посмотрел на Клару, вспоминая фотографию.

– Фото слишком старое и слишком маленькое, – проговорила Клара, наблюдая за Гамашем, на лице которого отражалась работа мысли. – К тому же лицо Питера было почти скрыто за клубами дыма.

– Господи, это был Мэсси, – сказал Арман, приходя к тому же заключению, что и Клара. – Пилот узнал профессора Мэсси, а не Питера.

Он вытащил свой сотовый. Телефон едва принимал сигнал, одной черточкой цепляясь за внешний мир. Гамаш застучал по экрану так умело и быстро, что Клара удивилась. Он всегда представлялся ей человеком, который не в ладу с компьютерами, планшетами и смартфонами.

Но, глядя на него сейчас, она поняла, что в его руках телефон – оружие не менее мощное, чем пистолет. Телефон давал Гамашу информацию, без которой любой следователь был как без рук.

Гамаш нажал еще несколько клавиш, повернулся и быстро пошел к деревне, но почти сразу остановился.

Единственная черточка мерцала. Появлялась, потом исчезала. Ниточка, связывающая их с большим миром, истончилась и порвалась. Потом снова возникла.

– Oui, allô, – громко произнес Гамаш. – Это «Авиарейсы Северного побережья»?

Клара смотрела на его напряженное лицо. Он прижимал телефон к уху, словно не давая исчезнуть единственной черточке.

– Мы сегодня утром летели из Ла-Мальбе до Сет-Иля…

Человек на другом конце явно что-то говорил, и Гамаш прищурился, сосредоточиваясь на голосе, который то стихал, то звучал громче.

– Все верно. Он высадил нас в Сет-Иле. Пилот уже вернулся?

Гамаш слушал. Клара ждала, пытаясь по выражению его лица понять, что ему говорят.

– Когда?

Гамаш опять слушал.

– А вы можете соединить меня с самолетом?

Даже Клара, стоявшая в двух футах от Гамаша, услышала смех.

– Но у вас должна быть такая возможность, – сказал Гамаш.

Клара снова услышала быструю французскую речь, в которой проскальзывали слова «идиотский», «невозможно», «бредово».

– Вы можете. Я уже делал подобные вещи. И я настаиваю. Меня зовут Арман Гамаш, я старший инспектор отдела по расследованию убийств Квебекской полиции. В отставке.

Последнее слово он произнес невнятно, посмотрел на Клару и поморщился.

Дошло ли это до человека на другом конце трубки или нет, но властный тон Гамаша явно возымел действие.

Последовала еще одна короткая пауза, пока Гамаш слушал, и наконец он сказал:

– Merci.

Клара подошла ближе.

– Он соединяет нас. – Гамаш уставился в небеса, словно они могли помочь. Наконец он коротко кивнул Кларе. – Bonjour. Это Марк Броссар? Меня зовут Гамаш. Вы сегодня высадили нас в Сет-Иле.

Клара рядом с ним молилась, чтобы хрупкая, истончающаяся связь не оборвалась. Еще одну минутку. Одну минутку.

– Oui, oui, – сказал Гамаш. – Послушайте. – Но молодой человек продолжал говорить. – Послушайте меня, – резко произнес Гамаш.

И молодой пилот подчинился.

– Мы показывали вам фотографию на айфоне. Вы сказали, что узнали человека. Какого именно?

Говоря это, Гамаш не сводил глаз с Клары. Он слушал ответ с таким напряжением, что у Клары быстрее забилось сердце.

– Там на фотографии было двое мужчин, – четко проговорил Гамаш. – Старый и молодой.

Клара услышала треск в телефоне. Связь готова была разорваться, но пока не разорвалась. Еще чуть-чуть. Чуть-чуть.

– Где вы взяли его на борт?

Гамаш слушал.

– Когда?

Он слушал, а Клара смотрела ему в глаза.

– Когда? – повторил он, и в его глазах промелькнуло удивление. – Вы уверены?

Клара почувствовала, что у нее сердце готово выскочить из груди.

– Мы сейчас в Порт-Менье, – сказал Гамаш. – Можете нас взять? – После паузы он отрицательно покачал головой. – Понятно. Merci.

Он отключился.

– Он узнал профессора Мэсси, – подтвердила свои подозрения Клара. – Не Питера.

Гамаш кивнул с мрачным лицом:

– Вчера он высадил его в Табакене.

– Куда держите путь? – спросила старуха, усевшись рядом с Бовуаром.

– Вниз по течению. – Он махнул рукой.

– Я уже догадалась. Куда именно?

– В Табакен.

– Ты уверен?

Он рассмеялся:

– Абсолютно.

– На вот, – сказала она. – Тебе понадобится. – Она взяла шляпу с соседнего сиденья, обитого потертым кожзаменителем, и нахлобучила на голову Бовуару. – Там сыро и холодно.

– Я не собираюсь в Северную Атлантику, – заверил ее он, снял шляпу и провел рукой по волосам.

– Ты сам не знаешь, куда собираешься.

Она вытащила что-то из кармана кардигана и положила перед ним на стол.

Бовуар посмотрел, что это.

Кроличья лапка. Нет, не кроличья. Заячья.

– На острове нет зайцев, – сообщила старуха. – Мне ее подарил много лет назад один путешественник. Сказал, что она принесет мне счастье. Так оно и случилось.

Она окинула взглядом всех своих сыновей. И всех дочерей. Не плоды ее чрева, а семью сердца.

– Она твоя. – Старуха подвинула ему лапку.

– Вам она нужна. – Бовуар отодвинул лапку назад.

– Я ею уж владела. Теперь твоя очередь.

Бовуар сунул лапку в карман. И в этот момент услышал долгий, низкий гудок.

«Морской волк» звал их.

– Вчера? – ахнула Клара. – Я видела его несколько дней назад. Он ни словом не обмолвился, что собирается уезжать. Что происходит?

– Не знаю, – ответил Гамаш.

Он посмотрел на тихие воды защищенной гавани. Потом опустил глаза. Он видел, как мечется у пристани рыба. Серебряное сверкание в холодной, прозрачной воде.

– Профессор Норман в Табакене, – сообщил он рыбам. – А теперь туда прилетел и профессор Мэсси. Зачем?

– Мэсси нам солгал, – сказала Клара. – Он утверждал, что не знает, где сейчас Норман.

– Может быть, тогда он действительно не знал, – возразил Гамаш. – Может быть, наши вопросы заставили его задуматься и он тоже заглянул в архивы.

– Но зачем ему туда ехать? Это ведь не на соседней улице, а на самом краю континента. Нужно быть в полном отчаянии, чтобы решиться на такое.

Да, подумал Гамаш. «Отчаяние» – точное слово. И он почувствовал

отчаянное желание добраться туда как можно скорее.

– Я спросил пилота, может ли он доставить нас отсюда в Табакен, но он говорит, что небо из-за погодных условий закрыто для полетов. По всему побережью. Посадка и взлет запрещены.

– Значит, мы в любом случае не смогли бы сегодня добраться до Табакена?

– Видимо, да, – ответил Гамаш. – Красное небо утром.

Раздался гудок корабля, низкий, скорбный. Клара взглянула на часы:

– Он отчаливает.

Она быстро двинулась к пристани.

– Постойте, Клара. Есть еще один вопрос. О Шартране.

Клара остановилась. Повернулась.

– А что о Шартране?

Корабль издал еще один гудок.

– Как вы думаете, почему он поехал с нами?

Гамаш увидел Жана Ги, который махал им с пристани рядом с «Морским волком».

– Потому что ему нравится наше общество? – предположила Клара.

– Наше общество?

– Вы думаете, он поехал из-за меня?

– А вы что думаете?

Корабль издавал короткие настойчивые гудки.

– По-вашему, он только делает вид, будто я ему нравлюсь, как предлог, чтобы сблизиться с нами.

Гамаш ничего не ответил.

– Вы считаете, что мужчина не может из-за меня закрыть галерею и присоединиться к нам?

– Я видел, как он смотрит на вас, – сказал Гамаш. – Как его тянет к вам. А вас – к нему.

– Продолжайте.

– Я не думаю, что с его стороны это полное притворство.

– Значит, не полное. Как мило.

Но Гамаш, хотя и оставался в рамках вежливости, не поддался на наживку.

– Мы должны рассматривать все возможности.

– Например?

– Шартран знал Ноу Мана, – начал Гамаш. – Я не исключаю, что он состоял членом сообщества, или секты, или что там было. Я думаю, что именно Шартран рассказал Питеру о Табакене. И отправил его туда.

– Это не преступление, Арман. Вы придаете его поступкам какой-то зловещий смысл.

– Вы правы, – признал Гамаш. – Если Питер спросил о Ноу Мане, а Шартран рассказал ему, где найти старика, тут нет абсолютно ничего преступного. Напротив, он оказал Питеру услугу. Вот только…

– Что?

– Если Шартран сделал это, то почему не сказал нам?

Клара остановилась.

– Зачем хранить это в тайне, Клара? Что он пытается скрыть?

Клара помолчала секунду-другую. В наступившей тишине они слышали, как Жан Ги зовет их.

– Вы спросили, почему Марсель присоединился к нам, но вы не спросили, почему я согласилась.

– Я думал…

– Вы думали, что я растаяла? Одинокая женщина, беззащитная перед малейшим проявлением внимания? Вы и в самом деле так думаете?

– Ну, теперь уж я и не знаю, – ответил Гамаш, столь явно сконфуженный, что Клара улыбнулась.

Жан Ги яростно махал им с пристани, а Мирна стояла посреди трапа, не пропуская моряков.

– Если Марсель знал, куда отправился Питер, и не сообщил нам, значит он не хотел, чтобы мы попали в Табакен, – сказала Клара. – Может быть, он приглядывает за нами, но я тоже не спускаю с него глаз. Поэтому я и хотела, чтобы он поехал с нами.

Она повернулась и быстрым шагом пошла к пристани, но прежде повернулась и проговорила:

– И к тому же я – достаточное основание для того, чтобы мужчина забыл обо всем на свете, Арман.

Глава тридцать пятая

– Хм, – произнес Гамаш.

Солнце садилось, и их путешествие пока проходило довольно гладко. Впереди ждал шторм, предсказанный пилотом.

Услышав голос Гамаша, Жан Ги перевел взгляд на шефа. Перед этим Бовуар смотрел на окно. Не в окно, а на окно. На собственное отражение в стекле.

– Что там? – спросил Бовуар.

Гамаш оторвался от телефона и взглянул на зятя. Зюйдвестка, доставшаяся тому в подарок, невольно привлекала внимание. Шляпа была надета набекрень, и руки постоянно тянулись к ней, меняли ее положение, угол наклона, перемещали, чтобы вид у нее был такой, будто Жан Ги сорвал ее с крючка и напялил себе на голову под крик шкипера: «Вон фонтан!»[97]

– Очень тебе идет, старина.

– «Ты когда-нибудь видел море, Билли?»[98] – насмешливо спросил Бовуар.

– Так что там у тебя было со старушкой? – поинтересовался Гамаш.

Бовуар снял шляпу и надел ее на колено.

– Я думаю, они чувствуют, что я не смотрю на них как на стариков. Просто как на людей.

И Гамаш знал, что это правда.

– И на Анни я никогда не буду смотреть как на старушку. Даже когда мы состаримся. Когда-нибудь.

И Гамаш надеялся, что это тоже правда. Он посмотрел на Бовуара и представил, каким тот станет в старости. Как будет сидеть с Анни на диване. В их доме, в их обиталище в Трех Соснах. Будут сидеть у камина и читать. Старые и седые. Анни и Жан Ги. И их дети. И внуки.

Дни их совместной жизни.

Прожитые так же, как прожили они с Рейн-Мари. До сего дня.

Бовуар показал на телефон в руке Гамаша:

– Так что там?

– Где?

– Вы, кажется, читали письмо? – спросил Бовуар.

– Ах да. Из полиции Бэ-Сен-Поля. Ищейки там нашли кое-что.

Бовуар переместился на жесткой скамейке так, чтобы смотреть в лицо

шефу.

– Тело?

– Нет, тела пока нет. Металлическую коробку, а в ней картонные тубусы вроде того, в котором доставили полотна Питера. Они оказались пустыми. Если не считать какого-то порошка.

– Героин? Кокаин?

– Капитан Надó отправила порошок на анализ.

Гамаш посмотрел на окна, влажные от брызг. Уже опустилась темнота, и он теперь видел только освещенный нос «Морского волка».

– Может быть, колония на самом деле была лабораторией по производству наркотиков? А искусство – прикрытием шайки наркодилеров?

– Нам уже известно, что героин и кокаин поступают в Квебек по воде, – сказал Бовуар. – Перекрыть этот канал практически невозможно.

Гамаш кивнул:

– Предположим, наркотик выгружают в Бэ-Сен-Поле, отвозят в колонию Ноу Мана в лесу…

– И тогда понятно, почему они обосновались в лесу, – подхватил Бовуар, – а не на берегу реки, как обычно селятся другие художники. Им не требовался пейзаж – они искали уединения. И чтобы можно было заранее знать о приходе незваных гостей.

– Ноу Ман принимает груз и расфасовывает. Люк Вашон отправляет посылки на юг – они замаскированы под картины Ноу Мана. Но на самом деле в тубусах порошок.

Святой Лаврентий – не только жизненная артерия, но еще и способ доставки грузов. Для всех видов незаконной деятельности, включая продажу тяжелых наркотиков.

– Может быть, сам Ноу Ман и пустил слух о секте, – сказал Бовуар. – Чтобы любопытные не совали нос. Но потом тот коп начал проявлять к ним интерес, и Ноу Ман прикрыл лавочку и уехал еще дальше. В Табакен. Там глушь. Уединение. Никто за тобой не следит.

Гамаш поменял позу, чувствуя себя неудобно на жесткой скамейке.

Он не питал иллюзий. Если Ноу Ман занимался в Табакене именно этим, то их по прибытии могли ждать неприятные сюрпризы.

Его страхи, призрачные, пока он оставался в Трех Соснах, обретали реальные очертания. Воплощались в жизнь. И приближались. Вот что происходит, когда ты выходишь в большой мир.

«Храбрый человек в храброй стране». Легко быть храбрым, когда храбра страна. Но если она не храбра? Если она коррумпирована, карикатурна, алчна и склонна к насилию?

И что случится, если она ждет их? Знает об их приезде?

– А Шартран? – спросил Бовуар. – Он тут с какого боку?

– Уважаемый галерист со связями по всему миру? С безупречной репутацией? – уточнил Гамаш. – Кто может координировать действия лучше, чем такой человек?

Такая гипотеза подходила для Шартрана, но как быть с профессором Мэсси?

Какую роль играл он? А он, конечно же, был как-то вовлечен в это, иначе зачем бы ему лететь в Табакен.

– Что, если Ноу Ман занимался наркобизнесом еще во времена работы в колледже? – вслух подумал Гамаш. – А Мэсси его подозревал, но ничего не мог доказать.

Возможно, подобно Карлосу Кастанеде, утверждавшему, что кактус пейот подпитывает творчество, профессор Норман продвигал кокаин. Среди студентов, которые готовы были взорвать себе мозг и отобразить результат на холсте.

– Может быть, вот она, десятая муза, – сказал Гамаш. – Кокаин.

Бовуар нервно вцепился в шляпу. Для него это имело гораздо больше смысла, чем какая-то капризная, непокорная, обиженная богиня.

Та, которая убивала ради удовольствия.

А тут – метамфетамин. Или героин. Или кокаин. Троица смертельных наркотиков.

Нечто такое, что убивает ради удовольствия.

– Может быть, Мэсси полетел в Табакен, чтобы наконец разобраться с Норманом? – предположил Бовуар. – Когда он понял, что Питер отправился к Ноу Ману, у него возникло желание защитить своего ученика. Судя по всему, он из таких людей.

Клара и Мирна говорили, что Мэсси напоминает им Гамаша. А Гамаш отправился в ад, чтобы вернуть Жана Ги. Может быть, Мэсси отправился в Табакен, к Колдуну, чтобы спасти Питера. Вернуть его.

Пока у них были одни предположения. Но они выстраивались в логическую цепочку.

Заверещал телефон Гамаша.

– Oui, allô?

– Арман, как проходит путешествие?

– Мы сидим на пляжной палубе. Только что танцевали паровозиком. – Он пытался говорить веселым голосом. – Видела бы ты нашу каюту. Слава богу, бесконечные крещения твоих девяноста семи племянников и племянниц научили меня спать стоя. Это большое благо.

– Иди ты к черту, – рассмеялась Рейн-Мари.

Гамаш посмотрел на нос корабля. Тот пошел вверх, а потом рухнул вниз. Чернильные волны становились все выше. За последние несколько минут ветер усилился, дул прямо им навстречу, словно пытался остановить. Но «Морской волк» шел вперед, рассекая воду, рассекая ночь. Все глубже погружаясь в темноту.

Гамаш знал, куда они направляются, и Рейн-Мари была не так уж далека от истины.

Они поболтали немного о делах в Трех Соснах. Пока они разговаривали, Арман повернулся на скамейке так, чтобы сидеть лицом к корме. И смотреть назад. В сторону дома, который он оставил.

Ночью «Морской волк» останавливался еще в нескольких аванпортах, разгружаясь и высаживая людей, прежде чем двигаться дальше.

К утру они продвинулись довольно далеко. Дороги, деревни и густые леса остались позади. Пассажиры проснулись под серым небом и увидели скалистые берега и бьющиеся о них волны.

– Странное место, – сказала Мирна, которая принесла Арману, стоявшему на палубе, кружку крепкого сладкого чая.

Они облокотились на фальшборт. Прохлада в воздухе не соответствовала летнему сезону. Казалось, будто они обогнали календарь. Здесь у времени были другие правила.

Гамаш отхлебнул чая. Такая заварка ассоциировалась у него с северным побережьем залива Святого Лаврентия. Здесь держали чайник на печке целый день, и искалеченные артритом руки время от времени добавляли в него горячую воду и опускали все новые пакетики, пока чай не приобретал вид какого-то тушеного блюда.

Гамаш выпил не один галлон такого чая, сидя в кухнях в отдаленных рыбацких деревнях, разбросанных по берегу.

– Вы бывали здесь раньше? – спросила Мирна.

– Случалось.

– Вели расследования?

– Да. Это всегда нелегко в закрытых сообществах. Здесь живут гордые, независимые люди. У них до недавнего времени не было даже водопровода. И электричества. Они никогда не просили помощи у властей. Никто из них раньше не получал пособия по безработице. Им и в голову не приходило принять то, что на их взгляд является подачкой. У них свои законы, правила и поведенческие коды.

– Судя по вашим словам, настоящий Дикий Запад.

Гамаш улыбнулся:

– В какой-то мере. Но на самом деле не такой уж дикий. Здесь живут рыбаки. Другое племя. Им хватает «дикости» моря. А когда они дома, то хотят тишины. Народ здесь очень благовоспитанный.

– И все же они убивают.

– Иногда. Они ведь люди. – Он посмотрел на Мирну. – Знаете, как Жак Картье[99] называл эту часть побережья?

– Картье-землепроходец?

– Да, в начале шестнадцатого века. Увидев впервые этот берег, он назвал его «землей, которую Бог отдал Каину».

Мирна внимала словам Гамаша, оглядывая берег, на котором росли старые корявые деревья. И больше ничего.

– Каину, – повторила Мирна. – Первому убийце.

– Берег столь неприветливый, столь враждебный – он подходил только для про́клятых, – сказал Гамаш. – И все же…

– Да?

Он улыбнулся уголком рта и устремил взгляд на далекий берег.

– И все же я считаю эти места чуть ли не самыми красивыми в мире. Интересно, как это меня характеризует.

– Возможно, вас тянет к про́клятым, – предположила Мирна.

– Возможно, поэтому я бо́льшую часть жизнь искал убийц.

– А в Табакене вы бывали? – спросила она.

– Один раз. Мы арестовали одного браконьера за убийство. До ареста он никогда не покидал побережья. Никогда не покидал места своих браконьерских троп. Он умер в тюрьме еще до начала процесса.

– Бедняга, – сказала Мирна.

И Гамаш согласно кивнул.

Он смотрел на почти неестественно гладкие скалы, вздымающиеся из воды громадными полотнищами.

– Есть те, кого тянет к морю, всегда меняющемуся, всегда приспосабливающемуся. Но такие люди никогда не оседают на месте. А есть те, кого тянет к скалам и камням. – Гамаш махнул рукой в сторону берега. – Суровым, но притягательным.

Он посмотрел на Мирну и улыбнулся:

– Простите. Подозреваю, что это звучит романтично.

– Ничего подобного, – возразила Мирна.

Может быть, в Монреале, или Торонто, или Нью-Йорке, или Лондоне это действительно прозвучало бы романтично. Но здесь, у корабельного фальшборта, когда перед глазами холодная, серая вода, суровые серые

камни и плотные серые тучи, его слова казались такими естественными.

Мирна посмотрела на Армана. Что его притягивает – камни или море? А ее?

Клара прошла по узкому коридору, приноравливая шаг к нарастающей и непредсказуемой качке. Она обнаружила, что превосходно чувствует себя на корабле. Как и Мирна.

А вот Шартран – нет.

Он все утро оставался в адмиральской каюте. Клара принесла ему сухих тостов и чая. Она впервые увидела их люксовую каюту, которая потрясла ее. Отсутствие Шартрана вызывало у нее подозрения, и она спрашивала себя, уж не прикидывается ли он. Но, увидев тесную, вонючую, неудобную каюту, она поняла, что только умирающий согласился бы проводить здесь время.

При ее появлении Шартран приподнялся, и она прочла благодарность в его замутненных глазах.

– Вы должны уйти, – пробормотал он, пытаясь опереться на локоть. – Не хочу, чтобы вы видели меня таким.

– А если бы у меня случился приступ морской болезни? – спросила она.

– Я бы ухаживал за вами, – ответил он, и его бледно-зеленое лицо приобрело оранжевый оттенок.

Будь лицо Марселя Шартрана цветовым кругом, он бы не сдал экзамен.

Они уселись на узкой койке, и Клара дала ему влажную салфетку и гравол[100].

Несколько минут спустя лекарство начало действовать, у Шартрана потяжелели веки, дыхание стало глубже, кожа утратила восковой оттенок.

Клара заставила его улечься снова и подоткнула одеяло.

– Не уходите, – прошептал Шартран и закрыл глаза.

Она на секунду задержалась в дверях, прежде чем уйти.

Сообщение о результатах анализа вещества в тубусе пришло во второй половине дня.

Гамаш и Бовуар читали его с возрастающим недоумением.

Оказалось, что это не героин. И не кокаин.

– Как такое может быть? – спросил Бовуар, нахмурив брови. – Я правильно читаю?

Гамаш два или три раза просмотрел отчет. В первый раз быстро

пробежал глазами знакомую форму вплоть до существенной части. И тут остановился, словно ударившись о стену.

Потом вернулся к началу и перечитал внимательнее. Но заключение не изменилось.

Порошок в контейнере не являлся фармацевтическим средством. Это было естественное вещество. Однако не самое приятное из них.

Асбест.

Бовуар и Гамаш оторвали глаза от экрана и посмотрели друг на друга.

– Что это значит? – спросил Жан Ги.

Гамаш поднялся на ноги:

– Посмотри, что удастся найти про асбест.

– Хорошо.

Бовуар умел находить фактический материал. Обнаруживал, анализировал, правильно применял. Не автоматически, а как опытный и вдумчивый исследователь.

Гамаш оставил Бовуара за ноутбуком в кают-компании, а сам отправился в корабельный узел связи, где ему распечатали копии отчета. Затем он вышел на палубу и нашел Клару и Мирну – они разговаривали, сидя на скамье.

– Не помешаю? – спросил он.

– Нет, но вот вы выглядите слегка помешанным, – сказала Мирна и похлопала по месту рядом с собой.

Гамаш сел и поведал им о последних открытиях.

– Асбест? – переспросила Клара. – Наверное, естественный? Ведь асбест, кажется, добывают где-то в Квебеке?

– Oui. Даже есть город под названием Асбест, – подтвердил Гамаш. – Вырос вокруг асбестодобывающих шахт. Но он далеко отсюда. Асбест обнаружили в почтовых тубусах вроде того, в котором были присланы картины Питера.

– Как он туда попал? – удивилась Клара.

– Да и где теперь можно найти асбест? – спросила Мирна. – Я думала, его убрали отовсюду и уничтожили много лет назад.

– Верно, – подтвердил Гамаш. – Асбест удалили из колледжа искусств на следующий год после вашего выпуска, Клара.

– Да, я, кажется, слышала об этом, – сказала она.

– Это происходило повсюду, – уточнила Мирна. – Я работала в больнице, и там в стенах нашли асбест. Он использовался для изоляции. Никто, конечно, не считал его опасным. В то время. А когда узнали о его канцерогенных свойствах, то стали отовсюду удалять. Столько хлопот.

– Да, хлопот немало, – кивнул Гамаш.

– Но как он оказался закопанным на поляне в Шарлевуа? – спросила Клара.

– Да еще в почтовом тубусе, – добавила Мирна.

Они втроем наблюдали за изгибами береговой линии и за чайками, парящими в воздушных потоках и ныряющими вниз. Движения птиц становились все более сумбурными, потому что воздушные потоки обретали все большую беспорядочность. Казалось, чайки и сами удивлены – они издавали недовольные крики, когда ветер швырял их туда-сюда.

Гамаш какое-то время следил за ними, потом посмотрел на небо. Оно было мрачным, серым. Не ярким, но зато и не угрожающим.

– Excuse-moi, – сказал он.

Войдя внутрь, он позвонил в колледж. Ректор подтвердил, что работы проводились еще в восьмидесятые годы в соответствии с канадскими законами и стандартами.

– Кто-нибудь мог забрать часть асбеста? – спросил Гамаш.

Последовала пауза.

– Это было еще до меня, так что точно не могу вам сказать, однако я уверен: они не стали бы оставлять без присмотра асбестовые кучи. Но даже если бы оставили, для чего кому-то могло понадобиться такое опасное вещество?

Гамаш, бывший глава отдела по расследованию убийств, знал ответ на этот вопрос.

Для убийства. Вот для чего кому-то мог понадобиться асбест.

В окне он видел, как чайки борются с ветром, иногда они даже уносились назад, словно отброшенные чьей-то сильной рукой.

Гамаш знал: это только начало грядущего шторма. Первые его симптомы. Главное ждало их впереди.

Глава тридцать шестая

– Нашел что-нибудь? – спросил Гамаш, вернувшись в кают-компанию.

Бовуар рассеянно кивнул, занятый чтением.

Гамаш сел рядом с ним за стол.

На экране разворачивалась история квебекского города Асбеста – места, где обнаружили и добывали асбест. Это казалось настоящей находкой для той суровой и бедной местности. Природный асбест в огромных количествах. Он обладал изолирующими и огнеупорными свойствами. Асбест должен был спасти регион и человеческие жизни.

Не асбест, а настоящий волшебник.

Никто не обратил внимания на игольчатые волокна. Те, что плавали в воздухе, стоило потревожить изделие из асбеста. Те, что поселялись в легких людей, которые работали, или играли, или жили рядом с асбестом.

Бовуар прокрутил страницу. Они прочли такие слова, как «мезотелиома», звучащее как название геологической эпохи. И «рассыпчатый», напоминающее поварской термин. Однако не являющееся таковым.

Они многое узнали о минерале, от которого ждали чуда. Но чуда не случилось.

Асбест оказался талидомидом[101] строительных материалов. Спасителем, который убивал.

Бовуар отодвинулся от экрана, словно испугался, что, вдыхая воздух в такой близи от него, может заразиться.

– Что же он делал в тубусе? – спросил Бовуар. – Откуда он взялся?

– И куда направлялся? – спросил Гамаш. – И что еще находилось в тубусе, чего там сейчас нет?

Они оба знали ответ.

Холсты. Искусство. Смертоносное искусство.

Когда они нашли Мирну и Клару на палубе «Морского волка», те оказались не одни – к ним присоединилась молодая женщина.

– Знакомьтесь: Жюли Фуко, – представила женщину Мирна. – Новая школьная учительница в Блан-Саблоне.

– Un plaisir[102], – сказал Гамаш, пожимая ей руку.

Жан Ги кивнул в нетерпении – ему хотелось, чтобы Жюли поскорее ушла и они могли поделиться с Кларой и Мирной своим открытием.

– Ваше первое назначение? – спросил Гамаш, садясь рядом с Жюли.

На вид ей было не больше двадцати, ярко-рыжие волосы ниспадали ей на плечи, обрамляя румяные щеки. А на лице застыло новое для нее выражение – предвкушения и тревоги.

– Да. Я могла бы лететь на самолете, но хотела увидеть побережье.

– Жюли говорит, что будет учить всему, – сообщила Клара. – В маленьких школах это неизбежно, но ее специализация – естественно-научные дисциплины.

– Я получила степень магистра, – сказала Жюли. – Теперь работаю над тем, чтобы стать кандидатом наук.

Бовуар тоже сел.

– Вы знаете что-нибудь про асбест? – спросил он без всякого вступления.

– Надеюсь, это не способ завязать знакомство, – ответила она, и Гамаш улыбнулся.

По виду, да и не только по виду, она была молода, но постоять за себя умела.

Бовуар тоже улыбнулся:

– Нет, мы тут искали кое-какую информацию, и нам попался асбест.

– Вообще-то, кое-что об асбесте я знаю, – сказала она. – Не много, но знаю. Я не специалист, однако асбест входит в университетскую программу. Информация-предостережение от науки, промышленности и правительства.

– Нас интересует не столько политическая сторона дела, сколько свойства этого вещества, – уточнил Гамаш.

– Тогда я определенно могу вам кое-что рассказать. А зачем?

– Асбест обнаружился в одной емкости, – объяснил Гамаш. – Мы пытаемся понять, зачем он мог понадобиться и насколько он опасен.

– Все зависит от его формы. Если он в виде кусков породы, то опасность невелика. Асбест становится очень опасен, если распыляется в воздухе и попадает в легкие.

– То есть если он в виде порошка, – сказал Бовуар.

Все устремили взгляд на молодую учительницу в ожидании ответа, но им не пришлось долго ждать. Ни сомнений, ни колебаний она не проявила:

– В таком виде он опасен.

– А как асбест убивает? – спросил Гамаш. – Если человек проглотит его, это плохо?

– Ничего хорошего. Но главная опасность – попадание асбеста в дыхательные пути, в легкие. Он оседает в тканях и вызывает асбестоз или

мезотелиому. Или рак легких. Или и то и другое. Очень, очень вредное вещество. А диагностика обычно опаздывает.

– Сколько времени проходит от поражения до смерти? – спросила Клара.

– По-разному. – Жюли задумалась на несколько секунд. – В этом и кроется одна из причин, почему на его опасные свойства так долго не обращали внимания, если не говорить о желании промышленности и правительства закрывать глаза на некоторые вещи…

– Без политики, – напомнил ей Гамаш.

– Прошу прощения. Проблема в том, что вредное воздействие проявляется не сразу. Для того чтобы установить связь между работой с асбестом и смертями, понадобилось некоторое время. Шахтер мог уже несколько лет находиться на пенсии, прежде чем появлялись симптомы.

– А какие симптомы? – спросила Мирна.

– Кашель, конечно. Затрудненное дыхание.

– Характерное для множества заболеваний, – заметила Мирна.

– И это тоже было частью проблемы. Неправильная диагностика. Но в конце концов связь обнаружили. Асбест был запрещен. Однако к тому времени он проник почти в каждый дом.

– Значит, – сказал Бовуар, обдумывая услышанное, – вы должны находиться очень близко к нему, чтобы вдохнуть?

– Верно. Или же он может быть распылен в воздухе. Как в шахте. Вы говорите, что ваш асбест имел порошкообразный вид и находился в контейнере?

– Верно.

Жюли покачала головой:

– В таком случае он легко мог попасть в воздух.

– И человек обязательно умрет, если вдохнет его? – спросил Гамаш и сразу же увидел озабоченность на лице Жюли.

Она перевела взгляд с Гамаша на Бовуара и обратно:

– Кто-то из вас вдохнул?

– Нет, – успокаивающе сказал Гамаш. – Но если бы вдохнули, что тогда? Умерли бы?

– Не исключено. Одна из шалостей судьбы. Не все шахтеры, работавшие на добыче асбеста, умирали от легочных болезней. А люди, сталкивавшиеся с асбестом лишь случайно, иногда заболевали.

– Сколько нужно вдохнуть, чтобы получить смертельную дозу? – спросил Бовуар.

– И опять-таки нет точного ответа. Извините за неопределенность, но,

если я не ошибаюсь, некоторые шахтеры всю жизнь дышали асбестовой пылью и не умирали, а другим достаточно было одного вдоха, чтобы развилась смертельная болезнь. Все зависит от состояния человека и от характера волокон.

– Но теоретически может подействовать и малая доза, – сказал Бовуар. – И при разовом воздействии.

– Да, – ответила Жюли, – но это было бы крайним невезением. Хотя и такое возможно.

– Если асбест использовался в качестве изоляционного материала в художественной галерее, а потом его удалили, могла какая-то часть осесть на холстах? – спросил Гамаш.

– Я полагаю, что люди, удалявшие асбест, должны были предварительно вынести картины. С асбестом работают специально подготовленные люди. Его нельзя просто взять и содрать.

– А если картины не были вынесены? – спросил Гамаш.

Жюли внимательно посмотрела на этого крупного человека:

– Если вы хотите получить четкие ответы, то задавайте четкие вопросы.

Гамаш чуть приподнял брови и улыбнулся:

– Да, я понимаю, четкий вопрос способствует разъяснению ситуации. В контейнере, в котором обнаружился асбест, возможно, находилась свернутая в рулон картина. Или чистый холст. Одно или другое. Мог асбест прилипнуть к холсту, а потом отпасть от него?

Жюли на мгновение задумалась.

– Вообще-то, холст очень хороший разносчик асбеста. Холст представляет собой мелкое плетение. Волокна асбеста цепляются за него.

– А если на холсте написана картина? Волокна асбеста будут цепляться к краске? – спросила Клара.

– В меньшей мере. А вот пустой холст…

– Да?

– Ну, я не художник…

– Зато я художник, – сказала Клара.

Жюли повернулась к ней:

– Если вы получили холст, свернутый в рулон, что вы будете с ним делать?

– Я его разверну, растяну. Прикреплю к деревянной раме, чтобы на нем писать.

Жюли кивнула:

– То есть будете манипулировать с ним.

– Конечно. – У Клары расширились глаза. – И в результате манипуляций асбестовая пыль попадет в воздух.

Жюли кивнула:

– А поскольку вы находитесь рядом, велика вероятность того, что вы ее вдохнете. Но это еще не все.

– Мазки кистью, – сказала Клара, догадавшись, к чему клонит молодая учительница.

– Делая мазок, вы стряхиваете асбестовую пыль с холста. Идеальный способ насытить пылью воздух.

– И опять же художник находится рядом, и велика вероятность того, что он ее вдохнет.

– Да, он от холста ближе чем на расстоянии вытянутой руки, – подтвердила Жюли.

Они обдумали то, что было сказано.

– А если на свернутом холсте уже есть картина, асбестовая пыль прилипнет к ней? – спросила Клара.

– В гораздо меньшей степени, как я уже говорила. Она будет соскальзывать с краски. Ей нужно за что-то цепляться.

– Например, за заднюю сторону холста, – сказала Мирна, и все посмотрели на нее. – Краска нанесена на лицевую часть, а задняя остается в своем исходном виде, верно? А значит, как вы говорите, пыли есть за что зацепиться.

Жюли согласно кивнула:

– Да. Когда вы будете разворачивать картину, асбест попадет в воздух.

– Но возможен и худший вариант, – сказала Клара. – Картину нужно не только развернуть, ее нужно еще закрепить на раме. Я делала это много раз. Покупала на блошином рынке дешевенькую старую картину без рамы. Просто свернутую. Ее нужно прикреплять к деревянной раме.

– И если на заднике асбестовая пыль… – начала Мирна.

– Она будет везде, – ответила Жюли. – На руках, на одежде. В воздухе.

– Вдыхай на здоровье, – сказала Мирна.

Жюли оглядела их. Ее энтузиазм немного поубавился, по мере того как в голову начали закрадываться подозрения.

– Сколько времени пройдет, прежде чем человек заболеет? – спросила Мирна.

– Это зависит от степени загрязнения. Как я уже говорила, может и обойтись, – ответила Жюли настороженно. – Но в большинстве случаев проходят годы, десятилетия, прежде чем асбест становится смертельно опасным.

Она оглядела их мрачные лица.
– К чему все это? Вы же не собираетесь кого-то травить асбестом?
– А если бы собирались? – спросил Гамаш.
– Тогда вы были бы убийцами. – Она побледнела, и Гамаш поспешил развеять ее тревогу.
Они не планируют никого убивать. Как раз наоборот.
– Вы пытаетесь предотвратить убийство? – недоверчиво спросила она. Переводя взгляд с одного лица на другое, она остановилась на Гамаше. – Но если речь идет об асбесте, то вы, вероятно, опоздали. Человек, которого вы хотите спасти, уже убит. Только еще не умер.
С этими словами она покинула их.
Арман наблюдал за тем, как она шла, старясь не потерять равновесие при усиливающейся качке. Чем-то она напомнила ему чаек.
И Гамаш знал, что если она им помогла, то они ей – нет.
Жюли больше не была такой жизнерадостной и румяной, как в начале разговора. Общение с ними не пошло ей на пользу.
Четверо друзей отправились на прогулку по палубе, чтобы переварить информацию, полученную от молодой учительницы. Они кругами ходили по кораблю, который шел все дальше и дальше вдоль побережья. Время от времени им приходилось хвататься за поручни, когда «Морской волк» попадал на особо высокую волну. Ветер усилился, волны стали выше и иногда перехлестывали через борт, отчего палуба сделалась скользкой.
– В тех тубусах почти наверняка находились картины, – сказал Гамаш. – Картины Ноу Мана.
– Но зачем кому-то понадобилось загрязнять их асбестом? – спросила Клара. – Кто его туда насыпал?
– И для чего? – добавила Мирна.
Они шли молча, погрузившись в размышления.
– Асбест смертельно опасен, – вновь заговорил Гамаш. – Нет никакой гарантии, но достаточно велика вероятность, что тот, кто будет что-то делать с этой картиной, вдохнет асбестовую пыль и умрет.
– Он не похож на того маньяка, который рассылал по почте споры сибирской язвы? – спросил Бовуар. – Может, мы имеем дело с серийным убийцей?
– Вы думаете, он рассылал свои картины в галереи по всей Канаде? – спросила Клара.
Мирна, Клара, Бовуар и Гамаш шагали, вспоминая единственное имевшееся у них изображение профессора Нормана. Автопортрет сумасшедшего.

Грешная душа, подумал Гамаш. Человек, который загрязнял асбестом собственные творения. И рассылал по всей стране. Понимая, что тот, кто откроет контейнер, развернет холст и восхитится живописью, предрешит свою судьбу.

Пылинки асбеста окажутся в воздухе, повиснут в нем – маленькие кристаллики, крохотные волокна. Они попадут в дыхательную систему, осядут в легких. Станут углубляться в ткань. Уходить все глубже. Прорывать туннели.

А внешне любитель живописи будет вести обычную жизнь. Не зная, что он вдохнул запах Самарры. Собственной смерти.

Ходить по палубе стало невозможно, и они переместились в кают-компанию, когда заверещал телефон Гамаша.

Звонил ректор колледжа искусств.

– Мне стало как-то не по себе после нашего разговора, месье Гамаш, – сказал он. – И я попросил нашего сотрудника, отвечающего за безопасность и гигиену, проверить выборочно колледж на наличие асбеста. Точные результаты будут через несколько дней, но, по предварительным данным, у нас все чисто, за одним исключением. Подозрительное место выявлено в мастерской профессора Мэсси.

– И что это значит? – спросила Мирна.

– По-моему, совершенно ясно, что это значит, – сказала Клара.

На остатки мелочи они купили горячий шоколад в автомате и уселись за столик у забрызганного водой окна.

Нос «Морского волка» поднимался и падал, поднимался и падал. Время от времени он поднимался выше, чем прежде, зависал на мгновение, а потом обрушивался. Шторм усиливался, надвигался прямо на них. А они спешили ему навстречу.

Они держали стаканчики с горячим шоколадом в руках, но напиток все равно расплескивался. Клара на миг вспомнила о Марселе Шартране, лежащем внизу, в чреве корабля.

– Это значит, нам известно, кому Норман отправлял свои картины, загрязненные асбестом, – сказала Клара, продолжая разговор.

– Профессору Мэсси, – уточнил Бовуар.

– Но зачем? – спросила Мирна. – Мэсси добился его увольнения. Зачем ему доверять Мэсси свои работы?

– Он ничего не собирался ему доверять, он собирался его убить, – возразил Гамаш.

Он по привычке повернулся к Жану Ги Бовуару.

Теперь они оба оказались на знакомой им территории. Сколько раз

сидели они вот так друг против друга за пластиковыми столиками, за деревянными столами, за досками на заболоченном поле, в машинах, самолетах и поездах. Под ярким солнцем и в зимнюю метель.

Вдвоем.

Пытаясь не то чтобы четко увидеть свой путь, но увидеть свой путь в темное сердце. Пытаясь раскрыть первое, древнейшее преступление. Преступление Каина. Убийство.

Бовуар, поразмыслив, сказал:

– Но если Ноу Ман загрязнял свои картины и отправлял их Мэсси, то разве нельзя предположить, что Мэсси стал бы их продавать? Искать покупателей?

Гамаша тоже беспокоила эта мысль. После того как Ноу Ман выпускал картины из своих рук, с ними могло происходить что угодно. Он не мог знать, кого они убьют – Мэсси, или студента, или какого-нибудь несчастного безвестного коллекционера.

Возможно, Ноу Мана не волновало, кого еще он убьет, лишь бы среди жертв оказался профессор Мэсси. Или…

– А может, его работы никуда не годились, – сказал Гамаш. – Может, он намеренно посылал картины, зная, что Мэсси никому не станет их показывать.

– Нет, тут что-то не так, – проговорила Мирна. – Профессор Мэсси ненавидел Себастьяна Нормана. Он дал Норману работу, а Норман воспользовался ситуацией, чтобы пропагандировать свою излюбленную теорию десятой музы. Потом он устроил выставку отвергнутых работ. Профессор Норман делал все, чтобы дискредитировать колледж. Зачем Мэсси стал бы ему помогать?

– А вы бы стали?

Этот вопрос прозвучал из уст Бовуара, и адресован он был Гамашу.

– Клара и Мирна обе говорили, что профессор Мэсси чем-то напомнил им вас, patron. Я видел, как вы делали самые невероятные вещи, помогая людям, на которых все махнули рукой. Людям вроде меня. Вам не кажется, что Мэсси все равно хотел поддержать Нормана?

Гамаш задумался.

– Не исключено. Может быть, он не ненавидел Нормана, – сказал Гамаш, обращаясь к Мирне, – а испытывал к нему сочувствие. Может быть, даже считал себя ответственным за то, что поставил Нормана и колледж в такое положение.

Мирна посмотрела на Армана. А Арман посмотрел на Мирну.

– Да, – произнесла она, вспоминая их терапевтические сеансы. – Такое

возможно.

– Я думаю, Мэсси – тот агент, которому Люк Вашон отправлял холсты, – сказал Гамаш.

– Холсты, загрязненные асбестом, – добавил Бовуар. – Может быть, Мэсси и не ненавидел Нормана, а вот Норман ненавидел Мэсси. За то, что тот заставил его уволиться.

– Сколько обиженных сотрудников приходят на место работы с оружием? – сказала Мирна. – Картины были оружием Нормана.

– Но откуда у него асбест? И где его картины сейчас? – спросила Клара. – Куда их дел профессор Мэсси? На стенах мы ни одной не заметили.

– Он мог хранить их в кладовке, – заметил Гамаш. – Возможно, там и обнаружилась повышенная концентрация асбестовой пыли. Я перезвоню ректору.

– К счастью, план Ноу Мана не сработал, – сказала Мирна, пока Гамаш набирал номер.

– Что вы имеете в виду? – спросил Бовуар.

– Я все время забываю, что вы не видели профессора Мэсси. Трудно себе представить более здорового восьмидесятипятилетнего человека. Если те картины начали поступать десятки лет назад, а асбест делал свое черное дело, то профессор был бы уже мертв либо умирал бы сейчас.

– Как это назвала Жюли? – стала вспоминать Клара. – Одна из шалостей судьбы.

– Иногда волшебство действует… – произнес Бовуар. – Но зачем Мэсси так внезапно уехал в Табакен?

Гамаш отключил телефон, оставив сообщение на голосовой почте ректора и добавив к своему номеру номер Бовуара.

– А зачем в Табакен отправился Питер? – спросила Клара.

– Чтобы найти десятую музу, – напомнила ей Мирна. – Чтобы улучшить свое мастерство. Он не знает ничего из того, о чем знаем мы. Он знает только, что он в отчаянии, что он потерял себя, а профессор Норман предлагает легкий путь от головы к сердцу. Быстрое выздоровление. Музу для современного человека.

Корабль вздрогнул под ударом особенно мощной волны. Река подпрыгнула и хлестнула по окнам.

Замедлив на мгновение ход, «Морской волк» снова рванулся вперед. Все ближе и ближе к месту назначения. К Колдуну. К истоку.

Глава тридцать седьмая

Вечер они провели раздельно. Каждый пытался пережить шторм на свой лад.

Арман Гамаш натолкнулся на Клару в мужской каюте, так называемой адмиральской. Она принесла суп с хлебом Шартрану, который все еще спал на узкой койке. В тарелке мало что осталось – большую часть Клара расплескала по пути.

Шторм разгулялся в полную силу. Стихия трепала корабль. Швыряла его из стороны в сторону, и людей внутри без всякого предупреждения кидало то на одну стену, то на другую.

– Я и сам пришел посмотреть, как он. Жив? – прошептал Гамаш, держась за дверной косяк.

– Да. Просто сильный приступ морской болезни.

Клара положила хлеб на прикроватный столик, но тарелку решила не оставлять – бесполезно, она все равно окажется на полу. Или на Шартране.

Она встала, но прежде пощупала лоб Шартрана. На ощупь он напоминал треску, а по виду – нижнее белье. Прогресс. Она положила свою большую руку ему на грудь. На одно мгновение.

Они оставили его и пошли обратно в кают-компанию. Река превратилась в бурлящую пену. Палуба была залита водой.

Клара выбрала скамью возле окна, и Гамаш сел рядом с ней, как они делали каждое утро в Трех Соснах. Словно незнакомые люди в ожидании автобуса.

На коленях у Клары лежали альбом для зарисовок и коробочка с карандашами, но она не открывала их.

– Вы собирались рисовать? – спросил Гамаш.

– Нет. Просто с ними я чувствую себя в большей безопасности.

Она потирала пальцем металлическую коробочку с карандашами, словно четки. А альбом держала, как Библию.

Волна ударила в окно, и они отпрянули. Но плексиглас выдержал. Некоторое время они сидели молча. Морякам, пережившим шторм, хорошо известно такое напряженное молчание.

Гамаш посмотрел на Клару в профиль, пока она наблюдала за волнами, которые налетали на берег. Напрыгивали на скалы. Подтачивали их. Полировали.

Ее взгляд был спокоен и сосредоточен. Впитывал все до мельчайших

подробностей. Каждую деталь физического и метафизического мира.

– Это какая-то особая жестокость, правда? – заметила она, не отрывая глаз от берега. – Использовать искусство для убийства.

– Я сталкивался с вещами и похуже, – возразил Гамаш.

Теперь уже Клара посмотрела на него в профиль. Она ему верила.

– Я имею в виду, использовать то, что вы любите, против вас, – сказала она.

– Я вас понял, – ответил он.

«Морской волк» свалился с высокой волны и задрожал, их обоих бросило вперед, но они успели ухватиться кто за что, чтобы не упасть со скамьи.

– Трус, – изрекла Клара.

– Вы о чем?

– О Нормане. Он трус. Он боялся увидеть то, что сделал. Не хотел видеть этого. Он мог подсыпать асбестовый порошок, отправить его по почте и продолжать жить дальше. Это трусость.

– Большинство убийств – следствие трусости, – сказал Гамаш. – Их совершают слабые люди или сильные люди в момент слабости. Но почти никогда убийство не бывает смелым поступком.

– Почти никогда?

Гамаш не ответил.

Клара вытащила из кармана таблетки от кашля и положила на скамью между ними.

– Есть ли такой человек, которого вы убили бы, если бы это можно было сделать на расстоянии, не видя? – спросила она. – Если бы вы могли нажать вот сюда, – она показала на пакетик таблеток, – и ваш враг умер бы. Вы бы сделали это?

Гамаш уставился на маленький белый квадратик.

– А вы? – спросил он, снова поднимая взгляд.

– Ой, много кого и каждый день. Мирну сегодня утром, когда она задержалась в ванной…

– У вас есть ванная?

– Я говорю метафорически, – сказала Клара и поспешила дальше, оставив Гамаша в некотором недоумении касательно ванных. – Рут. Художественных критиков. Оливье, когда он дает мне слишком маленький круассан. Рут. Галеристов, которые уделяют больше внимания другим художникам.

– Рут.

– И ее тоже, – согласилась Клара.

– А у вас возникло бы искушение нажать на эти таблетки, чтобы убить Питера?

– Убить его? Были времена, когда мне хотелось, чтобы он исчез, – призналась она. – Не просто из Трех Сосен, а исчез вообще. Чтобы я перестала о нем думать. Перестала надеяться и, может быть, перестала его ненавидеть. Или любить. Если бы он исчез, я бы смогла. Может быть.

– Но на самом деле вы не желали ему смерти, – сказал Гамаш. – Вы просто хотели, чтобы прекратилась боль.

Клара бросила взгляд на упаковку, лежащую на скамье.

– Были времена, когда я желала ему смерти. Желала и боялась. Это был бы ужасный конец нашей совместной жизни. Но по крайней мере, конец бы наступил.

Она посмотрела на палубу, блестящую от воды. На металлический корпус корабля. На вздыбившиеся волны и пустынный берег за ними.

Так не похоже на надежную, тихую деревню. На их дом. На их мастерские и их сад с двумя креслами и множеством кругов от чашек на подлокотниках.

Клара заставляла себя думать об этом как о «ее» доме. Называть его в разговорах «моим» домом. Но это было не так. Это был их дом. Наполненный ими.

Ей так не хватало Питера, что она боялась умереть от тоски.

И ей необходимо было знать, что чувствует он.

Она не сомневалась, что уже получила ответ. Молчание Питера говорило само за себя. Одного его отсутствия было бы достаточно. Но ей этого не хватало. Ей хотелось услышать ответ из его уст.

Неужели он разлюбил ее? Неужели он оставил ее и Три Сосны и обосновался где-то в другом месте?

Нет, этот сукин сын так просто от нее не уйдет. Пусть-ка сначала посмотрит ей в лицо.

Дорогой, любимый Питер. Они должны взглянуть друг другу в глаза. И сказать друг другу правду. А после она сможет вернуться домой.

Гамаш поднялся и осторожно подошел к окну. Он долго стоял, глядя через стекло и держась за раму, чтобы устоять на ногах при безумной качке судна.

– Вы можете подойти ко мне?

– Не уверена, – сказала она и прыгнула к нему в промежутке между двумя волнами.

Он ухватил ее большой надежной рукой за спину, практически прижав к окну.

– Видите ту бухточку?

– Да.

– Это и есть Могилы.

Клара вцепилась в раму и обвела взглядом бухту, которую следовало бы защитить волноломами, потому что без них она превратилась в хаос водоворотов и вихрей. Движение там в корне отличалось от неумолимых волн, накатывавших на корабль. В бухте вода двигалась так, будто под поверхностью корчилось и вертелось какое-то гигантское животное.

– Подводные камни, – сказал Гамаш, хотя она и не спрашивала. – Они создают такой эффект. Любое судно, попавшее туда, обречено.

Клара почувствовала, как похолодела ее кожа изнутри и до самой поверхности. Как по ней бегут мурашки. Как они пытаются уползти куда-нибудь подальше. От убийственных водоворотов, от этого сурового берега.

– Это и погубило «Императрицу Ирландии»? – спросила она.

Клара читала о той катастрофе в школе и знала, что они где-то близко от того места, где погиб корабль.

– Нет, там сыграл свою роль другой фактор. Туманы в этих местах густые, как нигде. В тумане два корабля напоролись друг на друга.

Заканчивать не было нужды. Оба знали, что случилось потом.

В 1914 году пассажирский лайнер «Императрица Ирландии» затонул, протараненный другим кораблем. В темноте. В тумане. Где-то в этих водах. За пятнадцать минут. Погибло более тысячи человек. Мужчины, женщины, дети.

Клара посмотрела на бурлящую воду. Река под ними кишела жизнью и смертью. Тех, кто ушел под воду. Там были души, которых не спасли.

– Моя бабушка воспитывала меня на историях о путешественниках, обреченных вечно плыть в своих каноэ по небесам, – сказал Гамаш. – Они иногда ныряют на землю, хватают непослушных детей и приносят их сюда.

– В Могилы? – спросила она.

– Нет, еще дальше. На Иль-о-Демон.

– Остров Демонов, – перевела Клара. – Да тут у них настоящий парк аттракционов!

Гамаш улыбнулся:

– Я ей, конечно, не верил. Пока не побывал здесь и не увидел все своими глазами.

Он посмотрел на берег. Пустой. Без малейших признаков жизни.

Но он знал: это лишь видимость. Здесь обитает множество живых существ. Только они незаметны.

– Я бы хотела написать здешние пейзажи, – сказала Клара. – Если

шторма здесь когда-нибудь прекращаются.

– Я завидую вам – у вас есть ваше искусство, – откликнулся Гамаш. – Наверное, оно лечит.

Они вернулись на скамью.

– Вы считаете, что мне нужно лечение?

– По-моему, оно нужно всем пассажирам нашего корабля.

Клара рассмеялась:

– Путешествие умалишенных.

Гамаш залез во внутренний карман своей куртки и вытащил «Бальзам в Галааде».

– Я нашел ее на ночном столике отца, – сказал он, глядя на книгу. – Мне тогда шел десятый год. Тем вечером мои родители погибли. Я был безутешен. Не знал, что мне делать, а потому сделал то, что всегда делал в минуты страха, – пошел в их спальню. Забрался на их кровать. И стал ждать, когда кошмар кончится. Вот проснусь – и увижу их. Я буду лежать между ними. А они с обеих сторон будут меня защищать. Но конечно, я не спал, а потому и не мог проснуться.

Он помолчал, собираясь с мыслями. Волна за волной ударяла в окна кают-компании, словно река целенаправленно бросалась на них. Пыталась ворваться внутрь. Достать их. А может быть, пыталась защитить от собственного шторма.

– Они погибли в дорожном происшествии. Но это был не обычный несчастный случай, как я узнал позднее. Поступив на работу в полицию, я нашел их дело. Не знаю, зачем мне это понадобилось.

– Вам хотелось знать. Естественное желание, – проговорила Клара.

– В жизни много чего естественного, но с отрицательным знаком. Как асбест. И та история походила на асбест. Она осела во мне. Лучше бы я ее не знал. Моя бабушка не сказала мне, что родители погибли по вине пьяного водителя. Он, конечно, остался жив.

Клара посмотрела на Гамаша. За годы знакомства она слышала разные интонации в его голосе. Нежность, недоумение, гнев, разочарование. Предостережение. Но только не боль. До сегодняшнего вечера.

– Как бы то ни было, – произнес Гамаш, словно событие, о котором он только что ей рассказал, было чем-то незначительным, – я нашел эту книгу на ночном столике моего отца. Закладка лежит ровно на том месте, где ее оставил отец. Я взял книгу и убрал в коробку вместе с другими вещами.

Сокровища детства. Старые ключи от старых домов, где он больше не живет. Награды за выигранные соревнования. Каштан совершенно необыкновенной красоты. Щепка из клюшки Жана Беливо[103], по

уверениям кого-то из приятелей Гамаша. Мощи святых его детства. Талисманы.

Там же хранилось распятие, которое всегда носил отец и которое было на нем в момент гибели. Его хотели похоронить с тем распятием, но бабушка забрала его. Арман не знал, как ей это удалось, и никогда не спрашивал.

Она отдала ему распятие, когда у него родился первый ребенок – его сын Даниель.

Гамаш хранил его и передал Даниелю, когда у того родилась Флоранс.

Но книгу он оставил себе. Она принадлежала ему, и ей ничто не угрожало в коробке. Запечатанной коробке.

Книга всегда лежала в коробке, но он к ней не прикасался. Иногда доставал коробку, смотрел на нее, но никогда не открывал.

Пока они с Рейн-Мари не переехали в Три Сосны. Пока он не перестал охотиться на убийц. Он исполнил свой долг перед душами мертвых и душами про́клятых. И мог наконец отдохнуть в тихой деревеньке, приютившейся в долине.

И только тогда стало возможным без опаски открыть коробку.

Или он думал, что без опаски.

Оттуда исходил запах книги и запах отца. Терпкий, мужской. Осевший на страницах книги. Словно призрак.

«Есть бальзам, есть в Галааде, – прочел он в то первое утро в их саду. – Исцеленье он несет…»

И тогда он испытал облегчение. Подумал: может быть, теперь ему удастся избавиться от бремени, которое он нес.

Гамаш давно подозревал, что он был вовсе не пассажиром на заколдованном каноэ, а одним из членов экипажа. Вечно работал веслом. Никогда не останавливался. Предостерегал души от дурного пути. Бесконечно.

«Царь Небесный Всемогущий душу грешную спасет», – прочел он.

Именно такие слова ему нужно было услышать. Словно отец сказал ему это. Поднял своими сильными руками, прижал к себе и заверил, что все будет хорошо.

Теперь он мог остановиться.

И с того дня он каждое утро садился на скамью, с которой открывался вид на всю деревню, и здесь к нему ненадолго возвращался отец.

– Но вы никогда не читаете дальше закладки. Почему? – спросила Клара.

– Не хочу. Я не хочу, чтобы отец остался позади.

Гамаш вдохнул морской воздух. Закрыл глаза и чуть запрокинул голову.

Из запечатанной коробки появилось кое-что еще. Столь неожиданное, что Гамашу потребовалось немалое время, чтобы понять, что это. И признать.

Гамаш перевел взгляд на таблетки, лежащие между ними, – качка загнала их в щель между двумя досками скамьи.

– Я прочел отчет о смерти моих родителей, – сказал он белой упаковке. – И о мальчике, который выжил. Он был несовершеннолетний. Его имя вымарали.

Клара не знала что сказать и промолчала.

– У него были только ученические права. Он незаконно сел за руль. И к тому же пьяным. Он был всего на десять лет старше меня. Сейчас ему лет шестьдесят пять. Вероятно, он еще жив.

Гамаш выставил палец, держа его над таблетками. Вот сейчас корабль качнется на волнах еще раз, и пакетик выскочит из щели.

Но корабль шел ровно. Его не кидало. Волны на какое-то время присмирели.

Гамаш кинул взгляд в окно. На берег.

Они миновали Могилы и теперь вспахивали воды, приближаясь к пункту их назначения.

Гамаш убрал руку от пакетика и положил на книгу. И оставил там.

– Patron.

Бовуар неуверенно шагал по раскачивающемуся полу, словно ковбой после долгой скачки. Мирна шла следом, перебегая от скамьи к скамье.

При появлении Бовуара Гамаш сунул книгу в карман.

– Ректор снова вышел на нас. Он пытался связаться с вами, но вы не отвечали.

– Телефон у меня в кармане, – сказал Гамаш. – Я не слышал вызова.

– Вы спрашивали, где в кабинете Мэсси обнаружился асбест.

– Да. И где?

– Они запечатали помещение и сейчас делают лабораторные анализы, но пока ясно, что асбест сосредоточен в одном месте.

– В кладовке? – спросил Гамаш. – Там, где Мэсси, вероятно, держал картины Ноу Мана.

– Нет. В задней части мастерской, на одной из картин.

Клара свела брови к переносице – признак задумчивости и недоумения.

– Но там висела только одна картина. – Она побледнела. – Я ее не

видела, но ты видела, – сказала она Мирне.

У Гамаша внезапно сжалось сердце, словно его ударили сзади. Рейн-Мари тоже видела ту картину. Стояла достаточно близко, чтобы ее оценить. Чтобы вдохнуть воздух рядом с ней.

– И она покрыта асбестовой пылью? – спросил он.

– Не покрыта. На ней обнаружились следы. – Бовуар тут же понял озабоченность шефа. – Только с задней стороны. Учительница была права. Ноу Ман загрязнил асбестом холст, чтобы Мэсси, двигая его, надышался асбестом, не подвергая никого другого опасности. В воздухе пыли не было. Вдохнуть ее никто не мог.

Сердце Гамаша успокоилось, а мысли набрали скорость.

– Та картина, – он повернулся к Кларе, – она действительно была хороша, верно?

– Я к ней не подходила, но Мирна ее видела.

– Картина замечательная, – подтвердила Мирна. – Гораздо лучше остальных.

– Но ее написал профессор Мэсси, а не Ноу Ман, – сказала Клара. – Каким же образом холст оказался загрязненным?

Гамаш в недоумении откинулся на спинку скамьи. Все складывалось. Почти. Если не обращать внимания на один-единственный вопрос.

Если картину написал Мэсси, то как Ноу Ман мог загрязнить ее асбестом?

Как Ноу Ман получил к ней доступ? Да и к асбесту тоже.

– Мы упустили какое-то звено, – сказал Гамаш. – В чем-то ошиблись.

Подошло время обеда, но повара не отважились включать духовки и плитки, поэтому все ели сэндвичи. При этом им приходилось крепко держаться, поскольку волны становились все выше и шире. Даже у бывалых моряков лица посуровели.

Гамаш, Бовуар, Мирна и Клара отвлекались от качки, снова и снова обдумывая то, что им стало известно. Факты.

Маршрут Питера по Европе. «Сад космических размышлений». Каменный заяц.

Бовуар сунул руку в карман и нащупал там кроличью лапку.

Приезд Питера в Торонто и в колледж искусств. Его встреча с профессором Мэсси.

А потом отъезд в Шарлевуа. В Бэ-Сен-Поль. Вроде бы в поисках музы. Десятой музы. Неприрученной музы, которая могла исцелять и убивать. И поклонника той музы. Ноу Мана.

Четверо друзей снова и снова сопоставляли известные им сведения. И

еще раз.

Но отсутствующее звено пока не находилось.

– Ну что ж, – сказала Клара, – ответ мы узнаем завтра. Корабль прибывает в Табакен утром.

Она вытянула руку, держа за колечко большой ключ.

– Что это? – спросил Бовуар.

– Ключ от нашей каюты, – пояснила Мирна.

– Это предложение? – осведомился он.

– Наше плавание еще не настолько затянулось, – парировала Мирна и услышала смех Гамаша. – Это приглашение. Наш диван легко превращается в кровать.

– Но вы же на нем спите, – возразил Бовуар.

– Нет, мы будем в спальне.

– В спальне?

– Кажется, это называется парадным залом, – сказала Мирна. – Можете воспользоваться нашим душем или ванной.

– Метафорической? – спросил Гамаш у Клары, и та покраснела.

Бовуар, прищурившись, выхватил ключ из ее руки.

– И можете угощаться всем, что найдете в холодильнике, – любезно разрешила Мирна, зигзагами выходя с Кларой из кают-компании.

Бовуар сунул ключ в карман, поближе к кроличьей лапке.

Они поговорили еще немного, вернулись к некоторым деталям. Но ясности не наступило.

Гамаш поднялся:

– Я устал. Клара права: мы узнаем ответ завтра утром.

Они двинулись в капитанскую каюту, но перед этим зашли в адмиральскую, чтобы проверить Шартрана и взять туалетные принадлежности и чистую одежду.

Открыв дверь капитанского номера, Бовуар замер.

– В чем дело? – спросил Гамаш. – Так тесно, что не войти?

– Да сюда целая армия войдет, – проговорил Бовуар и отошел в сторону, чтобы шеф все увидел.

Кухня. Полированный обеденный стол. Панорамные окна. Кресла. Закрытая дверь красного дерева, ведущая предположительно в парадный зал, где спали Клара и Мирна.

А еще диван, разложенный в большую кровать с чистыми, накрахмаленными простынями, подушками и одеялами.

– Я в жизни не видел ничего прекраснее, – прошептал Бовуар. – Я бы женился на этой каюте.

– Только когда меня в ней не будет, – сказал Гамаш, проходя внутрь.

Они по очереди приняли горячую ванну, вода в которой плескалась, – не стоило доверять скользкому полу душевой кабины. Когда Бовуар в махровом халате появился из ванной, он увидел, что Гамаш, держась за край обеденного стола, разглядывает одну из картин Питера.

– Губы, – сказал Бовуар, присоединяясь к шефу.

Губы хмурились на зрителей, а зрители хмурились, глядя на губы.

Проведя два дня на воде, Бовуар еще лучше стал понимать, что хотел выразить своей картиной Питер.

Питер видел, чувствовал и пытался изобразить постоянно меняющийся лик и капризы реки.

– Мы все еще в море, – сказал Жан Ги.

– Но возможно, чуть ближе к берегу.

– Да, хотя берег не всегда такое уж привлекательное место, – ответил Бовуар, пробираясь к кровати.

– Верно, mon vieux[104], – согласился Гамаш. – Пойду приму ванну.

За панорамным окном царила полная темнота, но каждые полминуты по нему ударял водяной кулак.

Полчаса спустя Гамаш выключил свет и улегся в кровать.

– Завтра будем на месте, – сонно сказал Бовуар. – Думаете, мы найдем там Питера?

– Думаю, да.

Засыпая, Гамаш размышлял о том, что их ожидает.

Изоляция и общество сумасшедшего могут довести до безумия даже самого устойчивого человека, не говоря уже о том, чей рассудок и без того нетверд. Как у Питера.

Завтра они почти наверняка увидят Питера Морроу, но Гамаш сомневался, что это будет тот Питер, которого они хотят найти.

Жана Ги пробудил бледно-розовый свет, проникающий в каюту, и запах кофе. Из парадного зала, где спали женщины, не доносилось ни звука.

А Гамаш уже встал. Сидя за обеденным столом, он разглядывал картины Питера и что-то напевал себе под нос.

– Все в порядке, patron? – спросил Жан Ги, садясь на кровати.

Что-то, казалось, произошло. Что-то изменилось.

И он тут же понял что. Впервые за два дня «Морской волк» не раскачивался, не дыбился и не нырял.

– Oui, – ответил Гамаш.

Но его голос и мысли находились где-то далеко.

– Мы все еще плывем?

Бовуар посмотрел в окно. Шторм закончился, ушел дальше по реке. К Антикости, Сет-Илю, Квебек-Сити и, наконец, к Монреалю.

По пути в ванную Бовуар кинул взгляд на стол и увидел, что картина Питера перевернута и неизбывная печаль превратилась в беззаботную радость.

Тем не менее лицо шефа было мрачным.

– Так что тут у вас? – спросил Жан Ги, вернувшись и поставив кружки с крепким кофе на стол.

– Merci, – пробормотал Гамаш, чьи мысли все еще витали где-то далеко.

И тогда он сказал Жану Ги, какую скрытую деталь обнаружил на картине Питера.

Там, среди губ, волн, печали и надежды, он нашел грешную душу.

Мирна и Клара проснулись, разбуженные солнечными лучами, проникающими через панорамные окна.

«Морской волк», казалось, стоял на месте. Если бы не успокаивающий шум двигателей, они бы решили, что корабль сел на мель. Но Клара и Мирна видели через окно, что береговая линия скользит назад.

Небо прояснилось, и река стала гладкой, как стекло. «Морской волк» плыл в сверкающий пастельными красками день.

Берег ровно поднимался из воды, словно сама река превратилась в камень.

Вторая комната оказалась пустой. Мужчины уже ушли.

Женщины налили себе кофе и по очереди приняли ванну. Когда, одевшись, они вышли на палубу, Гамаш, Бовуар и Шартран стояли у фальшборта.

– Вам лучше? – спросила Клара, становясь рядом с Шартраном.

Он был бледен, но больше не казался зеленым.

– Гораздо лучше. Извините. От меня было мало проку, и компания никакая.

Клара улыбнулась, но, заметив, что Мирна и Гамаш смотрят на Шартрана, поняла, о чем они думают. Именно о том, о чем думала и она.

Какое чудесное и своевременное выздоровление. Столько времени не мог даже на ноги встать. Но воскрес как раз к прибытию в Табакен.

Клара знала, что Шартран не симулировал морскую болезнь. Но возможно, он чувствовал себя не так плохо, как это могло показаться.

Теперь все пятеро стояли, опершись на перила фальшборта, а корабль скользил вдоль побережья при полном штиле, словно призрак.

Мирна перевела взгляд на Армана. Если остальные смотрели на берег, то Гамаш устремлял взгляд вперед. Он смотрел не туда, где они находились, и не туда, где они уже были, а туда, где они будут.

Он был мореходом. Человеком, стоящим перед мачтой. Но сегодня, этим ярким утром, он выглядел еще и тем, кем создала его природа. Детективом отдела по расследованию убийств. В земле, которую Бог отдал Каину.

И тогда Мирна поняла, что, хотя день начался поразительным спокойствием, он почти наверняка закончится смертью.

Глава тридцать восьмая

– Это Аньо-де-Дью, – сказал Жан Ги.

Клара не произнесла ни слова за последние полчаса. Остальные молчали вот уже пятнадцать минут.

В тишине они смотрели на берег и прислушивались к знакомым звукам корабля, рассекающего спокойную воду.

Солнце встало, и перед ними предстала невыразимо прекрасная земля. Простая. И ясная. Камни, лишайники, кустарники. Несколько упрямых деревьев.

А дальше – маленькая гавань и дома, построенные на камне.

Аньо-де-Дью. На берегу стояли несколько детей и махали им. Приветствовали корабль, который здесь не останавливался.

Клара заставила себя помахать в ответ и заметила, что Шартран сделал то же самое.

Может быть, он знает их? И потому машет?

Но ее разум не задержался на этой мысли. Он вернулся к единственному, что не отпускало ее.

К Питеру. Питер находился где-то здесь, неподалеку.

Аньо-де-Дью остался позади, потерялся из виду, а Табакен еще не появился. Неровный мыс, вдающийся в реку, разделял два поселка.

Дыхание Клары участилось, словно после бега на большую дистанцию. Она почувствовала, как похолодели ее руки. Может быть, она превращается в камень, как зайцы?

Корабль обогнул мыс, и Клара расправила плечи и наконец вздохнула полной грудью, подготавливая себя. Укрепляя себя.

И тут она впервые увидела Табакен.

Гавань представляла собой естественное укрытие, скалы уходили в реку с обеих сторон, словно каменные руки. Здесь неожиданно росли деревья. Карликовые, цепляющиеся за землю. Но полные решимости выжить. Они казались щетиной на усталом лице.

Гавань являла собой ловушку для солнца, скальную чашу. И поэтому то, что выживало здесь, в другом месте неизбежно погибало. Такова была игра природы, геологии и географии.

Корабль подошел к длинной пристани, и гавань показалась чем-то вроде убежища.

Не так ли колдун заманивает к себе жертвы?

Не так ли поступает и муза? Усыпляет твое внимание, завлекает тебя. В убежище от шторма. С обещанием вечной безопасности. Вечного мира.

Не то ли обещает и смерть?

Клара отступила на шаг от фальшборта, но Мирна удержала ее. Крепко ухватила.

– Все хорошо, – прошептала она.

И Клара, чувствуя, как колотится ее сердце, остановилась. Вернулась на прежнее место.

Они взяли свою поклажу и стали ждать, когда подадут трап.

Гамаш стоял первым, но Клара, не говоря ни слова, обошла его и встала впереди. А он без слов отступил.

Когда трап с корабля скинули на берег, Клара первой ступила на него.

Вниз, вниз, вниз. Она шла, пока не оказалась на пристани. За ней – ее спутники.

– С вашего разрешения, – произнес Гамаш, и Клара поняла: что-то изменилось.

Он просил разрешения из вежливости. Но не более.

Клара кивнула, и Арман Гамаш не стал медлить.

Он быстро подошел к первому же человеку, которого увидел, – старику в большой промасленной шляпе, наблюдавшему за разгрузкой «Морского волка».

– Мы ищем человека по фамилии Норман, – сказал он. – Он также может называть себя Ноу Ман.

Старик отвернулся к реке:

– Возвращайтесь на корабль. Здесь вы ничего не найдете.

– Нам необходимо увидеть Ноу Мана, – повторил Гамаш дружеским, но твердым голосом.

– Вам нужно уехать.

– Арман? – позвала Мирна.

Они с Кларой стояли чуть поодаль, оглядывая гавань и деревню, – не заметят ли где Питера. Но здесь не было никого. Ни мужчин, ни женщин, ни детей. Деревня казалась скорее брошенной, чем обезлюдевшей. Словно все бежали отсюда. Опережая несчастье.

Мирна почувствовала, как решимость покидает ее. Утекает, устремляется прочь. Просачивается сквозь трещины в броне ее храбрости. У них за спиной стоял корабль. С круассанами, ванной, мягким ритмичным покачиванием.

Он может доставить их домой. К ее круассанам, ее ванной и твердой земле Трех Сосен.

Гамаш и Бовуар подошли к ним:

– Мы с Жаном Ги должны найти Нормана. А вы оставайтесь здесь.

– Но…

Клара замолчала, увидев едва заметное движение его руки и решимость на лице.

Имел ли он звание старшего инспектора или нет, этот человек всегда стоял во главе, всегда вел других. Даже если стоять во главе иногда означало идти сзади.

– Мы проделали такой путь… – сказала Клара.

– Очень большой путь, – подтвердил Гамаш.

Он смотрел на нее добрым взглядом, и она почувствовала, что успокаивается.

– Я должна найти Питера, – настойчиво проговорила она.

– И вы его найдете, – ответил Гамаш. – Но сначала мы должны найти Нормана. Рыбак говорит, что Норман там.

Гамаш показал на холм. Там не было никаких домов, никаких жилищ. Одни скалы и кустарник.

– Тут есть столовая. – Бовуар махнул в сторону обитого вагонкой сооружения. – Вы можете подождать нас там.

Клара забыла, что Гамаш и Бовуар бывали здесь прежде.

– Я должен пойти с вами, – сказал Шартран.

– Вы должны остаться здесь, – ответил Гамаш. Он повернулся к Кларе. – До этого момента вы вели нас. Теперь вам нужно подождать здесь. Если мы найдем Питера, то приведем его сюда. Обещаю.

Он благодарно кивнул старику, который отвернулся и снова уставился на пристань и реку за ней.

На мгновение у Гамаша возникло ощущение, что старик не столько смотрит на корабль, сколько ждет.

Мореход на суше. Всегда остающийся моряком. Может быть, даже странником.

Клара помедлила у дверей столовой, провожая взглядом Армана и Жана Ги. На вершине холма они остановились.

Две фигуры, разделенные несколькими футами на фоне утреннего неба.

Клара чуть наклонила голову и прищурилась. Потом почувствовала, как сжалось ее сердце. Они напомнили ей заячьи уши. Как на картине Питера.

В столовой она развернула одну из картин. Марсель Шартран принес тарелку с лимонным пирогом с меренгой и поставил ее на один из уголков

картины, чтобы та не сворачивалась.

Клара села и принялась разглядывать картину – максимальное приближение к Питеру, доступное ей в настоящий момент.

Впереди поодаль Гамаш и Бовуар видели деревню Аньо-де-Дью. Сзади раскинулся Табакен.

А между ними было пространство. Безлюдное. Пустое.

Земля Ноу Мана.

Если не считать аккуратного маленького домика.

Домика Ноу Мана.

На их глазах со стула медленно поднялся человек. Долговязый, нескладный, похожий на марионетку или пугало. Он остановился на фоне темного прямоугольника двери. Потом сделал шаг в их сторону. Еще один.

И остановился. Как парализованный.

Человек встал, когда увидел их на вершине холма. Он стоял и смотрел. Потом протянул руку и ухватился за побитый временем столбик, поддерживающий крышу крыльца. Человек крепко держался, цеплялся за него и за собственное здравомыслие. Он знал: того, что он видит, не может быть на самом деле.

Это мираж, шутка, фокус. Результат усталости и потрясения.

Он прислонился к столбику и уставился на двух человек.

Этого не может быть.

Гамаш и Бовуар уставились на человека на крыльце.

А потом пошли быстрым шагом, почти побежали.

Человек на крыльце, увидев их, отпрянул. Он оглянулся назад, на пещеру маленького дома.

Потом посмотрел на призраков, приближающихся к нему. Несущихся к нему по склону холма. Из Табакена.

– Питер? – окликнул его Жан Ги.

Питер Морроу замер, глядя на них.

– Боже мой, это вы, – сказал он.

Питер был растрепан, его непокорные волосы отросли и спутались. У человека, который обычно выглядел ухоженным, на лице темнела щетина, а под глазами лежали круги.

Он обнимал столбик, и казалось, что, стоит ему ослабить хватку, он упадет на землю. Когда Арман добежал до него, Питер отпустил столбик и вцепился в Гамаша.

– Вы пришли, – прошептал Питер, боясь моргнуть из опасения, что они исчезнут. – Арман, слава богу. Это вы.

Он сжал руку Гамаша, желая убедиться, что это не галлюцинация.

Арман Гамаш заглянул в голубые глаза с налитыми кровью белками. Увидел в них измождение, отчаяние. И может быть, в этот миг, крохотную искорку надежды.

Он взял Питера за плечи и посадил его на стул.

– Он в доме? – спросил Гамаш, и Питер кивнул в ответ.

– Оставайтесь здесь, – сказал Бовуар, хотя было ясно, что Питер Морроу не имеет ни малейшего намерения куда-то уходить.

Внутри однокомнатного домика Арман Гамаш и Жан Ги Бовуар увидели кровать.

На голове у тела лежала подушка. Из-под нее натекла кровь, ручеек, превративший белые простыни в ярко-красные.

Но криминалист сказал бы, что кровотечение прекратилось уже несколько часов назад. Когда перестало биться сердце. Несколько часов назад.

Гамаш пощупал пульс – пульса не было. Тело было холодное, как мрамор.

– Это вы положили подушку ему на голову? – громко проговорил Гамаш в дверь.

– Господи, нет, – раздался голос.

Гамаш и Бовуар переглянулись. Потом, взяв себя в руки, Арман Гамаш поднял подушку, а Жан Ги тем временем фиксировал происходящее.

И тут Гамаш вздохнул. Издал долгий, долгий протяжный вздох.

– Когда появился профессор Мэсси? – спросил Гамаш, глядя на кровать.

Рот мертвеца был слегка приоткрыт, словно за миг до смерти ему в голову пришла какая-то мысль.

Что он мог говорить? «Не делайте этого. Пожалуйста, пожалуйста, бога ради». Стал бы он умолять о пощаде? Стал бы он выкрикивать ответные упреки? Пустые угрозы?

Гамаш сомневался. Он редко видел жертву, так явно примиренную с собственным убийством. С тем, что ее гонят в Самарру, где она предстанет перед смертью.

Но возможно, подумал Гамаш, глядя в спокойные глаза мертвеца, что его свидание со смертью было предопределено.

Два человека, чьи жизненные пути пересеклись много лет назад,

пришли к этому страшному мгновению в этом уединенном месте.

– Он появился дня два назад, наверное, – раздался голос через открытую дверь. Словно большой мир говорил с ними. – Я потерял счет времени.

– Когда произошло убийство? – спросил Бовуар. – Не два дня назад. Он умер совсем недавно.

– Вчера вечером. Или сегодня рано утром. Я нашел его таким сегодня, когда пришел.

Наступило молчание, и Гамаш подошел к двери. Питер, ошарашенный, сидел на стуле, руки и ноги не слушались его.

– Посмотрите на меня, – сказал Гамаш спокойным, убедительным голосом.

Он пытался вернуть Питера к реальности. Видел, что тот удаляется, уплывает прочь. Из домика, от берега, от страшной находки.

От окровавленной кровати и окаменевшего человека с разрезанным горлом. Похожего на какую-то гротескную скульптуру. Гамаш не мог решить, улучшает или ухудшает картину это выражение абсолютного покоя.

– Что случилось?

– Не знаю. Меня здесь не было. Профессор Норман отослал меня, попросил оставить их вдвоем и вернуться утром. Сегодня утром. Я вернулся и обнаружил… – Он показал рукой на дверь домика.

Гамаш услышал, как Бовуар фотографирует и надиктовывает на свой телефон:

– Белый, пол мужской. Причина смерти – рана на горле, нанесенная большим ножом, рассечение от сонной артерии до яремной вены. Признаков борьбы нет. Оружие убийства не обнаружено.

– Вы к чему-нибудь прикасались? – спросил Гамаш.

– Нет, – произнес Питер с таким отвращением, что Гамаш не мог ему не поверить.

– Кто-нибудь еще появлялся здесь после вашего прихода?

– Только Люк. Он заходит каждое утро. Я отправил его за помощью.

Питер посмотрел на Гамаша так, будто только что его увидел.

– Вы поэтому здесь, Арман? – Питер пришел в замешательство, заволновался. – Но который теперь час? – Он огляделся. – Нет, прошло не так много времени. Как вы сумели добраться сюда так быстро?

– Говоря «Люк», вы имеете в виду Люка Вашона? – спросил Гамаш, уходя пока от ответа.

Питер кивнул.

– Он последователь Ноу Мана? – спросил Бовуар из домика.

– Я думаю. Точнее, ученик.

– Вашон подходил близко к телу? – спросил Гамаш.

– Достаточно близко, чтобы убедиться в том, что случилось, – сказал Питер.

Он снова представил себе это зрелище, и его глаза расширились.

– Достаточно близко, чтобы взять что-нибудь? – спросил Бовуар. – Например, нож?

Он вышел на крыльцо и уставился на Питера, такого похожего на того Питера, которого он знал много лет, и одновременно не похожего. Этот Питер был рассеянный, неуверенный. Недоумевающий. Волосы у него отросли, растрепались на ветру, одежда, хотя и чистая, сидела кое-как. Его словно вывернули наизнанку и встряхнули.

– Не знаю, – сказал Питер. – Мог подойти довольно близко.

– Подумайте, – потребовал Гамаш твердым голосом, не грубо, но настоятельно.

Питер постарался взять себя в руки.

– Все происходило как во сне. Мы кричали друг на друга. Пытались понять, что произошло. Он хотел снять подушку, но я его остановил. Я знаю, что в таких делах ничего нельзя трогать.

– Но подошел ли Вашон достаточно близко, чтобы взять нож? – спросил Бовуар.

– Да, пожалуй. – Питер насупился, в его голосе зазвучала нетерпеливая нотка, он чувствовал себя оскорбленным. – Но я не видел ножа и не видел, чтобы Люк что-то брал. Он был потрясен и обескуражен, как и я. Вы же не думаете, что это сделал Люк?

Гамаш взглянул на часы:

– Почти полдень.

Но Питеру это ни о чем не говорило.

– Когда вы отправили Вашона звонить? – спросил Бовуар.

– Я пришел сюда, как обычно, около семи. Люк появился несколько минут спустя.

– Пять часов.

Бовуар посмотрел на Гамаша.

– Куда Вашон мог пойти звонить? – спросил Гамаш. – В Табакен?

– Вероятно. Сигнал сюда плохо проходит, но у капитана порта связь обычно хорошая. Она нужна на всякий пожарный случай.

– Насколько нам известно, Люк Вашон так никуда и не позвонил, – сказал Гамаш. – Либо потому, что не хотел. Либо потому, что не смог.

– Если Люк сделал это, то зачем ему возвращаться? – спросил Питер, у которого вдруг включились мозги.

– Может быть, он забыл нож, – предположил Гамаш. – Может быть, он хотел убедиться, что профессор и в самом деле мертв. А может быть, тот, кто убил Нормана, послал Вашона забрать нож и другие улики.

– «Тот, кто убил Нормана»? – переспросил Питер. – Что вы имеете в виду?

Гамаш просто посмотрел на Питера. Но не глазами Армана, его друга, а острым, оценивающим, неумолимым взглядом сыщика, расследующего убийство.

– Я? Вы думаете, его убил я? Но зачем?

– Может быть, муза велела вам сделать это, – предположил Гамаш.

– Муза? О чем вы толкуете?

Гамаш по-прежнему смотрел на Питера, и глаза у того широко распахнулись.

– Вы думаете, что я сошел с ума? Что это место довело меня до безумия?

– Не только место, – сказал Гамаш, – но и общество. Профессор Норман говорил в своих лекциях о десятой музе. Не поэтому ли вы здесь? Чтобы найти его. И ее?

Питер покраснел то ли от гнева, то ли от смущения, то ли оттого, что его разоблачили.

– Может быть, все это оказалось для вас уже чересчур, Питер. Вы чувствовали себя потерянным, пребывали в отчаянии, не в силах найти свой путь. Может быть, сочетание верований Нормана и суровость природы сломили вас. – Гамаш посмотрел на громадное, открытое, пустое пространство. – В таких обстоятельствах легко потерять связь с реальностью.

– И совершить убийство? Нет, Арман, я не единственный потерял связь с реальностью. Да, я понимаю, как все это выглядит и что заставляет вас думать, будто это сделал я. Или Люк. Но не забываете ли вы что-то или кого-то?

– Нет, не забываю, – сказал Гамаш.

Он помнил, что, кроме Люка Вашона, отсутствует кое-кто еще.

– Профессор Норман удивился, когда сюда прилетел Мэсси? – спросил Бовуар.

– Я думаю, профессора Нормана мало что могло удивить, – ответил Питер. – И вообще он, похоже, обрадовался, увидев Мэсси.

– И вчера вечером вы оставили их здесь вдвоем, один на один, –

уточнил Бовуар.

Питер кивнул. Гамаш и Бовуар вернулись в дом и подошли к кровати.

Два молодых профессора познакомились много лет назад. Познакомились и рассорились. А потом встретились уже стариками. В земле, которую Бог отдал Каину. Они сидели здесь. Один на стуле. Другой на кровати.

И утром один оказался мертвым. А другой пропал.

Гамаш посмотрел на умиротворенное, едва ли не радостное лицо. И на длинный, глубокий разрез от артерии до вены.

Тот, кто это сделал, не оставил Норману ни малейшего шанса.

Он убивал Нормана, Ноу Мана, наверняка.

И убил.

Глава тридцать девятая

Арман Гамаш не знал, кто полоснул ножом по шее Нормана.

Профессор Мэсси? Люк Вашон? Или Питер Морроу.

Один из них.

В одном Гамаш был уверен. До этого он ошибался. Жестоко ошибался.

И только этим утром на корабле, в неярком свете нового дня, он начал прозревать истину.

Приблизительно в то время, когда Питер Морроу смотрел на кровать с мертвым телом, Гамаш смотрел на губы на картине Питера.

И в очередной раз перевернул полотно.

Изменил точку зрения.

Точно так же он должен был поступить и с этим делом. Перевернуть его. Они исходили из стольких допущений. Делали столько выводов, подгоняя их к фактам.

Но воспринимали все в перевернутом виде.

Если профессор Мэсси написал превосходную картину, висевшую на стене в задней части студии, то как мог Норман из своей дали загрязнить холст асбестом?

Как? Как?

Ответ был прост: никак.

Единственный возможный ответ состоял в том, что профессор Мэсси не писал этой картины.

Ее написал Норман.

И не Норман загрязнил ее асбестом. А Мэсси.

Гамаш понял, что смотрел на дело вверх ногами.

Не Ноу Ман пытался убить профессора Мэсси.

Наоборот, Мэсси пытался убить Ноу Мана.

И преуспел в этом.

Горло профессору Норману перерезали, вероятно, сегодня утром, но на самом деле убийство совершилось много лет назад. Загрязнением чистых холстов асбестовой пылью. А потом холсты отправлялись опозоренному и изгнанному профессору Норману. В качестве услуги.

Норман с нетерпением открывал контейнеры с красками, кистями и холстами, словно ребенок в Рождество. Вдыхал асбест, попадающий в воздух. Потом, счастливый, благодарный, он разворачивал холсты, и в воздух попадало еще больше волокон-убийц. И словно этого было мало,

Норман натягивал холсты на рамы. А затем писал на них.

И все это время пребывал в убеждении, что добрый профессор Мэсси – его друг.

Если поверить мнению Рейн-Мари и Мирны, то Себастьян Норман был одаренным, может быть, даже талантливым художником. Но каждый мазок кисти приближал его к смерти. Сам акт творения убивал его.

Как того и добивался Мэсси.

Гамаш чувствовал себя идиотом. Как же он не догадался раньше, гораздо раньше! У кого был доступ к асбесту? Не у Нормана. Когда асбест извлекали из стен колледжа, Норман находился далеко, в Бэ-Сен-Поле.

Зато профессор Мэсси имел доступ к асбесту.

– Но зачем Мэсси понадобилось убивать Нормана? – спросил Бовуар. – Разве не логичнее наоборот? Мэсси уволил Нормана. Зачем он в течение многих лет посылал Норману загрязненные холсты?

Вместо ответа Гамаш повернулся к Питеру, который стоял в дверях, не глядя на окровавленную кровать.

– Мы нашли ваши картины. Те, что вы подарили ребенку Марианны.

– Вот как. – Питер выглядел так, словно Гамаш сдернул с него штаны. – Клара их видела?

– Это имеет значение?

Питер подумал и отрицательно покачал головой:

– Имело бы год назад. Даже несколько месяцев назад. Но сейчас? – Он сделал ревизию своим чувствам и почти улыбнулся. – Все в порядке. – Он посмотрел на Гамаша и Бовуара с удивлением. – Все в порядке. Они дрянь, но они станут лучше. Что Клара говорила о них?

Вот что имело для него значение. Не их мнение, а мнение Клары.

– Хотите знать?

Питер кивнул.

– Она говорила, что они похожи на собачий завтрак.

Гамаш изучающе посмотрел на Питера. Прежний Питер обиделся бы, разозлился. Почувствовал бы себя глубоко оскорбленным, если бы его творение не встретили бурными аплодисментами.

Но сегодняшний Питер только покачал головой и улыбнулся:

– Она права.

– Знаете, ведь это комплимент, – сказал Гамаш. – Она утверждает, что ее первые попытки мало чем отличались от ваших. Комок в горле.

– Боже мой, как мне ее не хватает.

Та малость энергии, которую собрал Питер, иссякла, и он сдулся, как воздушный шарик.

Его нижняя губа задрожала, глаза увлажнились. Соленая вода. Море эмоций, удерживаемых внутри. Он отчаянно хотел сказать все то, что копилось в нем десятилетиями. Но из его груди вырвался лишь судорожный вздох.

– Я хочу сесть у нас в саду и слушать, как она провела год, и рассказывать ей о моем годе, – проговорил он наконец. – Я хочу услышать все о ее работе. О том, как она пишет и что чувствует. Боже мой, что я наделал?

Клара схватила свернутые в трубку картины Питера.

– Я больше не могу ждать.

– Сидеть! – скомандовала Мирна. – Сядь.

– Может быть, позвонить им? – Клара вытащила телефон.

– Дай-ка мне, – сказала Мирна, протягивая руку. – Дай сюда.

– Но…

– Давай. На кону, может быть, человеческие жизни. Мы не знаем, что происходит, и не имеем права вмешиваться. Арман сказал, чтобы мы его ждали.

– Я не могу.

– Ты должна. Это его работа. Их общая работа. Не мешай им.

Их кофе остыл, а воздушный лимонный пирог остался нетронутым.

– Как ты думаешь, они нашли Питера? – спросила Клара.

– Надеюсь.

Мирна выглянула в окно, не в силах представить, что происходит за стенами столовой. Где еще могут они искать его? Где еще он может прятаться?

– Неужели муза живет здесь? – спросила Клара. Спросила у Шартрана.

– Почему вы спрашиваете меня?

– Потому что вы уже бывали здесь.

– Нет, не бывал.

– Вы уверены? – Клара не сводила с него глаз и не отпускала его взгляд.

– Я в жизни здесь не был, – сказал Шартран. – Но я рад, что оказался здесь сейчас.

– Почему? – спросила Клара.

Он слабо улыбнулся, встал и вышел. Они видели его в окне столовой – он стоял, засунув руки в карманы и подняв воротник от ветра. Стоял ссутулившись, глядя на воду.

Клара крепко сжала руки под столом. Сколько ей еще ждать? Сколько

она еще выдержит? Она взглянула на часы на стене. Время они показывали, но ей это не помогло. Часы здесь не имели смысла.

Здесь время измерялось другими единицами.

Судя по часам, они провели в столовой три четверти часа, но Клара знала, что на самом деле прошла вечность.

– Зачем вы приехали сюда? – спросил Гамаш.

– Чтобы найти десятую музу? – спросил Бовуар.

– Так вы знаете про музу? – спросил Питер и, не дождавшись ответа, продолжил: – Нет, я приехал сказать Норману, какое он говно. Я вспомнил обо всем, когда посетил профессора Мэсси в колледже. Я всегда жалел, что не сказал Норману, какой вред он нанес.

– Своим «Салоном отверженных»? – спросил Гамаш.

– Да. Он обидел Клару, но тогда я ему ничего не сказал. Уезжая из Трех Сосен, я понятия не имел, как она будет относиться ко мне по возвращении. Я подозревал, что она вообще захочет разорвать наш брак, и не мог ее в этом винить. Но я хотел сделать для нее что-нибудь особенное. Подарок. Я думал, думал и понял, что всю нашу совместную жизнь оставался трусом. Ни разу не защитил ни ее, ни ее искусство. Позволял всем критиковать и умалять ее работы. И даже сам стал это делать, когда увидел, какой она блестящий художник. Я пытался ее уничтожить, Арман.

Он посмотрел на свои руки, словно на них осталась кровь. Пустой взгляд грешной души.

– Когда профессор Мэсси упомянул Нормана, я вспомнил «Салон отверженных» и понял, что могу подарить ей, – сказал Питер, снова подняв глаза. – Мои извинения. И не только слова, но и поступок. Даже если бы мне пришлось отправиться в ад, я бы нашел профессора Нормана и сказал ему, что о нем думаю. Только после этого я смог бы вернуться. И заглянуть ей в глаза.

– Принеся голову профессора Нормана? – спросил Гамаш.

– Фигурально выражаясь, да.

Заметив, что Гамаш пристально смотрит на него, Питер побледнел.

– Неужели вы все еще думаете… – Он махнул рукой в сторону кровати.

– Продолжайте, – сказал Гамаш, не сводя глаз с Питера.

– Я отправился в Бэ-Сен-Поль и там узнал, что последнюю почтовую отправку Норман сделал несколько лет назад. Его не оказалось в городке, но я увидел там такую красоту и покой, а перед этим столько месяцев провел в дороге, что решил снять домик и перевести дыхание. Только там я

вспомнил картины в доме моей матери. Те, на которые я мог смотреть часами. Желая оказаться в тех пейзажах. Картины Кларенса Ганьона. Он писал их в Бэ-Сен-Поле. И тогда я нашел Галерею Ганьона. Я проводил там часы, разглядывая его творения.

– Зачем? – спросил Бовуар.

– Вы их видели? – спросил Питер.

Бовуар кивнул.

– Какие чувства они у вас вызывали?

– Тоску по дому, – не задумываясь, ответил Жан Ги.

Питер кивнул:

– Они стали для меня как бы окном в Три Сосны. К Кларе и к тому, что я имел. И потерял. Поначалу я испытывал неописуемую печаль. Но чем больше я смотрел, тем спокойнее становился. Они дали мне что-то вроде устоявшегося счастья. Надежду.

– Губы, – сказал Гамаш.

Питер взглянул на него с улыбкой:

– Да, именно тогда я написал губы.

– Как вы узнали, что Ноу Ман живет здесь? – спросил Бовуар.

– От Люка Вашона. Он поддерживал связь с профессором Норманом.

– Он когда-то был членом художественной колонии, основанной профессором Норманом, – сказал Бовуар.

Питер кивнул:

– «Основанной», вероятно, не совсем точное слово. Колония словно сама выросла вокруг него. Люди к нему потянулись. Потому что он обладал неким знанием.

– Знанием чего? – спросил Бовуар.

– Что есть некая десятая муза и он знает, как ее найти, – ответил Питер.

А потом неожиданно рассмеялся. Издал насмешливый, неприятный звук.

– Вы считаете это ерундой, – сказал Бовуар.

– Я думаю, мне не нужно было тащиться на край света, чтобы понять такую простую истину, – проговорил Питер. – Она была со мной. Лежала подле меня в постели. Гуляла в саду. Работала в мастерской рядом с моей. Сидела на соседнем стуле. Я приехал сюда в поисках того, что уже имел.

– Вы приехали, чтобы сказать профессору Норману, что о нем думаете, – напомнил ему Гамаш.

– Верно. А приехав, увидел, что Норман очень болен. Это было месяца два назад. Он умирал в одиночестве.

Только теперь Питер перешагнул через порог одной ногой.

– Вы сказали ему, что думаете? – спросил Бовуар.

– Нет. Тут царил такой хаос. Поэтому я решил сначала навести порядок. Подумал, что скажу после. Но потом я понял, что он уже некоторое время не ел. И я купил продукты и приготовил для него еду. Повар из меня не ахти какой, но я поджарил яичницу и тосты. Питательная и легкая пища.

– А потом вы ему сказали? – спросил Бовуар.

– Нет. Его одежда и постельное белье не стирались месяцами. Я отнес их в прачечную самообслуживания в Табакене и постирал.

Бовуар перестал задавать вопросы и просто слушал.

– Теперь у него имелась чистая одежда и постельное белье, – рассказывал Питер. – Но он много дней не мылся. Слишком ослаб. – Питер глубоко вздохнул. – И я искупал его. Налил воду в ванну, добавил туда розовую воду и лаванду. И еще немного экстракта лилии. Все, что удалось найти. – Питер улыбнулся. – Вероятно, переборщил. – Он взглянул на тело на кровати. – Я поднял его и отнес в ванну. И вымыл. Пахло как у нас в саду в Трех Соснах.

Наконец он вошел в комнату и с нежностью посмотрел на мертвеца. Он не видел ни крови, ни зияющей раны. Только человека.

– Я остался, чтобы приглядывать за ним.

Голос Бовуара разрушил чары.

– Вы знали, чем он болеет? А сам он знал?

– Если и знал, то мне не сказал. Что-то связанное с легкими. Я хотел отправить его в больницу в Сет-Иль, но он отказался покидать дом. И я его понимал. Он хотел умереть здесь, у себя.

Питер посмотрел на Бовуара, потом на Гамаша и спросил:

– Вы знаете, чем он болел?

– А вы знаете, почему сюда прилетел профессор Мэсси? – ответил вопросом Гамаш.

– Нет. – Питер внимательно взглянул на Гамаша. – Но у меня такое ощущение, что вы знаете.

– Я думаю, он хотел признаться, – сказал Гамаш.

– Признаться? В чем?

– Вы не ошиблись, – подтвердил Гамаш. – Профессор Норман умирал. Он давно умирал. Задолго до того, как понял, что умирает. Его убил Мэсси.

– Мэсси? Да нет, глупости. Зачем? И как? При помощи вуду?

– Нет. При помощи асбеста.

Питер замер.

– Когда Мэсси узнал, что мы вас ищем, – продолжил Гамаш, – а вы ищете профессора Нормана, он, вероятно, понял, что мы непременно найдем вас обоих. И все узнаем.

– Да что тут узнавать? – растерянно спросил Питер.

– Что профессор Мэсси долгие годы присылал ему холсты, загрязненные асбестовой пылью.

– Почему? – только и сумел произнести Питер, пораженный этим известием.

– Потому что Норман был для него угрозой, – объяснил Гамаш. – Как Клара для вас. Вы любили Клару, но это вас не остановило – вы пытались погубить ее искусство и практически уничтожили ваш брак.

Питер выглядел так, будто получил удар в печень. Но Гамаш не позволил ему уйти от ответа. Он упорно смотрел на Питера, пока тот не кивнул, соглашаясь с ним.

– Вы любили ее и все равно делали то, что делали, – заметил Гамаш, снова ударяя по больному месту. – Представьте, на что были бы вы способны без любви. Будь вместо любви ненависть. Любовь к Кларе держала вас в узде. Вы не могли перешагнуть некую черту. Но у Мэсси не было никаких ограничителей. Он чувствовал, что может потерять все. Что Норман может у него все отобрать.

– Однако он поспособствовал увольнению Нормана, – сказал Питер. – Разве ему не хватило увольнения?

– Тут дело не в мести или мстительности, – ответил Гамаш. – Для Мэсси это был вопрос выживания. Колледж стал для него всем. Это был его дом в физическом, эмоциональном, творческом плане. Студенты были его детьми. А он – их уважаемым, почитаемым профессором. Блестящим. Идолом, которым они восхищались. Но что, если вдруг появится другой, более талантливый художник, настоящий преподаватель-авангардист?

Лицо Питера обмякло. Наконец он понял. Он знал, что может чувствовать при этом художник. Тебя выживают с твоего места. Оттесняют. Отбирают все, что тебе принадлежало.

Мэсси сражался за выживание. И увольнения Нормана было для него недостаточно. Если картины Нормана начнут появляться на выставках, то кто-нибудь начнет задавать вопросы человеку, который инициировал его увольнение.

Мэсси не мог этого допустить.

– Когда из стен колледжа извлекли асбест, он сохранил некоторое количество и стал посылать загрязненные асбестом холсты Норману, – сказал Бовуар. – В качестве подарка одного художника другому.

– Но как ему удавалось все это осуществлять? – спросил Питер. – Ведь профессор Норман жил в лесу в Шарлевуа.

– У него имелся помощник, – напомнил Бовуар. – Люк Вашон.

Питер открыл рот, собираясь возразить, но так ничего и не сказал. Задумался. Вспомнил все, что ему известно.

– Но если профессор Мэсси приехал, чтобы признаться, то где же он? – Питер огляделся. – А если он признался, то зачем ему было убивать Нормана? Кто же тогда его убил? – Он показал на мертвое тело.

Гамаш посмотрел на Жана Ги:

– Ты можешь найти Люка Вашона?

– Oui, patron.

– Арестуй его. Но будь осторожен. Охотничий нож, вероятно, все еще с ним.

– Oui. И я буду поглядывать, не обнаружится ли где профессор Мэсси.

– Я бы пока о нем не беспокоился, Жан Ги.

– Верно.

Бовуар вышел, а Питер обратился к Гамашу:

– Вы о чем? Почему не стоит беспокоиться о профессоре Мэсси?

– Потому что он почти наверняка мертв, – сказал Гамаш. – Мы начнем его поиски, как только арестуем Вашона.

– Мертв? Откуда вы знаете?

– Я в этом не уверен. Но вы правы: если он приехал, чтобы признаться, то у него не было причин убивать профессора Нормана. И он встретился с вами, а значит, не пытался скрываться. Нет, я думаю, профессор Мэсси, вероятно, раскаялся. То, что в молодости казалось приемлемым, даже разумным, в старости может восприниматься иначе. Видимо, он приехал признаться во всем Норману, может быть, даже попросить прощения. А потом он собирался сдаться полиции. Но Люк Вашон не мог такого допустить.

– Черт побери, – сказал Питер и сел. Потом снова огляделся. – Но почему здесь нет и профессора Мэсси? Почему он не убил их обоих?

– Давайте дождемся, когда Жан Ги арестует Вашона. Наверное, Вашону требовался козел отпущения. Подозреваю, что он хотел инсценировать убийство с последующим самоубийством. Чтобы мы думали, будто Мэсси убил профессора Нормана, а потом утопился. Вашону не составило бы труда сбить его с ног и подержать сколько нужно под водой.

«Еще одна душа для Святого Лаврентия», – подумал Гамаш, понимая, что если он прав, то они, вероятно, никогда не найдут профессора Мэсси.

Однако Вашона они найдут. Если не здесь, то где-нибудь в другом месте. Непременно найдут. Выйдут на след и предадут в руки правосудия.

– Зачем Вашон сделал это? – спросил Питер.

– Я только что объяснил, – ответил Гамаш. – Хотя я могу и ошибаться.

– Нет, я о том, почему он вообще согласился помогать профессору Мэсси?

– А почему люди соглашаются на подобное? – спросил Гамаш. – Почти наверняка из-за денег. Чтобы хватило на открытие собственного бара. На его поддержание на плаву. Чтобы сам он мог путешествовать и писать картины. А от него всего-то и требовалось раз или два в год отправить посылку Норману. И доставить готовые картины в Торонто.

– Он мог притвориться, что даже не знал об их загрязнении, – сказал Питер. – И кстати, что делал Мэсси с готовыми картинами?

– Видимо, уничтожал их, – предположил Гамаш. – Все, кроме одной. Мирна и Рейн-Мари видели ее в мастерской Мэсси. Тот заявил, что сам ее написал, и они приняли его слова за чистую монету, но обратили внимание, что та картина лучше, гораздо лучше всех остальных.

– Почему он ее сохранил? – спросил Питер.

– Я сам задавал себе этот вопрос, – сказал Гамаш. – Зачем Мэсси понадобилось сохранять один из маленьких шедевров Нормана? В качестве трофея? Убийцы иногда так поступают.

– Я думаю, все проще, – сделал попытку объяснить Питер. – Несмотря на все свои недостатки, профессор Мэсси любил искусство. Понимал его. Я думаю, картина профессора Нормана оказалась настолько великолепной, что у Мэсси не поднялась рука уничтожить ее.

Питер издал глубокий вздох. И Гамаш понял, о чем он подумал. О шедевре в его собственной жизни. Об уничтоженном им шедевре. Не о картинах Клары, а о ее любви.

– Я проделала слишком большой путь и слишком долго ждала. – Клара встала. – Я иду.

Мирна встала перед ней на пути к выходу.

Клара посмотрела на нее в упор.

– Я должна знать, – прошептала она так тихо, что услышала ее только Мирна. – Пожалуйста, пропусти меня.

Мирна шагнула к Кларе, но та не шелохнулась.

И тогда Мирна отошла в сторону.

И пропустила Клару.

– Клара ждала вас, – тихо сказал Гамаш. – В тот вечер, о котором вы договорились.

Питер открыл рот, но слова застряли у него в горле.

– Я написал письмо, – ответил он наконец. – Написал, что пока не могу приехать, но как только смогу – вернусь домой. Я дал письмо тому молодому пилоту.

– Она не получала никаких писем.

– Боже мой. Этот тупица, вероятно, потерял его. Она, наверное, думает, что мне все равно. О нет. О боже. Она, наверное, ненавидит меня.

Питер встал и направился к двери.

– Я должен идти. Должен вернуться домой. Поговорить с ней, объясниться. Самолет скоро будет здесь. Я должен улететь с ним.

Гамаш протянул руку и ухватил Питера за запястье.

Питер попытался вырваться:

– Отпустите меня. Я должен идти.

– Она здесь, – сказал Гамаш. – Она приехала за вами.

Глава сороковая

– Клара здесь? – спросил Питер. – Где?

– Она с Мирной в столовой, – ответил Гамаш.

– Я иду к ней.

– Нет, вы должны оставаться здесь, пока не вернется Бовуар и мы не поймем, как обстоят дела. Извините, Питер, но главное сейчас – арестовать Вашона за убийства. А после у вас будет достаточно времени для разговоров с Кларой.

Гамаш вышел на крыльцо и посмотрел, не возвращается ли Бовуар с Вашоном. Но никого и ничего не увидел.

Он вернулся в дом и стал свидетелем того, как Питер подошел к кровати и сделал то, чего, как он и сам знал, не следовало делать. Нарушил правила и погладил руку Нормана пальцем. Чуть-чуть прикоснулся.

Гамаш не стал мешать этому проявлению чувства. Он сошел с хилого крыльца и огляделся, описав полный круг под ярким солнцем.

Ни малейшего движения. Ни малейшего звука.

Ничего.

Каким же мрачным должно было казаться это место Ноу Ману.

И Питеру.

Когда единственными звуками, которые он слышал, был хриплый кашель умирающего человека.

Как сильно, наверное, хотелось ему уехать.

Но Питер Морроу остался. До самого конца.

– Я буду молиться, чтобы вы стали храбрым человеком в храброй стране, – сказал Гамаш.

– Что-что?

Питер вышел на крыльцо и посмотрел на Гамаша.

Арман повернулся к нему:

– Я буду молиться за то, чтобы вы нашли способ быть полезным.

Питер стоял безмолвный и неподвижный, как мир вокруг них.

– Это из «Галаада», – пояснил Гамаш. – Я думаю, десятая муза нужна не для того, чтобы стать хорошим художником, а для того, чтобы стать хорошим человеком.

Гамаш шагнул на крыльцо.

– Вы нашли способ быть полезным.

Может быть, подумал Гамаш, пунктом назначения все же оказалась не

Самарра, а Галаад.

Питер явно испытывал облегчение. То напряжение, что не отпускало его всю жизнь, частично спало.

Он последовал внутрь за Гамашем.

Арман уставился на мертвое тело. Задумался, крепко задумался.

Питер все утро оставался здесь в одиночестве. Стоял на страже. Охранял тело до прибытия помощи. Но один посетитель сюда заходил.

Люк Вашон. Тот, кто помог Мэсси убить Нормана. Тот, кто переправлял загрязненные асбестом холсты.

Но, но… Что там говорил Бовуар? Что говорил Питер, когда ему сообщили?

В чем состояла красота плана для Вашона? Он всегда мог убедить себя, что не делал ничего плохого. Но если предположить, только предположить, что он и в самом деле ничего не знал…

Гамаш потер рукой подбородок, глядя на Себастьяна Нормана.

Он вытащил смартфон и быстро вывел на экран картину. Искаженное безумием лицо смотрело на него. Бросало ему вызов.

Питер посмотрел на экран:

– Я помню. Это картина из ежегодника. Кисти профессора Нормана. Мы тогда решили, что это автопортрет.

Питера раздирали противоречивые чувства – отвращение и благоговение. Он посмотрел на мертвое тело.

– Но это не он.

– Не он, – подтвердил Гамаш. – Это Мэсси. Профессор Норман уже тогда видел, что под знакомой личиной прячется совсем другой Мэсси.

Гамаш присмотрелся внимательнее. Острым взглядом. Изучая очертания лица, глаза, сильный подбородок и скулы. Стараясь увидеть человека за внешностью.

– Боже, – вырвалось у него. – Боже мой.

Гамаш знал это лицо. Не выражение, застывшее на картине, а человека.

Он видел его на пристани, когда они сошли с корабля. Старый седой рыбак в широкополой шляпе и плотной потертой куртке.

Не наблюдавший за судном, а ждавший его.

Человек, который остерегал его, требовал, чтобы они убрались отсюда.

Если бы Клара и Мирна повернулись, подошли поближе, они, вероятно, узнали бы его. Но они не повернулись и не подошли.

Не Вашон придавал случившемуся вид убийства и самоубийства. Это делал Мэсси. Если они найдут еще один труп, то это будет труп Люка

Вашона.

А Мэсси к тому времени уже покинет Табакен. Его будут считать утонувшим. Еще одна жертва Вашона. На самом же деле он будет в безопасности на корабле.

– Черт!

Гамаш сунул телефон в карман и посмотрел на часы. Он не слышал прощального гудка «Морского волка». Возможно, судно еще стоит у причала.

– Питер…

Гамаш посмотрел на Питера, собираясь попросить его побыть здесь, пока он сбегает в поселок, чтобы задержать корабль. Нужно найти того старого рыбака. Сказать Бовуару, чтобы он прекратил поиски Вашона и начал искать профессора Мэсси.

Но слова замерли у него на языке, когда он увидел лицо Питера и проследил за его взглядом.

Питер смотрел на дверь.

В дверях стояла Клара Морроу. С ножом у горла.

А у нее за спиной – запыхавшийся Мэсси.

Он прижимал Клару к себе. У него в руке был громадный нож. Охотничий нож. Гамаш знал, что такими ножами потрошат оленей. Он легко перерезает связки и кости. Что уж говорить о горле. Одно он уже перерезал вчера вечером.

Арман Гамаш поднял руки, чтобы Мэсси видел их. Питер немедленно сделал то же самое. Он так побледнел, что Гамашу показалось, он вот-вот потеряет сознание.

– Клара, – сказал Питер.

Но Клара не могла ему ответить. К ее горлу под подбородком был приставлен нож. Готовый вспороть кожу.

Глаза Питера остановились на Мэсси.

– Профессор. Прошу вас. Вы не можете.

Но Мэсси смотрел только на Гамаша.

– Мне жаль, что вы здесь, – сказал Мэсси, переводя дыхание. – Я встретил вашего помощника в Табакене. Он спрашивал меня про Люка. Пытался его найти. Я предположил, что вы тоже будете его искать. Он даже спросил, не видел ли я его. Я, конечно, видел Люка.

– Вашон не знал, что вы делали, верно? – спросил Гамаш.

Он чуть сместился вправо, и теперь кровать находилась у него за спиной, а от Мэсси его отделяло всего несколько шагов.

Но Гамаш понимал, что, прежде чем он преодолеет это расстояние,

Клара умрет. Он надеялся, что и Питер понимает это. Несмотря на возраст, Мэсси сохранил силу и энергию. А вонзить острый нож в плоть не составляло труда.

– Не знал, конечно. Зачем говорить ему, что полотна, которые он переправляет туда-сюда, загрязнены асбестом? Неужели вы думаете, он стал бы этим заниматься? – Мэсси кинул быстрый взгляд на кровать. – Он сделал свое дело. Оставалось последнее, что мне от него требовалось.

– Переложить на него вину, – сказал Гамаш.

Краем глаза он видел Питера. Окаменевшего.

Превратившегося в камень. И желаемое, выданное за действительное.

Клара смотрела перед собой. На Питера.

А Питер смотрел на нее.

Мэсси же не сводил глаз с Гамаша.

– Да. И у меня почти получилось. Я прилетел сюда признаться в том, что теперь очевидно. Да, я загрязнял холсты асбестом. В старости, готовясь к встрече с Создателем, я исполнился чувства вины и раскаяния. И вот я прилетел просить у Себастьяна прощения. А потом собирался сдаться полиции. Но мой сообщник Вашон не мог этого допустить. Он не хотел нести ответственность. И потому убил Себастьяна, а потом и меня. И ведь мой план сработал. Ваш человек искал Вашона, собирался его арестовать. За убийство.

– Oui. Так я и думал вначале, – признал Гамаш.

– Почему же вы изменили мнение? – спросил Мэсси.

– Из-за картины.

– Какой картины? – Мэсси волновался все сильнее.

– Портрета из ежегодника. Все считали, что это автопортрет Нормана. Но они ошибались, верно? Это ваш портрет. Он увидел в вас ярость и страх. И этим усилил вашу ненависть к нему.

– Вы узнали меня на пристани. Я так и подумал. Я думал, меня узнает Клара. И когда она в такой спешке вышла из столовой, я не сомневался, что она идет сюда. К вам. Чтобы сообщить обо мне.

– И вы пошли за ней.

– Простите, Клара. – Профессор сильнее прижал ее к себе, дыша ей в ухо. – Вы шли быстрее, чем я рассчитывал. Я не успел вас догнать, прежде чем вы добрались сюда.

Его дыхание выровнялось. Он ждал, что Гамаш скажет что-нибудь, но тот хранил молчание.

– Я собирался сесть на самолет, – сказал Мэсси. – К сожалению, из-за шторма он не смог сюда прилететь. Поэтому мне пришлось ждать корабль.

Если бы не шторм, меня бы здесь уже не было. Сплошное невезение. И вот, когда пришел корабль, что произошло? Вы первым делом натолкнулись на меня.

– Вероятно, не лучший момент для вас, – заметил Гамаш, словно речь шла о вечеринке и человек с ножом был совершенно нормален.

Он хотел успокоить Мэсси. Заставить его увидеть ситуацию трезвым взглядом.

Старик явно пребывал в ужасе. А перепуганные животные бросаются вниз с утеса.

И Мэсси явно двигался к краю.

– Вы правы. Но потом вы ушли, и я решил, что я в безопасности. Тогда я стал думать о Кларе. И о ваших портретах. И как внимательно вы, вероятно, вглядываетесь в лица. – Он обращался к женщине, которую прижимал к груди, но смотрел на Гамаша. – Я знал, что если кто и узнает меня, то в первую очередь вы, Клара. Может, не сразу, но все равно узнаете. А когда вы выбежали из столовой, я понял: вы все знаете.

– Но она ничего не знала, – сказал Гамаш. – Она всего лишь хотела увидеть Питера.

Профессор только теперь начал понимать, что случилось. Если бы он остался на месте, если бы нервы не подвели его, он мог бы уйти. Ну а теперь он стоял здесь, держа нож у горла Клары Морроу.

– Слишком поздно, – сказал Гамаш. – Отпустите ее.

– Я много лет не брал в руки кисть, – проговорил Мэсси, словно не слыша Гамаша. – Ничего не писал. Одна пустота.

Он взглянул на Гамаша, и сердце бывшего главы отдела по расследованию убийств замерло. На него смотрело лицо с портрета. Дышащее ненавистью к тем, кто имел то, чего не имел он. И это были не холсты, покрытые красками, а дом, друзья и люди, для которых человек дороже его картин.

Гамаш чуть подался вперед. Нож Мэсси не дрогнул. Не опустился.

Профессор кинул быстрый взгляд на кровать.

Гамаш стрельнул глазами в Питера, предупреждая, чтобы он не шевелился. Пока Мэсси говорил, у них оставался шанс.

За спиной у Клары, позади Мэсси Гамаш заметил движение.

Кто-то шел к дому. Все еще находился далеко, но приближался.

Гамаш узнал походку, фигуру.

Бовуар.

Питер ничего этого не видел. Он смотрел только на Клару.

– Я люблю тебя, Клара, – тихо сказал он.

– Молчите, Питер, – остерег его Гамаш.

Он не знал, что способно подтолкнуть Мэсси к действию, но понимал, что это может быть любая мелочь.

– Я прошу прощения, – сказал Питер. Гамашу. Или Кларе.

Мэсси сильнее прижал к себе Клару. Это был человек, который ничего не имел и которому нечего было терять.

Он был смертью. И они все-таки добрались до Самарры.

Гамаш это понял.

Он перевел взгляд за плечо Мэсси и едва заметно кивнул. Но этого оказалось достаточно.

Увидев кивок, Мэсси слегка повернул голову. Гамашу ничего другого и не требовалось. Он прыгнул вперед в тот же момент, когда Клара нырнула вниз, уходя от ножа. Однако Мэсси успел ухватить ее за одежду.

Клара попыталась вырваться, но тщетно.

Нож двигался быстро и нанес удар.

Но не по Кларе. Не по Гамашу.

Питер, выдернувший Клару из опасной зоны, получил удар в грудь.

Гамаш пригвоздил Мэсси к стене, выбил нож из его руки и ударил с такой силой, что тот потерял сознание.

Арман быстро повернулся. Клара стояла на коленях рядом с Питером и прижимала руки к его груди. Гамаш сорвал с себя куртку, свернул ее, прижал к ране.

Бовуар пробежал последние несколько шагов. Молча оценил обстановку, развернулся и помчался назад по холму, туда, где можно найти помощь.

– Питер, Питер! – вскрикнула Клара.

Ее окровавленные руки нашли его пальцы и ухватили их, пока Гамаш пытался остановить кровотечение.

Питер смотрел широко раскрытыми, полными ужаса глазами. Губы его стремительно бледнели. Как и лицо.

– Питер, – прошептала Клара, глядя ему в глаза.

– Клара, – выдохнул он. – Прости…

– Ш-ш. Ш-ш. Сейчас придет доктор.

– Я хотел вернуться домой, – сказал он, сжимая ее руки. – Я написал…

– Ш-ш, – проговорила она и увидела, как задрожали его веки.

Она низко наклонилась, лицом к лицу, и зашептала ему на ухо, глядя в глаза:

– Ты на вершине холма в Трех Соснах. Ты видишь наш луг? Чувствуешь запах леса? Травы?

Он чуть кивнул, и взгляд его смягчился.

– Вот ты идешь вниз по склону. Видишь Рут. И Розу.

– Роза, – прошептал Питер. – Она вернулась?

– Она вернулась домой, к Рут. И ты вернулся домой. Ко мне. Вон Оливье и Габри машут тебе из бистро. Но пока не ходи туда, Питер. Видишь наш дом?

Взгляд Питера был устремлен куда-то вдаль. Паника ушла из его глаз.

– Пойдем по тропинке, Питер. В наш сад. Сядь рядом со мной в кресло. Я налила тебе пива. Я держу тебя за руку. Ты вдыхаешь запах роз. И лилий.

– Клара, – тихо произнес Гамаш.

– Ты видишь лес, слышишь, как журчит наша речушка Белла-Белла, – сказала Клара срывающимся голосом.

Она прижалась теплым лицом к его холодной щеке и прошептала:

– Ты дома.

Глава сорок первая

Питера Морроу хоронили в Трех Соснах. В часовне Святого Томаса собрались друзья, члены семьи – пели, рыдали, скорбели, отпевали.

Клара хотела произнести надгробную речь, но не смогла. Слова комком застряли у нее в горле. И тогда речь произнесла Мирна, держа Клару за руку.

После этого они снова пели. А потом пронесли прах Питера по деревне, посыпая землю там и тут. У реки, у бистро, под тремя огромными соснами.

Остатки разбросали в саду Питера и Клары. Чтобы Питер расцветал каждую весну в розах, лилиях и лаванде. И в старой корявой сирени.

На похоронах присутствовал Марсель Шартран. Он стоял сзади. Но уехал до начала приема.

– Долго добираться до дома, – объяснил он Гамашу, когда тот спросил, почему он уезжает так рано.

– Может быть, и нет, – сказал Арман.

Он стоял с Жаном Ги и Анри, а Рейн-Мари и Анни были по другую сторону часовни, рядом с Кларой.

– Возвращайтесь через год-другой, – посоветовал Гамаш. – Будет приятно вас увидеть.

Шартран покачал головой:

– Нет, не думаю. Со мной связаны плохие воспоминания.

– Клара никогда не забудет, – проговорил Гамаш. – В этом можно не сомневаться. Но исцелиться от страданий по потерянной любви можно только любовью. – Он посмотрел на Анри.

Шартран почесал пса за ухом и слабо улыбнулся:

– Вы романтик, месье.

– Я реалист. Клара Морроу не может провести всю жизнь в горести.

Когда Марсель уехал, Арман подошел к Рут, которая держала Розу и смотрела на чашу с пуншем.

– Не отваживаюсь попробовать, – сказала она. – Вдруг он без градусов.

– «Noli timere», – напомнил ей Гамаш, а когда она улыбнулась, спросил: – Вы знали?

– О профессоре Мэсси? Нет. Если бы знала, то не смолчала бы.

– Но вы боялись его, – сказал Гамаш. – Вы увидели в нем что-то такое, что вас испугало. Вот почему вы так мило вели себя с ним. Жан Ги это

почувствовал. Мы все решили, что он вам просто понравился, но Жан Ги предположил, что вы, вероятно, сразу же его возненавидели.

– Я его не возненавидела, – возразила Рут. – И вообще, как ты можешь доверять мнению трезвого человека?

– Однако Жан Ги оказался прав, верно? Может, вы его и не возненавидели, но страх присутствовал. Иначе откуда взялось «noli timere»? «Не бойся»?

– Пустой холст на мольберте – самое печальное, что я видела в жизни, – сказала Рут. – Художник, который потерял путь. Это чувство нарастает. Гнетет. Вот Бовуар, – она показала уткой в другой угол, где Жан Ги и Анни разговаривали с Мирной, – он олух царя небесного. А ты? – Она посмотрела на Гамаша оценивающим взглядом. – Ты идиот. А эта парочка? – Она посмотрела на Оливье и Габри, которые ставили еду на длинный стол. – Они просто клоуны.

Она снова посмотрела на Гамаша.

– Но вы все что-то собой представляете. А профессор Мэсси был ничто. Пустышка. Как его холст. Я ужаснулась, поняв это. – Она помолчала, вспоминая. – Что случилось с той картиной? Единственной, что осталась от профессора Нормана?

– С той, что вы видели в мастерской Мэсси? Это хорошая картина?

– Великая, – сказала Рут. – Истинная поэзия.

– Ее не смогли очистить от асбеста и уничтожили.

Рут опустила голову, потом снова подняла. Вздернула подбородок, посмотрела перед собой проницательным взглядом. Потом слегка поклонилась и похромала прочь. Встала рядом с Кларой.

«Noli timere», – подумал Гамаш, глядя на двух женщин. И Розу.

На следующее утро Арман сидел на скамье над деревней. Оливье и Габри помахали ему от бистро. Он махнул им в ответ.

Он смотрел на сосны, чуть покачивавшиеся на легком ветерке, и вдыхал терпкий запах леса, роз, лилий и крепкого кофе в кружке рядом с ним.

Гамаш откинул назад голову, почувствовал солнце на лице.

Рядом с ним спал Анри, держа мячик в пасти, из которой свешивался язык.

Пес чуть посапывал.

В руках Арман держал книгу с закладкой.

Клара подсела к нему на скамью. Они молча посидели бок о бок. Потом Клара откинулась назад, прикоснувшись спиной к словам, которые

кто-то недавно вырезал на скамье. Над строкой «Удивленные радостью» значилось: «Храбрый человек в храброй стране».

Клара посмотрела на горы, на мир, раскинувшийся за ними. А потом ее взгляд, как всегда, вернулся к тихой деревеньке в долине.

Рядом с ней Арман открыл «Бальзам в Галааде» на закладке, глубоко вздохнул и начал читать.

Клара держала в руке письмо. От Питера. Письмо, наконец-то добравшееся до Трех Сосен.

Распечатала его.

Благодарности

Писательство – занятие, требующее уединения, но, когда я пишу, близ меня вращается множество людей, происходит множество событий, различные воспоминания составляют мне общество. И более всего это относится к роману «Долгий путь домой».

Я здесь не собираюсь обсуждать темы или причины, почему я написала книгу именно так, а не иначе, но я хочу назвать несколько произведений и авторов, повлиявших на меня. «Сердце тьмы» Джозефа Конрада и «Одиссея» Гомера. И выдающаяся книга Мэрилин Робинсон «Галаад». А также старый спиричуэл «Бальзам в Галааде».

Как и всегда, меня вдохновляли пейзажи, история, география и природа Квебека. А в особенности мои путешествия по величественной реке Святого Лаврентия. Незабываемые берега залива Святого Лаврентия. Тамошние деревни и их обитатели. Я много путешествовала в жизни в качестве журналиста и частной персоны, но нигде не встречала такой абсолютной доброты, такой глубинной целостности, как в кухнях, на верандах и в гостиных этого побережья.

Спасибо вам, жители Маттон-Бея, Ла-Табатьера, Сен-Огюстена, Харрингтон-Харбора и многих других маленьких портов. Люди, которые просили так мало, а давали так много.

И еще мне повезло провести некоторое время в Шарлевуа, месте столь прекрасном, что не верится глазам. Сказав это, я должна признать, что Бэ-Сен-Поль моего романа имеет некоторое сходство с реальным городком. Надеюсь, что те из вас, кто жил в тех прекрасных краях или посещал их, простят мне известный художественный вымысел. А в особенности любезные владельцы ресторана «Ла Мюз» и галереи Кларенса Ганьона.

Я обязана этой книгой в большей степени, чем мне хочется признавать, моему великолепному редактору Хоупу Деллону в «Минотавр букс» / «Сен Мартинс пресс» (США). А также Эндрю Мартину, Саре Мельник, Полу Хочману, Кэсси Галант и Дэвиду Ротштайну.

В Соединенном Королевстве я в долгу перед мудрым советом, состоящим из моего редактора Люси Малагони и издателя Дэвида Шелли в «Литл, Браун».

Тысяча благодарностей Джейми Бродхерст и сотрудникам «Рейнкоуст букс» – они представили Гамаша со товарищи широкому кругу канадских читателей.

Многие из вас узнали обо мне через мой информационный бюллетень и веб-сайт. Их создала, выпускает и поддерживает удивительная Линда Лайал. Мы с ней сотрудничаем со времени выхода романа «Убийственно тихая жизнь», однако никогда не встречались. Я живу в Квебеке, а Линда – в Шотландии. Но мы связаны очень тесными узами, так же как и с теми коллегами, с которыми я встречаюсь чуть ли не каждый день.

Спасибо тебе, мой любящий друг Сьюзан Маккензи, за конструктивность, доброту, вдумчивое первое чтение.

Спасибо моему брату Дугу, тоже одному из первых читателей. Забавно: в детстве мне хотелось, чтобы он испарился куда-нибудь, а теперь я наслаждаюсь его обществом.

Огромная благодарность моей помощнице Лиз Дезросье, которая для меня гораздо больше, чем помощница. Сестра, друг, товарищ, наперсница. Merci, ma belle[105].

И наконец, Майкл, благодаря которому сбылись мои мечты. Он – мое сердце и мой дом.

Теперь мой черед, дорогой Майкл.

---

notes

Сноски

1

Да *(фр.)*.

2

Сестра Хелен Приджин (р. 1939) – католическая монахиня, известная своими выступлениями за отмену смертной казни.

3

Пирожки с кремом и шоколадом, квебекское лакомство.

4

Мой красавец *(фр.)*.

5

Фред Флинстон – персонаж мультипликационного фильма «Флинстоны».

6

Название канадского сыра с нежной корочкой, сделанного из свежих сливок.

7

Сорт мягкого сыра, сделанного из смеси коровьего и козьего молока с добавлением инжира и апельсинов.

8

Прошу прощения *(фр.)*.

9

Роберт Мэпплторп (1946–1989) – американский фотограф, известный, в частности, эротическими фотографиями цветов.

10

Мое сердце *(фр.)*.

11

Нет *(фр.)*.

12

«Бенджамин Мур» – американская компания, выпускающая краски.

13

Строки из сборника стихов «Утро в сожженном доме» канадской писательницы Маргарет Этвуд.

14

Ну вот, наконец-то *(фр.)*.

15

Привет *(фр.)*.

16

Здравствуй *(фр.)*.

17

Здесь обыгрывается английская пословица: «Когда жизнь дает тебе лимоны, приготовь лимонад», смысл которой в том, чтобы находить позитивное даже в негативных явлениях.

18

«Приветствие солнцу» – в йоге определенная последовательность утренних асан (поз).

19

Имеется в виду «Сказка о миссис Туфф» английской писательницы и иллюстратора Беатрис Поттер.

20

Дерьмом *(фр.)*.

21

Старичок *(фр.)*.

22

Название «Бальзам в Галааде» восходит к библейскому «Разве нет бальзама в Галааде?» (Книга пророка Иеремии, 8: 22).

23

Это правда *(фр.)*.

24

Цитата из книги Мэрилин Робинсон «Галаад».

25

Имеется в виду один из холмов Рима, на котором, по преданию, римский император Гонорий увидел вражескую армию вестготов, захвативших Рим.

26

Как поживаете? *(фр.)*

27

Правда? *(фр.)*

28

Восточная окраина Монреаля до недавнего времени считалась бедной окраиной города.

29

В конце пьесы «Шеппи».

30

«ТД Бэнк Тауэр» – офисный центр в Торонто. Консультантом проекта этого небоскреба был архитектор Людвиг Мис ван дер Роэ, немецкий архитектор-модернист.

31

«Вейпораб» – согревающая мазь для растирания при простуде.

32

Моя красавица *(фр.)*.

33

Отлично. Спасибо *(фр.)*.

34

Жак Клузо – старший инспектор полиции, главный герой серии комедий о «розовой пантере».

35

Фасолина *(англ.)*.

36

Цветовой круг – способ представления цветов видимого спектра в форме круга, разделенного на сектора.

37

Лось Буллвинкль – персонаж мультипликационного телесериала, выходившего в 1959–1964 гг.

38

Ну тогда конечно *(фр.)*.

39

Фрэнсис Бэкон (1561–1626) – английский политик и философ. *Фрэнсис Бэкон* (1909–1992) – английский художник-экспрессионист.

40

Жорж Эжен Осман, известный и как барон Осман (1809–1891) – французский политик, градостроитель, во многом определивший современный облик Парижа.

41

Ман Рэй (1890–1976) – французский и американский художник и кинорежиссер.

42

Рут имеет в виду высказывание Роберта Фроста: «Стихотворение начинается как комок в горле».

43

Имеется в виду «Завтрак на траве».

44

Из поэмы «Потерянный рай» Джона Мильтона.

45

Шоколадной булочки *(фр.)*.

46

Старший волонтер *(фр.)*.

47

Боже мой *(фр.)*.

48

Я говорю по-французски *(фр.)*.

49

Пиньята – мексиканская игрушка крупных размеров из папье-маше, воспроизводит фигуры животных (обычно лошадей) или геометрические фигуры, которые наполняются различными угощениями или сюрпризами для детей.

50

Точка *(фр.)*.

51

Правильно *(фр.)*.

52

Канадское ругательство.

53

«Цветок Шотландии» – патриотическая народная песня, неофициальный гимн Шотландии.

54

«Сад космических размышлений» – сад скульптур, созданный ландшафтным архитектором Чарльзом Дженксом в Шотландии близ городка Дамфрис. Мысль о создании сада была навеяна идеями космологии.

55

Стоунхендж – известное каменное неолитическое сооружение в Англии. *Брин Кадер Фанер* – выложенный камнями древний круг близ небольшой деревни Талсарнау в Уэльсе.

56

Следовательно *(лат.)*.

57

Аллюзия на «Алису в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла: «Случалось, что до завтрака я успевала одним махом поверить в шесть невероятных вещей» (перевод В. Орла).

58

Аллюзия на «Алису в Стране чудес» Льюиса Кэрролла: сказка начинается с того, что Алиса проваливается в кроличью нору.

59

Пережитый Павлом (тогда еще Савлом) на пути в Дамаск опыт встречи с воскресшим Христом привел к его обращению и стал основанием для апостольской миссии.

60

Имеется в виду 27-й американский президент Уильям Говард Тафт (1857–1930).

61

Мини-маркеты *(фр.)*.

62

На самом деле известная компания «Цирк солнца» («Cirque du Soleil») была основана в Монреале.

63

Като – персонаж сериала «Зеленый шершень», напарник главного героя. Обладает способностью замедлять время в опасных ситуациях.

64

До свидания *(фр.)*.

65

Да, старший инспектор *(фр.)*.

66

Поселенец *(фр.)*.

67

Корнелиус Дэвид Кригхофф (1815–1872) – канадский художник, более всего известен пейзажами, зимними сценами. *Жан Поль Лемье* (1904–1990) – один из самых известных квебекских художников XX в.

68

Томас Джон Томсон (1877–1917) – известный канадский художник, умер при таинственных обстоятельствах.

69

Алгонкинский провинциальный парк – особо охраняемая природная зона в провинции Онтарио.

70

Конечно *(фр.)*.

71

Намерение обвиняемого *(лат.)*.

72

Не стоит благодарности *(фр.)*.

73

Английское «No Man» переводится как «Никто».

74

Из стихотворения Редьярда Киплинга «Победители» (перевод Э. Ермакова).

75

Извините *(фр.)*.

76

Аннекс – район в центральной части Торонто.

77

Не бойся *(лат.)*.

78

Викторина Мёран – французская художница и музыкант, любимая натурщица Эдуарда Мане. *Джоанна Хиффернан* – с 1861 по 1868 г. натурщица художников Джеймса Уистлера и Гюстава Курбе.

79

Безусловно *(фр.)*.

80

Здесь: и то правда *(фр.)*.

81

Нет, это невозможно *(фр.)*.

82

Будь добра *(фр.)*.

83

Муза. Не музы *(фр.)*.

84

Ужасный ребенок *(фр.)*.

85

Франкоканадское ругательство.

86

Симус Джастин Хини (1939–2013) – ирландский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе 1995 г.

87

В 1804–1806 гг. состоялась первая сухопутная экспедиция через североамериканский континент из Сент-Луиса к тихоокеанскому побережью и обратно. Экспедицию возглавили Мериуэзер Льюис и Уильям Кларк.

88

Дин Мартин и Джерри Льюис – американский комедийный дуэт, выступавший в 1945–1955 гг.

89

Речь идет о трагическом эпизоде переселения американских первопроходцев под предводительством Джорджа Доннера на Запад, в ходе которого 44 человека погибли от голода в горах Сьерра-Невады зимой 1846/47 г. Считается, что отрезанные от внешнего мира люди практиковали каннибализм.

90

Пожалуйста *(фр.)*.

91

Я здесь *(фр.)*.

92

Лодка *(фр.)*.

93

Но вы правы *(фр.)*.

94

Слова из английской морской песни, аналога русской песни «Эй, ухнем».

95

Тайна это великая: после трех ночей волк снова завыл *(фр.)*.

96

Индейская песня с элементами джаза.

97

Фраза из романа Германа Мелвилла «Моби Дик»: «„Вон фонтан! вон! вон! вон опять! опять!“ – протяжно и размеренно кричал он в лад с размеренными взлетами китовой струи».

98

Вероятно, имеется в виду песня Робби Рокса «Have You Ever Been To Sea, Billy?».

99

Жак Картье (1491–1557) – французский путешественник, первый европеец, составивший карту залива Святого Лаврентия и берегов одноименной реки.

100

Гравол (дименгидринат) – препарат, применяемый для предупреждения и купирования проявлений морской болезни.

101

Талидомид – средство, применявшееся в 1956–1962 гг. как седативное снотворное и ставшее причиной рождения около 10 000 детей с врожденными уродствами.

102

Рад познакомиться *(фр.)*.

103

Жан Артур Беливо (1931–2014) – знаменитый канадский хоккеист, игравший за «Монреаль Канадиенс».

104

Старина *(фр.)*.

105

Спасибо, моя красавица *(фр.)*.